

Е. И. Клементьев

**ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
В КАРЕЛИИ
НА ПРИМЕРЕ КАРЕЛОВ, ВЕПСОВ, ФИННОВ**

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Е. И. КЛЕМЕНТЬЕВ

**ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ
НА ПРИМЕРЕ КАРЕЛОВ, ВЕПСОВ, ФИННОВ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Петрозаводск
2013

УДК 81: 002.2(470.22)
ББК 81(2Рос.Кар)
К48

Рецензенты:

кандидаты исторических наук А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова

Научный редактор:

кандидат исторических наук А. А. Кожанов

К48 **Клементьев Е. И.** Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов. Сборник статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 195 с.

ISBN 978-5-9274-0591-6

В сборнике представлены опубликованные и неопубликованные авторские статьи, посвященные анализу условий и факторов развития языковых процессов у карелов, вепсов и финнов, начиная с конца 1950-х годов вплоть до начала 2000-х годов.

Для исследователей истории Карелии, преподавателей, студентов и широкого круга читателей.

УДК 81:002.2(470.22)
ББК 81(2Рос.Кар)

ISBN 978-5-9274-0591-6

© Клементьев Е. И., 2013
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2013
© Карельский научный центр РАН, 2013

ОТ РЕДАКТОРА

Издание настоящего сборника приурочено к 75-летию Евгения Ивановича Клементьева, карельского этнографа и этносоциолога, известного не только в республике, но и далеко за ее пределами. В него вошли работы, как уже публиковавшиеся ранее, так и подготовленные к печати, но по разным причинам не опубликованные, а также написанные специально для данного сборника. Собранные воедино, они отражают картину развития языковых процессов в Карелии в XX и начале XXI века.

К проблеме функционального взаимодействия языков Е. И. Клементьев обратился уже в первой своей статье во время работы над кандидатской диссертацией по этносоциологии. Эта тема получила дальнейшее развитие в следующих статьях, опубликованных в 1970-е годы в журнале «Советская этнография» (ныне «Этнографическое обозрение»). Написанные с учетом цензурных ограничений того времени, они, благодаря приводимым автором фактам, давали читателю вполне ясное представление о перспективах развития карельского языка (и карельского этноса в целом) в условиях его бесписьменного существования. Нынешнему читателю трудно представить, что судьба одной из статей была под вопросом из-за использования в ней термина «ассимиляция» к конкретному народу, к карелам Карелии, аргументированное огромным фактическим материалом. Тогда это расценивалось чуть ли не как вызов официальной советской политике «сближения наций и народностей СССР».

Не будет преувеличением сказать следующее. Работы Е. И. Клементьева расширили исследовательский диапазон карельской темы: он практически первым обратился к изучению современной жизни своего родного народа.

Чем бы ни занимался Е. И. Клементьев в последующие годы, языковая проблематика оставалась одной из основных в его научном творчестве. Со второй половины 1980-х годов он начинает заниматься популяризацией научных знаний, активно включается в общественную и законотворческую деятельность, направленную на поддержку и развитие не только карельского, но и вепсского и финского языков: выступает в республиканских СМИ, входит в актив «Общества карельской культуры» (ныне «Союза карельского народа»), разрабатывает проект закона о языках Карелии. Статьи сборника дают представление об этих сторонах его деятельности.

Вошедшие в сборник работы последних лет несут отпечаток внутренней борьбы автора. Как исследователь, он не может не понимать неизбежного, но как представителю своего народа ему с этим смириться трудно. Может быть поэтому автор порой пытается обойти, смягчить наиболее болезненные проблемы, такие как вытеснение карельского языка из семейного общения среднего и младшего поколения карелов. Отсюда его пристальное внимание к национальной школе, преувеличение ее роли как заменителя семьи в языковом воспитании детей, этим же объясняется и резкая критика республиканских властей, ответственных за ее развитие.

Но вступать в полемику с автором не хочется потому, что за пристрастными оценками стоит искренность неравнодушного человека, которая придает особый смысл публикуемым текстам.

Возможно, для обсуждения поднятых в статьях сборника вопросов более подходящим был бы жанр монографии. Статья – не глава монографии, каждая, даже если она писалась специально, представляет самостоятельное произведение. Неизбежны повторы, изменения в акцентах и оценках, вызванные временем. Наверное, можно было бы переписать некоторые из них заново. Но здесь принципиальная позиция автора – он не отказывается ни от одного написанного им слова, а оценку его творчеству читатели сделают самостоятельно.

А. А. Кожанов

Я хочу выйти в глобальный мир не как человек,
лишенный родины, но со своей самобытностью.
Наш родной язык является основным инструментом
и залогом нашей самобытности.

Индри Монтанелли

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнедеятельность языков, их функционирование в различных сферах и средах, возможности их развития и использования определяются теми разнохарактерными условиями, в которых они бытуют, используются и развиваются. Межэтнические языковые контакты являются неотъемлемой составной частью взаимоотношений народов. Сложное сочетание исторических (длительность контактирования народов, общность их исторических судеб, «климат» межэтнических взаимоотношений), общественно-политических (государственная политика как политика равенства, патернализма или дискриминации), социально-экономических факторов (уровень, темпы экономического развития, развернутость социальной структуры), развитость или отсутствие профессионального слоя культуры, статус взаимодействующих языков, генеалогическая близость языков и другие условия предопределяют, с одной стороны, сохранение народом своей языковой индивидуальности, с другой – скорость, масштабы и глубину этноязыковых перемен как результат межэтнических контактов и взаимодействий¹.

Перечисленные выше условия, взаимодействующие и дополняющие друг друга, представляют собой две большие группы факторов – макрофакторов (политика, экономика, социальная, этнокультурная среда и другие) и микрофакторов (особенности расселения по районам, национальный состав различных этнических сред, языковые и демографические характеристики этнических групп и другие).

Особо отметим влияние государственной языковой политики на подвижность языковой ситуации и результаты языковых взаимодействий. В советский период отечественной истории, когда государственная национальная политика определялась КПСС, языковую политику исследователи справедливо считали частью партийно-государственной политики в сфере межнациональных отношений².

¹ Губогло М. Н. Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе // История СССР. 1970. № 6; *Его же*. Социально-этнические последствия двуязычия // СЭ. 1972. № 2; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. Глава 4; Брук С. И., Губогло М. Н. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе // История СССР. 1974. № 4; *Они же*. Двуязычие и сближение наций в СССР (По материалам переписи населения 1970 г.) // Советская этнография. 1975. № 4; Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984; *Его же*. Проблемы языковой политики: теория и практика // Ресурсы мобилизованной этничности. Уфа, 1997; *Его же*. Языки этнической мобилизации. М., 1998; *Его же*. Русский язык и толерантность. М., 2003; *Его же*. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М., 2004; Губогло М. Н., Сафин Ф. Г. Принудительный лингвизм. Социологические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы. М., 2000; Аврорин В. А. Языковая ситуация как предмет социальной лингвистики // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1973. № 11. Вып. 3; Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978. № 2; Баскаков А. Н., Крючкова Т. Б. Развитие общественных функций языков в условиях двуязычия // Национально-языковые отношения в СССР: состояние, перспективы. М., 1989; Алпатов В. М. Языковая политика в СССР: 1913–1991 // Res Linguistica. Сборник статей. К 60-летию доктора филологических наук, профессора В. М. Нерознака. М., 1999; Аюпова Л. Л., Гарипов Т. М., Ураксин З. Г. Этнолингвистическая ситуация в Республике Башкортостан // Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992; Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992; Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994; Васикова Л. П. Языковая ситуация в Мари Эл: современное состояние и направления развития // Социоллингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1996; Илишев И. Г. Проблемы языковой политики: теория и практика // Ресурсы мобилизованной этничности. М.; Уфа, 1997; *Его же*. Язык и политика в многонациональном государстве. Уфа, 2000; Сафин Ф. Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М., 2000; Исхакова З. А., Зинурова Р. И., Мусина Р. Н. Современная языковая ситуация в Республике Татарстан. Казань, 2002 и др.

² Исаев М. И. Социоллингвистические проблемы языков народов СССР (Вопросы языковой политики и языкового строительства). М., 1982; *Его же*. Языковая политика в условиях активного билингвизма // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994.

По мнению авторитетного исследователя общих проблем языковых ситуаций, языковых процессов и межнациональных языковых взаимодействий Л. Б. Никольского, под языковой политикой следует понимать совокупность мер, регулирующих взаимоотношения функционирующих на определенной территории языков³.

Языковая политика нередко рассматривается исследователями в двух аспектах – как процесс функционального регулирования развития языков (социологическая сторона) и как процесс структурного развития языков (лингвистическая сторона)⁴.

Конкретизируя социологический подход к изучению языковой политики, больше внимания обращают на социальную обусловленность языкового развития, другие активнее изучают языковую компетентность и речевое поведение различных групп населения, третьи выявляют оценки билингвами результатов языковых взаимодействий⁵.

Воздействие языковой политики на языковые процессы, как известно, может содействовать сохранению и развитию языков и, напротив, может способствовать сужению сфер их функционирования до узкого круга внутрисемейного общения, а затем и его естественного исчезновения. Языковая политика, являясь мощным инструментом планомерного общественного воздействия на языковую ситуацию, влияет не только на развитие общественных функций языков, но и внутривидовые языковые изменения⁶.

Совокупное влияние этих факторов предопределяет изменчивость ситуации, динамичность моделей языкового поведения, задавая в конечном итоге скорость, масштабы и глубину этноязыковых перемен, включая их этнопсихологический аспект – языковую и этническую идентификацию.

В понятие «языковая ситуация» исследователи вкладывают различное содержание. Одни считают языковую ситуацию составной частью теории национальных отношений, направленной на познание условий, сфер и сред функционирования языков (В. А. Аврорин, Н. Б. Мечковская), другие рассматривают ее как модель социально-функционального распределения и иерархию социально-коммуникативных языковых систем (А. Д. Швейцер). Третьи полагают, что языковая ситуация – это распространение языков в этнорасселенческом аспекте (Л. Б. Никольский), для четвертых она – это воздействие различных социолингвистических переменных на условия функционирования языков (Л. Л. Аюпова), для пятых (П. И. Пучков) – часть этнополитической ситуации, которая предопределяет развитие языковых процессов и т. д.⁷

Языковая политика и сложившаяся языковая ситуация в комплексе с другими условиями (факторами) находят свое отражение в языковых процессах. Под языковыми процессами вслед за другими исследователями нами понимаются (имея в виду его этносоциологический аспект) процессы функционирования и взаимодействия различных языковых систем в самых различных сферах жизни⁸.

Языковая компетенция, независимо от того, приобретена ли она путем непосредственных или опосредованных контактов, является основой речевой деятельности – употребления того или иного языка или одновременно двух языков в социальной практике. Этносоциологический аспект изучения языковых процессов ориентирован на изучение речевого поведения представителей различных этнических групп населения и языковых ориентаций, т. е. психологических последствий языковых взаимодействий в этническом аспекте.

³ Никольский Л. Б. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество. М., 1968. С. 114; *Его же*. Роль языка и языковая политика в афро-азиатских странах // Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1927. С. 25.

⁴ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны развития языка. Л., 1975.

⁵ Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. С. 15–29.

⁶ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975. С. 175–192.

⁷ См.: Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975. С. 120; Аюпова Л. Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект. Уфа, 1983. С. 23; Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1994; Гак В. Г. Аспекты языкового регулирования // Национально-языковые проблемы СССР и зарубежные страны. М., 1990; Герд А. С. Языковая политика // Возрождение культуры России: язык и этнос. Вып. 3. СПб., 1995; Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976. С. 133–135; Никольский Л. Б. Особенности языковой ситуации в многонациональных афро-азиатских странах // Народы Азии и Африки. 1982. № 4. С. 49; Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании. М., 1983. С. 3.

⁸ См. подробнее: Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984. С. 7, 17, 25.

Язык, будучи одним из важнейших признаков, обеспечивающих жизнеспособность и устойчивость этнического образования, по праву занимает важное место в структуре национального самосознания⁹.

Этнические функции языка вырабатываются историческим опытом народа, закрепляя в языке всю совокупность реальных и абстрактных понятий, возникающих в результате специфических особенностей трудовой, общественной и культурной жизни народа. Язык, наряду с другими факторами, сильнейшим образом вовлекается в процесс социализации и развития личности, сохранения, развития этнического образования и внутриэтнического единения¹⁰.

Язык раннего детства, на основе которого происходит ранняя социализация личности, осознается как «родной язык». Будучи этническим определителем, он «работает» и как фактор внутриэтнической консолидации, и как этноизолирующий фактор, ограничивающий одну этническую группу от другой. Месту и роли родного языка в развитии этнического объединения посвящена огромная литература¹¹.

При анализе языковой ситуации и языковых процессов мы исходим из посылки, что этническая среда является составной частью социальной среды как системы условий, поддерживающих или не поддерживающих устойчивость этнического образования и его языка. В то же время этническая среда является основой информационной системы коммуникации, в которой живет язык. Этническая среда задает плотность внутриэтнических и межэтнических связей. Плотность этих связей, определяя функциональную нагрузку взаимодействующих языков, является важным показателем направленности языковых перемен.

Степень сохранности национальной специфики в различных типах этнических сред варьирует у любого этноса. В «своей» одноплеменной среде условия и возможности воспроизводства и функционирования национально-самобытных культурных черт и языкового поведения наиболее благоприятные. Этническая среда «прежде всего поддерживает традиционные механизмы решения проблемы коллективного существования и сосуществования»¹².

Формирование этнически неоднородных сред влечет за собой выработку иных механизмов социально-экономической, культурной и языковой адаптации. Этнически разнородные среды,

⁹ Клементьев Е. И., Пименов В. В. Язык, контакты и элементы этнической идентификации // Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго; М., 1973; Дробизева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5; Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания. М., 1988; Егоров Е. Психологическое исследование этнической идентичности в условиях этнической напряженности // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации в начале 1990-х годов. М., 1994; Дробизева Л. М., Аклаев, Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации начала 90-х годов. М., 1996; Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1999; Егоров Е. Идентификация идентичностей. Этносоциологические очерки. М., 2003.

¹⁰ См. например: Леонтьев А. А. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты // Язык и общество. М., 1968. С. 102–104; Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968. С. 124–130. См. также: Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). М., 1975. С. 33–52.

¹¹ См., например: Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951; Советкин Ф. Ф. Родной язык учащихся – основа преподавания в национальной школе // Научная сессия по вопросам преподавания русского языка и родных языков в национальной школе. Уфа, 1959; Михайлов М. М. Двужычие (принципы и проблемы). Чебоксары, 1969; Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972; Аврорин В. А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972; Егоров Е. Проблема изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975; Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этносы и этнические процессы как предмет исследования // Этнические процессы в современном мире. М., 1987; Аюпова Л. Л. Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии. Свердловск, 1988; Карпинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата, 1990; Нерознак В. П. Современная этноязыковая ситуация в России // Известия РАН. Серия языка и литературы. 1992. Т. 51, № 5; Майоров А. П. Социальный билингвизм и языковое пространство. Уфа, 1998; Панина Л. С. Язык – «пространство», в котором он живет и устанавливает социальные контакты (К проблеме двуязычия, многоязычия и родного языка в многонациональном регионе) // Этнопанорама. 1999 и др.

¹² Степанов В. В. Теории этноэкологической экспертизы // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 76.

формирующиеся в зависимости от изменения социально-экономических условий, миграцией населения, подвергают этнические, в том числе языковые характеристики человека или группы, наиболее динамичным переменам¹³.

Наращивание плотности, частоты и объема межнациональных контактов затрудняет и ограничивает межпоколенную передачу этнокультурных и языковых традиций в прежних объемах. В условиях инонационального окружения «давление» на языковое поведение проявляется наиболее рельефно.

Чем больше численность одного народа преобладает над численностью другого народа, тем чаще и быстрее население осваивает язык другого народа, т. е. приобретает навыки двуязычного поведения. Выбор модели языкового поведения определяет компактность или дисперсность расселения, национально-смешанная брачность, состояние и направленность демографических изменений в структуре этнического образования.

Редкое общение на языке «своей» национальности может привести к его забвению, вызвать (и вызывает) сильные изменения в языковом поведении, национально-культурных ориентациях и т. д., трансформируя в конечном итоге всю структуру национального самосознания. Кардинальная «ломка» этнических сред, сопровождаемая утратой культурных и языковых традиций, нередко приобретает необратимый характер. Такой процесс развивается особенно быстро у тех народов, которые не имеют своей письменности, развитого фонда профессиональной культуры. А «утрачивая язык, народ перестает психологически осознавать свою идентичность, культурную исключительность, самобытность и пополняет количественно другие, мажоритарные этносы»¹⁴.

Социально-экономические факторы вызвали массовые «приливы» разноязычных «волн» населения, коренным образом перестраивающие традиционную структуру этнических сред Карелии. Миграционные потоки, связанные с освоением новых территорий, природных ресурсов, превратились в сильнейший фактор, регулирующий масштабы и темпы этнокультурных и этноязыковых перемен. Миграция местного населения за пределы традиционных мест расселения приводила к ослаблению плотности и мощности этнокоммуникативной базы, к разрыву исторически сложившихся внутриселенных и межселенных, внутрисемейных и межсемейных, соседских, дружеских и т. д. связей. В условиях иноэтнического окружения происходила и происходит довольно быстрая языковая переориентация и в речевом поведении, и в психологическом аспекте.

Важную роль в поддержании навыков родной речи играет не только численное соотношение взаимодействующих народов, но и «климат» в межнациональных отношениях. Жесткая оппозиция «мы» – «они» проявляется в недоверчивости, подозрительности, враждебности, вплоть до возникновения конфликтных ситуаций. «Мягкая» оппозиция, когда осознается разница между «нами» и «ими» в языке, одежде, привычках, манере поведения и т. д., не является препятствием для добрососедских, дружеских связей, национально-смешанных браков и т. д.

* * *

В настоящем сборнике представлены опубликованные и неопубликованные авторские статьи, написанные за последние сорок лет. Их объединяет одна общая проблематика – вопросы государственной языковой политики в Карелии, состояние и изменения языковой ситуации, трансформирующейся в результате воздействия совокупности факторов. Особое внимание уделяется этнопсихологическим аспектам межэтнического общения, а именно проблеме выбора прибалтийско-финскими народами родного языка. Результаты языковых перемен фиксируются различными показателями количественного и качественно порядка.

Тенденции развития языковых процессов исследуются практически от начального этапа распространения среди прибалтийско-финских народов Карелии национально-русского двуязычия

¹³ См. подробнее: Губогло М. Н. О влиянии расселения на языковые процессы // Советская этнография. 1969. № 5. С. 16–30; Его же. Опыт предварительной типологии этнических сред для экспериментального исследования этнолингвистических процессов // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971; Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001. С. 45.

¹⁴ См. подробнее: Нерознак В. П. Указ. соч. С. 16–28.

«вширь» (увеличения численности говорящих на русском языке) до возникновения массовых расхождений между национальной принадлежностью и родным языком (распространения языковой ассимиляции «вглубь»), от начала XX столетия до наших дней.

Источниковую базу статей составили документы и материалы органов исполнительной и законодательной властей, международные нормативно-правовые акты, данные переписей населения, социологических исследований, статистики и т. д.

Автор надеется, что, несмотря на обилие в статьях статистических данных, иногда повторяющихся, они не станут серьезной преградой для восприятия основных положений, а, напротив, позволят читателю шире представить этнопанораму языковых процессов в количественно-качественных измерениях.

Пользуясь случаем, автор выражает признательность сотрудникам сектора этнологии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, членам Ученого совета Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, высказавшим при обсуждении сборника ряд ценных предложений. Неоценимую помощь при подготовке работы к печати оказали автору критические замечания и советы рецензентов кандидатов исторических наук А. А. Кожанова и З. И. Строгальщиковой. Искренние слова благодарности автор приносит Н. Л. Шибановой, оказавшей техническую помощь в подготовке сборника к изданию.

Автор надеется, что работа найдет читателя, заинтересованного в понимании проблем языкового развития прибалтийско-финских народов Карелии.

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ НАРОДЫ КАРЕЛИИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСИ 1959 ГОДА

Переписи населения представляют собой мощный источник различных сведений, позволяющий воссоздать ряд существенных социально-этнических черт народа на конкретный исторический момент времени по серии социально-демографических, культурно-образовательных, этноязыковых и иных характеристик. Наряду с фиксацией численности населения, пола, возраста, семейного положения, уровня образования, занятости и т. д., в переписном листе 1959 года регистрировались такие важные этнические маркеры как «национальность» и «родной язык».

В настоящей статье основное внимание уделяется динамике численности и этнического состава населения Карелии, вопросам расселения карелов, вепсов и финнов в различных социальных средах (город, село), выборе ими родного языка в зависимости от их расселения и возрастных характеристик.

Динамика численности и этнического состава населения Карелии

Великая Отечественная война 1941–1945 годов привела к колоссальным потерям населения, особенно мужского, вызвав сильнейшие диспропорции в возрастно-половой структуре народов (на 100 женщин приходилось 35 мужчин). К концу 1944 года общая численность населения республики была в три с лишним раза меньше довоенного уровня (196,9 тыс. чел.). Карельская деревня за годы войны потеряла примерно половину всего населения, численность трудоспособного населения в колхозах сократилась более чем в два раза (с 60 до 28 тыс. чел.). К началу 1946 года предприятия Наркомлеса республики были обеспечены рабочей силой примерно на 50 % от расчетных потребностей. В первую послевоенную пятилетку лесная отрасль вступала, имея в составе рабочих кадров почти 53 % сезонников¹.

Восстановление разрушенного войной хозяйства, первые шаги в становлении лесной индустрии и других отраслей промышленности нуждались в огромных людских ресурсах, материальных и финансовых затратах.

В первые послевоенные годы население Карелии пополнялось главным образом за счет эвакуации местного населения, демобилизации воинов советской армии и приезда репатриантов. В последующем огромную роль в формировании трудовых ресурсов республики сыграл приток уроженцев из центральных областей России, Украины, Прибалтики, Мордовии, Татарии, Чувашии и других республик. Значительная белорусская прослойка сформировалась практически во всех районах Карелии, особенно западных, – районах традиционного расселения карелов. Постановлениями Совета Министров СССР 1949 года «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР» и «Об увеличении темпов механизации лесозаготовительных и лесосплавных работ и повышения труда рабочих, занятых в лесозаготовительной промышленности» разрешалось привлекать в лесную промышленность Карелии финнов-ингерманландцев, планировалось обеспечить леспромхозы руководящими и инженерно-техническими кадрами для внедрения передовых методов труда и внедрения технологической дисциплины². С принятием этих постановлений, по неполным данным, в конце 1940 – начале 1950-х годов в республику приехало более 21 тыс. ингерманландских финнов, составивших примерно половину всех переселившихся в республику. Это была четвертая, наиболее мощная волна притока в республику финского населения³. Мигрировала в республику и часть тверских карелов.

¹ См. подробнее: *Покровская И. П.* Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 98, 105, 107–108; *Макуров В. Г.* Развитие лесной промышленности Европейского Севера в послевоенный период (1946–1955). Петрозаводск, 1979. С. 10; *Его же.* Трудящиеся Европейского Севера СССР в борьбе за подъем лесной промышленности (1946–1958). С. 22, 44–45; *Клементьев Е. И., Кожанов А. А.* Сельская среда и население Карелии. Историко-социологические очерки. 1945–1960 гг. Л., 1988. С. 15–37; *История Карелии с древнейших времен до наших дней.* Петрозаводск, 2001. С. 685–687.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 137–141.

³ О формировании финского населения в Карелии см. подробнее: *Такала И. Р.* Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 92–103; *Takala I.* Venäjän-Karjalan suomalaisten kohtaloita // Historialinen sikauskirja. 1991. N 1. S. 42–48. *Такала И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930 годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории (Сборник статей и докладов). Петрозаводск, 1992. С. 150–175; *Лаврушина И. В.* Из истории появления североамериканских финнов в Карелии в начале 1930-х годов // Там же. С. 176–189; *Такала И. Р.* В поисках Эльдorado. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993; *Jevgeni Klementjev.* Yksityistämisen seurakset ja arkipäivän selviytyminen transitiiossa // Koivuselkä – maysatyokylä Venäjän Karjalassa. Joensuu, 1998. S. 86–103.

До середины 1950-х годов миграция давала около 70 % прироста населения. За 1949–1953 годы трудовые ресурсы лесозаготовительных предприятий пополнились примерно на 56 тыс. чел. Ежегодно в колхозы и совхозы переселялось от 2,5 до 8,5 тыс. чел. К 1954 году довоенная численность населения (606,3 тыс. чел.) была восстановлена. К 1959 году по сравнению с 1939 годом общая численность населения Карелии возросла почти на 40 %⁴. Повышенный удельный вес в миграционном потоке мужского населения, улучшив половозрастную структуру, существенно повысил коэффициент рождаемости (в 1950–1954 годах он был на 38–45 % выше общесоюзного показателя).

Таблица 1

Национальный состав населения Карелии, 1959 год

Национальности	Городское население		Сельское население		Городское и сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	296774	72,5	115999	48,0	412773	63,4
%		71,9		28,1		100
Карелы	26508	6,5	58965	24,4	85473	13,1
%		31,0		69,0		100
Финны	19964	4,9	7865	3,3	27829	4,3
%		71,7		28,3		100
Вепсы	3623	0,9	3556	1,5	7179	1,1
%		50,5		49,5		100
Белорусы	34560	8,4	37340	15,4	71900	11,0
%		48,1		51,9		100
Украинцы	15177	3,7	8492	3,5	23569	3,6
%		64,4		35,6		100
Татары	1781	0,4	911	0,4	2692	0,4
%		66,2		33,8		100
Чуваши	652	0,2	926	0,4	1578	0,2
%		41,3		58,7		100
Литовцы	1096	0,3	1740	0,7	2936	0,5
%		37,3		62,7		100
Латыши	292	0,07	139	0,06	431	0,07
%		67,7		32,3		100
Эстонцы	412	0,1	176	0,07	588	0,09
%		70,1		29,9		100
Мордва	1004	0,2	424	0,2	1428	0,2
%		70,3		29,7		100
Прочие	15019	3,7	5197	2,1	20216	8,4
%		74,3		25,7		100
Всего	409616	100	241730	100	651346	100
%		62,9		37,1		100

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 128/1390; Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 17–23.

Массовый приток в Карелию этнически разнородного населения из различных регионов страны полностью трансформировал этнический облик республики, особенно ее сельской среды⁵, превратив ее из региона с преобладанием русско-карельского, русско-вепсского населения в многонациональный край. Процесс урбанизации сельской среды развивался на фоне стремительного сокращения численности сельских населенных мест: с 1939 года по 1959 год она сократилась с 2973 до 1553, т. е. в 1,9 раза. К концу 1950-х годов в сельской местности сформировалось около 40 вариантов различных этнических сред. В связи с массовым строительством лесных поселков (к 1957 году их было построено 324) «урбанизация» сельской среды, приняв

⁴ Правда. 1940. 29 апреля; Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 4–10; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1953. С. 132–133, 314; НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 3/13. Л. 1–5.

⁵ См. подробнее: Пименов В. В., Тароева Р. Ф. Этнические процессы в Советской Карелии // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 214–247; Кожанов А. А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенные годы // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 5–20; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Указ. соч. С. 6–25; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 662–663, 671, 673, 685–686.

необратимый характер, положила начало формированию новой расселенческой системы, в которой центрами притяжения различных этнических групп населения стали крупные лесные и железнодорожные поселки⁶.

В этот мощный миграционный поток активно вовлекались и прибалтийско-финские народы: по сравнению с 1939 годом численность карелов в городском населении увеличилась в 2,4 раза (с 11101 до 26508 чел.), вепсов – в 1,6 раза (с 2884 до 3623), финнов – в 5,9 раза (с 3379 до 19964 чел.). В начале 1959 года в городах и поселках городского типа проживали 71,7 % финнов, 50,5 % вепсов, 31 % карелов (табл. 1).

Из 26508 карелов-горожан (31,1% от общей численности карелов), самая многочисленная группа проживала в г. Петрозаводске (7701 чел. или 29,1 % всех карелов-горожан).

Возросла и миграционная подвижность вепсов: по переписи 1959 года более половины вепсов (51,3 %) являлись городскими жителями, 39,3 % всего вепского населения Карелии из них были учтены в Петрозаводске. Из 3556 вепсов-селян абсолютное большинство (90,2 %) компактно проживало в южной части Прионежского района. В остальных районах республики численность и удельный вес вепсов был невелик.

Высокой долей городского населения отличались и финны. Почти треть из них, точнее 32,4 %, стали жителями столицы республики. Значительные по численности группы финского городского населения были расселены в Прионежском (1837 чел.), Сортавальском (1883 чел.), Кондопожском (2485 чел.) и Пряжинском (4728 чел.) районах. Повышенным удельным весом финского населения выделялись такие поселки городского типа как Юма (32 %), Салми (27,9 %) и Шуя (19,8 %). В сельской местности проживало 20,5 % финнов республики. В целом абсолютное большинство финского населения Карелии проживало в инонациональном этническом окружении.

Социально-экономическая неконкурентоспособность аграрного сектора привела к массовому оттоку местного населения в крупные поселки, особенно лесные. Последние нередко формировались вне традиционных ареалов расселения карелов и вепсов. Если поселки возникали на этих территориях, то, будучи центрами притяжения трудовых ресурсов, также способствовали оттоку аграриев в лесопромышленное производство. В результате внутрисельской миграции, переселения в сельскую местность групп представителей разных национальностей к концу 1950-х годов в республике осталось только четыре района, в сельском населении которых карелы численно преобладали. Это районы традиционного расселения проживания собственно карелов (Калевальский), карелов-людилов (Кондопожский, часть Пряжинского района) и карелов-ливвиков (Олонецкий, часть Пряжинского района). Всего в этих районах в начале 1959 года проживало 43297 карелов или 73,4 % сельских карелов и 50,7 % всех карелов Карелии. В остальных районах карелы оказались в инонациональном окружении. Финны везде являлись национальным меньшинством, и лишь в Пряжинском районе они были расселены более-менее компактно. Самая многочисленная группа вепсов была учтена в Прионежском районе (табл. 2).

Таблица 2

Расселение карелов, вепсов, финнов по районам, 1959 год

Горсовет, районы	Население	Все карелы		Вепсы		Финны	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Городское и сельское население							
Горсовет: Петрозаводский	14373	7703	5,2	2823	1,9	9876	6,7
Районы: Беломорский	40923	3709	9,1	59	0,1	592	1,4
Калевальский	10599	6208	58,6	9	0,08	108	1,0
Кемский	31374	2503	8,0	26	0,08	660	2,4
Кондопожский	38362	6458	16,8	163	0,4	2485	6,5
Лоухский	25912	5528	21,3	23	0,09	400	1,5
Медвежьегорский	52800	6026	11,4	81	0,2	1005	1,9
Олонецкий	37134	21329	57,4	48	0,1	1254	3,4
Прионежский	38278	459	1,2	3377	9,9	4522	4,8

⁶ См. подробнее: *Клементьев Е. И.* Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы. Препринт доклада. Петрозаводск, 1988. С. 3–39.

Горсовет, районы	Население	Все карелы		Вепсы		Финны	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Пряжинский	33481	14279	42,6	112	0,3	4728	14,2
Пудожский	36707	267	0,7	22	0,05	162	0,4
Сегежский	57564	4392	7,6	110	0,2	2007	3,5
Сортавальский	72848	3045	4,2	229	0,3	1883	2,6
Суоярвский	37991	3567	9,4	97	0,3	732	1,9
Всего	651346	85473	13,1	7179	1,1	38279	5,8
Городское население							
Горсовет: Петрозаводский	146489	7701	5,3	2822	1,9	9868	6,7
Районы: Беломорский	28935	1893	6,5	46	0,2	447	1,5
Калевальский	—	—	—	—	—	—	—
Кемский	22712	1178	5,2	23	0,1	586	13,3
Кондопожский	18211	1691	9,3	121	0,9	1478	8,1
Лоухский	17980	3757	20,9	14	0,08	327	1,8
Медвежьегорский	24721	1100	4,4	51	0,3	500	2,0
Олонецкий	9618	3038	31,6	21	0,2	800	8,3
Прионежский	19941	322	1,6	170	8,8	1323	6,6
Пряжинский	4758	248	5,2	5	0,1	1529	32,1
Пудожский	13602	124	0,9	13	0,1	111	0,8
Сегежский	33447	1162	3,5	76	0,2	951	2,8
Сортавальский	51534	2595	5,0	204	0,4	1655	3,2
Суоярвский	17688	1699	9,6	57	0,3	289	1,6
Всего	409616	26508	6,5	3623	0,8	30414	0,7
Сельское население							
Горсовет: Петрозаводский	884	2	0,2	1	0,1	8	1,0
Районы: Беломорский	11988	1816	15,1	13	0,1	145	1,2
Калевальский	10599	6208	58,6	9	0,08	108	1,0
Кемский	8662	1325	15,3	3	0,03	74	0,8
Кондопожский	20151	4767	55,0	42	0,2	1007	5,0
Лоухский	7932	1771	22,3	9	0,1	73	0,9
Медвежьегорский	28079	4926	17,5	30	0,1	505	1,8
Олонецкий	27516	18291	66,5	27	0,1	454	1,6
Прионежский	8337	137	1,6	3207	38,5	514	6,2
Пряжинский	28723	14031	48,8	107	0,4	3199	11,1
Пудожский	23105	143	0,6	9	0,04	51	0,2
Сегежский	24117	3230	13,4	34	0,1	1056	4,3
Сортавальский	21314	450	2,1	25	0,1	228	1,1
Суоярвский	20323	1868	9,2	40	0,2	443	2,2
Всего	241730	58965	24,4	3556	1,5	7865	3,3

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 3/13. Л. 1–5. Выделены районы с преобладающим карельским населением.

Расселение и языковые процессы

Массовое освоение карелами, вепсами, финнами русского языка завершилось в основном в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Преобладание русского и в целом русскоязычного населения в большинстве районов Карелии при низкой доле карелов, вепсов, финнов, радикально изменив условия функционирования прибалтийско-финских языков, сказывалась на моделях языкового поведения, т. е. в выборе языка общения. Полиэтническая среда стала предопределять функциональную неоднозначность использования карельского, вепсского и финского языков, естественно укрепляя позиции русского языка прежде всего в таких сферах как производственная деятельность, образование, культура. Новые образцы языкового общения отражали реальную картину межэтнического окружения.

Так как многие лесные поселки нередко возникали на основе деревень с карельским населением или в непосредственной близости от них, традиции говорения на карельском языке «переносились» в новую этническую среду. Опрос, проведенный в конце 1960-х годов среди рабочих разных национальностей, показал, что прибывшее население весьма активно осваивало культурное и языковое наследие карелов⁷. Этому способствовали широко распространенные межэтнические браки. Тем не менее, серьезно говорить о массовом распространении карельско-русского, вепско-русского или финско-русского двуязычия среди представителей не прибалтийско-финских народов не приходится. Функционирование вепского и карельского языков ограничивалось пределами преимущественно внутрисемейного общения и общения среди своих соплеменников. Для государственной политики в отношении финского языка в 1946–1959 годы характерна крайняя противоречивость. Финский язык, возвращенный в общеобразовательные школы сразу после войны, с 1954 года стал изучаться только предметно, в 1955 году были закрыты финские отделения в педагогических училищах, в 1958 году была упразднена кафедра финского языка, в 1968/59 учебном году вводился запрет на изучение финского языка в школах республики.⁸ Финский язык, наряду с использованием его в кругу семьи, в определенной мере поддерживался деятельностью финского театра, изданием газеты и журнала на финском языке⁹.

Функционирование прибалтийско-финских языков последовательно сужалось до преимущественного использования их в семейно-бытовой сфере. Карельская семья по сравнению с вепской или финской отличалась многодетностью. По переписи 1959 года каждая пятая карельская городская и сельская семья состояла из четырех человек, каждая пятая – из пяти человек. И в городах, и в сельской местности сохранились большие семьи, состоящие из семи–десяти человек (около 5 % от общего числа семей)¹⁰. В таких семьях, прежде всего в сельских, не только старшее поколение, но и дети обычно говорили еще по-карельски.

Общая тенденция снижения функциональной нагрузки на язык своей национальности последовательно сокращала число карелов, вепсов и финнов, свободно владеющих языком своей национальности, увеличивая долю считающих русский язык родным языком.

Судя по расселению, динамике национального состава сельских поселений, языковая ситуация к концу 1950-х годов складывалась таким образом, что поддержание устойчивых знаний языка своей этнической общности и сохранение двуязычной нормы поведения все более осложнялось.

По переписи 1959 года случаи совпадения национальности и родного языка были ниже среднего показателя (61,5 %) у карелов, проживающих в различных типах городских поселений во всех районах, за исключением Лоухского, Пряжинского и Суоярвского. Только в двух сельских районах (Калевальском и Пряжинском) доля карелов, признавших родным карельский язык, превышала средний показатель (89,3 %). В городских поселениях показатель распространенности среди карелов русского языка как родного был заметно выше, чем в сельской среде. В ряде районов (Медвежьегорском, Прионежском, Пудожском, Сортавальском) у преобладающей части карелов этническая и языковая идентичности не совпадали, т. е. языковая ассимиляция распространилась уже «вглубь».

К концу 1950-х годов языковой ассимиляцией была охвачена подавляющая часть и городских, и сельских вепсов, включая Прионежский район – район компактного расселения вепско-го населения.

Городские и сельские финны Карелии практически в равной мере считали родным материнский язык, который чаще признавался ими родным, чем русский язык, прежде всего в районах компактного расселения финнов – в Кондопожском и Пряжинском (табл. 3).

⁷ Верхний Олонец – поселок лесорубов. Опыт этнографического описания. М.; Л., 1964. С. 106–110, 136–137; Пименов В. В., Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 238–247.

⁸ Старшова Т. И. Финский язык в системе подготовки специалистов в Петрозаводском госуниверситете // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии. Сборник научных статей. Петрозаводск, 2002. С. 5–11.

⁹ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Финский язык в Карелии в новейший период // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии. Сборник научных статей. Петрозаводск, 2002. С. 338–340.

¹⁰ Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 240, 242, 244, 252, 254, 256.

Таблица 3

Совпадение национальности и родного языка, %

Горсоветы, районы	Карелы		Вепсы		Финны	
	город	село	город	село	город	село
Средняя	61,5	89,3	36,4	40,9	74,0	74,7
Горсовет:						
Петрозаводский	54,8	100	38,4	–	75,1	66,7
Беломорский	51,1	79,4	19,6	23,1	–	60,9
Калевальский	–	93,6	–	44,4	–	68,5
Кемский	53,9	83,1	8,7	33,3	80,7	52,7
Кондопожский	59,1	71,5	41,3	54,8	78,7	74,1
Лоухский	77,5	86,5	7,1	–	60,6	51,6
Медвежьегорский	49,6	30,4	29,4	46,7	59,8	66,7
Олонецкий	80,0	94,8	19,0	18,5	73,0	54,6
Прионежский	40,1	43,1	32,9	41,2	73,8	78,8
Пряжинский	62,5	91,2	60,0	41,1	90,8	83,8
Пудожский	50,0	46,2	15,4	22,8	52,3	37,3
Сегежский	58,9	79,1	35,5	38,2	69,1	76,7
Сортавальский	53,7	36,7	24,5	8,0	66,6	49,6
Суоярвский	68,8	74,9	33,5	55,0	54,7	57,8

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5, 3/13.

Демографическая структура карелов, вепсов, финнов

В табл. 4 представлены возрастные группы городских и сельских карелов, вепсов и финнов. Демографические структуры этих трех народов имеют черты сходства и различия. Среди городских и сельских карелов, вепсов и финнов была понижена доля 10–14 и 15–19-летних. Это поколение военных и довоенных лет, когда рождаемость была невысокой. Другая важная черта сходства проявлялась в том, что у всех трех народов и в городской, и в сельской возрастных структурах удельный вес детей в возрасте до 15 лет превышал долю пожилых – возрастных групп 60 лет и старше. Однако это превышение было разным, сходным у карелов и финнов в отличие от вепсов. Соотношение молодых и пожилых этих двух отличных друг от друга возрастных групп у городских карелов равнялось 21,2 и 7,8 % (разность двух показателей равна 13,4 %), у сельских соответственно 32,3 против 9,8 % (разность 22,5 %), у городских финнов 23 и 10,4 % (разность 12,6 %), у сельских жителей 27,8 и 8,7 % (19,1 %), у вепсов-горожан 14,1 и 11,1 % (разность 3 %, вепсов-селян 20,8 и 15,4 % (разность 5,4 %).

Таблица 4

Половозрастная структура городских и сельских карелов, вепсов, финнов

Возрастные группы	Карелы				Вепсы				Финны			
	город		село		город		село		город		село	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
0–5	2562	9,7	9970	15,9	234	6,5	426	6,9	2120	10,6	1013	13,0
6–9	1672	6,3	5781	9,8	160	4,4	315	8,9	1479	7,4	681	8,7
10–14	1384	5,2	3872	6,6	117	3,2	179	5,0	1006	5,0	482	6,1
15–19	1543	5,8	2577	4,5	208	5,7	229	6,4	929	4,7	337	4,3
20–24	2667	10,1	4917	8,3	311	8,6	294	8,3	1603	8,0	688	8,7
25–29	3419	12,9	6152	10,4	475	13,1	312	8,8	2065	10,3	816	10,4
30–34	2891	10,9	5127	8,7	442	12,2	352	9,9	1999	10,0	719	9,1
35–39	2005	7,8	3214	5,5	298	8,2	208	5,9	1479	7,4	470	6,0
40–44	1766	6,7	2896	4,9	218	6,0	149	4,2	1161	5,8	441	5,6
45–49	2005	7,6	3642	6,2	293	8,1	215	6,0	1454	7,3	565	7,2
50–54	1449	5,5	2995	5,1	248	6,8	153	4,3	1402	7,0	534	6,8
55–59	986	3,7	2086	3,5	215	5,9	175	4,9	1192	6,0	427	5,4
60–64	755	2,8	1706	2,9	168	4,6	170	4,8	887	4,4	292	3,7
65–69	515	1,9	1365	2,5	105	2,9	131	3,7	570	2,9	188	2,4
70 лет и старше	834	3,1	2565	4,4	139	3,6	246	6,9	617	3,1	205	2,6
Всего	26508	100	58965	100	3623	100	3556	100	19964	100	7865	100

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 32, 38, 46.

Разность этих показателей фиксирует, в частности, различия в воспроизводстве поколений. Карелки рожали чаще, чем финки. Самая низкая рождаемость была характерна для вепсов. Очевидно, что замещение поколений у вепсов было замедленным, чем у карелов или финнов, что предопределило перспективы демографического воспроизводства и устойчивость вепского этноса.

К концу 1950-х годов демографическая структура вепсов существенно деформировалась, диспропорция полов при низкой рождаемости крайне затрудняли естественное воспроизводство поколений¹¹. В этом же направлении изменялась и половозрастная структура вепского сельского населения: по данным переписи 1959 года доля детей в возрасте до 15 лет составила 24,6 %, 60 лет и старше – 15,3 %.

Возрастно-половая структура финнов Карелии в целом представляла собой «компактную и сбалансированную по возрастам этническую группу, которая имела вполне достаточный демографический потенциал для самовоспроизводства». Ярко выраженной диспропорцией выделялись лишь половозрастные группы старше 35 лет. Самовоспроизводство финского населения, а, следовательно, и языковое воспроизводство и языковую преемственность поколений, осложняла широко распространенная практика заключения межнациональных браков¹².

Языковая политика и языковые процессы

В послевоенные годы развитию образования, культуры, науки уделялось значительное внимание. К началу 1945/46 учебного года в республике открылись двери 579 дневных и вечерних школ (71 % от довоенной численности) с общим числом учащихся свыше 54 тыс. чел. Сразу после войны при Петрозаводском государственном университете возобновила работу кафедра финского языка. До середины 1950-х годов историко-филологический факультет университета вел прием студентов по специальности «финно-угорские языки и литература».

В первое послевоенное десятилетие национально-языковое строительство заметно проявлялось в политике финизации: до середины 1950-х годов более чем в 100 школах, расположенных в местах компактного расселения карелов, обучение велось на финском языке или он изучался как предмет. Затем число школ стало сокращаться, финский язык начал изучаться только как предмет, а с 1958/59 учебного года изучение финского языка в школе было полностью прекращено. С 1963 года финский язык вновь, но уже в значительно меньших масштабах, возвратился в систему общеобразовательных школ и высшего образования¹³. Такая ситуация с изучением финского языка в основных чертах сохраняется вплоть до настоящего времени.

Трудно сказать, каковы были реальные результаты послевоенной «мягкой финизации», но достоверно известно лишь то, что часть карелов закончила семь классов на финском языке, а часть получила на нем среднее и высшее образование. Однако для карелов он не стал ни языком повседневного общения, ни языком этнической идентификации. Основным языком обучения в системе общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений для карелов и вепсов оставался русский язык.

Общую направленность и перспективы языковых перемен – массовое распространение русского языка как родного – наиболее убедительно демонстрируют языковые характеристики различных возрастных групп прибалтийско-финских народов Карелии.

К 1959 году по сравнению с 1939 годом удельный вес карелов с родным карельским языком в республике снизился с 96 до 80,9 %, в том числе среди карелов-горожан с 77,1 до 61,5 %, среди карелов-селян с 98,1 до 89,3 %, вепсов соответственно с 86,2 до 38,7 %, в том числе среди

¹¹ Строгальщикова З. И. Этнодемографические процессы // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 362–363.

¹² Бирин В. Н. Финны. Демографическое развитие // Прибалтийско-финские народы России. С. 541.

¹³ См. подробнее: Федорович Г. А. Восстановление и развитие системы народного образования в Карелии в 1946–1950 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1970. С. 161–171; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 748–749; Вавулинская Л. И. Образовательная школа и вопросы языковой политики в Карелии во второй половине 1940-х – в 1950-е годы // Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX–XX вв. Петрозаводск, 2002. С. 161–173; *Ее же*. Проблемы национальной школы в Карелии во второй половине 1940–1960-х годов // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сборник научных статей. Петрозаводск, 2002. С. 271–274; Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 535–536.

вепсов-горожан с 68,8 до 40,9 %, вепсов-селян с 93,9 до 40,9 %, финнов с 80,2 до 74,2 %, в том числе среди финнов-горожан с 77,1 до 74,0 %, финнов-селян с 82,3 до 74,7 %¹⁴.

Так называемый «критический рубеж», когда более половины этнической группы признают родным язык не своей национальности, к началу 1959 года перешли карелы-горожане в возрасте до 20 лет, городские и сельские вепсы в возрасте до 50 лет, часть финнов-горожан в возрасте 10–14 лет. Почти у половины молодого поколения финнов (до 25 лет), независимо от того, проживали ли они в городских поселениях или оказались расселенными в сельской среде, национальность и родной язык не совпадали. В наименьшей мере языковой ассимиляцией были охвачены сельские карелы. Дети и молодежь до 24 лет, проживающие в поселениях городского типа, уже перешли к 50 % критическому рубежу языковой ассимиляции (табл. 5).

Таблица 5

Возраст и родной язык карелов, вепсов и финнов Карелии, %

Возрастные группы	Карелы			Вепсы			Финны		
	город	село	всего	город	село	всего	город	село	всего
0–5	42,3	86,6	77,6	9,4	24,9	19,4	64,8	63,5	64,4
6–9	36,7	81,4	71,6	8,8	25,7	20,0	52,0	54,3	53,0
10–14	38,7	81,7	70,4	8,5	25,7	17,9	46,2	51,2	48,5
15–19	47,8	86,5	72,2	23,0	29,3	26,3	51,0	60,2	53,4
20–24	53,1	83,0	72,5	23,5	30,9	27,1	55,6	56,8	56,0
25–29	62,2	90,2	80,2	34,5	43,9	38,2	68,6	74,5	70,3
30–34	68,6	92,5	83,8	39,4	38,9	39,2	79,1	78,9	77,2
35–39	67,6	92,2	82,6	36,6	37,0	36,4	81,9	86,1	82,7
40–44	71,7	93,8	85,4	40,4	46,3	42,8	84,8	88,4	85,7
45–49	75,2	95,6	88,3	45,1	47,0	45,9	88,1	90,3	88,7
50–54	77,7	96,6	90,4	50,4	52,3	51,0	89,3	93,5	90,5
55–59	78,8	96,7	91,0	51,6	50,9	51,3	91,2	92,5	91,5
60–64	83,0	96,2	92,6	60,1	64,1	62,1	94,9	93,8	94,7
65–69	86,4	98,5	95,6	57,1	68,7	64,0	96,1	94,7	95,7
70 и старше	94,6	95,1	95,0	69,8	71,7	69,0	95,6	93,7	95,2
Средняя	62,0	89,4	80,9	36,4	40,9	38,7	74,0	74,7	74,7

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 27, 32, 38.

Черты прогрессивного типа воспроизводства были характерны для карельского населения: по переписи населения 1959 года доля молодых карелов (10–14 лет) почти в 3,5 раза превышала долю пожилых карелов (60 лет и старше), у сельского населения соотношение этих же возрастных групп равнялось 33,3 и 9,6 %¹⁵. Это означает, что внутрисемейное общение, общение с родственниками обеспечивало освоение детьми языка своей национальности. Немаловажную роль в воспроизводстве карелов в отличие от других этнических групп населения играла традиция многодетности¹⁶.

¹⁴ Данные по 1939 году рассчитаны по: НА РК. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 128/1390. Л. 51 и данным, приведенным в табл. 3.

¹⁵ Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5.

¹⁶ См. подробнее: Бирин В. Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск, 1992. Гл. 5; Его же. Демографическая ситуация у карел в XX веке // Прибалтийско-финские народы России. С. 214.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)*

В 1969 году социологический отряд Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР провел массовое исследование карельского сельского населения для выявления социально-экономических, демографических, экологических и иных характеристик. В 53 деревнях и селах Олонецкого, Кондопожского, Муезерского и Калевальского районов республики, где представлены все основные типы сельских поселений, опрошено свыше 1200 человек. Фактическая ошибка выборки, как показывают произведенные расчеты, по таким опорным признакам, как социально-профессиональные группы, пол, возраст, образование находится в пределах допустимой теоретической ошибки¹.

Перед исследователями стояли следующие задачи: выяснить, какие явления национальной жизни играют доминирующую роль в становлении национального самосознания различных этнографических и социальных групп карельского сельского населения, какова роль этнокультурных взаимодействий в развитии национального самосознания, какова общая тенденция изменения национального самосознания карелов.

Тесная связь между характером и темпами языковых и этнических процессов делает необходимым анализ различных сторон языковых взаимодействий контактирующих этносов: общественных функций языков в различных сферах общения, масштабов двуязычия, степени языковой ассимиляции и т. д.

На территории республики функционирует несколько языков: русский, карельский, финский, вепсский и т. д. В данной статье мы коснемся лишь карело-русских языковых контактов.

Карельский язык, в котором различают три диалекта (ливвиковский, людиковский и собственно карельский), относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи. Каждый диалект соответствует этнонимическим названиям этнографических групп карелов. Часть населения, особенно на севере республики, владеет финским языком. Так как карелы не имеют своей письменности, преподавание в школах, техникумах, вузах ведется на русском языке. Последний – язык радио и телевидения, литературы и искусства. Подавляющее большинство карелов свободно владеет русским языком.

Чтобы понять современные языковые процессы, необходимо иметь ясное представление об особенностях исторического развития карелов, о культурных обменах и контактах с другими народами, о темпах социально-этнических изменений и т. д.²

Истоки карело-русских культурных, в том числе и языковых, связей уходят в глубь столетий. Различия в языковых характеристиках определяются интенсивностью и длительностью контактов отдельных этнических групп карелов с другими народами (русскими, финнами) и компактностью расселения. Первые опубликованные данные о карелах, расселенных на территории современного обитания людиков, относятся к XII веку. В XVI–XVII веках людики, имевшие тесные хозяйственные связи с Заонежьем, где русские составляли подавляющее большинство, издавна приобщались к русскому языку, широко употребляя его в различных сферах деятельности³. В настоящее время уже 37,0 % людиков свободнее владеет русским, чем карельским, и еще 23,8 % одинаково свободно владеет двумя языками.

Ливвики и собственно карелы имели в прошлом более ограниченные межнациональные контакты с русскими, поэтому лишь 19,8 % ливвиков и 28,6 % собственно карелов свободнее владеют русским языком, а двумя языками соответственно владеют 15,2 и 10,0 %.

Современные языковые процессы во многом предопределяются сохраняющимися локальными особенностями культуры и быта, социальными различиями в этногруппах, языковой и этнической ассимиляцией карелов. Коренные изменения этнического состава населения, проис-

* Клементьев Е. И. Советская этнография. 1971. № 6. С. 38–44.

¹ Клементьев Е. И. Метод организации выборки в этносоциологическом исследовании (на материалах сельского населения Карелии) // Вопросы методики в этнографических и этносоциологических исследованиях. М., 1970.

² Губогло М. Н. О влиянии расселения на языковые процессы // Сов. этнография. 1969. № 5. С. 16–30; Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 299–305 и др.

³ Материалы по истории Карелии XII и XVI вв. Петрозаводск, 1941. № 229. С. 290 и др.; Витов М. М. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 64, 65, 71.

шедшие главным образом за последние 40 лет и преобразовавшие Карелию в многонациональный край (по переписи 1897 года на долю карелов приходилось 42,3 % от всего населения, в 1926 году – 37,4 %, в 1959 году – 13,1 %)⁴, явились следствием перемен в социально-экономической жизни страны.

В результате урбанизации существенно изменилось не только соотношение городского и сельского населения (в 1926 году сельское население составляло 77,4 %, в 1959 году – 27,8 %)⁵, но и создались новые, широкие возможности для языковых контактов карелов с представителями различных национальностей.

Одно из важнейших последствий укрупнения поселений – сокращение в них удельного веса карелов. При увеличении среднего размера поселений с 1897 по 1959 год в два раза, численность карелов в них осталась почти прежней, т. е. доля этой части населения сократилась в два раза⁶. В поселениях с числом жителей 500–1000 и более человек, наиболее полно характеризующих современное карельское село, сконцентрировано более 52 % сельского населения. Дальнейшая интенсификация сельскохозяйственного производства ведет к сокращению числа мелких поселений и к смешению разнонациональных групп села. По данным нашего исследования, на долю национально-смешанных браков приходится 30,3 % всех браков карелов, что также способствует утверждению русского языка в качестве языка межнационального общения.

В настоящее время степень знания национального языка на селе остается достаточно высокой: 94,0 % сельского работающего населения свободно говорят на карельском языке, 3,9 % понимают и могут объяснить и лишь 2,1 % понимают, но не говорят или не владеют языком своей национальности. Для 89,6 % опрошенных родным остается карельский язык.

Таблица 1

Языковые характеристики возрастных групп* (% к каждой возрастной группе)

Языковые характеристики	Возраст						
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	старше 50
Абсолютное число опрошенных (чел.)	46	15	08	98	26	381	155
Знание карельского языка:							
свободно говорят	83,5	72,7	87,4	96,2	95,1	96,9	96,6
понимают, объясняются	8,9	17,2	9,6	2,1	1,8	2,9	2,4
понимают, но не говорят	7,6	10,1	3,0	1,7	3,1	0,2	1,0
Свободно владеют:							
карельским	39,1	31,7	57,3	58,8	55,9	75,3	75,0
русским	40,0	39,5	20,9	18,9	12,8	7,4	13,7
обоими	20,9	28,8	21,8	22,3	21,3	17,3	11,3
Считают родным:							
карельский	64,2	68,6	84,9	85,9	90,3	94,1	96,5
русский	25,4	26,4	12,9	10,2	9,0	4,3	3,2
два языка	4,4	4,2	2,2	3,9	0,0	0,6	0,0
затруднялись ответить	6,0	0,8	0,0	0,0	0,0	1,0	0,0
Говорят дома:							
только на карельском	45,3	31,2	46,9	37,3	32,3	44,2	56,8
только на русском	31,9	36,1	23,2	27,2	25,2	19,6	14,3
на двух языках	22,8	33,5	29,9	34,9	42,5	34,4	25,6
Говорят на работе:							
только на карельском	8,8	4,5	17,3	12,8	11,2	22,0	26,5
только на русском	58,3	67,6	45,2	47,1	46,8	34,5	25,0
на двух языках	32,9	26,9	32,8	39,3	41,3	42,8	45,9
Язык раннего детства							
русский	9,3	20,0	8,3	3,3	4,9	1,0	1,8

Примечание. *В таблице не отражены данные о распространении финского языка в сочетании с карельским и русским.

⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., XXII – Олонецкая губерния, тетрадь 1, 1899; Архангельская губерния, тетрадь 3, 1904; Всесоюзная перепись населения 1926 г., отдел I, т. I. С. 114–116; Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1959 г. (сводный том). М., 1962. С. 203.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г., отдел I, тетрадь I. С. 106; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., РСФСР. М., 1963. С. 18.

⁶ Подсчитано нами по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., тетрадь 1–3, 1899–1904; Отчетные данные статистического управления КАССР за 1959 г.

Очевидно, что судить о языковых процессах только по степени знания родного языка с достаточной полнотой невозможно. Чтобы определить масштабы двуязычия и темпы его развития, необходимо знать, насколько свободно владеет языками та или иная группа населения и какова степень использования языков как средства общения в семье, на производстве и т. д.

Дифференцируя население по возрастным группам и ряду языковых характеристик, его можно подразделить следующим образом (см. табл. 1):

1. Карельский язык как основное средство общения в семейно-бытовой сфере распространен в группе карелов старше 40 лет, социальное формирование которых проходило в довоенные и военные годы. Расхождение между национальным и родным языком в этой группе незначительно. На производстве контакты осуществляются главным образом на двух языках.

2. Карельский язык остается языком семейного общения, а русский становится основным средством общения на работе для карелов в возрасте 25–39 лет. Представители этой возрастной группы сохраняют в целом высокую степень знания карельского языка, но уже около 40 % – свободнее владеет русским или обоими языками.

Таблица 2

Средний уровень образования половозрастных групп карелов (число лет школьного обучения)

Пол	Возраст						
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59
Оба пола	8,5	9,5	7,9	7,2	5,9	5,7	3,9
Мужчины	7,7	8,9	7,6	6,9	5,2	6,1	3,8
Женщины	9,2	10,0	8,2	7,6	6,4	5,5	3,1

3. Намечается переход к более свободному владению русским языком в семье, происходит дальнейшее расширение общественных функций языка межнационального общения в производственных контактах. Карелы в возрасте 16–24 лет (около 20 % сельского населения) слабо знают карельский язык и каждый четвертый признает родным русский.

Таким образом, довоенный и военный периоды в развитии карело-русского двуязычия характеризуются распространением двуязычия «вширь»; это выражается в росте числа карелов, свободно владеющих языком межнационального общения.

Сущность современного периода характеризуется тем, что одновременно с распространением двуязычия «вширь» происходит распространение двуязычия «вглубь»: сельское население свободнее владеет русским языком, который наряду с карельским становится основным средством внутринационального общения.

Мы не ставим задачи определения и систематизации иерархии факторов, определяющих развитие двуязычия и языковой ассимиляции. Подчеркнем лишь, что чрезвычайный интерес представляет факт известного совпадения этапов развития двуязычия с этапами общего подъема уровня образования сельского населения (см. табл. 1 и 2).

Очевидные успехи культурной революции начинают сказываться в возрастной группе 40–49 лет. Незначительный рост образования среди женщин 35–39 лет, а среди мужчин этого возраста даже снижение образовательного уровня объясняется влиянием военного периода 1941–1945 годов. В настоящее время большая часть молодежи села в возрасте 20–24 лет имеет среднее образование.

Очевидно, что чем выше образовательный уровень работающего населения, тем шире двуязычие и полнее общественные функции языка межнационального общения (табл. 3).

Таблица 3

Уровень образования и языковые процессы* (% к каждой группе)

Языковые характеристики	Образование					
	до 4-х	4-6	7-9	среднее	техникум	неполное высшее, высшее
	классов					
Абсолютное число опрошенных (чел.)	70	322	313	132	153	39
Знание карельского языка:						
свободно говорят	98,3	97,9	91,7	62,0	63,5	76,2
понимают, объясняются	1,7	1,5	4,7	36,5	31,8	17,1
понимают, но не говорят	0,0	0,6	3,6	1,5	4,7	6,7

Языковые характеристики	Образование					
	до 4-х	4-6	7-9	среднее	техникум	неполное высшее, высшее
	классов					
Свободно владеют:						
карельским	85,2	77,7	57,6	57,9	58,4	30,6
русским	4,7	9,1	20,2	23,1	17,7	34,9
обоими	10,1	13,2	22,2	19,0	23,9	24,5
Считают родным:						
карельский	96,6	93,3	85,1	76,1	76,1	64,1
русский	3,4	5,9	1,6	9,0	9,0	31,5
оба языка	—	—	12,7	14,3	12,5	4,4
затрудились ответить	—	1,4	0,6	0,6	2,4	—
Говорят дома:						
только на карельском	50,7	50,3	41,3	33,2	14,9	28,3
только на русском	10,5	15,3	26,1	31,5	40,3	40,3
на двух языках	36,4	32,6	32,6	35,2	44,7	31,4
Говорят на работе:						
только на карельском	27,6	20,2	14,0	19,9	16,3	—
только на русском	27,0	32,0	43,3	40,9	41,6	60,4
на двух языках	44,9	47,4	41,5	27,0	22,5	27,0

Примечание. * В таблице не отражено употребление карельского и финского, одновременно трех языков (карельского, русского и финского).

Воздействие языка раннего детства на языковую ассимиляцию (возникновение расхождения между национальностью и родным языком) достаточно очевидно: если в детстве говорят на русском языке, то в 60 случаях из 100 родным признается последний. Но языковая ассимиляция, естественно, происходит не только в детские годы, но и в другие периоды жизни. Лишь 4,1 % всего работающего сельского населения говорили в детстве на русском языке, а признали его родным 8,6 % и еще 1,2 % карелов называют родным одновременно два языка. И здесь первостепенное значение имеет приобщение к русскому языку в школе, семье и т. д.

Таблица 4

Социально-профессиональные группы и языковые процессы*

Языковые характеристики	Социально-профессиональные группы					
	A ₁	A ₂	Б	В	Г ₁	Г ₂
Абсолютное число опрошенных (чел.)	164	232	197	207	194	248
Знание карельского языка:						
свободно говорят	91,5	87,5	94,4	92,8	92,9	96,0
понимают, объясняются	6,7	6,9	2,5	4,3	7,0	2,4
понимают, но не говорят	2,4	5,6	3,1	2,9	0,2	1,6
Свободно владеют:						
карельским	37,1	45,3	55,8	52,7	61,9	79,8
русским	31,2	31,4	21,0	14,5	18,1	10,9
обоими	34,7	23,3	23,2	32,8	20,0	9,3
Считают родным:						
карельский	82,9	80,6	86,3	87,4	91,8	92,3
русский	13,8	16,8	12,6	12,1	6,3	5,6
оба языка	4,3	2,2	1,6	0,0	1,4	1,3
затруднялись ответить	0,0	0,4	0,5	0,5	0,5	0,8
Говорят дома:						
только на карельском	24,1	26,3	34,0	39,1	44,8	48,8
только на русском	40,2	33,2	25,4	23,7	25,3	18,1
на двух языках	35,4	40,9	39,6	37,2	29,9	30,6
Говорят на работе:						
только на карельском	1,8	6,9	4,5	8,2	7,2	29,1
только на русском	70,7	59,5	51,8	44,4	40,7	33,1
на двух языках	23,8	32,8	40,6	46,9	50,5	37,5

Примечание. * Условные обозначения: A₁ – руководители и специалисты высшего звена; A₂ – руководители и специалисты среднего звена; Б – служащие; В – работающие на машинах и механизмах и другие квалифицированные работники индустриального труда; Г₁ – квалифицированные работники неиндустриального профиля; Г₂ – разнорабочие.

Образование и социальный статус тесно коррелируются. Представители карельской сельской интеллигенции имеют среднее или высшее образование. Преимущественно начальное образование характерно для разнорабочих⁷. По глубине «разделения труда» между карельским и русским языками в семейно-бытовой и производственной сферах вся социально-профессиональная структура может быть разбита на две большие группы: работников физического и умственного труда. Для первых характерно преимущественно свободное владение карельским языком с тенденцией роста числа говорящих на двух языках от неквалифицированных работников к квалифицированным. Среди занятых умственным трудом проявляется такая же тенденция, но свободно владеющих обоими языками здесь значительно больше (табл. 4).

Работники умственного труда, в отличие от занятых физическим трудом, в производственном общении употребляют преимущественно русский язык и в домашнем общении наблюдается переход на язык межнационального общения. Весьма показательно, что специалисты и руководители высшего звена (А₁) в однонациональных семьях говорят на русском языке чаще, чем все остальные группы.

Степень распространения карело-русского двуязычия тесно связана с таким социальным фактором, как мобильность. Повышение социального статуса влечет за собой расширение общественных функций русского языка во всех сферах языковых контактов. Те, кто с самого начала трудовой деятельности был занят умственным трудом, – наиболее ассимилированная в языковом отношении часть сельского населения. В этой группе свободно владеют русским языком 30,4 %, а признали его родным 17,0 %.

Таким образом, развитие карело-русского двуязычия зависит от ряда характеристик представителей отдельных социально-профессиональных групп.

Как влияет на языковую ассимиляцию языковое общение карелов дома и на работе? Какая связь между употреблением русского языка и национальным самосознанием?

Связь между такими этноопределителями, как родной язык и национальное самосознание, заметно ослабевает при переходе в семейном общении на русский язык. Употребление в равной мере двух языков практически не колеблет устойчивости национального самосознания. Из табл. 5 видно, что интенсивность национального самосознания, выраженная через признание родного языка, уменьшается при расширении функций русского языка и особенно при переходе на русский язык в семейно-бытовой сфере.

Таблица 5

**Зависимость между языковой ассимиляцией и характером использования языка
(к числу пользующихся только карельским, русским или обоими языками)**

Языковые характеристики	Считают родным			
	карельский	русский	оба языка	затруднились ответить
Говорят на работе:				
только на карельском	95,5	1,7	1,3	1,5
только на русском	85,7	13,6	0,7	0,0
на двух языках	92,9	3,8	1,9	1,4
Свободно говорят:				
только на карельском	94,5	3,6	1,4	0,5
только на русском	78,7	19,2	1,5	0,6
на обоих	–	–	–	–
Говорят дома:				
только на карельском	98,0	1,3	0,5	0,2
только на русском	72,8	23,5	2,7	1,0
на двух языках	91,9	4,1	1,4	1,6

И так как работники умственного труда наиболее активно вступают в национально-смешанные браки, естественно, что расхождения между национальностью и родным языком, особенно во втором поколении, увеличиваются.

Расширение общественных функций русского языка есть закономерный процесс, отвечающий потребностям межнационального общения, социального развития.

⁷ Арутюнян Ю. В. Социальные аспекты культурного роста сельского населения // Вопросы философии. 1968. № 9.

Процесс внутренней консолидации карелов, впрочем, как и других народов, обусловлен социальными факторами. Одним из важнейших последствий этнической консолидации народа следует считать утверждение единого самоназвания. Каждая диалектная группа имеет свой собственный этноним, но принадлежность к этой группе начинает отступать на второй план перед общенациональной принадлежностью: большинство сельского населения до 35 лет считает себя карелами. Но процесс этнической консолидации весьма противоречив, осложнен ассимиляционными процессами. Язык, как известно, является важным признаком этнического размежевания и этнического сплочения и «степень консолидации этнической общности прямо пропорциональна степени утверждения и распространения основного языка общения»⁸. В этнической консолидации карелов все большую роль начинает играть язык межнационального общения, широко распространенный во всех сферах языковых взаимодействий.

⁸ *Исаев М. И.* Нация и язык // Вопросы истории. 1968. № 2. С. 102, 103.

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)*

Для понимания закономерностей развития этнолингвистических процессов важное значение имеет изучение взаимодействия между социально-экономическими, культурно-историческими, биопсихологическими и собственно-языковыми процессами¹. Выделение внелингвистического аспекта в этнолингвистических процессах позволяет не только проанализировать влияние целого комплекса социальных факторов на языковую деятельность, которая протекает в различных речевых ситуациях, но и определить основные направления функционального развития языков и, наконец, понять результаты языковых взаимодействий.

В настоящей статье ставится задача показать распределение общественных функций карельского и русского языков у различных групп карельского городского населения, охарактеризовать масштабы распространения двуязычия.

Для решения поставленных задач привлекаются главным образом материалы конкретно-социологического исследования карелов (1972 год) и данные переписей населения 1926, 1959, 1970 годов. Количественно-качественные параметры выборочной совокупности в упомянутом исследовании были отобраны таким образом, чтобы полученные результаты можно было распространить на весь объект (все карельское городское население от 16 лет и старше).

При организации выборки применялся многоступенчатый отбор: выбор экономических районов, затем городских поселений в них, выборка по половозрастным группам и, наконец, определение лиц, подлежащих опросу. Автор использовал опыт сектора конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР² и опирался также на опыт обследования карельского сельского населения³.

При выборе районов и городских поселений учитывались особенности их социально-экономического развития, географическая рассредоточенность, расселение основных этнографических групп карелов (ливвики, людики, собственно карелы), этнический состав городов и поселков городского типа. Городские поселения выделены согласно классификации населенных мест ЦСУ СССР. Обследованы карелы, живущие в городах Петрозаводске, Кондопоге, Беломорске, Олонце и поселках городского типа (Ильинский, Гирвас, Суккозеро и Калевала), пропорционально численности проживающего в них населения.

Общий объем выборки (1150 чел.) определен расчетным путем⁴ при допустимой ошибке выборки, равной 0,05. Фактически опрошено свыше 1170 чел. В обобщенных результатах, полученных по выборочному массиву, воспроизводится внутреннее единство всего объекта как массового явления, обладающего вариацией признаков и различий. Общий объем выборки по районам и типам городских поселений распределялся пропорционально численности всего проживающего в них населения по признаку национальной принадлежности.

Отбор лиц, подлежащих опросу, в городах обычно производится по спискам избирателей, карточкам адресных столов и т. д., однако в условиях Карелии такой способ отбора не может быть признан эффективным, так как доля карелов в городском населении невелика (7,7 %)⁵. Для отбора опра-

* Клементьев Е. И. Советская этнография. 1974. № 4. С. 26–36.

¹ Губогло М. Н. Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков (о социолого-лингвистических исследованиях в Сибири) // Сов. этнография. 1973. № 2. С. 115.

² См.: Арутюнян Ю. В. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР) // Сов. этнография. 1968. № 4; *Его же*. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 340–368; *Его же*. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Сов. этнография. 1972. № 3.

³ Клементьев Е. И. Метод организации выборки в этносоциологическом исследовании (на материалах сельского населения Карелии) // Вопросы методики в этнографических и этносоциологических исследованиях. М., 1970. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Ю. В. Арутюняну, М. Н. Губогло, Л. М. Дробизевой, В. С. Кондратьеву за помощь в организации исследований.

⁴ Долгушевский Ф. Г., Козлов В. С., Полушин П. И., Эрлих Я. М. Общая теория статистики. М., 1967. С. 216, 217.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР. Т. IV. М., 1973. С. 17, 138.

шиваемых были использованы переписные листы Всесоюзной переписи населения 1970 года, содержащие все необходимые данные для организации выборки (пол, возраст, национальность, образование и т. д.). С учетом объема выборки по каждому поселению и численности в них взрослого населения определялся шаг отбора и составлялись так называемые основные списки опрашиваемых. Кроме того, создавалась запасная выборочная совокупность на случай, если нельзя будет получить ожидаемые сведения (отсутствие по служебным делам, переезд адресата, болезнь и т. п.). Дополнительный список составлялся по переписным листам с шагом отбора вдвое меньшим, чем при формировании основного списка. Для замены отсутствующих подбирались лица со схожими демографическими характеристиками. Как показывают произведенные расчеты, ошибка выборки находится в пределах допустимой. По переписи 1970 года 57,5 % карельского населения признали родным карельский язык⁶, а по данным исследования национальность и родной язык совпадают у 60,5 % опрошенных.

Основной инструментарий исследования – специально разработанный вопросник – содержит 95 вопросов, сгруппированных в несколько блоков.

Все языковые вопросы (их 19) могут быть сведены в две группы: 1) вопросы, отражающие использование языка в семье, на производстве и в сфере духовной жизни; 2) вопросы, отражающие владение языками: фактический уровень владения карельским языком по континууму от свободного владения до полного незнания, язык раннего детства, каким языком опрашиваемый владеет свободно, какой язык он считает родным и почему, где он овладел русским языком, знание какого языка (карельского, русского, иностранного) он предпочитает совершенствовать и т. д.

Фиксация демографических, социальных и экономических характеристик населения (численность, этнический состав, динамика населения, пол, возраст, образование и социальный статус в начале трудовой деятельности и в момент опроса и т. д.), подробных сведений по структуре, численности, национальному составу семей, производственных коллективов, данных по миграции позволяет начать исследование причинно-следственных связей и зависимостей социально-культурных и этнолингвистических процессов.

Историческое развитие любого народа представляет собой сложный процесс изменения целого комплекса социально-этнических характеристик, поэтому и современные этнокультурные (в том числе и языковые) особенности несут в себе следы прошлых экономических, политических, культурных взаимодействий народов в самых разнообразных сферах национальной жизни.

Длительное и мощное влияние русского языка и русской культуры на карельскую культуру не ограничивалось структурными изменениями в карельском языке. Культурные достижения других народов становились достоянием карелов именно благодаря широкому распространению русского языка. Весьма показательно, что в результате интенсивных культурных связей в настоящее время полный или частичный переход с карельского на русский язык в процессе речевой коммуникации (мена языка) стал характерной чертой речевого поведения карелов-людиков⁷.

Наблюдения показывают, что у ливвиков и собственно карелов случаи перехода на русский язык встречаются реже, чем у лудиков.

Конкретно-социологическое исследование языковых процессов в селах Карелии показало, что одновременно с распространением двуязычия вширь происходит распространение двуязычия вглубь; русский язык постепенно становится языком внутринационального общения⁸. По материалам Всесоюзной переписи населения 1970 года, свыше 95 % карелов в СССР свободно владеют русским языком или признают его родным⁹.

По данным переписи 1926 года, почти 76,5 % городских карелов назвали в качестве родного язык своей национальности¹⁰. К 1959 году доля карелов с родным русским языком возросла с 20,9 до 38,0 %¹¹, а к 1970 году – до 42,2 %¹².

⁶ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. С. 138; Ленинская правда. 1971. 10 июня.

⁷ Баранцев А. П. Случаи мены языка в речи карелов-людиков // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. С. 38–41.

⁸ Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения) // Сов. этнография. 1971. № 6. С. 38–44.

⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. С. 17, 21, 24, 26 и др.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. I. С. 115.

¹¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 340.

¹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. С. 138.

Одним из возможных, но не всегда обязательных итогов двуязычия является переход на другой язык. Если считать за основу языковой ассимиляции этот критерий, то в результате анализа табл. 1 можно сделать вывод, что интенсивность языковой ассимиляции в городах и сельской местности различна. Можно предположить (судя по числу лиц с родным русским языком), что в условиях города распространение двуязычия вглубь стало ведущей тенденцией уже в 50-е годы. Сближение доли лиц с родным карельским (42,2 %) и русским (57,6 %) языками показывает, что в настоящее время языковая ассимиляция быстро распространяется вглубь¹³.

Материалы официальной статистики, как справедливо отмечают исследователи, свидетельствуют о развитии языковых процессов, но не раскрывают полностью реальную картину распределения общественных функций между контактирующими языками в разных сферах общения. Поэтому факторы, способствующие, скажем, формированию и функционированию двуязычия и языковой ассимиляции, могут быть определены лишь в самом общем виде, а панорама многообразия языковой жизни и речевой деятельности остается скрытой¹⁴.

В приобщении карелов к русскому языку решающее значение имели многовековые связи двух народов, отсутствие письменности у карелов, широкое распространение национально-смешанных браков, мозаичность этнической структуры населения республики. Русский язык – это не только язык общения карелов с представителями других национальностей, но и средство социально-культурного развития самого карельского народа: в настоящее время преподавание в школах, техникумах, профессионально-технических училищах, вузах ведется на русском языке. В приобщении карелов к культурным ценностям и достижениям других народов ведущая роль принадлежит русскому языку.

Таблица 1

**Показатели интенсивности языковой ассимиляции
(по данным переписей населения 1926, 1959, 1970 годов)**

Родной язык	1926 год		1959 год		1970 год	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего в республике карелов	100781	100	85473	100	84180	100
в том числе с родным русским языком	1947	1,9	16202	19,0	23731	28,2
с родным карельским языком	96625	95,9	69129	80,9	60361	71,7
В городах	4753	100	26508	100	37596	100
в том числе с родным русским языком	995	20,9	10066	38,0	15882	42,2
с родным карельским языком	3634	76,5	16366	61,7	21652	57,6
В сельской местности	96028	100	58965	100	46584	100
в том числе с родным русским языком	952	1,0	6136	10,4	7849	16,8
с родным карельским языком	94991	98,9	52763	89,5	38709	83,1

Примечание. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. I. М., 1928. С. 114–116; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 314, 340, 366; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973. С. 138.

Карелия – многонациональная республика, в ней проживают представители более 40 национальностей нашей страны. Карелы составляют всего 11,8 %¹⁵. Удельный вес карелов в городском населении остается достаточно стабильным (в 1897 году доля карелов в городском населении составляла 6,6 %, в 1926 году – 8,0 %, в 1970 году – 7,7 %) ¹⁶, что объясняется интенсивными миграционными процессами. Если в 1897 году в городах проживало 1,5 % всех карелов, то к 1970 году уже почти половина карельского населения сосредоточилась в городах¹⁷. Урбанизация карелов привела

¹³ О двух тенденциях в развитии языковых процессов см. подробнее: Губогло М. Н. Этносоциальные аспекты языковых процессов (по материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР) // Материалы Международного социологического конгресса. Варна; М., 1970.

¹⁴ Губогло М. Н. О влиянии расселения на языковые процессы // Сов. этнография. 1969. № 6. С. 16–30; Его же. Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе // История СССР. 1970. № 6. С. 22–41; Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 299–305 и др.

¹⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. С. 17.

¹⁶ Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. Олонецкая губерния. Тетр. 1. СПб., 1899. Тетр. 3. СПб., 1904; Архангельская губерния. Тетр. 3. СПб., 1904; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. I. С. 115; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 314, 340; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. С. 138.

¹⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. С. 17, 138.

к резкому увеличению межнациональных брачных связей. В настоящее время в браках с русскими состоит 47,4 % карелов, в то время как процент однонациональных браков, согласно материалам нашего исследования, равен приблизительно 38,8 %.

На современном этапе карельский язык наряду с русским остается важнейшим средством внутринационального общения в городах: 38,4 % карелов говорят с родителями преимущественно на языке своей национальности, не менее 33 % в равной мере пользуется двумя языками; с родственниками, приезжающими из села, говорят на карельском 29,9 % и на двух языках – 40,8 %. Потенциальные возможности общения на языке своей национальности остаются достаточно высокими: практически 70 % карелов, живущих в городе, свободно говорит на карельском языке.

Таблица 2

Демосоциальные факторы и языковые характеристики (в коэффициентах А. А. Чупрова)*

Степень знания и использование языков	Возраст	Образование	Социальное положение
Язык раннего детства	0,215	0,140	0,110
Свободно владеют языком	0,173	0,175	0,145
Степень знания карельского языка	0,152	0,096	0,102
Родной язык	0,132	0,123	0,091
Говорят с родителями	0,164	0,143	0,087
Говорят с приезжими из села	0,125	0,096	0,097
Говорят с женой (мужем)	0,109	0,132	0,110
Говорят с детьми	0,106	0,145	0,102
Говорят на работе	0,06	0,146	0,92

Примечание. *О расчете коэффициента А. А. Чупрова см.: Урбах В. Ю. Биометрические методы. М., 1964. С. 357.

В настоящей статье мы рассмотрим воздействие на языковые процессы трех важнейших социально-культурных факторов – возраста, образования и социального положения.

Изменение возрастной структуры сильнее всего сказывается на распространении двуязычия и языковой ассимиляции: коэффициент взаимной сопряженности (коэффициент А. А. Чупрова) оказался наиболее значимым для языка раннего детства, при оценке свободного владения, степени знания и выборе родного языка (табл. 2). Образование, как и социальное положение, также находится в числе факторов, способствующих росту двуязычия карелов (коэффициенты А. А. Чупрова соответственно равны 0,175 и 0,145). Функции распределяются главным образом в соответствии с образованием, испытывая более слабое воздействие возраста и социального статуса. Возраст, образование и социальное положение обладают различной силой и направленностью влияния на языковые процессы.

Однако по данным табл. 2 невозможно судить о глубине двуязычия или языковой ассимиляции, о реальном распределении общественных функций между взаимодействующими языками. Восполнить этот пробел могут, очевидно, материалы конкретно-социологических обследований. Анализ данных нашего обследования позволяет выделить три возрастные группы карелов, отличающиеся особенностями речевого поведения. Это в свою очередь дает возможность в какой-то мере проследить развитие карело-русского двуязычия (табл. 3).

1. Большинство карелов старше 50 лет хорошо знает язык своей национальности. В раннем детстве все говорили на карельском языке, который они, как правило, признают родным. Хорошо владея обоими языками, многие карелы этой возрастной группы считают, что карельский язык они знают лучше. Общественные функции русского языка полнее всего реализуются в производственных контактах, карельского – в общении с сельскими жителями и родителями.

2. Карелы в возрасте 30–49 лет сравнительно хорошо владеют карельским языком. Для лиц этой группы он был основным средством общения в раннем детстве. Однако уже почти треть опрошенных из этой группы в качестве родного языка назвала русский. Примерно половина считают, что свободнее владеют языком межнационального общения или в равной мере обоими языками.

На карельском языке люди этого возраста чаще всего говорят с родителями. Функциональная «нагрузка» в общении с родственниками, приезжающими из села, распределяется между двумя языками примерно одинаково. В этой возрастной группе русский язык – важнейшее средство внутрисемейной речевой деятельности.

Таблица 3

Языковые характеристики возрастных групп (в % к каждой возрастной группе)

Знание языков	Возраст (лет)							
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60 и более
Абсолютное число опрошенных (чел.)	99	137	102	164	182	317	142	28
Язык раннего детства:								
карельский	46,9	56,2	67,6	80,7	81,2	91,2	97,9	92,6
русский	49,0	38,7	26,5	16,1	14,4	6,3	2,1	7,4
оба языка	4,1	5,1	5,9	3,1	4,4	2,5	0,0	0,0
Степень знания карельского языка:								
свободно говорят	45,5	59,1	64,7	71,2	65,4	76,6	88,2	82,1
понимают, объясняются	24,2	15,3	13,7	14,7	17,0	13,5	7,6	10,7
понимают, но не говорят	15,2	12,4	10,8	10,4	11,5	7,9	3,5	3,6
не владеют	15,1	13,2	10,8	3,7	6,0	1,9	0,7	3,6
Признают родным:								
карельский	39,4	48,9	50,0	57,3	63,2	69,4	72,5	71,4
русский	55,6	48,2	47,1	32,9	30,2	22,1	16,9	25,0
оба языка	4,0	1,5	2,0	6,7	6,0	7,6	9,2	3,6
затрудняются ответить	1,0	1,5	1,0	3,0	0,5	0,9	1,4	0,0
Лучше владеют:								
карельским	7,0	5,1	5,9	11,6	7,1	15,1	22,5	32,1
русским	68,7	57,7	52,0	41,5	42,9	33,4	15,5	28,6
в равной мере обоими	24,2	37,2	42,2	47,0	50,0	51,4	62,0	39,3
Говорят с детьми:								
только на карельском	–	0,0	0,0	2,1	1,2	3,1	3,9	12,5
только на русском	–	80,0	94,4	93,1	89,8	80,5	82,0	62,5
на обоих языках	–	20,0	5,6	4,9	9,0	16,4	14,1	25,0
С мужем (женой):								
только на карельском	–	3,8	0,0	4,1	5,6	12,0	13,6	10,5
только на русском	–	82,7	83,5	78,6	77,2	64,8	61,2	68,4
на обоих языках	–	13,5	16,5	17,2	17,3	23,2	25,2	21,1
С родителями:								
только на карельском	13,1	22,0	33,3	39,5	41,0	47,7	64,6	64,3
только на русском	51,5	37,9	33,3	25,7	25,0	22,1	15,2	21,4
на обоих языках	35,4	40,2	33,3	34,9	34,0	30,2	20,3	14,3
На работе:								
только на карельском	0,0	0,7	0,0	1,8	1,1	1,9	1,4	3,6
только на русском	81,8	83,9	87,3	81,6	87,4	79,5	81,7	67,9
на обоих языках	18,2	15,3	12,7	16,6	11,5	18,6	16,9	28,5
С родственниками, приезжающими из села:								
только на карельском	11,3	20,3	20,8	29,3	25,3	35,9	41,2	50,0
только на русском	51,5	35,3	33,7	26,1	28,7	26,2	22,8	30,8
на обоих языках	37,1	44,4	45,5	44,6	46,0	37,9	36,0	19,2

3. Около половины горожан в возрасте 16–29 лет слабо знают язык своей национальности. Уже в раннем детстве они постепенно переходят на язык межнационального общения. Сравнительные оценки степени владения языками, выбор родного языка также показывают, что в этой группе языковая ассимиляция распространяется главным образом «вглубь». Сохраняется бытовой билингвизм, но основным средством общения во всех сферах языковых контактов становится русский язык.

В первой группе двуязычие распространяется «вширь» – высокая степень знания карельского языка обеспечивает устойчивость национального самосознания, что выражается в признании родным языка своей национальности. Употребление контактирующих языков в сферах общения достаточно отчетливо разграничено. Ведущей тенденцией языкового развития во второй группе является проникновение двуязычия «вглубь» и языковой ассимиляции «вширь»: вместе с ростом числа карелов с родным русским языком язык межнационального общения утверждается в качестве активного средства внутринациональных связей.

В третьей группе происходит постепенное выделение русского языка в качестве родного. Жизненные потребности социально-культурного развития удовлетворяются на основе языка межнационального общения.

Таблица 4

Уровень образования и языковые характеристики (в % к каждой группе)

Знание языков и их использование	Образование					
	до 4-х	4-6	7-9	среднее	техни- кум	неполное высшее и высшее
	классов					
Абсолютное число опрошенных (чел.)	67	242	351	224	150	115
Язык раннего детства:						
карельский	95,5	88,7	78,3	61,9	75,2	86,6
русский	4,5	9,2	19,4	31,4	19,5	11,6
оба языка	0,0	2,1	2,3	6,7	5,4	1,8
Степень знания карельского языка:						
свободно говорят	83,3	76,8	69,2	58,9	68,0	70,1
понимают, объясняются	9,1	10,8	15,4	17,9	14,0	18,8
понимают, но не говорят	3,0	10,4	8,5	12,9	9,3	10,3
не владеют	4,5	2,0	6,8	10,3	8,7	0,9
Признают родным:						
карельский	83,6	67,4	61,5	46,9	56,0	57,4
русский	13,4	21,5	31,1	48,2	38,7	35,7
оба языка	3,0	10,7	5,7	3,1	4,0	5,2
затрудняются ответить	0,0	0,4	1,7	1,8	1,3	1,7
Лучше владеют:						
карельским	25,4	19,8	12,0	8,5	4,0	2,8
русским	19,4	30,8	39,0	58,5	45,6	48,3
в равной мере обоими	55,2	49,6	49,0	36,2	50,3	48,3
Говорят с детьми:						
только на карельском	7,0	2,2	1,2	1,0	0,8	3,0
только на русском	78,9	79,9	88,4	90,7	90,1	87,9
на обоих языках	14,0	17,9	10,5	8,2	9,1	9,1
С мужем (женой):						
только на карельском	16,0	15,2	6,0	3,8	3,2	2,2
только на русском	64,0	58,3	75,0	83,0	80,8	79,3
на обоих языках	20,0	26,5	19,0	13,2	16,0	18,5
С родителями:						
только на карельском	52,5	56,0	39,8	20,5	33,3	37,5
только на русском	20,0	17,7	30,4	38,1	31,7	27,1
на обоих языках	27,5	26,3	29,8	41,4	34,9	35,4
На работе:						
только на карельском	3,0	0,4	1,7	0,0	0,0	1,7
только на русском	73,1	73,9	84,6	83,9	90,0	88,7
на обоих языках	23,9	25,7	13,7	16,1	10,0	9,6
С родственниками, приезжающими из села:						
только на карельском	37,3	39,1	30,2	17,6	22,2	29,1
только на русском	23,7	23,9	30,8	39,4	30,6	27,4
на обоих языках	39,0	37,0	39,0	43,0	47,2	43,6

В числе факторов, существенно влияющих на языковые процессы, оказывается образовательный уровень (табл. 4). В зависимости от уровня образования и языковых характеристик могут быть выделены три группы городского населения.

Таблица 5

Средний уровень образования различных половозрастных групп
(число лет школьного обучения, классов)

Пол	Возраст (лет)							
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60 и более
Оба пола	9,4	9,6	10,2	9,7	8,6	7,2	6,9	3,7
мужской	9,1	9,4	10,0	9,4	8,5	7,1	7,7	5,0
женский	9,6	9,7	10,6	9,8	8,7	7,2	6,3	2,0

1. Карелы с образованием до 4-х классов, хорошо знающие язык своей национальности и называющие его родным. При этом они свободно владеют русским языком. Эта группа горожан наиболее

полно реализует в речевой практике знание языка своей национальности, не менее широко употребляет во внутринациональном и межнациональном общении русский язык.

2. При образовании 4–9 классов уже примерно каждый четвертый житель города считает родным язык межнационального общения и каждый третий свободно владеет им.

3. В группе карелов, имеющих образование выше среднего, заметно сокращается доля лиц с родным карельским языком, увеличивается число лиц, свободно владеющих русским и двумя языками. Рост образования, следовательно, способствует в целом распространению двуязычия «вширь», что приводит к значительному изменению в перераспределении функциональных нагрузок контактирующих языков. Русский язык играет основную роль в общении в семье, на производстве, хотя в ряде сфер употребляются два языка (в общении с родителями, родственниками, приезжающими из сельской местности).

Важно подчеркнуть, что развитие языковых процессов тесно коррелируется с этапами общего подъема культурного уровня городского населения (табл. 5).

Социально-профессиональные группы с точки зрения их этнолингвистической характеристики отличаются друг от друга прежде всего по степени свободного владения языками: в более квалифицированных группах русский язык знают лучше и чаще пользуются обоими языками (табл. 6). Работники неквалифицированного и малоквалифицированного труда (Γ_2) имеют более устойчивые установки на национальный язык: чаще остальных групп называют родным карельский, свободнее владеют им. Языковая ассимиляция среди квалифицированных работников физического труда (Γ_1 и В) распространена столь же широко, как и среди интеллигенции. Языковые характеристики профессиональных групп находятся в прямой зависимости от возрастной структуры этих групп.

Таблица 6

Социально-профессиональные группы и языковые характеристики (в % к каждой группе)*

Знание языков	Социально-профессиональные группы							
	Γ_2	Γ_1	В	Б	A_1	A_2	A_3	A_4
Абсолютное число опрошенных (чел.)	246	213	178	139	144	52	83	67
Язык раннего детства:								
карельский	87,0	77,5	77,0	78,8	78,5	78,0	84,0	89,9
русский	11,4	19,7	18,5	18,2	19,4	14,0	12,3	6,1
оба языка	1,6	2,8	4,5	2,9	2,1	8,0	3,7	4,1
Степень знания карельского языка:								
свободно говорят	80,4	63,4	66,3	61,2	70,1	80,8	71,1	86,0
понимают, объясняются	9,4	18,3	14,0	18,7	14,6	3,8	15,7	8,0
понимают, но не говорят	5,3	10,8	13,5	16,5	6,3	9,6	9,6	6,0
не владеют	4,9	7,5	6,2	3,6	9,0	5,8	3,6	0,0
Признают родным:								
карельский	71,3	59,2	56,7	57,6	61,8	57,7	58,0	66,0
русский	19,4	34,3	36,0	36,0	32,6	30,8	34,6	30,0
оба языка	8,5	5,2	6,2	5,0	3,5	9,6	6,2	4,0
затрудняются ответить	0,8	1,4	1,1	1,4	2,1	1,9	1,2	0,0
Лучше владеют:								
карельским	25,5	13,6	9,6	8,6	6,3	7,7	2,4	2,0
русским	26,3	43,2	42,7	46,8	46,5	28,8	46,3	38,8
в равной мере обоими	48,2	43,2	47,8	44,6	47,2	63,5	51,2	59,2

Примечание. * Условные обозначения: Γ_2 – неквалифицированные и малоквалифицированные работники физического труда; Γ_1 – работники физического труда средней квалификации; В – работники физического труда высшей квалификации; Б – служащие; A_1 – специалисты среднего звена; A_2 – руководители среднего звена; A_3 – специалисты высшего звена; A_4 – руководители высшего звена.

Таким образом, развитие и преобладание той или иной тенденции в языковых процессах (двуязычия или языковой ассимиляции) в известной степени определяется изменениями в социальной структуре горожан и возрастанием доли работников умственного труда. Так как производство постоянно увеличивает спрос на квалифицированных рабочих и расширяет круг работников умственного труда, языковая ассимиляция, очевидно, будет расширяться.

Специального внимания требует изучение связей и зависимостей между языком раннего детства и интенсивностью национального самосознания, оценкой свободного владения тем или иным языком и выбором родного языка, употреблением языков и психологической оценкой результатов языковых контактов.

Материалы конкретно-социологического исследования показывают, что наибольшую внутриэтническую сопряженность, выраженную в родном языке, сохраняют те, кто знание национального языка, приобретенное в раннем детстве, реализует в самых разнообразных сферах семейного общения (табл. 7). Приобщение к русскому языку в школе, в повседневной языковой практике, в армии у них обычно не приводит к расхождению между национальностью и родным языком.

Таблица 7

Взаимосвязь родного языка и характера использования языков

Знание языков и их использование	Считают родным			
	карельский	русский	оба языка	затруднялись ответить
Язык раннего детства:				
карельский	72,3	20,4	6,0	1,3
русский	14,1	80,6	3,9	1,5
оба языка	38,5	48,7	12,8	0,0
Степень знания карельского языка:				
свободно говорят	77,7	14,8	6,3	1,2
понимают, объясняются	33,7	58,1	5,8	2,3
понимают, но не говорят	14,3	79,5	5,4	0,9
не владеют	0,0	100,0	0,0	0,0
Лучше владеют:				
карельским	92,9	6,0	2,1	0,0
русским	31,8	61,2	5,4	1,7
в равной мере обоими	77,6	14,0	7,1	1,3
Говорят с детьми:				
только на карельском	95,5	0,0	4,5	0,0
только на русском	59,0	32,1	7,5	1,3
на обоих языках	90,7	6,5	1,9	0,9
С мужем (женой):				
только на карельском	95,5	1,5	3,0	0,0
только на русском	55,5	36,8	6,4	1,3
на обоих языках	83,6	9,4	6,4	0,6
С родителями:				
только на карельском	83,3	9,0	6,8	0,8
только на русском	18,1	78,3	2,5	1,1
на обоих языках	62,4	27,1	8,6	1,9
Где овладел русским языком:				
в семье	32,2	61,9	4,8	1,1
в школе	70,3	23,1	5,4	1,2
в армии	86,7	6,7	6,7	0,0
в повседневном общении	76,7	14,2	7,5	1,0

Таблица 8

Родной язык и языковые предпочтения *

Знание языков	Предпочли бы совершенствовать знание языка			Предпочли бы слушать радио- и телепередачи	
	карельского	русского	иностранного	на русском	на карельском
Родной язык:					
карельский	13,7	61,1	25,2	71,3	11,5
русский	13,2	51,9	34,9	91,9	4,6
оба языка	8,3	68,3	23,3	71,4	7,1
Язык раннего детства:					
карельский	12,9	61,3	25,8	75,1	9,5
русский	15,3	48,3	36,5	91,5	6,1
оба языка	7,9	55,3	36,8	73,9	13,0
Свободнее владеют:					
карельским	13,5	75,4	11,1	63,1	17,2
русским	14,5	52,0	33,5	89,4	6,0
в равной мере обоими языками	11,7	60,6	27,7	71,8	9,5

Примечание. * В таблице не отражены данные о степени владения финским языком.

Не касаясь специально перспектив языкового развития, мы попытались с помощью проективных ситуаций выяснить языковые предпочтения. Этой цели служили следующие вопросы: «Если бы Вам представлялась возможность заняться языками, то что бы Вы предпочли?», «На каком языке Вы предпочли бы слушать радио и телепередачи?». Так как важнейшим средством внутринациональных и межнациональных (в том числе и языковых) этнокультурных связей становится русский язык, ему должно быть отдано предпочтение. Данные исследования подтвердили нашу гипотезу (табл. 8). Однако городское население, свободно владеющее русским языком, отдает предпочтение карельскому языку так же часто, как и те, кто свободно владеет карельским языком. Распространение двуязычия и языковая ассимиляция в ряде случаев, как бы стимулируют, повышают интерес к знанию национального языка. Другое дело, реализуется ли эта психологическая установка.

Небезынтересно отметить, что передачи на карельском языке ориентируются на освещение событий, связанных с Карелией, ее историей, поскольку интерес проявляется прежде всего к жизни, деятельности, развитию своей этнической общности. При этом ассимилированное в языковом отношении население (с родным русским языком) свое предпочтение карельского языка часто мотивирует так: «Мне самой не надо, но пожилым слушать передачи на своем языке интересно», «Приятно слышать язык родителей, хотя я сам и не понимаю» и т. д. Мы сталкиваемся, вероятно, с нежеланием резко противопоставлять себя представителям своей национальности, с тем чувством близости, которое иногда называют «неуловимым». И чем однонациональнее среда, тем чаще предпочтение отдается «своему» языку.

В заключение считаем целесообразным еще раз подчеркнуть, что распространение двуязычия, языковая ассимиляция части карельского населения – это естественный и закономерный процесс. Поскольку потребность в русском языке возрастает, язык межнационального общения становится главным фактором культурной интеграции карельского народа, обеспечивая тем самым межкультурную преемственность.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАРЕЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ*

В этнографической литературе проблема культурных взаимодействий занимает особое место, определяемое предметной областью этнографии как науки. Этнографы изучают тот аспект истории культуры, который отражает изменение этнической специфики в культурном облике народа¹.

В преобразовании этнического колорита культуры ведущая роль принадлежит культурным взаимодействиям народов. При генетическом подходе к строению культуры она предстает перед нами как сложное единство возникших в данной среде, без влияний извне и заимствованных компонентов культуры².

О результатах этнокультурных контактов обычно судят по тем изменениям, которые претерпевает культурный фонд этноса, прежде всего по изменению соотношения национально-специфического и инонационального. При этом само развитие культурных взаимодействий справедливо определяется сложным сочетанием исторически сложившихся социально-экономических и политических условий, степенью развития и состоянием культуры контактирующих народов, их территориальным размещением, численностью населения, длительностью контактов, психологическим климатом, возникшим в процессе общения и т. д.³

Соотношение национально-особенного и инонационального изменяется как путем непосредственных контактов представителей различных национальностей, так и через опосредованные контакты, возрастающая роль которых в современных условиях определяется бурным развитием средств массовой информации.

В условиях совместного проживания, тесного и разностороннего общения повышаются и информированность о культурных ценностях, культурных достижениях другого народа и обмен ценностями. Структурные изменения в культуре этнической общности – лишь одно из проявлений этих контактов. Перечислить работы, посвященные изучению этнических особенностей в культурном облике народов, – это значит составить сводную библиографию всех поколений этнографов.

Но как бы ни был широк круг изучаемых проблем культурных взаимодействий, в конечном итоге он сводится к анализу основных тенденции: этих взаимодействий через познание особенностей этнического развития того или иного народа. Эти тенденции проявляются в различных типах этнических процессов, генеральная линия развития которых – сближение национальных культур.

К сожалению, такие важные аспекты национального развития, как субъективное восприятие этнокультурных контактов, отношение к культурным ценностям других народов до настоящего времени изучались мало. В программе сектора социологии Института этнографии АН СССР «Оптимизация социально-культурных аспектов развития и сближения наций в СССР» впервые поставлена задача оценить итоги межнациональных культурных контактов и связей, определить меру и глубину усвоения как традиционно-национальных, так и профессиональных форм культуры, найти закономерности, влияющие на процессы культурного обмена между нациями. Одним из критериев оптимизации социально-культурных процессов является социально-психологическое изучение этнических предпочтений через систему установок, т. е. ориентации⁴. Обобщение первых результатов показало перспективность этого направления в познании проблем культурного развития наций и, прежде всего, процессов; интернационализации общественного развития⁵.

* Клементьев Е. И. Сов. этнография. 1976. № 3. С. 57–68.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 210.

² Арутюнов С. А. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре: Автореф. докт. дис. М., 1970. С. 12.

³ См., например: Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. Гл. III; Дробижева Л. М. Социально-психологическая обусловленность культурных контактов // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). М., 1973.

⁴ Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций СССР (Программа, методика и перспективы исследования) // Сов. этнография. 1972. № 3. С. 4–6.

⁵ Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973; Арутюнян Ю. В. Указ. соч.; Его же. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации // Сов. этнография. 1973. № 4; Его же. О развитии и сближении культуры советских наций // Социологические исследования. 1974. № 2; Дробижева Л. М. Усиление общности в культурном развитии советских наций // История СССР. 1972. № 4.

Именно этому аспекту – субъективному восприятию этнокультурных контактов – и посвящена настоящая статья. Задача состоит в том, чтобы изучить динамику культурно-ценностных ориентаций, показать, как изменяется соотношение ценностных ориентаций на национально-традиционные и инонациональные формы культуры, выявить те формы культуры, к которым существует наиболее устойчивое тяготение, и объяснить, с чем связаны изменения ориентаций, оценить роль различных факторов в перестройке национально-культурных ориентаций различных категорий карельского городского населения. При этом прежде всего учитываются три важнейшие типологические характеристики личности: возраст, образование и социальная принадлежность.

Для решения поставленных задач привлекаются материалы конкретно-социологического обследования карельского городского населения Карельской АССР (1972 год). По данным выборочного массива, полученного с учетом целого ряда социально-экономических, географических, экономических, этнических и некоторых других характеристик, в миниатюре воспроизводится внутреннее единство всего объекта исследования, что дает нам право распространить полученные результаты на все карельское городское население республики⁶.

Сбор информации производился методом стандартизованного интервью по специально разработанному вопроснику. Группа вопросов (12) была направлена на выяснение национально-культурных ориентаций опрашиваемых. Среди них одна группа фиксировала знания национально-традиционных форм культуры, вторая – их бытование, третья – предпочитаемые формы культуры. В наборе ответов на вопрос типа «Какие песни (танцы, музыка) Вам больше всего нравятся?» фиксировались установки на собственно национальные ценности, русскую народную культуру, культурные ценности других народов СССР, зарубежную культуру. Оговорим сразу, что под карельской народной культурой подразумевается традиционно-бытовой слой национальной культуры. Его характерными чертами являются устойчивость, повторяемость, т. е. те компоненты культуры, в которых наиболее зримо улавливается этнический колорит⁷. На этом основании к карельским народным причислены издавна бытующие на карельском языке песни, т. е. национальные по происхождению: «Плачет девушка», «Красная девушка», «Мать меня растила» и т. д., различные игровые песни, запевки и т. п. К числу карельских народных танцев отнесены кадрили, лансье, ристу кондра и др.⁸ Хотя кадриль перенята от русских, но в среде карелов она широко и издавна распространена и, самое главное, воспринимается как собственно национальный танец. Традиционные национальные мелодии, воспроизводимые на кантеле, пастушьем рожке, пастушьей трубе, причислены к карельской народной музыке.

Содержание понятий «русские народные песни», «русские народные танцы», «русская народная музыка» определяет этимология этих выражений. Следует, впрочем, отметить, что в разряд русских народных танцев карелы нередко относят танцы, бытующие у других народов. Это и понятно, так как линия преемственности в карельской культуре теснейшим образом переплетена с традициями русской народной культуры. Через русскую культуру, аккумулирующую лучшие достижения других народов, карелы знакомились с их традициями и поэтому воспринимали их как явления русской культуры.

Важно подчеркнуть, что в настоящей статье рассматривается тот вариант проблемы этнокультурных взаимодействий, когда один этнос (карелы) не имеет развитого слоя профессиональной культуры, а другой (русские), наоборот, обладает мощным ее фондом.

Исходя из поставленных задач, мы ограничиваемся выяснением знаний (информированности) о некоторых формах карельской народной культуры и анализом этнических предпочтений (выборов), касающихся этнически различаемых культур.

Поскольку установка является одним из средств внутренней регуляции направленности поведения человека и фиксирует состояние готовности к определенной активности, основанной на эмоциях, знаниях и убеждениях⁹, постольку изучение установок дает возможность выявить связь человека с окружающим миром культурных ценностей, отношение к ним.

⁶ Клементьев Е. И. Развитие языковых процессов в Карелии (на материалах конкретно-социологического исследования карельского городского населения) // Сов. этнография. 1974. № 4. С. 26–36.

⁷ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 74, 75.

⁸ См. также: Народные танцы Карелии, запись Л. Степановой. Петрозаводск, 1959.

⁹ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 247.

В типологии ориентации мы придерживались схемы, предложенной Ю. В. Арутюняном: ориентации только на национально-особенное в культуре интерпретируются как узконациональные; интернациональное поведение предполагает наличие в ориентациях набора предпочтений и к национальным, и инонациональным формам культуры¹⁰.

Обращаясь к анализу субъективных оценок (выборов) культурных ценностей индивидом, мы исходим из положения, что «наши эмоции являются следствием формы нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим»¹¹. Изменение ценностных ориентаций, следовательно, свидетельствует не только о вербальном поведении, но и о запросах личности, отражающих в значительной степени уже и реальное поведение. Из повседневного опыта заимствуются нюансы поведения, те элементы, которые помогают нам воскресить черты и прошлого и будущего, не говоря о настоящем.

Выбор сферы духовной культуры для изучения этнических предпочтений обуславливался также и тем, что в современных условиях этническая специфика все более смещается из материальной культуры в духовную, в сферу психологических явлений¹².

Материалы исследования свидетельствуют о том, что ни одна возрастная, социально-профессиональная или образовательная группа карелов не ограничивается в своих ориентациях только национально-специфическим.

Характерной чертой современного этапа является заметный отход городского населения от традиционных форм культуры: более половины горожан (54,5 %) не знают карельских народных танцев, 71,3 % не могут назвать ни одной карельской народной песни. 23,0 % обнаружили слабое знание карельских танцев (имеют представление об одном–двух танцах, но не могут их воспроизвести и научить других), 27,0 % знают одну–три карельских песни.

Процесс отхода от традиционных форм культуры явственно обнаруживается и в изменении этнических предпочтений. В составе всего городского населения лишь 8,4 % карелов нравятся преимущественно карельские народные танцы, 6,3 % отдали предпочтение только карельским народным танцам, 12,6 % высказались за проведение свадьбы в строгом соответствии с традиционными обычаями и обрядами.

Значительное число карелов отдают предпочтение прежде всего русской культуре: 43,6 % опрошенных предпочитают русские народные танцы, 56 % нравятся русские народные песни, 52,6 % хотят слушать музыку преимущественно русских композиторов (см. ниже).

Сравнительный анализ коэффициентов А. А. Чупрова, измеряющего тесноту связи признаков (характеристик) в социальных объектах (в нашей статье эта связь прослеживается между возрастом, социально-профессиональной принадлежностью и уровнем образования, с одной стороны, и культурными ориентациями – с другой – Е. К.), показывает, что наиболее сильное воздействие на выборы культурных ценностей оказывает возраст. Социальное положение и уровень образования обладают различной силой влияния и направленности на избирательность выбранных нами индикаторов культуры (табл. 1).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики и установки (в коэффициентах А. А. Чупрова)*

Характер предпочтений	Возраст	Образование	Социальное положение
Нравятся танцы	0,248	0,191	0,161
Нравится музыка	0,237	0,228	0,156
Нравятся песни	0,195	0,157	0,114
Предпочел бы сыграть свадьбу	0,142	0,122	0,145

Примечание.* О расчетах коэффициента А. А. Чупрова см. подробнее: Урбах В. Ю. Биометрические методы. М., 1964. С. 356–358.

Однако данные табл. 1 оставляют в тени реальную картину этнических выборов в сфере культуры, фиксируя лишь различную меру значимости отдельных факторов в изменении психологической предрасположенности к тем или иным культурным ценностям. Целесообразно, очевидно, привлечь

¹⁰ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации // Сов. этнография. 1973. № 4. С. 5.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6, 7.

¹² XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы современной этнографической науки // Сов. этнография. 1971. № 4. С. 5.

материалы исследований, отражающие конкретный срез культурных ориентаций по отдельным рассматриваемым группам. Динамика национально-культурных выборов наиболее отчетливо улавливается в этнических предпочтениях различных возрастных групп карельского городского населения (табл. 2).

Таблица 2

**Зависимость между возрастом и культурно-ценностными ориентациями
(% в каждой возрастной группе)***

Возраст	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60 и более
Абсолютное число опрошенных	90	137	102	164	182	317	142	28
Не знают карельских народных танцев	76,2	67,8	59,1	46,0	48,8	39,5	25,8	36,7
Нравятся танцы:								
карельские народные	0,9	5,2	6,4	2,5	7,1	9,1	15,0	36,0
русские народные	6,1	14,3	16,6	43,1	47,0	53,1	58,5	48,0
балет	21,9	24,0	27,5	30,6	25,7	25,3	17,0	4,0
современные	65,8	53,9	38,5	16,9	14,8	7,2	3,4	4,0
Не знают карельских народных песен	81,8	82,0	74,0	66,5	69,7	66,3	60,4	62,4
Нравятся песни:								
карельские народные	1,7	3,2	0,9	6,1	6,3	5,2	11,1	17,2
русские народные	11,1	23,4	33,6	54,7	53,1	61,6	64,7	69,0
современные советские	76,1	59,5	57,8	34,3	34,3	27,1	19,6	6,9
Нравится музыка:								
карельская народная	0,0	1,5	1,5	17,9	11,9	34,3	22,4	17,9
русская народная	11,5	14,5	27,7	46,8	52,8	66,9	68,9	67,9
классическая, симфоническая	3,8	11,8	12,5	10,5	10,6	6,7	6,8	6,0
эстрадная	84,6	69,7	57,1	32,7	28,1	16,4	11,5	0,0

Примечание.* В этой и следующих таблицах не отражены установки на танцы, песни, музыку других народов СССР.

Карелы старше 30 лет ориентируются преимущественно на культурные ценности русского народа. В то же время избирательность людей среднего и старшего возраста чаще направлена на традиционное. В старших возрастных группах по сравнению с молодыми психологическая predisposition к культурным ценностям своей этнической области теснее согласуется со знаниями национально-особенного: личный и предшествующий опыт поколений закреплял привычные образцы поведения. Молодежь проявляет наибольшую готовность к восприятию современных, форм урбанизированной культуры, не имеющей ярко выраженной национальной окраски. Высокий процент установок молодых на инонациональное определяется прежде всего сравнительно слабым знанием традиционных форм культуры. С другой стороны, расширение сети массовых коммуникаций приводит к быстрому внедрению современных общесоветских форм культуры, способствует приобщению к культурным достижениям других народов, трансформируя одновременно и структуру ориентаций. С уменьшением возраста усиливается интерес к сложным профессионально-музыкальным формам. Если в возрастной группе 50–59-летних симфоническая музыка нравится только 6,8 %, то в группе 20–24-летних 11,8 %, классическая музыка, балет соответственно 17 и 24 %. Молодое поколение отличается от пожилых и в установках на эстрадную музыку, современные танцы. В вербальном поведении старшего поколения запас знаний и сведений о прежних традициях более широк, чем у молодых, в определенной мере он детерминирует психологическую predisposition к ним. Однако в установках на современные советские песни у различных поколений больше «родственных» черт, чем различий. Традиции, выражающие интернациональный характер советской культуры, закрепляются в общественной жизни и духовном облике советского народа как новые национальные черты.

В структуре ориентации различных возрастных групп значимость прусской культуры оценена по-разному. Среди карелов в возрасте 50–59 лет у 65 % пользуются популярностью русские народные песни, а среди 16–19-летних соответственно у 11,1 %. Аналогичные тенденции – ослабление установок на русскую традиционную культуру – характерны и по другим выбранным нами индикаторам этнических предпочтений.

Переориентация поколения, родившегося в послевоенное время, с русской традиционной культуры на современные общесоветские формы профессиональной культуры, культурные ценности других народов СССР и достижения мировой культуры, определяется совокупностью факторов: темпами социально-культурных преобразований, интенсивным развитием средств массовой комму-

никации, коренной перестройкой национального состава республики, миграцией карелов в городскую среду и т. д. Увеличение объема культурно-информационных связей закладывает основы для создания равных для всех людей условий освоения культурных благ, духовного развития, формирования культурных навыков, привычек, интересов, новых культурных потребностей, лежащих в фундаменте культурного единства. Расширение доступа к духовным ценностям преобразует сам процесс культурного развития: переориентация на современные общесоветские формы профессиональной культуры убедительно доказывает, что в области духовной жизни ведущей тенденцией стало функционирование карельской национальной культуры на основе общесоветских форм. Важно отметить и то, что русскоязычная культура часто воспринимается, как показывают материалы конкретно-социологического обследования, как общесоветская культура.

Среди факторов, влияющих на перестройку ценностных ориентаций, видное место принадлежит росту образования и совершенствованию социально-профессиональной структуры городского населения.

Несмотря на некоторое варьирование показателей, с ростом образования приверженность карелов к традиционной культуре, выраженная в этнических предпочтениях, постепенно ослабевает (табл. 3). Четко прослеживается следующая закономерность: чем выше уровень образования, тем сильнее расхождение между знаниями о национально-своеобразном и установками на традиционные формы культуры. Так, у горожан с образованием выше среднего информированность о народных песнях, танцах не хуже, чем у тех, кто окончил неполную среднюю школу, однако знания не столь отчетливо согласуются с этническими установками. С ростом образования растут знания о достижениях других народов, современных формах культуры, широко распространенных в городской среде. Уровень культурного развития, определяя меру приобщения к духовным достижениям современности и традициям прошлого, способствует дальнейшему разворачиванию процесса сближения национальных культур, утверждения черт интернационализма.

Таблица 3

**Зависимость между образованием и культурными ориентациями
(% в каждой образовательной группе)**

Образование	До 4-х классов	4–6 классов	7–9 классов	Среднее	Среднее специальное	Высшее
Абсолютное число опрошенных	67	242	351	224	150	115
Не знают карельских народных танцев	38,2	52,3	59,5	64,3	50,0	42,7
Нравятся танцы:						
карельские народные	17,5	12,1	5,3	4,5	5,2	6,1
русские народные	61,9	59,8	40,4	18,4	39,0	29,5
балет	6,3	15,1	20,3	31,4	28,6	45,5
современные	6,3	7,9	28,4	41,2	22,7	15,9
Не знают карельских народных песен	76,1	72,2	73,8	72,8	70,0	61,5
Нравятся песни:						
карельские народные	10,0	7,1	4,6	3,7	1,2	5,7
русские народные	62,9	64,3	48,3	29,9	46,1	47,0
современные советские	24,3	23,0	39,8	54,2	44,8	41,4
Нравится музыка:						
карельская народная	10,1	7,1	4,3	3,2	2,0	5,0
русская народная	75,4	72,8	51,6	22,0	39,9	33,1
классическая, симфоническая	1,4	2,9	4,8	10,8	14,4	25,9
эстрадная	8,7	14,2	36,9	62,8	39,2	33,1

Традиционные формы культуры, очевидно, не могут в настоящее время полностью удовлетворять изменяющиеся, быстро растущие духовные потребности и интересы, а профессиональный слой национальной культуры у карелов развит слабо.

Вербальное поведение старшего поколения горожан с низким уровнем образования в определенной мере детерминировано знанием и реальным бытованием в их среде традиционных форм культуры, а также русских народных песен, хорошо известных и широко распространенных в Карелии в прошлом. Исполнение танцев, как правило, сопровождалось пением русских народных песен. Не случайно этнические выборы представителей старших поколений чаще ориентированы на знакомое, привычное, более известное. У карелов, имеющих семилетнее образование и выше, значительно шире спектр интересов. Хотя ценностям, созданным на языке межнационального общения,

каким является русский язык, и отдается предпочтение, но в систему ориентации все шире, с нарастающей степенью интенсивности входят современные формы урбанизированной культуры. Так, например, лишь 2,9 % карелов, имеющих образование 4–6 классов, нравится классическая, симфоническая музыка, в то время как среди карелов с высшим образованием ее любят 25 %. Перестройка структуры ориентации с ростом образования происходит за счет расширения диапазона интересов к разным видам культуры, культурным достижениям других народов. Взаимопроникновение культур, расширяя духовный мир личности, способствует повышению его культурных запросов. С ростом образования культурные ориентации становятся все более интернациональными. Дальнейшее развитие общесоветской культуры как культуры новой исторической общности людей все более зримо влияет на духовный облик карельского городского населения.

По степени знаний традиционных форм культуры, ориентации на традиционную культуру карельское городское население может быть разбито на две большие группы: работники физического и умственного труда (табл. 4). Прослеживается следующая закономерность: чем выше социальный статус работников физического труда, тем ниже процент знающих и ориентирующихся на традиционный слой своей национальной культуры. И наоборот, чем более сложным видом умственного труда занято население, тем больше сведений о традициях своей культуры хранится в памяти людей. И в целом у интеллигенции и служащих не меньше этнических предпочтений, чем у работников физического труда средней (Γ_1) и высшей (В) квалификации.

Карелы с образованием до 9 классов, а также все категории работников физического труда чаще всего отдают предпочтение русским народным песням и танцам.

Таблица 4

**Динамика национально-культурных ориентаций в зависимости от социальной принадлежности
(% в каждой группе)***

Знание языков	Социально-профессиональные группы							
	Γ_2	Γ_1	В	Б	A_1	A_2	A_3	A_4
Абсолютное число опрошенных	246	213	178	139	144	52	83	67
Средний возраст социально-профессиональных групп (лет)	42,5	35,8	36,6	32,5	35,0	38,8	39,9	40,9
Средний уровень образования (годы обучения)	5,1	7,4	7,7	8,6	10,7	9,9	12,8	13,0
Не знают карельских народных танцев	51,8	57,7	63,3	51,0	52,1	47,3	50,6	40,0
Нравятся танцы:								
карельские народные	16,5	5,5	3,0	7,4	6,0	6,1	8,0	2,0
русские народные	58,2	39,2	43,8	41,6	35,1	38,8	33,0	39,2
балет	14,2	17,5	21,3	22,1	32,5	30,6	43,2	39,3
современные	11,8	31,3	26,6	22,1	21,9	18,4	13,6	17,6
Не знают карельских народных песен	73,7	76,2	75,4	68,3	63,9	61,8	62,8	62,0
Нравятся песни:								
карельские народные	11,0	4,6	2,6	5,6	4,6	4,7	5,3	1,6
русские народные	55,7	50,4	52,1	47,8	42,2	54,4	47,9	53,2
современные советские	27,8	36,4	38,5	38,5	42,8	33,3	45,7	37,1
Нравится музыка:								
карельская народная	10,1	3,2	6,5	5,3	4,4	1,9	3,2	5,5
русская народная	65,6	47,7	51,6	45,4	39,0	43,4	40,9	47,3
классическая, симфоническая	2,0	7,3	5,4	9,2	10,7	15,1	21,5	20,0
эстрадная	18,2	41,4	34,9	36,2	41,5	35,8	31,2	25,5

Примечание. Γ_2 – неквалифицированные и малоквалифицированные работники физического труда, Γ_1 – работники физического труда средней квалификации, В – работники физического труда высшей квалификации, Б – служащие, A_1 – специалисты среднего звена, A_2 – руководители среднего звена, A_3 – специалисты высшего звена, A_4 – руководители высшего звена.

В ориентациях работников умственного труда явно ощущается тяготение к русской традиционной и современной общесоветской культуре. Степень информированности интеллигенции о народных танцах, песнях не хуже, чем у занятых физическим трудом. Это связано с тем, что формирование национальной интеллигенции происходило и происходит главным образом из неквалифицированных и малоквалифицированных групп населения: примерно у 60 % руководителей и специалистов среднего и высшего звена отцы – работники физического труда, а более чем у 80 % матери – малоквалифицированные рабочие.

Изменение социальных ролей в значительной степени детерминирует структуру и динамику культурно-ценностных ориентаций. Проективное поведение высококвалифицированных кадров отражает формирование новых потребностей и эстетических интересов, потребностей в развитых видах литературы и искусства, при известном сохранении интереса к культурным традициям своей этнической общности.

Судя по ориентациям, профессиональные формы современной урбанизированной культуры различных народов широко «прописаны» в их запросах. Очевидно, в условиях научно-технической революции сфера разнотнической культуры расширяется, формируя и интернациональные черты поведения; «в процессах взаимного проникновения культур особую роль играют именно профессиональные, а не фольклорно-народные»¹³. Современный этап этнокультурного развития характеризуется прежде всего не замыканием в культуре своего этноса, а расширением этнокультурных взаимосвязей. Темпы и глубина процессов интернационализации в значительной мере зависят от того, этносы каких типов вступают во взаимодействие. Карельский этнос, имея слабо развитый слой собственной профессиональной культуры, особенно интенсивно воспринимает культурную информацию более развитого в культурном отношении народа, прежде всего русских.

В социально-культурном развитии карельского народа на современном этапе видное место принадлежит русскому языку – языку межнационального общения. В преодолении фактического неравенства, в обеспечении ускоренного развития карелов русский язык играл и играет большую роль. Достижения мировой культуры становились близки и доступны карелам прежде всего через русскую культуру. Однако ее роль в этнокультурном развитии карелов не может быть сведена только к интернациональным функциям. В устойчивом психологическом тяготении карелов к традициям русской культуры, как в зеркале, отражается своеобразие исторических судеб карельского народа и его культуры. Культурные связи с русскими служили одним из мощных стимулов развития карельской культуры. Начиная уже с эпохи Раннего Средневековья этническая история карелов неразрывными узами связана с историей русского народа; социально-экономические, политические и культурные связи двух народов постоянно нарастали. Все исследователи, в той или иной мере касающиеся вопросов культурных взаимодействий двух народов, единодушно признают, что в течение многих столетий культура карелов испытывала мощное влияние русской культуры.

Уже начальный этап этнической консолидации карелов (XIII–XIV вв.), когда закладывались основные черты культурной общности, проходил под довольно большим воздействием русской культуры¹⁴. Русская культура, оставив неизгладимый след на бытовом укладе карелов, ощущается в обычаях, обрядах, верованиях, устном поэтическом творчестве, изобразительном искусстве, архитектуре и т. д., т. е. во всех сферах материальной и духовной жизни. Исследователи обнаруживают многочисленные карело-русские параллели, находят комбинацию общих и сходных черт, улавливают иногда еле видимые, а нередко и полные культурные аналогии¹⁵.

Неповторим этнический облик культуры карелов. Но самобытность проявляется не только в национально-специфическом, но и в сложном и своеобразном сочетании и напластовании интернационального, инонационального и собственно этнического, в сплаве национально-особенного и инонационального. Не вдаваясь подробно в анализ особенностей этнокультурного развития карельской народности на различных этапах этнической истории, заметим лишь, что диалектика этого развития карелов состояла как в динамике собственной этнокультурной традиции, так и в постоянном накапливании в процессе взаимовлияний и взаимообогащения объема адаптированных и заимствованных элементов из культурного наследия разных народов. Однако в сложном синтезе разнотнических культур пласты русской культуры особенно отчетливо различимы. Несомненно,

¹³ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации // Сов. этнография. 1973. С. 7–10.

¹⁴ Очерки истории Карелии. Т. I. Петрозаводск, 1957. С. 74, 75.

¹⁵ Очерки истории Карелии. Т. I. С. 100–103, 153–162, 192–199, 223–229; Тароева Р. Ф. Материальная культура карелов М.; Л., 1965; Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. Т. I. М.; Л., 1957; Т. II. М.; Л., 1960; Его же. Руны «Калевалы» и русско-карельские фольклорные связи // Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы. 1948. Вып. 2; Карельские народные сказки (южная Карелия). М.; Л., 1967; Конка У. С. Карельская сатирическая сказка. М.; Л., 1956; Орфинский В. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972; Лапчинский Г. Музыкальная культура Карелии. Л., 1968; Онегина Н. Ф. Русско-карельские фольклорные связи: Автореф. канд. дис. Л., 1974 и др.

черты этнической близости культур двух народов, явственно улавливаемые в материальной и в меньшей степени в духовной культуре, в значительной степени предопределяют психологическую предрасположенность, симпатии карелов к русской народной культуре. Но не следует недооценивать и другого.

Практика длительных, разносторонних и устойчивых связей обеспечивала хорошую осведомленность карелов о традициях и достижениях русской культуры. Многие явления русской культуры, издавна прочно вошедшие в повседневный быт карелов, передаются из поколения в поколение. В этой связи уместно отметить повсеместное исполнение карелами русских народных песен на русском языке даже тогда, когда сами исполнительницы не вполне точно понимали смысл воспроизводимого на память текста¹⁶. В процессе языкового общения карелы свободно пользуются двумя генетически разнородными языковыми системами – русским и карельским языками одновременно. Причем смена языка наблюдается в самых разнообразных по жанру повествованиях¹⁷. О глубине проникновения русской культуры в карельскую среду очень убедительно говорит отнесение русских народных песен, танцев, национальных блюд в разряд собственно карельских; часть русской традиционной культуры приобретала роль символов внутриэтнической идентификации¹⁸. В результате длительных интеграционных процессов при благоприятном климате в национальных отношениях формировались зримые черты культурно-психологической общности двух народов, значительно перекрывавшие границы собственно этнических территорий.

Подобно незримому магниту предшествующий опыт общения определяет в настоящее время направленность ценностных ориентации карелов на русскую культуру. Особенно влияют на национальные ориентации городского населения языковые характеристики (табл. 5).

Таблица 5

Влияние языковых характеристик на национально-культурные ориентации (% в каждой группе)

Национально-культурные ориентации	Свободнее владеют языком		Свободно владеют обоими	Считают родным	
	карельским	русским		карельский	русский
Не знают карельских народных танцев	40,0	69,9	53,8	46,1	72,4
Нравятся танцы:					
карельские народные	14,9	3,5	9,6	10,7	1,7
русские народные	47,5	34,4	42,4	40,3	35,6
балет	16,3	25,0	25,8	25,5	23,4
современные	17,7	31,5	17,3	19,0	33,6
Не знают карельских народных песен	61,8	80,0	64,0	64,9	85,0
Нравятся песни:					
карельские народные	11,9	2,9	6,2	9,1	1,8
русские народные	56,6	38,2	55,4	51,1	39,6
современные советские	25,2	49,2	32,9	33,8	48,8
Нравится музыка:					
карельская народная	11,5	2,7	6,3	7,3	1,5
русская народная	63,3	37,7	52,8	53,7	36,0
классическая, симфоническая	2,9	9,2	9,9	8,2	11,4
эстрадная	20,1	48,2	27,8	28,1	49,9

Среди свободно владеющих языком своей национальности и признающих его родным, наиболее высок процент лиц, ориентирующихся на специфические черты своей и традиции русской народной культуры.

Однако достаточно велик интерес и к современной культуре. Свободное владение двумя языками сравнительно слабо влияет на изменение структуры этнических предпочтений, если сравнить их установки с выборами тех, кто свободнее владеет карельским языком. Более заметное смещение

¹⁶ Пименов В. В., Тароева Р. Ф. Этнические процессы в Карелии // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 293.

¹⁷ Баранцев А. П. Случаи мены языка в речи карелов-людигов // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. С. 38–41.

¹⁸ Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР): Автореф. канд. дис. М., 1971. С. 10.

в национально-культурных ориентациях наблюдается у тех, кто более свободно владеет русским языком. Это смещение проявляется и в снижении числа выборов карельских народных песен, танцев и т. д., и в усилении ориентации на современные общесоветские формы культуры. С распространением двуязычия «вширь» и «вглубь» степень культурной общности карелов с другими народами, выраженная в национально-культурных ориентациях, имеет тенденцию возрастать: ориентации городских карелов, свободно владеющих русским языком, наиболее дисперсны, наиболее гармоничны. Лишь при возникновении расхождений между национальностью и родным языком (языковая ассимиляция) значительно сокращается процент лиц, имеющих установки только на традиционное; причем отмечается резкое усиление внимания к формам урбанизированной культуры. Так как существует связь между языковыми характеристиками и национально-культурными ориентациями,

а перспективы языкового развития определяются дальнейшим распространением русского языка¹⁹, логично предположить, что в структуре ценностных ориентации все более видное место будут занимать сложные формы городской культуры.

Таким образом, активное восприятие карелами современных культурных достижений различных народов нашей страны ведет к постепенному нарастанию в карельской культуре общесоветских черт.

У бесписьменного народа ведущая роль в процессе перестройки жизни в соответствии с современными требованиями культурного развития принадлежит языку межнационального общения – важнейшему средству социально-культурного роста карелов. Русский язык, однако, не только средство повышения уровня образования, средство познания культурных достижений, но в настоящее время и средство развития самой карельской культуры.

Превращению русского языка в важный фактор национального развития способствовала многовековая общественно-историческая практика взаимодействия двух народов – карелов и русских – и их культур, скрепленная единством политических интересов в борьбе против иноземных вторжений, национального гнета, в борьбе за демократию и социализм. Дружественный климат в национальных отношениях закреплял преимущественную психологическую предрасположенность карелов к русской народной культуре. В условиях тесных контактов, широкого распространения русской культурной традиции в карельской среде перестраивались представления карелов о национально-особенном и инонациональном. Отнесение явлений русской культуры в разряд собственно этнических ценностей – наиболее яркое свидетельство упрочения межэтнических связей, своеобразная результат культурных взаимодействий и взаимовлияний.

Социально-экономическое и идеологическое единство нашего общества, явственно проявляющиеся процессы социально-культурного выравнивания наций и народностей, расширение доступа карелов к развитым формам современной профессиональной культуры создают благоприятные предпосылки для дальнейшей интернационализации общественной жизни и дальнейшего сближения с другими народами нашей страны.

¹⁹ См.: Клементьев Е. И. Развитие языковых процессов в Карелии (на материалах конкретно-социологического исследования карельского городского населения) // Сов. этнография. 1974. № 4. С. 26–36.

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ НАРОДЫ КАРЕЛИИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСЕЙ 1970–1979 ГОДОВ

В настоящей статье обсуждаются этноязыковые аспекты данных Всесоюзных переписей населения 1970–1979 годов. Одна из задач состояла в том, чтобы выяснить условия бытования карельского, вепсского и финского языков. В качестве условий анализируются изменения в национальном составе населения Карелии в целом, отдельных районов, в расселении карелов, вепсов и финнов в различных типах этнических сред и некоторые другие. На основе анализа этих условий решается и другая задача. Она заключается в том, чтобы выяснить, как под их влиянием изменялся выбор этими народами родного языка. Последний аспект рассматривается в качестве важнейшего индикатора, характеризующего изменение этноязыковой идентичности прибалтийско-финских народов, направление и темпы развития этнических процессов.

Динамика численности и этнического состава населения

В 1970-е годы увеличение общей численности населения республики (с 713451 в 1970 году до 732193 в 1979 году или на 10,3 %) происходило на фоне сокращения численности сельского населения (с 222935 до 163805 чел. или на 13,6 %). Прирост обеспечивался за счет увеличения числа горожан (рост на 77868 чел.), преимущественно русских (рост на 76032 чел.) (табл. 1).

Сокращение объемов заготовок леса вызвало массовый отток из села трудовых ресурсов. Существенную лепту в миграцию сельского населения вносила также новая экономическая политика развития аграрного сектора экономики, получившая название «ликвидация неперспективных деревень». За 10 лет численность сельских карелов уменьшилась на 10 тыс. чел., покинули сельскую местность 10 тыс. белорусов, примерно 6 тыс. украинцев, около 3 тыс. русских, в два раза снизилась численность поляков и т. д. (см. табл. 1).

В результате сложных и противоречивых миграционных подвижек – переселений из сельских поселений в города и поселки городского типа, переезда части жителей из лесных поселков в аграрно-индустриальные и аграрные селения, ликвидации мелких населенных пунктов – этнический «облик» сельских поселений постоянно менялся. Мелкие деревни и лесные поселки, теряя трудовые ресурсы, стали быстро хиреть и исчезать с карты Карелии: с 1970 по 1979 годы общее число сельских поселений сократилось с 1069 до 742. В то же время другие сельские поселения, в том числе аграрного профиля, продолжали укрупняться, превратившись в наиболее распространенный тип сельских населенных мест¹.

Формирование некарельской прослойки в поселениях аграрного профиля означало новый этап в сложении многонациональной сельской среды и создание относительно устойчивых контингентов инонационального населения в пределах этнической территории расселения карелов. «Своей» этнической средой для карелов и вепсов, отчасти русских и белорусов, стали поселения аграрного и аграрно-индустриального профиля, для других национальностей, прежде всего белорусов, по-прежнему оставались преимущественно лесные поселки².

В 1970-е годы сокращение общей численности карелов, вепсов и финнов происходило на фоне их дальнейшей урбанизации. К началу 1979 года численность карелов, проживающих в городах, увеличилась за десятилетие с 44,7 до 55 %, в городском населении возросла с 7,7 до 7,9 %. Аналогичная тенденция характерна и для вепсского населения, но в более скромных масштабах. Снижение общей численности финской этнической группы шло весьма динамично как в городах, так и в сельской местности. С 1970 по 1979 год общая численность финнов сократилась на 2075 чел., в том числе финнов-горожан на 637 чел., сельских финнов на 1438 чел. Тем не менее удельный вес городских финнов был на порядок выше, чем карелов или вепсов (рассчитано по данным табл. 1).

¹ Клементьев Е. И. Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы. Петрозаводск, 1988. С. 26–28.

² См. подробнее: Кожанов А. А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979) // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 5–20; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1960–1980-е годы. Историко-социологические очерки. Петрозаводск, 2000. С. 14–19.

Таблица 1

Национальный состав населения Карелии

Национальности	1970 год				1979 год				Прирост* +, -
	город	село	всего	%	город	село	всего	%	
Всего:	490516	222935	713451	100	568388	163805	732193	100	+18742
%	68,8	31,2	100		77,6	22,4	100		
<i>в том числе:</i>									
русские	367593	118605	446198	62,5	432251	89979	522230	71,3	+76032
карелы	37596	46584	84180	11,8	44708	36566	81274	11,1	-2906
финны	17635	4539	22174	3,1	16998	3101	20099	2,7	-2075
вепсы	3523	2800	6323	0,9	3649	2215	5864	0,8	-459
белорусы	35179	31231	66410	9,3	38226	21168	59394	8,0	-7016
украинцы	15714	11726	27440	3,8	17989	5776	23765	3,2	-3675
поляки	2845	2355	5200	0,7	2989	1151	4540	0,6	-660
татары	1707	896	2603	0,3	1955	656	2611	0,3	+8
евреи	1470	110	1580	0,2	1412	62	1474	0,2	-106
литовцы	1035	911	1946	0,3	977	507	1484	0,2	-462
мордва	908	455	1363	0,2	971	302	1273	0,2	-89
чуваши	847	944	1791	0,2	1008	718	1726	0,2	-65
эстонцы	499	112	611	0,1	417	103	520	0,1	-141
молдаване	257	322	579	0,1	442	136	578	0,1	-1
латыши	276	138	414	0,06	294	84	378	0,05	-36
удмурты	182	99	281	0,03	243	88	331	0,03	+50
марийцы	199	66	265	0,03	342	295	637	0,2	+372

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 13/76. Д. 24/150; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Национальный состав населения Карельской АССР. Сборник III. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 6–15.

* В таблице рассчитан прирост/убыль (+, -) населения к 1979 году по сравнению с 1970 годом по динамике общей численности населения и по динамике общей численности этнических групп.

Таблица 2

Типы сельских этнических сред, %

Горсоветы, районы	Русские			Карелы			Вепсы			Финны		
	1970	1979	Р	1970	1979	К	1970	1979	В	1970	1979	Ф
	%	%	+, -	%	%	+, -	%	%	+, -	%	%	+, -
Преимущественно карельская												
Калевальский	28,0	32,7	+4,7	48,4	46,5	-2,1	0,05	0,1	+0,05	0,8	0,7	-0,1
Олонецкий	19,9	18,6	-1,3	72,0	74,0	+2,0	0,1	0,1	0	0,7	0,8	+0,1
Пряжинский	29,4	28,5	-0,9	51,9	55,6	+3,7	0,4	0,4	0	6,5	6,1	-0,4
Преимущественно русская												
Петрозаводский	72,1	77,5	+5,4	8,7	7,1	-1,6	0,07	0,5	+0,43	6,2	5,6	-0,6
Беломорский	63,7	67,1	+3,4	15,3	16,5	+0,8	0,05	0,03	-0,02	0,8	0,7	-0,1
Кемский	58,9	59,4	+0,5	17,2	18,9	+1,7	0,1	0,1	0	0,4	0,5	+0,1
Кондопожский	65,7	66,6	+0,9	19,0	19,0	0	0,2	0,2	0	3,1	2,8	-0,3
Лоухский	55,4	59,1	+3,7	19,1	19,6	+0,5	0,06	0,1	+0,04	0,8	0,6	-0,2
Лахденпохский	—	71,8		—	2,4		—	0,2		—	0,8	
Медвежьегорский	75,9	67,0	-8,9	15,9	16,8	+0,9	0,1	0,1	0	1,3	1,4	+0,1
Пудожский	74,7	76,6	+2,1	0,8	0,9	+0,1	0,06	0,1	+0,04	0,3	0,2	-0,1
Сегежский	54,1	59,8	+5,7	4,3	4,1	-0,2	0,08	0,1	+0,02	2,5	2,1	-0,4
Сортавальский	65,4	60,6	-4,8	2,6	4,1	+1,5	0,1	0,1	0	1,0	1,4	+0,4
Прионежский	61,5	63,5	+2,0	3,0	3,9	+0,9	20,6	17,9	-2,7	4,5	4,1	-0,4
Национально-смешанная												
Муезерский	43,1	46,5	+3,4	16,0	17,1	+1,1	0,2	0,2	0	2,1	2,0	-0,1
Суоярвский	50,7	50,7	0	10,0	13,8	+3,8	0,2	0,2	0	2,1	2,4	+0,3
Питкярантский	48,6	50,5	+2,1	14,8	14,0	-0,8	0,08	0,2	+1,92	2,8	2,0	-0,8

Примечание. Составлена по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 13/76. Д. 24/150; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Национальный состав населения Карельской АССР. Сборник III. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 6–15.

Р – динамика численности русских, К – динамика численности карелов, В – динамика численности вепсов, Ф – динамика численности финнов.

В 1970-е годы в районах Карелии сохранились три основных типа сельской этнической среды: с преобладанием карельского населения (3 района – Калевальский, Олонецкий, Пряжинский), с преобладанием русского населения (2 горсовета и 9 районов) и три района с национально-смешанной средой (табл. 2).

В течение десятилетия в районах с преимущественно карельским населением сократилась численность русских (почти на 3 тыс. чел.), карелов (более чем на 5 тыс. чел.), вепсов (на 24 чел.), финнов (почти на 500 чел.). В Калевальском и Олонецком численность населения уменьшилась соответственно на 790 и 2183 чел. При этом численность русских в Калевальском районе заметно возросла, что было связано с промышленным развитием сельской среды. Сокращение объемов лесозаготовок в Олонецком районе, наоборот, вызвало сокращение доли русского населения и повышение карельского. Общий прирост численности сельского населения в Пряжинском районе сопровождался ростом численности и доли карелов. К 1979 году доля сельских карелов, проживающих в «своей» этнической среде, оставалась довольно высокой – 60,7 %. Несмотря на противоречивую этнодемографическую динамику, именно в этом этническом ареале все же сохранялись наиболее благоприятные условия для поддержания плотности внутрикарельских языковых связей (семейных, соседских, межселенных, производственных).

В районах с преобладанием русских численность прибалтийско-финского населения, прежде всего карельского, сократилась на 5 тыс. чел. Уменьшение численности русских (почти на 19 тыс. чел.) сопровождалось увеличением их доли во всех районах республики, за исключением Сортавальского горсовета. Снижение численности вепсов и финнов, по всей вероятности, следует связывать с двумя факторами – их миграцией в городские поселения, прежде всего в Петрозаводск, и с этнической ассимиляцией.

Для национально-смешанной среды наиболее характерная особенность проявлялась в быстром увеличении численности русских (примерно на 6,7 тыс. чел.) и, напротив, в сокращении численности всех трех прибалтийско-финских народов.

Таким образом, если в ареале с преимущественно карельским населением, в принципе, сохранился примерно тот же этнический состав населения, то в двух других средах, прежде всего в национально-смешанной, доля русскоязычного населения продолжала возрастать. Такая динамика превращала полиэтническую среду в моноэтническую, точнее говоря, в русскоязычную. Понятно, что возможности использования карелами, вепсами и финнами языка своей национальности в разных типах этнических сред были разными. Насколько разными? В какой мере тип этнической среды влияли на выбор родного языка и влиял ли?

Этническая среда и языковая идентичность

Таблица 3

Расселение карелов по районам и родной язык, %

Горсоветы, районы	Родной язык карельский								
	1970 год			1979 год			Разность, +, –		
	всего	город	село	всего	город	село	1	2	3
Преимущественно карельская среда									
Олонецкий	84,5	62,5	93,9	76,8	76,8	85,0	–7,7	+14,3	–8,9
Пряжинский	86,2	64,1	90,3	80,0	52,8	87,1	–6,2	–11,3	–3,2
Калевальский	82,3	77,6	86,4	74,5	71,6	78,5	–7,8	–6,0	–7,9
Преимущественно русская среда									
Петрозаводский	47,2	47,1	66,0	39,6	39,6	51,5	–7,6	–7,5	–14,5
Сортавальский	43,8	48,0	37,9	42,2	42,2	33,0	–1,6	–5,8	–4,9
Беломорский	67,4	53,1	83,1	58,6	46,2	75,7	–8,8	–6,9	–7,4
Кемский	68,6	60,3	79,4	54,4	45,5	69,0	–14,2	–14,8	–10,4
Кондопожский	63,4	61,2	65,0	52,3	43,5	62,1	–11,1	–17,7	–2,9
Лоухский	76,4	75,4	77,8	62,5	59,0	69,4	–13,9	–16,4	–8,4
Лахденпохский	–	–	–	31,1	34,4	24,2
Медвежьегорский	73,1	55,3	78,0	69,3	44,4	80,4	–3,8	–10,9	+1,6
Прионежский	51,4	60,2	41,1	41,7	38,6	58,1	–9,7	–21,6	+17,0
Пудожский	52,1	44,0	46,9	32,4	31,9	32,9	–19,7	–12,1	–14,0
Сегежский	47,5	46,8	49,3	40,9	41,1	39,3	–6,6	–5,7	–10,0

Горсоветы, районы	Родной язык карельский								
	1970 год			1979 год			Разность, +, –		
	всего	город	село	всего	город	село	1	2	3
Национально-смешанная среда									
Муезерский	65,7	51,9	68,0	48,7	39,2	52,7	–17,0	–12,7	–15,3
Питкярантский	52,9	59,7	32,3	43,9	41,5	56,1	–9,0	–18,2	+23,8
Суоярвский	64,6	50,1	76,9	58,3	51,8	70,0	–6,3	+1,7	–6,9
Средняя	71,7	57,6	83,1	61,8	49,2	77,2	–9,9	–8,4	–5,9

Примечание. Составлено и рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 13/76. 24/150.

1 – динамика доли городских и сельских карелов с родным карельским языком, 2 – динамика доли городских карелов с родным карельским языком, 3 – динамика доли сельских карелов с родным карельским языком.

Анализ данных, представленных в табл. 3, показывает, что масштабы языковой ассимиляции карелов за десятилетие заметно увеличились.

Если в целом по республике языковая ассимиляция среди карелов распространялась «вширь», то в городах она развивалась «вглубь»: в конце 1970-х годов более чем у половины из них национальность и родной язык не совпадали. Карелы-горожане оказались в стадии такой глубокой ассимиляции, когда расхождения между национальностью и родным языком приобретали необратимый характер.

В начале 1970-х годов вепсы Карелии были еще более ассимилированы в языковом отношении, чем карелы, особенно сельские жители, где лишь каждый четвертый считал вепсский язык родным. Случаи совпадения национальности и родного языка в разрезе районов сильно варьировали (от 13,3 % в Калевальском районе до 76,4 % в Лоухском районе при среднем показателе 31,8 %). Среди вепсов, проживающих в сельской местности Петрозаводского горсовета, уже не осталось ни одного человека, считавшего «свой» язык родным. Сильной языковой ассимиляцией были охвачены также вепсы Прионежского района, т. е. территории традиционного расселения.

К концу 1970-х годов языковая ситуация стала заметно меняться. И в целом по республике, но особенно в сельской местности (в Прионежском, Пряжинском и Медвежьегорском районах) удельный вес вепсов с родным вепсским языком возрос (табл. 4).

Таблица 4

Расселение вепсов по районам и родной язык, %

Горсоветы, районы	Родной язык вепсский								
	1970 год			1979 год			Разность, +, –		
	всего	город	село	всего	город	село	1	2	3
Петрозаводский	37,1	37,0	0,0	32,5	32,5	0,0	–4,6	–4,5	0
Сортавальский	38,6	41,5	23,8	37,1	40,5	10,0	–1,5	–1,0	–13,8
Беломорский	48,0	45,0	60,0	28,1	27,6	50,0	–19,9	–17,4	–10,0
Калевальский	13,3	8,3	33,3	29,4	28,6	33,0	–16,1	+20,3	–0,3
Кемский	28,6	31,8	16,7	30,0	21,4	0,0	+1,4	–10,4	–16,7
Кондопожский	46,2	44,0	56,7	31,9	31,5	35,7	–14,3	–12,5	–21,0
Лоухский	76,4	63,6	100	22,2	21,4	25,0	–54,2	–42,2	–75,0
Лахденпохский	–	–	–	24,3	34,8	7,1	–	–	–
Медвежьегорский	38,5	46,2	23,1	32,9	32,7	33,3	–5,6	–13,5	+10,2
Муезерский	36,5	44,4	34,9	25,6	37,5	22,6	–10,6	–6,9	–12,3
Олонецкий	30,8	44,4	21,0	20,0	9,1	26,3	–10,8	–35,3	+5,3
Питкярантский	37,2	36,0	66,7	25,6	25,0	33,3	–11,6	–11,0	–33,4
Прионежский	25,1	47,6	24,2	43,1	27,0	44,0	+18,0	–20,6	+19,8
Пряжинский	29,7	33,3	28,6	34,4	13,5	44,6	+4,7	–19,8	+16,0
Пудожский	40,9	50,0	35,7	17,4	0,0	28,6	–23,5	–50,0	–7,1
Сегежский	25,0	25,6	20,0	23,2	30,4	0,0	–1,8	+4,8	–20,0
Суоярвский	25,8	20,6	37,9	30,0	30,4	30,0	+4,2	+9,8	–7,9
Средняя	31,8	31,1	25,1	38,8	31,9	42,4	+7,0	+0,1	+17,3

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 32, 40; Д. 19/114. Л. 5, 7, 23, 25, 27, 85, 87, 123, 183, 303. 1, 2, 3 – то же, что и в табл. 3.

Для объяснения этого феномена, к сожалению, нет убедительной информации. Не исключено, что мы имеем случай «возмущения» национального (этнического) самосознания, вызванного стремительными темпами языковой ассимиляции³.

По темпам языковой ассимиляции финны опережали карелов (ср. данные табл. 3 и 5). В целом по республике во всех без исключения районах доля финнов, признающих родным язык своей национальности, понизилась, наиболее заметно в Пудожском, Кондопожском, Кемском, Питкярантском районах. К концу 1970-х годов 50 % рубеж языковой ассимиляции перешли финны-горожане, вплотную к ним приблизилось и финское сельское население.

Таблица 5

Расселение финнов по районам и родной язык

Горсоветы, районы	Родной язык финский								
	1970 год			1979 год			Разность, +, –		
	всего	город	село	всего	город	село	1	2	3
Петрозаводский	60,2	60,2	61,1	50,5	50,5	69,2	–9,7	–9,7	+8,1
Сортавальский	56,2	60,0	39,0	51,0	54,1	36,8	–5,2	–5,9	–2,2
Беломорский	52,4	48,9	63,9	42,8	43,8	37,3	–9,6	–5,1	–26,6
Калевальский	39,5	37,1	42,6	36,2	42,7	14,3	–3,3	–5,6	–28,3
Кемский	53,1	54,2	34,6	35,7	34,6	52,4	–17,4	–19,6	+17,8
Кондопожский	66,9	67,6	64,6	48,9	45,6	63,3	–18,0	–22,0	–1,3
Лоухский	53,0	52,3	52,4	40,0	38,5	47,1	–13,0	–13,8	–5,3
Лахденпохский	–	–	–	19,4	25,3	10,9
Медвежьегорский	51,8	52,3	51,8	44,3	44,5	44,1	–7,5	–7,8	–7,7
Муезерский	53,4	46,1	55,1	42,5	31,6	49,0	–10,9	–14,5	–6,1
Олонецкий	49,1	40,8	60,7	40,6	36,2	47,3	–8,5	–4,6	–23,4
Питкярантский	59,6	59,7	59,4	44,0	43,3	55,0	–15,6	–16,4	–4,4
Прионежский	60,9	72,7	43,7	59,2	59,9	58,1	–1,7	–12,8	+14,4
Пряжинский	78,2	80,9	75,1	64,1	63,4	65,4	–14,1	–17,5	–9,7
Пудожский	44,0	48,1	39,1	21,4	25,0	15,6	–22,6	–23,1	–23,5
Сегежский	52,1	52,7	50,8	40,6	41,7	34,6	–11,5	–11,0	–16,2
Суоярвский	54,0	41,3	63,0	43,7	34,0	55,5	–10,3	–7,3	–7,5
Средняя	61,1	61,4	59,9	49,9	49,2	53,6	–11,2	–12,2	–6,3

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 19/114. Л. 17, 19, 135, 137, 139, 195, 197, 199, 315. 1, 2, 3 – то же, что и в табл. 3.

Влияние городской среды на языковые процессы

В городской среде языковые процессы протекают наиболее динамично. Численно небольшие этнические образования испытывают здесь сильное влияние доминирующего языка, каким в Карелии (и не только в Карелии) является русский. Сфера использования нерусских языков ограничивается семьей, кругом родственников и знакомых, принадлежащих к одной национальности. Важную роль при этом имеет уровень знания языка «своей» национальности.

Все прибалтийско-финские народы республики проживали в городах именно в таких условиях. Их удельный вес в городском населении всегда оставался небольшим при высоком уровне их урбанизации. Причем, миграция карелов, вепсов и финнов в городские поселения являлась устойчивой тенденцией.

За 1970-е годы численность карелов-горожан увеличилась во всех городах республики (почти на 6 тыс. чел.). Из 44708 карелов-горожан, учтенных переписью 1979 года, 28475 чел. (63,7 %) была расселена в 12 городах республики. Самую многочисленную группу карелов (12207 чел. или 27,3 %) составляли карелы-петрозаводчане, значительная часть карелов была сосредоточена в городе Олонце (5330 чел.), расположенном в гуще карельских ливвиковских деревень, 2402 карела перепись учла в городе Кондопоге.

В 44 поселках городского типа проживало 16233 карела. Наиболее многочисленные группы карелов проживали в Калевале (2555 чел.), Ильинском (1749 чел.), Пряже (1663 чел.), Кестеньге (1066 чел.), Поросозере (843 чел.). В ряде поселков городского типа, расположенных в местах традиционного расселения карелов (Гирвас, Ильинский, Калевала, Кестеньга, Пряжа), на долю карелов

³ Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР): Автореф. канд. дис. М., 1971. С. 18.

приходилось от 32 до 56 %. В остальных поселках городского типа карелы, тем более вепсы или финны, составляли явное национальное меньшинство.

Приток в городские поселения сопровождался последовательным увеличением доли ассимилированных в языковом отношении карелов-горожан.

Доля карелов с родным карельским языком снизилась во всех городах, за исключением Олонца и Питкяранты (табл. 6). В Олонце рост численности карелов с родным карельским языком может быть объяснен тем, что в состав Олонецкого горсовета в 1970-е годы вошел ряд деревень с преимущественно карельским населением, а Питкяранта пополнилась ассимилированными в языковом отношении карелами из Пряжинского района в связи сокращением здесь объемов заготовки леса.

Таблица 6

Расселение карелов по городам и родной язык

Города	Числ. карелов		Прирост		Родной язык карельский				
	1970	1979	+	%	1970	%	1979	%	1979 г. к 1970 г. +/- в %
Петрозаводск	9528	12207	+2679	+7,8	4453	46,7	4831	39,6	-7,1
Сортавала	948	1068	+120	+8,9	478	50,4	452	42,3	-8,1
Беломорск	812	875	+63	+0,9	462	56,9	408	46,6	-10,3
Кемь	1077	1207	+130	+8,9	640	59,4	523	43,3	-16,1
Кондопога	1725	2402	+677	+7,2	1059	61,4	962	40,0	-11,4
Лахденпохья	286	415	+129	+6,0	80	28,0	140	33,7	+5,7
Медвежьегорск	858	995	+137	+8,6	491	57,2	479	48,1	-9,1
Олонец	4117	5330	+1213	+7,7	2125	51,6	3296	61,8	+10,2
Питкяранта	1021	1423	+402	+7,2	604	59,2	562	39,5	-19,7
Пудож	88	94	+6	+9,4	37	42,0	22	23,4	-18,6
Сегежа	1116	1403	+287	+8,0	533	47,8	568	40,5	-7,3
Суоярви	921	1056	+135	+8,7	481	52,2	534	50,6	-1,6
Всего	22617	28475	+5858	+7,9	11443	50,6	12777	44,9	-5,6

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 13/76, 26/155.

В последней колонке рассчитан прирост/убыль (+ или -) доли карелов с родным карельским языком к 1979 году по сравнению с 1970 годом.

Основным центром притяжения вепсов также являлся Петрозаводск, где к началу 1979 года было сосредоточено 48,3 % всех вепсов (2833 чел.), в том числе 77,6 % вепсов-горожан. Остальная часть вепского городского населения была дисперсно расселена в 11 городах и поселках городского типа республики (табл. 7).

Таблица 7

Расселение вепсов по городам и родной язык

Города	Вепсы		Прирост/ убыль, +/-	Родной язык вепский				
	1970	1979		1970	%	1979	%	1979 год к 1970 году, +/- в %
Петрозаводск	2782	2834	+52	1029	37,0	922	32,5	-4,5
Сортавала	64	57	-7	27	42,2	20	35,1	-7,1
Беломорск	10	21	+11	5	50,0	5	23,8	-26,2
Кемь	21	27	+6	6	28,6	7	25,9	-2,7
Кондопога	126	148	+22	53	42,1	41	27,7	-14,4
Лахденпохья	18	23	+5	10	55,6	8	34,8	-20,8
Медвежьегорск	37	38	+1	19	51,4	15	39,5	-11,9
Олонец	6	8	+2	4	66,7	1	12,5	-44,2
Питкяранта	47	55	+8	32	68,1	11	20,0	-8,1
Пудож	7	6	-1	4	57,1	-	-	-57,1
Сегежа	61	67	+6	40	65,6	18	26,9	-38,7
Суоярви	45	36	-9	18	40,0	10	27,8	-12,2
Всего	3223	3310	+87	1247	38,7	1058	32,0	-6,7

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 19/114. Л. 35-36, 55-56, 75-76; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник 111. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 17.

В последней колонке рассчитан прирост/убыль (+ или -) доли вепсов с родным вепским языком к 1979 году по сравнению с 1970 годом.

В отличие от карелов и вепсов финны всегда были более урбанизированной этнической группой. В начале 1979 года численность финнов-горожан составила 13034 чел., а в поселках городского типа проживало еще 3964 чел. Большая часть финнов-горожан (9251 чел. или 54,4 %) была сосредоточена в Петрозаводске (табл. 8). Из поселков городского типа финны были расселены в основном в Чалне (1366 чел.), Салми (308 чел.) и Шуе (240 чел.). В последних поселениях возможности использования финского языка во внутринациональных (семейных, внутриселенных) контактах были наиболее благоприятными.

Таблица 8

Расселение финнов по городам и родной язык, чел.

Города	Финны		Прирост/ убыль, +/-	С родным финским языком				
	1970	1979		1970	%	1979	%	1979 год к 1970 году, +/- в %
Петрозаводск	8804	9251	+447	5350	59,9	4676	50,6	-9,3
Сортавала	507	413	-94	309	60,0	233	54,0	-6,0
Беломорск	71	70	-1	29	40,8	19	27,1	-13,7
Кемь	244	196	-48	78	53,3	52	26,5	-26,8
Кондопога	1467	1366	-101	996	67,9	616	45,1	-22,8
Лахденпохья	92	91	-1	33	35,9	23	25,3	-10,6
Медвежьегорск	175	191	+16	94	53,7	89	46,6	-7,1
Олонец	158	159	+1	69	43,7	61	38,4	-5,3
Питкяранта	432	498	+66	255	59,0	196	39,4	-19,6
Пудож	48	36	-12	28	58,3	2	5,6	-52,7
Сегежа	645	620	-25	337	55,2	267	43,1	-12,1
Суоярви	156	143	-13	75	48,1	46	32,2	-15,9
Всего	12775	13034	+259	7685	60,2	6280	48,2	-12,0

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 13/76, 26/155; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник 111. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 17.

В последней колонке рассчитан прирост/убыль (+ или -) доли финнов с родным финским языком к 1979 году по сравнению с 1970 годом.

Судя по данным табл. 8, рассогласования между национальностью и родным языком в различной мере, но проявлялись во всех городах республики. В Пудуже, где численность финского населения была невелика, языковая ассимиляция к 1979 году практически завершалась. Выше среднего (48,2 %) был показатель ассимиляции в Сортавале. В 1970-е годы темпы ассимиляции финнов-петрозаводчан совпадали с темпами пополнения города новыми переселенцами. В целом, среди финского населения Карелии к концу десятилетия расхождения между национальностью и языком своей этнической общности возникали уже чаще, чем среди карелов или вепсов.

Возраст и родной язык

Дифференциация населения по возрастным группам воссоздает наглядную картину смены языковой идентичности в разрезе поколений и этнической группы в целом.

Сравнительные расчеты данных переписей 1970 и 1979 годов по родному языку свидетельствуют о динамичной языковой ассимиляции всех возрастных групп карельского населения независимо от места проживания. Если в начале 1970-х годов национальность и родной язык не совпадали более чем у 50 % карелов в возрасте до 25 лет, то к концу 1970-х годов это было характерно для всех карелов республики в возрасте до 30 лет, в том числе для карелов-горожан в возрасте до 35 лет. По темпам языковой ассимиляции в возрасте до 10 лет деревня стала опережать город (табл. 9).

Таблица 9

Распределение карелов по возрасту и родному языку, %

Возраст	Родной язык карельский								
	1970 год			1979 год			Разность, +/-		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Средняя	71,7	57,6	83,1	61,8	50,2	76,0	-9,9	-7,2	-7,1
0-6	55,7	28,4	68,1	24,1	12,8	35,7	-31,6	-15,6	-32,4
7-10	57,7	28,1	71,1	31,7	13,9	48,6	-26,0	-14,2	-22,6

Возраст	Родной язык карельский								
	1970 год			1979 год			Разность, +/-		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
11–15	50,5	35,2	73,8	43,4	20,6	60,2	-7,1	-14,9	-13,5
16–19	51,6	36,8	71,1	40,2	28,5	63,2	-11,7	-8,3	-7,9
20–24	53,1	41,0	69,9	45,3	33,7	64,7	-7,8	-7,3	-5,2
25–29	68,3	54,4	85,6	48,2	37,6	66,7	-20,1	-16,8	-18,9
30–34	71,0	57,9	85,7	51,8	41,0	73,6	-19,2	-10,5	-12,1
35–39	77,0	63,7	88,8	65,0	53,2	84,0	-12,0	-10,5	-4,8
40–44	81,6	70,4	91,3	68,8	56,4	85,7	-12,8	-14,0	-5,6
45–49	82,5	72,1	92,2	76,5	64,4	89,5	-6,0	-7,7	-2,7
50–54	84,6	74,3	94,1	81,0	70,3	91,4	-3,6	-4,0	-2,7
55–59	87,6	79,4	94,6	83,1	73,8	93,6	-4,5	-5,6	-1,0
60 и старше	90,1	84,5	95,7	89,1	88,2	97,0	-0,9	+3,9	+2,2

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 19/114. Л. 41–43, 72–73, 131–132, в таблице не учтены не указавшие возраст.

1 – доля городских и сельских карелов с родным карельским языком, 2 – доля городских карелов с родным карельским языком, 3 – доля сельских карелов с родным карельским языком.

Таблица 10

Распределение вепсов по возрасту и родному языку, %

Возраст	1970 год			1979 год			Разность, +/-		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Средняя	33,9	33,4	25,0	35,7	31,6	42,4	+3,8	-1,8	+17,4
0–6	2,1	4,8	1,1	3,6	4,0	3,2	+1,5	-0,8	+1,1
7–10	2,6	2,1	2,7	5,8	2,7	7,6	+3,2	+0,6	+4,9
11–15	7,2	7,4	7,1	9,8	8,1	10,7	+2,6	+0,7	+3,6
16–19	13,7	14,2	12,8	13,8	13,0	15,5	+0,1	-1,2	+2,7
20–24	14,5	12,9	19,7	15,6	13,5	18,8	+1,1	+0,6	-0,9
25–29	18,5	21,2	13,7	16,7	16,4	17,6	-1,8	-4,8	+3,9
30–34	22,7	22,4	23,0	17,4	14,6	26,9	-5,3	-7,8	+3,9
35–39	33,5	35,7	29,3	32,8	25,6	49,1	-0,7	-10,1	+9,8
40–44	39,9	45,1	32,1	31,7	24,8	43,7	-8,2	-20,3	+12,6
45–49	38,1	38,3	36,9	38,6	31,0	52,7	+0,5	-7,3	+13,8
50–54	44,7	50,5	35,3	44,2	38,4	53,0	-0,5	-12,1	+17,7
55–59	49,2	52,9	43,3	46,2	40,6	55,6	-3,0	-12,3	+12,3
60 и старше	59,2	61,0	39,6	59,8	56,3	65,1	+0,6	-4,7	+25,5

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 19/114. Л. 41–43, 72–73, 131–132, в таблице не учтены не указавшие возраст.

1 – доля городских и сельских вепсов с родным вепским языком, 2 – доля городских вепсов с родным вепским языком, 3 – доля сельских вепсов с родным вепским языком.

Таблица 11

Распределение финнов по возрасту и родной язык, %

Возраст	1970 год			1979 год			Разность, +/-		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Средняя	61,1	61,3	59,9	49,9	49,2	53,7	-11,2	-12,1	-6,2
0–6	23,6	24,5	20,2	11,0	10,8	12,4	-12,6	-13,7	-7,8
7–10	25,5	26,2	23,7	10,5	10,9	11,9	-14,7	-15,3	-11,8
11–15	30,5	24,5	24,4	9,9	8,9	14,9	-20,6	-15,6	-9,3
16–19	31,1	31,7	28,1	15,3	15,2	16,2	-15,8	-16,5	-11,9
20–24	36,8	37,6	32,8	22,9	23,1	22,1	-13,9	-14,5	-10,7
25–29	42,3	41,8	44,7	26,0	27,0	19,6	-16,3	-13,8	-25,1
30–34	49,0	50,0	45,1	29,1	28,6	33,0	-19,9	-11,4	-12,1
35–39	61,8	62,3	60,2	36,3	36,4	35,5	-25,5	-25,9	-24,7
40–44	70,9	71,8	67,9	42,9	42,8	43,5	-28,0	-29,0	-24,4
45–49	78,9	78,9	78,7	55,1	54,7	57,4	-23,8	-24,2	-21,3
50–54	82,4	81,9	84,1	67,2	67,7	65,5	-15,2	-4,2	-18,6
55–59	84,3	83,8	85,8	76,0	75,7	77,4	-8,3	-8,1	-8,4
60 и старше	88,9	89,6	88,9	86,3	86,1	86,3	-2,6	-3,5	-2,3

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 19/114. Л. 17, 135, 137, 139, 195, 197, 199, 316, в таблице не учтены не указавшие возраст.

1 – доля городских и сельских финнов с родным финским языком, 2 – доля городских финнов с родным финским языком, 3 – доля сельских финнов с родным финским языком.

Языковые перемены в вепсской среде имели прямо противоположный вектор направленности, это, однако, не меняло масштабов их языковой ассимиляции (табл. 10).

Для финского населения республики 1970-е годы стали знаменательны тем, что за это десятилетие городское население «перешагнуло» 50 % критический рубеж смены языковой идентичности, а сельские финны вплотную приблизились к нему. К 1979 году глубоко проникшей языковой ассимиляцией было охвачено и городское, и сельское финское население в возрасте до 45 лет (табл. 11). Причем темпы утраты финнами родного языка оказались выше, чем у карелов.

Таким образом, общая направленность языковых перемен у карелов и финнов республики проявлялась в ослаблении языковой идентичности. Масштабы распространения русского языка приобрели в среде всех трех прибалтийско-финских народов массовый характер.

Кардинальные перемены в языковой политике, закрепленные Конституцией СССР 1977 года, способствовали укреплению позиций русского языка как языка межнационального общения и общегосударственного языка. Монолингвизм стал расцениваться как наиболее благоприятное направление развития общества в ущерб языковому многообразию. При такой языковой политике, когда русский язык, по сути, превращался в средство политической и гражданской идентичностей, национальное (этническое) самосознание народов стало более активно размываться.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАРЕЛЬСКОЙ СЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 1979 ГОДА)

Настоящая статья написана по материалам массового исследования карельского, русского и белорусского сельского населения Карелии в рамках проекта «Образ жизни сельского населения» (руководители исследования Е. И. Клементьев и А. А. Кожанов).

Для получения представительных данных была разработана многоступенчатая выборка, сформированная с учетом ряда факторов: расселение карелов, русских и белорусов по районам, типов поселений, типов этнических сред, демографических характеристик этнических групп сельского населения. Расчет и распределение общего объема выборки по поселениям и населению производился в соответствии с половозрастной структурой этих народов при соблюдении пропорционального их представительства в выборочной совокупности. Это позволило получить репрезентативные данные. В выборочной совокупности оказалось 6 районов из 15 (Калевальский, Кондопожский, Медвежьегорский, Муезерский, Олонецкий и Пряжинский), представляющих различные профилирующие отрасли производства, типы этнических сред и сельских поселений. Всего было опрошено более 1558 чел., в том числе 755 карелов, 581 русский, 222 белоруса. Опрос населения проводился методом стандартизированного интервью¹.

Языковой проблематике был посвящен специальный блок вопросов. Языковая ситуация и языковой «портрет» карелов описываются по следующим индикаторам: языковая компетентность, модели языкового поведения, выбор родного языка различными социальными группами.

Языковая компетентность

Степень владения сельскими карелами языком своей национальности измерялась по шкале, содержащей пять позиций – от свободного владения им до незнания его, русского языка – по двум показателям (табл. 1).

Таблица 1

Знание карелами языка своей национальности и русского языка, %

	Возрастные группы (лет):							
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 лет	Средняя
Владеют карельским языком								
Свободно говорят	53,6	64,0	70,9	72,0	92,0	90,7	92,9	80,1
Понимают, объясняются	19,6	21,0	13,6	21,3	5,3	7,6	7,1	12,2
Понимают, не говорят	19,6	12,0	10,9	2,7	0,0	0,9	0,0	4,5
Знают отдельные слова	3,6	0,0	1,8	0,0	1,3	0,4	0,0	0,5
Не владеют	7,0	3,0	2,7	4,0	1,3	0,4	0,0	2,7
Владеют русским языком								
Свободно говорят, читают, пишут, думают на нем	92,9	82,0	90,9	89,2	61,3	64,2	63,1	
Свободно говорят, читают, пишут, не думают на нем	7,1	18,0	9,1	10,8	38,7	35,8	36,9	

В конце 1970-х годов большинство сельских карелов в возрасте 16 лет и старше (80,1 %) свободно владели языком своей национальности (говорили на нем без затруднений, думали на нем), еще 12,2 % понимали и могли объясниться, остальные 7,7 % не знали его. В то же время всеми формами русского языка владели все карелы, а значительная часть, особенно молодые, и думали на нем (см. табл. 1).

¹ О принципах организации и формирования выборки см. подробнее: Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960. Историко-социологические очерки. Л., 1988. С. 12–13. Результаты исследования частично опубликованы, см. подробнее: Бирин В. Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1960–1970-е годы. Петрозаводск, 1992; Кожанов А. А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.). С. 5–20; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1960–1980-е годы. Историко-социологические очерки. Л., 1988; Клементьев Е. И. С учетом настоящего // Карелы: модели языковой мобилизации. Сб. материалов и документов. Петрозаводск, 2005. С. 44–46; Кожанов А. А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.). Петрозаводск, 1986. С. 5–20.

Таким образом, для языковой ситуации в сельской карельской среде конца 1970-х годов в целом характерной чертой было практически полное двуязычие всех возрастных групп, за исключением 16–19-летних, более 46 % которых слабо владело карельским языком или не знало его.

Любой язык, хорошо освоенный в раннем детстве, в семейном общении, как правило, редко забывается. Данные исследования подтвердили это общее правило: 73,3 % опрошенных карелов к языку своей национальности приобщились в кругу семьи, в раннем детстве. Для карельского языка в конце 1970-х годов сохранялись весьма благоприятные условия: у 94,4 % опрошенных отец и у 96,3 % мать были карелами, более чем у 96 % годы раннего детства прошли в родительской семье, 87,7 % респондентов являлись уроженцами деревни, почти 52 % участников опроса прожили в одном населенном месте более 20 лет.

В довоенные годы школа являлась, пожалуй, главным каналом распространения русского языка в карельской среде. Однако для родившихся в эти годы, т. е. 40-летних и старше, важную роль в освоении навыков русскоязычной речи играли также языковые контакты вне школы.

Карелы, родившиеся в послевоенные годы, т. е. в возрасте до 35 лет, к русскому языку стали чаще приобщаться уже в семье, до школы (табл. 2).

Таблица 2

Период приобщения карелов к русскому языку, %

	Возрастные группы (лет):						
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 и более
Освоили русский язык							
В семье до школы	57,1	49,5	42,7	34,2	12,2	13,1	10,7
В школе	33,9	39,4	54,5	58,9	77,0	53,6	46,4
Вне семьи и школы	8,9	13,1	6,4	8,2	10,8	34,2	44,6

Идеально, когда при длительном взаимодействии языковых систем сохраняется такая языковая ситуация, которая обеспечивает равное владение и равное использование двух языков. Такой тип двуязычия принято называть «полным двуязычием».

Для поддержания и сохранения такого двуязычия требуется, чтобы имелись примерно равные условия и возможности использования взаимодействующих языков в самых различных сферах. В этом плане карельский бесписьменный язык не мог «конкурировать» с русским языком, который являлся и является средством обучения в системе образовательных учреждений, языком науки, культуры, средств массовой информации, основным языком общения некарельского населения, который преобладал в республике как язык межнационального общения. Карельский язык обеспечивал внутриэтнические коммуникативные связи преимущественно на уровне этнически однородных микросред (семья, небольшой производственный коллектив, близкие друзья, соседи). При неравных возможностях язык другой этнической группы (в данном случае русский) начинал естественно восприниматься как более важное средство повседневной социальной практики. Постоянное общение на языке другого народа приводило к психологическому сдвигу в восприятии взаимодействующих языков.

Этот сдвиг зафиксирован в ответах на вопрос: «Каким языком Вы свободнее владеете?», позволявший опрашиваемому сравнить степень знания двух языков и отдать предпочтение одному из них или признать равное владение двумя языками.

Таблица 3

Сравнительная оценка владения языками, %

	Возрастные группы (лет):						
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 и более
Лучше владеют языком							
Карельским	10,5	7,1	10,0	14,9	52,5	44,4	45,5
Русским	56,1	50,5	41,8	41,9	12,0	16,9	17,9
Двумя языками	33,3	42,4	50,0	44,6	36,0	39,6	39,3
Коэффициент владения	81,0	77,3	84,6	82,6	96,2	91,3	91,3

Примечание. При расчете коэффициента владения сравниваются два показателя: свободное владение карельским языком (см. табл. 1) с данными сравнительной оценки владения карельским и в равной мере двумя языками (табл. 3).

О полном двуязычии заявили все возрастные группы сельских карелов, хотя и в различной степени. Однако нетрудно заметить, что родившиеся в довоенные годы (35-летние и старше) выше оценивали знания карельского языка, а родившиеся после войны предпочтения отдавали в этом плане русскому языку.

Рассчитанный нами «коэффициент владения карельским языком» характеризует устойчивость бытования карельско-русского двуязычия в конце 1970-х годов при высокой степени знания сельскими карелами языка своей национальности (табл. 3)

Речевое поведение

Решающую роль в выборе того или иного языка в общении играет характер этнической среды и микросреды. Этнический состав, тип семьи (однопоколенная, двухпоколенная или многопоколенная семья, включая число принадлежащих к карельской национальности), число членов, наличие детей в семье, принадлежат к представителям карельской национальности, являлись ключевыми условиями для поддержания внутриэтнических языковых связей. Выбор языка общения зависел также от национального состава таких микросред как дружеское и соседское окружение, этнический состав производственного коллектива. Это те факторы, благодаря которым поддерживается или размывается плотность внутринациональных языковых связей и обеспечивается языковая преемственность поколений.

Многочисленными этнографическими и социологическими исследованиями, в том числе в Карелии, установлено, что этнически неоднородные браки проявляются факторами, оказывающими непосредственное воздействие на темпы языковых и этнических перемен, сокращая в конечном итоге численность этнического образования².

Браки карелов с представителями разных национальностей, особенно с русскими, имеют давнюю историю, уходят в XVI век.³ В последующие века такие браки получили довольно широкое распространение, что позволяло исследователям говорить о том, что уже в дореволюционное время они приобрели «определенную силу традиции»⁴. В 1950–1960-е годы межнациональная брачность стала нормой взаимоотношений представителей различных этнических групп⁵. В конце 1970-х годов у 43,6 % всего сельского населения Карелии национальность супруга и супруги не совпадали. В национально-смешанных браках состояли 43,3 % карелов⁶. Установлено также, что почти у 65 % опрошенных близкие родственники (сын, дочь, брат, сестра) состояли в этнически смешанных браках. Наиболее часто такие семьи возникали в брачных союзах карелов с русскими (62,9 % браков), на втором месте оказались браки карелов с белорусами (28,3 %), на третьем – с украинцами (17,6 %), примерно каждый пятый брак был заключен с представителями других этнических групп.

Степень использования взаимодействующих языков исследователи справедливо считают одним из показателей направленности языковых перемен. В условиях тесного межнационального сотрудничества и инонационального окружения возникали естественные ограничения в употреблении карелами своего языка.

Опрос показал, что в 1979 году использование в восьми ситуациях общения распределялось следующим образом: с родителями на карельском языке говорили 51,9 %, с соседями 34,8 %, муж с женой 34,7, 25,1 % друзей, 21,9 % на работе, 14,1 % родителей с детьми, 11,6 % детей с родителями, 11,3 % сельских карелов с гостями из города.

Распределение функциональной нагрузки на русский язык было таковым: общение детей с родителями (78,8 %), родителей с детьми (74,7 %), друзей (58,3 %), супругов (55,9 %), на работе (53,7 %), соседей (45,2 %), общение опрошенных с родителями (28,6 %) и горожанами, приезжающими в гости к сельским жителям (19,1 %).

² См. подробнее: *Бирин В. Н.* Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. С. 110–125, 168–184; *Кожанов А. А.* Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.). Петрозаводск, 1986. С. 17–19.

³ *Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 57–59.

⁴ *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность. Л., 1977. С. 65.

⁵ См. подробнее: *Бирин В. Н.* Указ. соч. С. 110–125, 168–184.

⁶ *Кожанов А. А.* Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.). Петрозаводск, 1986. С. 18.

На двух языках говорили с приехавшими в гости горожанами (60,6 %), с друзьями (24,6 %), соседями (19,8 %), родители с детьми (10,4 %), супруги (9,9 %), дети с родителями (8,7 %), опрошенные с родителями (7,3 %), 5,6 % использовали в равной мере два языка в производственных контактах.

Даже из этих общих распределений видно, что карельское сельское население сочетало различные модели языкового поведения: говорили преимущественно или только на карельском, преимущественно или только на русском языке, пользовались в равной мере двумя языками в зависимости от обстоятельств и степени знания карельского языка. Устойчивое бытование карельского языка обеспечивалось относительно широким кругом общения (семья, работа, соседи).

Высокая функциональная нагрузка на русский язык в межпоколенных языковых связях (общение опрошенных с родителями, родителей с детьми, супругов и т. д.) свидетельствует о том, что общая тенденция языковых перемен в конце 1970-х годов проявлялась в вытеснении карельского из внутрисемейного общения. Двуязычие поддерживалось прежде всего контактами сельских жителей с горожанами, а также частотой (плотностью) соседских связей. Знание языка своей национальности сельские карелы наиболее полно использовали в общении с родителями, друзьями, соседями и на работе. В общении с родителями реальное поведение наиболее тесно согласуется со степенью знания языка своей национальности.

Рассмотрим подробнее, каких моделей языкового поведения придерживались различные возрастные группы сельских карелов. Это позволяет более корректно судить и о состоянии языковой ситуации на селе, и о перспективах развития языковых процессов.

Под моделью языкового поведения нами понимается выбор языка/языков общения. Основными моделями, которые используются карелами в разных сферах коммуникации, являются три: общение только или преимущественно на языке своей национальности, использование примерно в равной мере карельского и русского языков, общение преимущественно или только на русском языке. Промежуточные показатели употребления взаимодействующих языков иллюстрируют динамику сдвигов в языке поведения.

Представленные в табл. 4 материалы иллюстрируют три модели языкового поведения.

Таблица 4

Распределение функциональной нагрузки на языки в различных сферах общения %

Язык(и) общения	Возрастные группы:						
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 и более
с родителями							
Карельский	33,3	38,5	43,0	60,8	82,0	87,0	87,4
Русский	46,3	39,8	34,6	25,7	10,0	8,7	9,5
Два языка	20,4	21,9	23,4	12,2	7,1	3,8	3,2
К	100	94,4	93,6	100	96,8	100	97,5
с женой (мужем)							
Карельский	—	13,0	11,5	16,9	64,7	64,1	58,3
Русский	—	80,4	73,1	67,0	25,0	23,4	25,0
Два языка	—	6,5	10,0	13,6	10,3	12,4	15,7
К	—	30,5	30,3	42,4	81,5	84,3	79,6
с детьми							
Карельский	—	5,7	2,6	4,0	20,3	25,9	29,4
Русский	—	91,4	92,3	88,7	68,1	54,7	50,5
Два языка	—	2,0	5,1	6,5	11,6	19,3	20,0
К	—	12,0	10,8	14,6	34,6	49,8	53,1
дети с родителями							
Карельский	—	0,0	0,0	3,2	14,5	20,3	29,5
Русский	—	92,0	98,6	85,5	73,9	61,6	61,0
Два языка	—	8,0	1,4	11,3	11,6	17,0	9,5
К	—	12,5	2,0	20,1	28,6	41,1	42,0
с соседями							
Карельский	30,9	28,3	26,9	31,9	58,1	56,6	57,5
Русский	14,5	19,2	27,8	30,6	23,8	23,1	24,0
Два языка	54,3	52,5	45,4	37,5	18,9	20,4	17,7
К	100	100	100	96,4	83,7	84,9	80,9

Язык(и) общения	Возрастные группы:						
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 и более
с друзьями							
Карельский	9,1	14,1	19,3	20,3	47,3	46,6	35,8
Русский	25,5	24,2	28,4	28,4	33,0	32,3	35,4
Два языка	65,5	61,6	52,3	51,4	18,9	21,1	24,8
К	100	100	100	99,6	71,9	74,6	65,2
с гостями из города							
Карельский	5,5	5,1	8,3	13,5	25,7	17,4	19,6
Русский	81,8	77,8	70,6	73,0	50,0	53,0	52,7
Два языка	12,7	17,2	21,1	13,5	24,3	29,7	27,7
К	33,9	34,8	41,5	37,5	54,3	51,9	50,9
на работе							
Карельский	20,0	20,2	22,2	17,6	36,5	37,7	28,3
Русский	66,7	53,5	50,0	47,5	27,0	33,2	36,3
Два языка	13,3	26,3	27,8	35,1	36,5	29,1	35,4
К	62,1	72,6	70,5	73,2	79,3	73,6	68,5

Примечание. К – коэффициент использования карельского языка рассчитан по двум показателям: знания его и использования его в общении, включая употребление двух языков – карельского и русского.

Первая – преимущественно карелоязычная модель – присуща карелам старше 35 лет. Язык своей национальности доминировал у них в общении с родителями, преимущественно на нем они разговаривали с соседями, друзьями, общалась супружеская пара.

Вторая – русскоязычная модель – характерна для возрастной группы до 35 лет. Ни в одной из восьми сфер, за исключением общения с родителями, молодые карелы не пользовались преимущественно карельским языком. От 20 до 30 % карелов старшего поколения говорили с детьми по-карельски, но отдавали предпочтение все же русскому языку. Последний был основным средством коммуникации всех возрастных в производственных контактах, а также в общении с приезжающими в деревню карелами-горожанами.

Основными каналами, поддерживающими третью – двуязычную модель языкового поведения для всех возрастных сельских карелов за пределами семьи, – являлись общение с друзьями и соседями-односельчанами, а также на производстве (у карелов старше 30 лет).

К языку своей национальности большинство сельских карелов всех возрастных групп прибегали обычно дома. Со сменой поколений роль русского языка как языка детства последовательно возрастала: если абсолютное большинство пожилых карелов (50 лет и старше) в раннем детстве говорили дома только по-карельски, то среди 16–19-летних таких было примерно половина. Потенциальные знания языка своей национальности они использовали почти на 100 % (ср. данные табл. 1 и 5).

Таблица 5

Языки общения в семье до школы и в период обучения в школе, %

Возраст	Языки общения дома								
	до школы			в период обучения в школе			Прирост/убыль, +/-		
	карельский	русский	два языка	карельский	русский	два языка	1	2	3
	1	2	3	1	2	3			
16–19	50,9	28,1	21,1	24,6	49,1	26,3	–26,3	+21,0	+5,2
20–24	47,0	24,0	28,0	23,0	42,0	34,0	–5,0	+18,0	+6,0
25–29	58,2	21,8	20,0	26,4	43,6	20,1	–14,6	+21,8	+0,1
30–34	64,9	16,2	17,6	41,9	32,4	24,3	–23,0	+15,8	+6,7
35–39	85,3	6,7	8,0	60,0	9,3	28,0	–25,3	+2,6	+20,0
40–49	88,0	4,9	5,3	53,0	16,0	21,8	–35,0	+11,1	+17,1
50 и более	92,0	6,2	0,9	65,5	10,6	20,4	–26,5	+4,4	+18,5

Школа оказала заметное воздействие на все три модели языкового поведения: сокращала долю говорящих только по-карельски, увеличивала удельный вес использующих в общении русский язык и два языка. Родившиеся в довоенные годы в школе чаще говорили, как и в дошкольные годы, по-карельски или на двух языках, чем только по-русски. Молодое поколение карелов (до 30 лет) в отличие от других возрастных групп заметно отличалось ориентациями на русский язык как

основное средство общения. Молодежь чаще использовала в общении со сверстниками два языка, чем пользовалась только языком своей национальности (табл. 5).

Таким образом, если семья еще поддерживала знания и использование языка своей национальности во внутриэтническом общении, то школа в большей степени способствовала распространению в карельской среде одноязычия и в меньшей мере – двуязычия. А более свободное владение русским языком, как будет показано ниже, в конечном счете оказывало существенное воздействие на перераспределение функций взаимодействующих языков.

Коэффициент использования карельского языка различными возрастными группами свидетельствуют о том, что знание карелами языка своей национальности в целом не сочеталось с его использованием в различных сферах общения. Это проявлялось в том, что по мере замещения поколений реальное владение карельским языком все слабее согласовывалось с его использованием. Увеличивающаяся функциональная нагрузка на русский язык, понижая степень знания карелами языка своей национальности, означала постепенный переход от двуязычия к одноязычию (табл. 4).

Выбор того или иного языка в общении ситуативен и не всегда может быть объяснен только языковой компетентностью. Свободное владение двумя языковыми системами, к примеру, вовсе не означает, что функциональная нагрузка на них должна быть равномерной.

Родной язык

Родной язык, как уже отмечалось, представляет собой один из самых сильных этнических маркеров, определяющих принадлежность к конкретному этническому объединению. Именно этим обстоятельством подтверждается уникальность и приоритетность языковой составляющей в структуре национального (этнического) самосознания, его этноинтегрирующая и этноизолирующая роль, его этнопсихологическую ценность⁷.

Приведенные в табл. 6 данные показывают, что в конце 1970-х годов совпадение этнической и языковой идентичностей было еще массовым явлением. Наиболее отчетливо языковая и этническая солидарность проявлялась в выборе родного языка карелами старшего поколения. Однако степень благополучности этноязыковой ситуации не следует преувеличивать. По мере смены поколений достаточно отчетливо прослеживается тенденция смещения языковой идентичности в пользу русского языка как родного.

Силу родного языка в восприятии внутриэтнических связей можно проиллюстрировать таким примером.

Считается, что родным может быть признан язык своей национальности не только в тех случаях, когда человек свободно владеет языком, но и тогда, когда он плохо его знает или вообще не знает. В этом случае интегрирующие функции языка своей национальности, по всей вероятности, человек сравнивает не со своей языковой компетентностью, а с ролью языка вообще в обеспечении внутриэтнического единства.

Анализ данных обследования сельских карелов 1979 года подтверждает эту гипотезу. Выяснилось, что часть сельских карелов, не владеющая языком своей национальности, тем не менее, продолжала ощущать связь со своей этнической общностью все же по языковой составляющей. Такой точки зрения придерживается часть родившегося в послевоенные годы (16–24 года). Карельский язык оставался важным символом внутриэтнической солидарности.

Исследование, проведенное нами в конце 1960-х годов, показало: связь с языком и национальным (этническим) самосознанием не однолинейна, не одномоментна и «утрата одних этнических признаков вызывает «возмущение» национального самосознания, обострение интереса к новым явлениям национальной жизни, национальных отношений. Сознание выискивает новые символы этнической принадлежности, обеспечивая тем самым относительную длительность своего существования»⁸.

⁷ См., например: Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951; Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6; Аврорин В. А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972; Холмогоров А. И. Конкретно-социологические исследования двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этности и этнические процессы как предмет исследования // Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 5–29.

⁸ Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1971. С. 18.

Таблица 6

Выбор родного языка возрастными группами, %

Родной язык	Возрастные группы (лет):						
	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 и более
Карельский	63,2	67,0	65,5	73,3	84,0	86,2	89,3
Русский	29,8	24,0	27,3	18,7	6,7	7,1	7,1
Два языка	7,0	8,0	7,3	8,0	6,0	6,7	3,6
Коэффициент зависимости	117,9	104,7	91,7	101,9	91,3	95,0	96,1

Интегрирующая роль языка по-разному проявляется в зависимости от того, в каком возрасте и в какой этнической среде приобретает тот язык, который индивидом воспринимается и осознается в качестве родного языка.

Связь индивида со своей этнической группой сильна, если язык освоен в ближайшей социальной среде, прежде всего в семье, которая оказывает непосредственное влияние на модели языкового поведения. Повседневное внутриэтническое общение в раннем детстве на языке своей национальности усиливает интерес к различным элементам духовной культуры «своего» народа, распространенным образцам поведения, сложившимся привычкам и т. д. Этническая принадлежность, базируясь на языке раннего детства, формирует национальные моменты в индивидуальном сознании как отражение связи с конкретным социально-этническим коллективом⁹.

Однако родным языком может быть и язык другого народа. Для карелов, как, впрочем, и для вепсов или финнов Карелии, таковым нередко выступает русский язык. И свои национальные чувства индивид выражает на этом языке. В этом случае, когда знания языка «своей» национальности или полностью утрачены, или существенно забыты, или вообще не освоены, происходит отрыв от «своего» этнического образования. Признание русского языка в качестве родного языка обычно трансформирует структуру индивидуального самосознания личности таким образом, что свои национальные чувства индивид начинает выражать на этом языке.

Рано приобретенное двуязычие влияет, но относительно не сильно, на изменение языковой идентичности. Если сельские карелы до школы говорили по-карельски, то почти в 90 случаях национальность и родной язык совпадали, при двуязычном поведении число таких совпадений составляло 65 %. При общении в кругу семьи до школы на русском языке, последний вдвое чаще (63,6 % ответов) признавался родным, чем карельский язык (30,3 % ответов). Независимо от того, на карельском, русском или двух языках дети говорили в раннем детстве, два языка редко считались родными (табл. 7).

Таблица 7

Выбор родного языка в зависимости от приобщения к русскому языку, %

	Родной язык:		
	карельский	русский	карельский, русский
Язык общения до школы:			
карельский	88,6	5,4	5,6
русский	30,3	63,6	6,1
карельский и русский	64,6	21,3	13,3
Язык общения в период учебы в школе:			
карельский	92,9	51,8	78,1
русский	1,8	41,6	10,3
карельский и русский	4,8	6,6	10,9

В школе частота использования русского языка заметно возрастала, возрастал и удельный вес карелов, признающих его родным языком. Если в школе дети продолжали говорить по-карельски, расхождения между национальностью и родным языком не возникали. Переход в общении на русский язык заметно увеличивал долю карелов, признающих его родным.

Таким образом, к концу 1970-х годов дальнейший переход к массовому общению на русском языке в период школьного обучения ослаблял интеграционные функции карельского языка, задавая тем самым на перспективу ведущую тенденцию языковых перемен – дальнейшее увеличение числа карелов, лучше владеющих русским языком, с постепенным переходом их к одноязычию.

⁹ Дашдамиров А. Ф. Национальные моменты индивидуального сознания: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 1968; Гузенкова Т. С. Межэтнические контакты и их роль в этническом процессе (по материалам статистико-этнографического обследования в Чувашской АССР): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1984.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КАРЕЛИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ (НА ПРИМЕРЕ КАРЕЛОВ, ВЕПСОВ, ФИННОВ)*

Роль языка, самой исторической памяти народа, стержня национального самосознания, как фактора, обеспечивающего связь прошлого с настоящим и будущим, вроде бы никем решительно не отвергается. В национальной политике признание этого постулата, воплощение его в жизнь есть важнейшее условие реализации принципа межнационального равенства. Палитра сегодняшнего языкового состояния народов очень пестра. Если языки одних народов сохраняют и совершенствуют свой этнокультурный потенциал, то других – рвут финишную ленту этнического замирания.

Современное состояние культур и языков прибалтийско-финских народов Республики Карелия определяет более чем 70-летняя история реализации принципов и методов специфически советской национальной политики.

Смысл этой политики, особенно в послевоенные десятилетия, состоял в том, что законодательная и исполнительная власти в центре и на местах, декларируя свободное и равноправное развитие народов, их культур и языков, фактически формировали единую и в идеологическом, и в этническом отношениях общесоветскую культуру с единым языком (русским) во всем федеративном государстве. В условиях жестких идеологических установок, ограничений и прямых запретов, политики денационализации, значительные пласты народной культуры, в том числе язык, отторгались от общеисторического процесса. Оказавшись без серьезной государственной поддержки и внимания, национальные культуры и языки стремительно сужали сферы своего функционирования, народная культура утрачивала свою важнейшую функцию – обеспечивать национально-культурную преемственность поколений.

В начале XX века национальные культуры и языки играли решающую роль в социальной жизни карелов, вепсов, финнов, практически безраздельно господствуя в сфере хозяйственной деятельности, быта, общения, воспитания. Относительно замкнутая эволюция этнических общностей, их культур и языков обеспечивала высокую устойчивость национального, в том числе языкового самоопределения. По данным переписи 1926 года, почти 98 % карелов и вепсов, 80 % финнов Карелии родным считали свои национальные языки¹. Этнодемографическое воспроизводство народов носило расширенный, прогрессивный характер. Межнациональное языковое партнерство ограничивалось устной формой общения, сводилось к непосредственно-личностным контактам. Национально-русское двуязычие носило групповой характер.

Советская власть провозгласила равноправие народов, их культур и языков. Однако специальных законодательных актов, конституционно регулирующих национально-языковые взаимоотношения, не существовало. Это предопределяло общую тенденцию национально-культурного и языкового развития – сужение сфер их функционирования.

В Карелии оно проявлялось в следующих особенностях. Для выхода из состояния войны и поддержания мирных добрососедских отношений Советская Россия подписала 14 октября 1920 года договор с Финляндией, согласно которому «местный народный язык (т. е. карельский – *ред.*) является языком администрации, законодательства и народного просвещения»². Государство декларировало развитие карельского языка от бесписьменной к письменной форме с широким его использованием в общественно-политической и культурной жизни.

В 1920 году статус официального языка наряду с русским получил и финский язык. В значительной мере это было связано с геополитическим положением Карелии, условиями того времени, идеей создания Скандинавской Советской Республики, преобладанием «красных финнов» в руководящих структурах управления Карельской Трудовой Коммуны, а позднее автономной республики.

Вопрос же о социально-правовом статусе вепсского языка вообще никогда не ставился.

Декларирование равных прав еще не означает равных языковых возможностей. Русский и финский языки являлись языками письменными с большой традицией нормативного развития. В отличие от них вепсский и карельский языки оставались бесписьменными.

* Клементьев Е. И. Советское финноугроведение. 1994. № 1. С. 41–60.

¹ Всероссийская перепись населения 1926 года. Том I. М., 1928. С. 114.

² Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый Всекарельский съезд Советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 255.

Для обеспечения равноправного языкового развития требовалось осуществить совокупность мер, регулирующих взаимоотношения функционирующих на территории Карелии различных языков, чтобы обеспечить их фактическое равенство. Равенство в том смысле, чтобы традиционное и современное, национальное и интернациональное находились в оптимальных соотношениях, чтобы интернационализация общественной жизни как ведущая тенденция в развитии национальных отношений содействовала совершенствованию национальных культур и национальных языков, а не их угасанию.

Одна из первоочередных задач, обеспечивающих переход на более высокий уровень и темпы социально-этнического развития, заключалась в создании письменности, чтобы адаптировать карелов, вепсов к новым социально-культурным условиям, связать богатейшую традиционную культуру, лексику национальных языков с достижениями современности.

Однако было принято иное решение. По существу, с первых лет советской власти принцип равноправия языков был сведен к принципу противопоставления языков. В дискуссиях 1920–1930-х годов по вопросам языкового строительства в Карелии языки одних народов расценивались как «культурные» в противовес языкам «некультурным», т. е. бесписьменным. Характерно, что сама идея создания карельской письменности в 1920-е годы расценивалась как шовинистически-реакционная и политически неверная затея классово-враждебных элементов. Принцип противопоставления языков выражался и в том, что в районах с преимущественно карельским населением без учета их мнения настойчиво внедрялось обучение на финском языке. Успех экономических преобразований в Карелии ставился в тесную взаимозависимость с широким внедрением финского языка в карельскую среду.

Нарушение языкового суверенитета, добровольного выбора языка обучения стало нормой государственной политики. Уже в феврале 1921 года в резолюции I Всекарельского съезда советов утверждалось, что «возрождение карельской грамотности является ненужным и невыполнимым делом»³. II Всекарельский съезд советов (октябрь 1922 года) сделал вывод о невозможности создания карельского литературного языка и заключил: «ведение культурно-просветительской работы среди карельского населения возможно лишь на русском и финском языках»⁴. Только советская национальная политика могла родить такой парадокс: карельский язык, сыгравший исключительно важную роль в развитии финской литературной традиции, познакомивший мировую общественность с «Калевалой», оказался неспособным поднять духовный и культурный уровень своего народа.

Игнорирование национально-культурных интересов вепсского и карельского народов обрекало эти языки на лексический застой. Условия же нового времени, периода активных социально-экономических преобразований, ликвидации массовой неграмотности, рождения национальной интеллигенции, формирование нетрадиционных социальных и культурных потребностей, интересов, предъявляли повышенные требования к национальным языкам. Медленная эволюция языков в рамках сужающихся сфер их традиционного функционирования ослабляла плотность внутринациональных связей, ускоряла культурно-языковую ассимиляцию карелов и вепсов. Рекомендации использовать карельский язык в общественно-политической и просветительской деятельности носили кратковременный и непоследовательный характер.

Из двусмысленной ситуации, когда карельский язык как язык титульного народа оставался статусно неопределенным, надо было как-то выходить. Так родилась концепция так называемого единого «карело-финского языка». В тексте декрета ВЦИК о преобразовании Карельской Трудовой Коммуны (КТК) в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (25.07.1923 г.), зафиксировавшего равноправие языков, появилось понятие «карело-финский язык»⁵, уравниваемый в правах с русским.

Политика «карелизации» выражалась в знании двух языков (русского и финского) при замещении целого ряда должностей, росте численности школ с обучением на финском языке в местностях с карельским населением. По постановлению ЦИК КАССР «О национальной политике в Карелии» (1924 год), диалекты карельского языка следовало использовать в устной форме деятельности уездных и волостных исполкомов, съездов Советов, в школах и судах карельских местностей республики.

³ Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый Всекарельский съезд Советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 224.

⁴ Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии. (1920–1935). Петрозаводск, 1992. С. 9.

⁵ Карелия в период восстановления народного хозяйства. 1921–1925. Документы. Петрозаводск, 1979. С. 61; НА РК. Ф. 689. Д. 2/9. Л. 198.

Проект Конституции 1926 года провозглашал русский и «карело-финский» языки государственными. Формулировка «карело-финский язык» не могла все же скрыть главного. По справедливой оценке современного исследователя А. А. Левкоева, «абсолютно отрицался иной, противный движению к финскому языку способ разрешения языкового вопроса в карельских районах республики», и финский язык должен был стать письменной формой выражения устной карельской речи⁶. Наличие диалектов в карельском языке использовалось как мощный аргумент в пользу невозможности создания карельской азбуки. Ситуация, когда руководство Карелии расценивало финский язык как «естественное продолжение карельских диалектов», когда настойчиво отстаивался тезис о «реакционности» создания карельской письменности, сохранялась вплоть до середины 1930-х годов. В условиях упрочения административно-командной системы, «роста классовой борьбы», активного поиска и ликвидации «врагов народа», борьбы с местными националистами как выразителями буржуазно-националистической контрреволюции, сложный клубок языковых проблем был разрешен в одночасье: со второй половины 1937 года финский язык стал запрещенным, а финская интеллигенция подвергнута жестоким репрессиям.

В языковой политике наметился очередной резкий поворот. Перевод в обучении на финский язык в районах с преимущественно карельским населением, оцененный как «грубейшее нарушение в национальной политике», определил новый курс – разработку карельской письменности. (Обучение вепсских детей на родном языке в Ленинградской и Вологодской областях велось в начальных классах с 1932 года по 1939 год). В 1937 году Президиум ЦИК Карельской АССР принял решение о создании единого для всех групп карелов литературного языка. Статья 24 Конституции КАССР, принятой в 1937 году, возводила карельский язык в статус государственного. Совет Народных Комиссаров КАССР отмечал, что «огромным достижением за 1938–1939 годы в области народного образования следует считать перевод всех карельских школ на свой родной – карельский язык обучения»⁷.

Карельская письменность, созданная директивными решениями, без учета диалектных различий как конгломерат диалектов, в значительной мере была искусственной, трудно усваивалась учащимися, не была воспринята населением. Как директивно она возникла, так директивно и была отменена. Шарахания в языковой политике предопределили скоротечную судьбу карельской и вепсской письменности, ускорили развитие национально-русского двуязычия – переходного этапа к одноязычию.

Завершение Советско-финляндской войны 1939–1940 годов знаменовало очередной крутой зигзаг в языковой политике. В июле 1940 года Совет Народных Комиссаров Карело-Финской ССР принял постановление, в соответствии с которым во всех карельских школах республики обучение вновь переводилось на финский язык.

Пренебрежительное отношение к карельскому и вепсскому языкам на государственном уровне как к языкам неперспективным подрывало их престиж. Уже в 30-е годы стала вызревать мысль о том, что знание родной речи мешает полноценному овладению русским языком, что они не способны выполнять общественно-политические и культурные функции. Этот психологический перекосящий до сих пор и является серьезным препятствием на пути национально-культурного возрождения карелов и вепсов.

Важнейшей чертой языковых процессов довоенного периода стало последовательное распространение двуязычия «вширь», т. е. рост численности карелов, вепсов, финнов, свободно владеющих русским языком.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов завершился переход к массовому двуязычию.

Мощный приток в Карелию в 50-е годы разнонационального населения, превращение моноэтнических сред в полиэтнические, массовая миграция карелов, вепсов, финнов в города, появление крупных лесных поселков как центров притяжения населения, сформировали принципиально новые условия национально-языкового поведения. Развитие лесной индустрии нанесло традиционной системе сельских поселений и расселению жестокий удар. Резко сокращалась общая численность селений, особенно с преимущественно карельским населением. Территории компактного расселения карелов и вепсов превращались в многонациональные: в конце 50-х годов в сельской местности насчитывалось около 40 вариантов этнических сред, бывших прежде преимущественно однонациональными или вепско-русскими и карельско-русскими. Многократно увеличилась численность национально смешанных семей.

⁶ Левкоев А. А. Указ. соч. С. 13.

⁷ Там же. С. 15–18; Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л., 1967. С. 89–104.

К 1959 году по сравнению с 1939 годом общая численность сельских карелов в республике сократилась с 97,5 тыс. человек до 59,0 тыс. человек, вепсов – с 6,5 до 3,9.

Давление новой языковой среды, естественно, определяло и модели языкового поведения. Не только в национально неоднородных, но и в однопациональных семьях дети карелов, вепсов, финнов свои первые слова стали произносить по-русски, который в этом случае, как правило, признавался родным языком. В конце 50-х годов уже 19,0 % карелов, 15,8 % финнов и 61,3 % вепсов родным считали русский язык⁸. Если среди карелов и финнов языковая ассимиляция развивалась «вширь», то в вепсской среде она распространилась «вглубь».

В 1960–1980-е годы развитие языковых процессов в Карелии, как и во всей стране, происходило в условиях мощного идеологического обеспечения политики слияния народов, их культур и языков в «единую историческую общность – советский народ». Реализация этой политики стала серьезной угрозой утраты карелами, вепсами, финнами своих национально-культурных, в том числе и языковых, особенностей.

Наряду с увеличением карело-вепсского населения в лесных поселках, как крупных центрах сельской урбанизации, немаловажную роль в утрате прибалтийско-финскими народами республики навыков родной речи сыграла политика аграрной центрмании, более известная под названием политики ликвидации «неперспективных деревень». За послевоенное время с поселенческой карты Карелии исчезло более 2300 сельских населенных пунктов (с 2973 в 1939 году до 668 в 1989 году). Сельская поселенческая сеть – важнейший источник, питающий культурно-языковую жизнь народов – не просто деформировалась, а деградировала. Отличительной ее чертой стало нестабильное, неустойчивое существование, и потребуются еще не одно десятилетие, чтобы деревня стала жить полнокровной национальной жизнью. В новой социально-этнической ситуации возможности воспроизводства национально-культурного, в том числе языкового наследия, по существу были закрыты. Социально-этническое развитие прибалтийско-финских народов происходило в условиях резкого ослабления плотности внутриэтнических связей.

В то же время вся атмосфера общественно-политической, социально-экономической, культурной жизни поддерживали иллюзорное представление о культурно-языковом благополучии карелов, вепсов, финнов. Национальная политика не имела связей с этнокультурными реалиями. Все это незамедлительно отразилось на темпах языковой ассимиляции. Если в 1970 году 28,2 % карелов, почти 39 % финнов и около 68 % вепсов республики родным признавали русский язык⁹, то в 1979 году этот показатель составил соответственно 38,2, 50,1 и 64,3 %¹⁰. В 1970-е годы углубляющаяся языковая ассимиляция карелов, вепсов, финнов стала ведущей тенденцией этноязыковых перемен.

Усиление психологического тяготения к различным формам профессиональной культуры, не имеющим выраженной национальной окраски, утрата многих черт традиционной культуры, ослабление приверженности к своему национально-культурному наследию – это лишь некоторые, хотя и весьма важные, признаки размывания и исчезновения у прибалтийско-финских народов своей этнической индивидуальности, ослабляющие устойчивость национального самосознания карелов, вепсов и финнов. Большинство детей навыки русскоязычной речи осваивают в раннем детстве. Сравнительно широко бытуют мнения о нецелесообразности знания языка своей этнической общности. Последовательно назревает мысль о том, что язык другого народа (русский) якобы может обеспечить этнокультурную преемственность поколений. Часть населения стала воспринимать русский язык не только как средство межнационального, но и внутриэтнического развития, как необходимый атрибут национального саморазвития, как фактор межнациональной интеграции и внутринациональной идентификации. Нигилистическое отношение к национально-культурным корням, упорно насаждаемое идеологией, стало давать всходы.

Современная языковая ситуация у прибалтийско-финских народов Карелии может быть оценена как явно критическая. Все три народа находятся в опасной зоне полной утраты своей национально-культурной и языковой индивидуальности. По данным переписи населения 1989 года, национальность и родной язык совпадали у 51,5 % карелов, 40,8 % финнов и 37,5 % вепсов¹¹.

⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 314, 340, 366.

⁹ Там же. С. 338; Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. Вып. XVI. М., 1992. С. 119.

¹⁰ Карелы. Финны... С. 119; *Klementjev Je. Kielitillanne karjalaisten keskuudessa: nakytila ja kemitussuunnat. Carelia. 1992. N 3. S. 150.*

¹¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 32.

Столь массовый характер утраты национального языка настойчиво ставит на повестку дня вопрос о самом существовании карелов, вепсов, финнов как этноязыковых образований. Специальные исследования показали, что если более чем у половины представителей национальной общности национальная принадлежность и родной язык не совпадают, вслед за языковой ассимиляцией неминуемо следует этническая.

Общие показатели по республике скрадывают своеобразие языкового состояния городского и сельского населения. А это имеет принципиально важное значение в плане более корректной оценки современной языковой ситуации, видения наиболее уязвимых мест в практике национально-языкового строительства, принятии решений на самом высоком управленческом уровне.

Урбанизация, как известно, является одной из наиболее существенных тенденций демографического развития. По темпам урбанизации, доле городского населения Республика Карелия находится в лидирующей группе регионов страны: в 1989 году 81,4 % всего населения республики проживали в городах и поселках городского типа.

В настоящее время этнокультурное, в том числе языковое, развитие прибалтийско-финских народов республики предопределяет городская среда: почти 62 % карелов, 65,5 % вепсов, 87,4 % финнов – горожане, а их общий удельный вес в городском населении составляет лишь 10,7 %¹², т. е. городская среда – основное «поле» национальной жизни. Действительность была и есть такова, что городская среда – сильнейший фактор и условие денационализации, утраты народами черт национально-культурной индивидуальности. Могут ли карелы, вепсы, финны в условиях городских поселений, в мощном инонациональном окружении сохранить свой национально-языковой облик, навыки родной речи, языковую преемственность поколений?

В поисках ответа между «да» и «нет» вряд ли могут возникнуть большие затруднения. Чтобы окончательно развеять их, в качестве дополнительных свидетельств в пользу «нет» приведем еще два аргумента.

Первый. С 1959 по 1989 год численность карелов-горожан в республике увеличилась в 1,8 раза, а численность карелов с «родным» русским языком за это же тридцатилетие возросла в 2,7 раза, вепсов соответственно в 1,1 и 1,2 раза. При сокращении общей численности финнов-горожан примерно на 3 тыс. человек их численность с «родным» не финским языком почти удвоилась. Отсюда нетрудно заключить: опережающие темпы роста языковой ассимиляции по сравнению с плотностью миграционных потоков показывают, что в перспективе прибалтийско-финские народы Карелии обречены на ускоряющуюся языковую, а затем и этническую ассимиляцию.

Сложилась такая ситуация: некогда прочную ткань повседневной прибалтийско-финской речи на селе рвет и глушит массовая ликвидация деревень; возможности внутринационального общения в городских поселениях на вепском, карельском и финском языках крайне ограничены. Национальное самосознание карелов, вепсов, финнов не может и не хочет мириться и безропотно согласиться с уготованной тупиковой национально-языковой судьбой.

Второй. В 1989 году родным признавали свой национальный язык 43,5 % карелов, 40,2 % финнов и 29,1 % вепсов-горожан. У сельского населения национальная принадлежность и родной язык совпадали у 64,4 % карелов, 53,4 % вепсов, 45,5 % финнов¹³.

Эти средние показатели, как известно, складываются из языковых характеристик различных поколений, которые сильно отличаются друг от друга по глубине языковой ассимиляции.

Каков же возрастно-языковой портрет прибалтийско-финских народов республики?

Среди городского населения ориентируются на язык своей этнической общности как на родной (более 50 %) лица старшего поколения, в том числе карелы, начиная с возраста 50 лет и старше, финны и вепсы – с 70 лет и старше. И менее 15 % считают родным языком своего народа карелы-горожане до 15 лет, финны-горожане до 30 лет, вепсы-горожане до 40 лет.

В сельской местности национальность и родной язык совпадают более чем у 50 % населения у карелов старше 25 лет, вепсов – с 40 лет, финнов – с 50 лет. И менее чем у 15 % сельских вепсов и финнов в возрасте до 35 лет национальность совпадает с родным языком. Среди карелов в возрасте до 15 лет только примерно каждый 5-й или 6-й родным считает карельский язык.

¹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 3–5.

¹³ Там же. С. 32; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. II. Городские поселения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 38.

Очевидно, что темпы языковой ассимиляции прибалтийско-финских народов имеют угрожающе нарастающий характер.

Этот неутешительный вывод еще с большей убедительностью демонстрируют приводимые диаграммы. Принцип их построения таков: все городское и сельское население «разбито» на ряд возрастных групп с определенным интервалом лет, которые по вертикали наложены друг на друга; слева приведены данные о мужчинах, справа – женщинах. Внутри этой пирамиды (светлый фон) аналогичным приемом приводятся сведения о карелах, вепсах и финнах с родным национальным языком по тем же возрастным группам.

До начала аналитического обзора отметим два существенных момента.

Во-первых, у нормально воспроизводящего народа возрастно-половая структура, изображенная графически, имеет вид равнобедренного треугольника с широким основанием (много детей), пологими гранями и острой вершиной (чем больше возраст, тем меньше численность населения). Такую возрастно-половую пирамиду имеет в Карелии только одна национальная группа – русские.

Во-вторых, графически изображенные возрастно-половая и возрастно-языковая совмещенные пирамиды перекрывают друг друга и совпадают, если у представителей национальной общности разных поколений родной язык и национальная принадлежность совпадают. К единственной этнической группе такого порядка относятся только русские Карелии.

Обратимся к диаграммам и ограничимся наиболее существенными выводами.

1. К концу 1980-х годов и в условиях города, и в условиях села карелы, вепсы и финны как демографические образования не имели перспективы даже простого воспроизводства, о чем свидетельствует урнообразный и клинообразный вид графических изображений. Более «полные» городские пирамиды по сравнению с сельскими фиксируют разное соотношение этих групп населения. Современное демографическое развитие прибалтийско-финских народов Карелии приобрело явно регрессивный характер. Широкая практика межнациональных брачных связей (в сельской местности около 40 % семей национально-смешанные, в городах – вдвое больше), низкая оценка престижа национального языка предопределяли неустойчивость национального самосознания. Прорыв эндогамии, т. е. обычая заключения брака между представителями данной этнической общности, расшатав демографическую структуру этносов, ослабил самые их основы. Депопуляция стала выступать как ведущая тенденция демографических сдвигов.

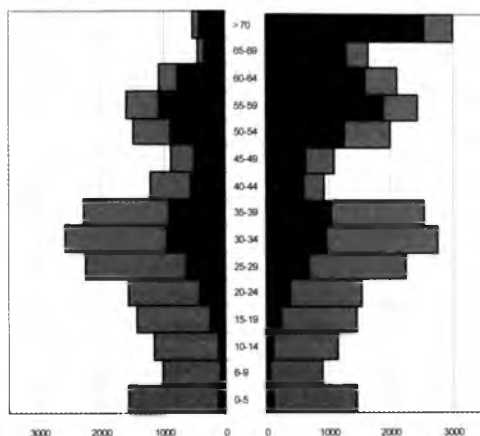
2. Хрупкость демографической структуры, высокий удельный вес ассимилированных в наиболее активных брачных возрастных группах (18–29 лет), истощенный запас языковых знаний у молодежи, подростков и детей говорят о том, что межпоколенные языковые взаимосвязи, по сути, оказались разорванными. Семья перестала выполнять свою важнейшую этническую функцию – обеспечивать языковую преемственность поколений. При низкой оценке престижа национального языка последний не мог быть опорой и ориентиром национального самосознания.

Не приходится сомневаться, что без целенаправленной государственной политики по возрождению прибалтийско-финских народов, без союза семьи и государства, национальных школ, которые делают первые шаги в своем становлении, языковой, а затем и этнической, ассимиляции едва ли можно избежать. И это отнюдь не дальняя перспектива.

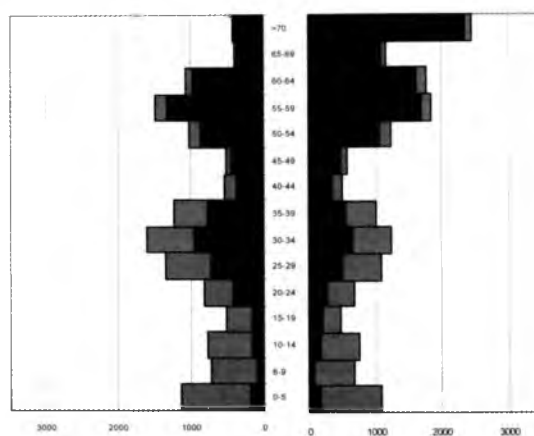
К сожалению, самые животрепещущие, злободневные проблемы национального бытия оцениваются, и не только обывателем, с удивительных позиций: стремление к национально-языковому самосохранению рассматривается в прямой связи ... с разрушением дружеских межнациональных отношений, какими всегда отличался наш край. Сомнения в целесообразности национального возрождения питаются, по крайней мере, двумя обстоятельствами: незнанием, иногда нежеланием знать, а порой и недооценкой той глубокой национально-этнической, в том числе языковой, хвори, которая охватила организм прибалтийско-финских народов Карелии. Осознание этого состояния самыми широкими слоями прибалтийско-финского населения, людьми самых различных национальностей, законодательными и исполнительными структурами республики значительно ускорило и обеспечило бы разрешение второй, более сложной проблемы. Суть ее заключается в том, что в условиях глубокого экономического кризиса, острейших межнациональных противостояний и конфликтов в целом ряде регионов страны сам процесс возрождения, в том числе создание национальных школ, финансируемых, естественно, за счет государственных средств, часть населения воспринимает как некую льготу, данную прибалтийско-финским народам. Стремление к возрождению еще нередко возводится в ранг националистических устремлений, расценивается как возведение перегородок и барьеров на бесконфликтном поле национального согласия республики.

Карелы. 1989 год

Городское население
мужчины женщины

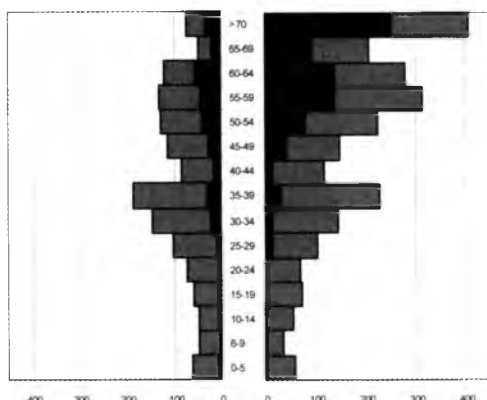
Сельское население
мужчины женщины

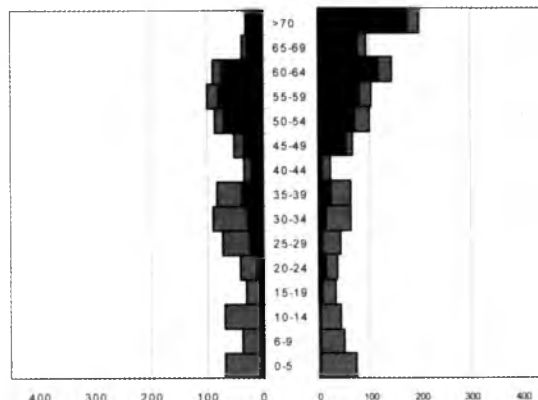
■ с родным карельским языком

Вепсы. 1989 год

Городское население
мужчины женщины

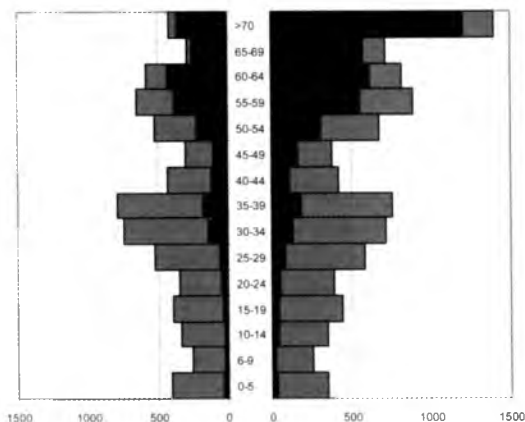
Сельское население
мужчины женщины

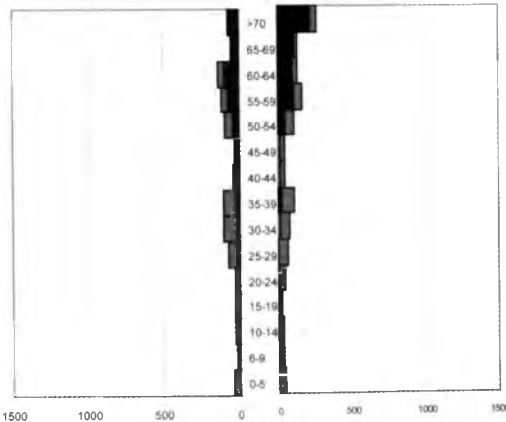
■ с родным вепским языком

Финны. 1989 год

Городское население
мужчины женщины

Сельское население
мужчины женщины

■ с родным финским языком

Да, в республике появились первые сельские школы, где карельские и вепские дети изучают азы национальных языков. Но для того, чтобы, к примеру, большинство карельских детей получили возможность осваивать навыки родной речи в школе, потребуется минимум 10 лет. Этот экстенсивный путь развития (национальные языки изучаются как иностранные, несколько часов в неделю) не в состоянии вывести ни карелов, ни вепсов, ни финнов из ассимиляционного тупика.

Финский язык преподается в школах республики примерно 60 лет. В настоящее время численность обучающихся финскому языку в три раза превышает общую численность финнов школьного возраста. В то же время темпы утраты финнами родного языка, судя по диаграммам, самые высокие в республике. Еще один пример: из 321 финна в возрасте до 24 лет, проживающих в сельской местности, только 10(!) человек в 1989 году признавали родным языком своей национальности. Школа, следовательно, еще не играет сколько-нибудь заметной роли в сдерживании языковой ассимиляции финнов.

Невольно возникает вопрос: не уготована ли такая же незавидная судьба карельской и вепской школе? Широко рекламируемые Министерством народного образования республики успехи в развитии национальной школы создают, строго говоря, иллюзорное представление о действительном положении дел.

Недостаток кадров, опыта, учебных и учебно-методических пособий – факторы, сдерживающие возрождение национальных языков. Но очевидно и другое: необходима целенаправленная государственная политика и программа национально-культурного возрождения карелов, вепсов, финнов, возвращающая и вовлекающая в повседневную историю народов жизнеспособные традиции, явления, нормы поведения, элементы национальной жизни как реальную основу развития и совершенствования народами своей национально-культурной суверенности и этнической индивидуальности. Возрождение и развитие культуры и языка карелов, вепсов и финнов должно стать составной частью общедемократических преобразований в сфере правовых взаимоотношений, социальных и экономических изменений на пути достижения реального равноправия народов.

Реализация принципа языкового равноправия заключается в том, чтобы обеспечить сохранение карельского, вепского, финского языков, такое их развитие, чтобы содействовать широкому их использованию в самых различных сферах жизнедеятельности. Непременное условие нормального функционирования взаимодействующих языков – правовое регулирование. В сознании карелов, вепсов, финнов, людей самых разных национальностей должна прочно утвердиться мысль, что национальные языки – общегосударственная ценность, защищаемая законом. И без решений на законодательном уровне полнокровная защита национально-языковых интересов карелов, вепсов, финнов не может быть обеспечена.

Сложность языковой ситуации состоит в том, что функциональная развитость и развернутость языков различна: русский и финский языки, как языки литературные, имеют длительную историю нормативного развития, карельский и вепский языки – младописьменные, замкнутые, в основном, сферой семейно-бытового общения. Поэтому в Конституции Республики Карелия или в специальном «Законе о языках» идея равенства языков, их полнокровной жизни сегодня не простая декларация, а цель, достижение которой подтягивает младописьменные языки до многофункционально развитых. Речь не должна идти о замене одного языка на другой, а о такой более полной «нагрузке» национальных языков, которая быстро возрождала бы утрачиваемый лексический фонд и эффективно «работала» на национально-культурную самобытность того или иного этнического образования в условиях нового времени. Только в этом случае демократическое государство реально сможет сохранить и развивать национальные культуры и национальные языки. И эту историческую миссию и ответственность должны разделить не только работающие «с языком», «над языком», или «для языка», но и должностные лица самого высокого законодательно-управленческого и исполнительного уровня. Добиться согласия и на практике разрешить конечную цель – добиться равноправия языков, когда на исходных рубежах они существенно дифференцированы – проблема не простая, но при доброй воле вполне разрешимая.

Наряду с законодательной (юридической) защитой возрождение культур и языков прибалтийско-финских народов Карелии остро нуждается в комплексе механизмов социальной защиты – научно обоснованной программе, гарантирующей динамичное развитие национальных языков.

И, наконец, воплощение в жизнь законодательных актов, программ возрождения требует финансового обеспечения. Пафос и энтузиазм актива национальной интеллигенции – мощная возрожденческая сила. Но без приоритетной экономической защиты даже законодательно выверенная реформа обречена на провал.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ «ПОРТРЕТЫ» ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ КАРЕЛИИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСИ 1989 ГОДА

Карелы Расселение

По переписи 1989 года в СССР насчитывалось 130929 карелов, в том числе в РСФСР 124874 чел. или 95,4 % всех карелов страны. Основная часть карелов проживала на территории Карельской АССР (78928 чел. или 60 % от общей численности карелов) и в Тверской области (23169 чел. или 17,6 %).

Крупные по численности группы карелов перепись зарегистрировала на прилегающих к Карелии территориях, в том числе в г. Ленинграде (3607 чел.), Ленинградской (3371 чел.), Мурманской (3505 чел.), Архангельской (700 чел.) областях.

В КАССР карелы являлись преимущественно городскими жителями. В 12 городах и 44 поселках городского типа проживало соответственно 32790 чел. и 15974 чел. или 61,8 % всех карелов республики. В целом удельный вес карелов в городском населении всегда оставался невысоким и в 1989 году составил всего 6,6 %¹.

Самым крупным центром сосредоточения карелов являлась столица республики г. Петрозаводск (14236 чел.). Значительные по численности группы карелов проживали в Кондопоге (2312 чел.), Костомукше (2078 чел.), Сегеже (1567 чел.), Питкяранте (1433 чел.), Суоярви (1061 чел.), Медвежьегорске (958 чел.). Карелы являлись также жителями Кеми (806 чел.), Сортавалы (802 чел.), Беломорска (791 чел.). Небольшие по численности группы карелов были расселены в Лахденпохье (312 чел.) и Пудожье (106 чел.). Олонец был, как и прежде, единственным городом в республике, где карелы составляли большинство населения – 56,4 %. В начале 1989 года здесь проживало 6640 карелов. Во всех остальных городах Карелии русские составляли абсолютное большинство населения.

Невелика была доля карелов в поселках городского типа – всего 11,9 %. По национальному составу рабочие поселки могут быть объединены в три группы: с относительно высоким (более 30 %), средним (от 10 до 30 %) и низким (менее 10 %) удельным весом карельского населения.

В первую группу таких поселений входил поселок Ильинский (3376 жителей, в том числе 1798 карелов или 53,3 % всего населения) – единственный в республике рабочий поселок с преимущественно карельским населением. Значительная по численности и удельному весу карелов перепись 1989 года зафиксировала в Калевале (5230 жителей, в том числе 2360 карелов или 45,1 % всего населения поселка) и Пряже (4412 жителей, в том числе 1561 карелов или 35,4 % населения).

Ко второй группе относятся 14 поселков: Амбарный (1414 чел., 162 карела), Боровой (3118 чел., 508 карелов), Гирвас (1555 чел., 446 карелов), Кестеньга (2509 чел., 418 карелов), Кривой Порог (1351 чел., 140 карелов), Ледмозеро (2917 чел., 375 карелов), Лоухи (6447 чел., 772 карела), Муезерский (4165 чел., 475 карелов), Пиндуши (6793 чел., 958 карелов), Поросозеро (4465 чел., 748 карелов), Пяозерский (2640 чел., 552 карела), Салми (3382 чел., 388 карелов), Сосновец (2657 чел., 308 карелов) и Чупа (5160 чел., 553 карела).

В рабочих поселках третьей группы (их насчитывалось 27) было расселено около 3 тыс. карелов. Численность карелов в них колебалась от 9 человек (Маленьга) до 407 человек (Надвоицы).

Большинство карелов (около 70 %) проживали в рабочих поселках, расположенных в пределах территории традиционного расселения, т. е. западнее Октябрьской железной дороги.

В сельской местности было учтено 30164 карела (38,2 % всех карелов, проживающих в республике)². По национальному составу и доле карельского населения районы заметно отличались друг от друга. Карелы составляли большинство сельского населения только в одном – Олонецком районе: из 15298 жителей этого района на долю карелов приходилось 69,1 % всего населения (10570 чел.). Сравнительно высокий удельный вес карелов оставался в поселениях Пряжинского (48,4 % или 6631 карел из 13688 чел.) и Калевальского (39,4 % или 1458 карелов из 3698 чел.) рай-

¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Городские поселения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 17; ТА Карелиястата. Ф. 549. Оп. 14. Д. 1/5.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 17.

онов. В остальных районах карелы составляли явное меньшинство (менее 18 %). Меньше всего карелов проживало в Пудожском районе – всего 106 человек из 15882 сельских жителей³.

Большое влияние на расселение оказала и оказывает массовая ликвидация сельских селений, сопровождаемая коренной перестройкой этнических сред на поселенческом уровне: с 1959 по 1989 год их численность сократилась с 1553 до 668., т. е. в 2,3 раза. Причем, численность деревень с преимущественно карельским населением сокращалась быстрее, чем общая численность сельских селений: с 1959 по 1989 год их количество сократилось с 407 до 114 поселений, т. е. в 3,5 раза. За последние 30 лет численность деревень с высоким удельным весом карелов сократилась в Беломорском районе в 3 раза (с 13 до 4), в Лоухском – в 3 раза (с 9 до 3), в Медвежьегорском почти в 6 раз (с 41 до 7), в Суоярвском – примерно в 10 раз (с 29 до 3). К концу 1980-х годов в Калевальском, Кемском, Сегежском районах уже не осталось селений с преобладающим карельским населением. Карельские деревни по численности населения стали более мелкими, чем русские или национально-смешанные поселения. Наиболее густая сеть деревень с карельским населением сохранилась лишь в Пряжинском (в 46 населенных пунктов из 80 преобладают карелы) и Олонецком районах (в 39 селениях из 59 преобладают карелы). Однако и здесь сеть сельских селений с карельским населением весьма быстро редела. Так, в 1959 году в этом районе насчитывалось 100 населенных пунктов и в 92 из них большинство составляли карелы⁴.

Данные переписи населения 1989 года показывают: 1) переселение карелов из сельской местности в города и рабочие поселки республики, миграция за пределы Карелии продолжает носить устойчивый характер; 2) большинство карелов оказались проживающими в национально-смешанной или многонациональной средах; 3) процесс ликвидации сельских населенных пунктов в Карелии не только не был приостановлен, а, напротив, стал ускоряться. Более того, деревни с высокой долей карельского населения исчезают с республиканской карты ускоренными темпами по сравнению с общей тенденцией сокращения численности сельских населенных мест; 4) с продолжающимся процессом мельчания селений и сокращением общей численности населенных мест возрастала разбросанность (автономность) деревень и поселков, их удаленность друг от друга.

Все это содействовало ослаблению внутриэтнических информационных связей (культурных, языковых, межсемейных, межселенных), разрушению корневых условий национального бытия, осложняя процесс межпоколенной трансляции традиционных образцов культуры, поведения, обычаев, привычек и т. д. Наиболее благоприятные условия для воспроизводства национально-культурного и языкового наследия сохранялись в Олонецком и Пряжинском районах. Изменения в расселении, трансформируя систему внутриэтнических и межэтнических контактов, стали оказывать весьма существенное влияние на языковую компоненту карельского этноса.

Расселение и языковые процессы

В рекомендациях по заполнению опросного листа 1989 года отмечалось, что в случаях, если возникают затруднения в определении родного языка, им должен записываться тот, которым человек лучше владеет или которым он обычно пользуется в семье. Детям, не умеющим говорить, родным языком регистрировался язык родителей (или одного из них) или основной язык общения в семье.

По данным переписи 1989 года из 130929 карелов СССР родным считали язык своей национальности 47,8 % (62542 чел.), русский язык – 45,5 %, языки других народов – 6,6 %. В пределах Российской Федерации национальность и родной язык совпадали у 60696 карелов (или у 48,6 %). Русский язык называли родным языком 46,3 %, другие языки народов СССР 5,1 %. Особенно сильно в языковом отношении были ассимилированы карелы, проживающие в Башкирии (21 % с родным карельским языком) и в Якутии (23,4 %). В Дагестане, напротив, зафиксирован самый высокий процент карелов, у которых национальность и родной язык совпадали (82,7 %).

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 7–17.

⁴ О тенденциях развития сельской поселенческой системы и этнических сред в Карелии см. подробнее: *Пименов В. В., Тароева Р. Ф.* Этнические процессы в Советской Карелии // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 214–247; *Кожанов А. А.* Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.) // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 5–20; *Клементьев Е. И.* Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы. Препринт доклада. Петрозаводск, 1988; *Клементьев Е. И., Кожанов А. А.* Сельская среда и население Карелии. 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л., 1988. С. 15–39.

У карелов, расселенных за пределами РСФСР, в других союзных республиках, национальность, как правило, не совпадала с родным языком. Так, в Белоруссии лишь 23,7 % карелов, в Украине 26,9 %, в Эстонии 29,7 % признали родным язык своей национальности. Это те республики, где проживало, по крайней мере, второе поколение карелов. Массовой ассимиляцией были охвачены и карелы, расселенные в Литве, Латвии, Молдавии: у двух третей карелов, проживающих в этих республиках, национальность и родной язык не совпадали. И только в Узбекистане и Таджикистане случаи расхождения между национальностью и родным языком были сравнительно редки – около 70 % карелов, живущих здесь, называли в качестве родного карельский язык. Такой высокий процент совпадения национальности и родного языка был связан, по всей вероятности, с особенностями возрастной структуры проживающих здесь карелов.

Значительные масштабы приобрела смена языка и среди карелов, расселенных в пределах Российской Федерации. Национальность и родной язык совпадали у 54,4 % карелов (12596 чел.), расселенных в Тверской области, у 36,2 % (1220 чел.) карелов Ленинградской, и 33,5 % (1175 чел.) Мурманской областей, у 25,8 % карелов (931 чел.), живущих в г. Ленинграде⁵.

Языковая ассимиляция среди карелов Карелии также приобрела массовый характер: из 78928 карелов республики родным признали карельский язык 39925 чел., или 50,6 %, русский язык – 48,3 % и 149 человек таковым назвали языки других народов, прежде всего финский язык⁶.

Национальность и родной язык совпадали у 40 % карелов-горожан. В рабочих поселках доля карелов с родным языком своей национальности была несколько выше и составила 50,5 %. Чаще всего родным считают язык своей этнической общности сельские карелы – 64,6 %, или 19473 чел.

Шесть городов Карелии отнесены к поселениям с глубоким проникновением языковой ассимиляции в карельскую среду. Это Сегежа (28,1 % карелов с родным карельским языком), Сортавала (32,5 %), Костомукша (34,8 %), Петрозаводск (34,5 %), Кондопога (36,8 %) и Пудож (36,8 %).

В остальных городах языковая ассимиляция карелов выражена слабее, в них более чем у 40 % карелов национальность и родной язык совпадали, в том числе в Беломорске у 41,2 %, в Суоярви у 44,1 %, в Медвежьегорске у 48,3 %, в Питкяранте у 48,4 %, в Олонце у 52,8 %, в Кемии у 54 %.

Связь между численностью и долей карелов в городах и выбором родного языка весьма слабая и подчас противоречивая. Эта противоречивость может быть проиллюстрирована такими примерами. В 1989 году в Кемии, например, проживало 806 карелов против 3506 в Олонце, Кемь – город с высокой долей русского населения и небольшой численностью карелов. Олоонец, расположенный в гуще карельских деревень, всегда отличался повышенным удельным весом карельского населения. Однако у кемских карелов языковая и этническая идентичности совпадали даже несколько чаще, чем у олонецких карелов. Аналогичная зависимость прослеживается в выборе карельского языка как родного у сортавальских или лахденпохских карелов по сравнению с жителями Медвежьегорска или Суоярви.

Учитывая, что в 1970–1980-е годы в средней и северной Карелии, районах преимущественно промышленных, темпы ликвидации сельских поселений были выше, чем в аграрных районах юга республики⁷, логично предположить, что приток в северные города сельских жителей из так называемых «неперспективных деревень» с преимущественно карельским населением, в том числе пожилыми, способствовал увеличению доли карелов, у которых этническая и языковая идентичности совпадали.

По масштабам и глубине распространения языковой ассимиляции все поселки городского типа объединены в две большие группы.

В первую группу могут быть отнесены поселки, в которых карелы чаще признают родным русский язык. Доля карелов с родным карельским языком в таких поселках колебалась от 11 % (Маленьга) до 50 % (Поросозеро, Чална, Элисенваара). Таких поселков насчитывалось 33, проживало в них около 8,3 тыс. карелов, в том числе у 3,5 тыс. или 41 % национальность и родной язык совпадали.

⁵ Рассчитано по: Национальный состав населения РСФСР. По данным переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 9, 12, 15, 36.

⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Городские поселения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Текущий архив Госкомстата РК, ф. 659.

⁷ Клементьев Е. И. Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы // Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 30 декабря 1988 г. Петрозаводск, 1988; *Его же*. Сельская этническая среда: состояние, некоторые тенденции развития // Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XVI. Карелы. Финны. Проблемы этнической истории (Сборник статей и докладов). М., 1992. С. 67–92.

Во второй группе поселков доля карелов с родным карельским языком варьировала от 50,8 % (Ильинский) до 71,9 % (Калевала). В этой группе поселков также Импилахти, Рабочеостровск, Пряжа, Валаам, Амбарный, Кестеньга, Суккозеро. Проживало в них почти 7,4 тыс. карелов, в том числе примерно у 4,4 тыс. человек или 60 % родным считали карельский язык.

Большая часть поселков городского типа второй группы расположены на территории традиционного расселения карелов с весьма высоким удельным весом карельского населения. Это, по всей вероятности, и предопределяло более частый выбор ими родного языка по сравнению с теми карелами, которые являлись жителями поселений первой группы. Следует отметить и то, что поселения первой группы, часто расположенные вне ареалов плотного расселения карелов, как правило, сформировались на многонациональной основе.

По доле карелов, назвавших родным язык своей национальности, все районы могут быть сгруппированы следующим образом: с низким (от 30 до 50 %), средним (от 51 до 60 %) и сравнительно высоким (более 60 %) удельным весом карелов с родным карельским языком.

В первую группу входят 5 районов: Сегежский (191 карел, у 60 чел. национальность и родной язык совпадали), Лахденпохский (соответственно 166 и 53 чел.), Пудожский (133 и 44 чел.), Прионежский (445 и 194 чел.) и Муезерский (1879 и 886 чел.).

Вторую группу составили 5 районов: Суоярвский (1030 карелов, 546 с родным карельским языком), Кондопожский (1661 и 924 чел.), Питкярантский (295 и 165 чел.), Кемский (676 и 393 чел.) и Лоухский (1148 и 674 чел.). Примечательная особенность этих районов состоит в том, что это весьма «урбанизированные» сельские районы республики.

В третьей группе оказалось 5 районов: Беломорский (1661 чел. и 324 чел. с родным карельским языком), Медвежьегорский (2175 и 1457 чел.), Пряжинский (6631 и 4515 чел.), Олонецкий (10570 и 7415 чел.) и Калевальский (1458 и 1085 чел.).

Группировка районов по приведенному выше принципу позволяет предположить: по мере этнического смешения и снижения удельного веса карельского сельского населения логично ожидать дальнейшее увеличение численности лиц с несовпадающей национальностью и родным языком.

Подведем некоторые итоги. Анализ языковой ситуации на регионально-поселенческом уровне показывает, что в конце 1980-х годов она была достаточно сложной и неоднозначной.

Примерно 10 % всех сельских карелов проживали в районах, охваченных глубоко продвинутой языковой ассимиляцией. Шестая часть карелов оказалась расселенной в районах с заметной численностью лиц, у которых национальность и родной язык не совпадали. И, наконец, более 70 % карелов было рассредоточено в районах со сравнительно медленными темпами смены родного языка.

Важными очагами массового распространения языковой ассимиляции в карельской среде были города. К концу 1980-х годов у карелов-горожан расхождения между этнической и языковой идентичностями приобрели, по-видимому, необратимый характер. По существу был пройден рубеж, когда явственно обозначился массовый разрыв межпоколенных языковых связей. К этому критическому рубежу подошли и карелы, проживающие в поселках городского типа.

Урбанизация, равно как и разрушение системы сельских селений с преобладанием карельского населения, последовательно продолжала ослаблять внутриэтнические языковые связи.

Демографическая структура карелов

Смена поколений – естественная закономерность демографического развития любой человеческой популяции как самовозобновляющегося этносоциального организма.

В послевоенные годы в демографической структуре карелов, как, впрочем, и других этнических групп населения Карелии, сохранялись значительные диспропорции по полу, как среди городских, так и сельских карелов. Последствия военных потерь давали о себе знать (сохранились) вплоть до конца 1980-х годов. На деформацию демографической структуры карелов повлияло последовательное сокращение общей численности, старение населения, выраженное сокращением рождаемости и снижением доли карелов в младших возрастных группах, широко распространенная ориентация на некарельскую национальность в национально-смешанных семьях. Карелов в возрастной группе до 6 лет стало в три раза меньше, чем в возрастной группе 20–24 года; в шесть с лишним раз меньше, чем среди 25-летних и старше как в городах, так и в сельской местности (табл. 1). При подобных демографических сдвигах плотность внутриэтнических связей

решительно подрывалась. Результирующая воздействия этих факторов стала проявляться в нарастающем регрессивном характере воспроизводства поколений⁸.

Тревога по поводу сложившегося демографического состояния карельского этноса в рекомендациях научно-практической конференции «Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР» (май 1989 года) сформулирована следующим образом: «Общая тенденция старения сельского населения, продолжающаяся ликвидация „неперспективных“ деревень, миграция в города, падение удельного веса молодежи, диспропорция между количеством мужчин и женщин брачного возраста, рост числа межнациональных браков усугубляют ситуацию, осложняют демографическое воспроизводство карельского этноса и создают реальную угрозу его существованию»⁹.

И на такую оценку были веские основания.

Сравнительный анализ данных переписей 1979 и 1989 годов показывает следующее (табл. 1). Положительная динамика роста численности детей в возрасте до 14 лет произошла в городах. Во всех остальных возрастных группах численность карелов сократилась и в городах и в сельской местности почти на 8,8 тыс. чел. На фоне сокращения общей численности карелов (с 81274 чел. в 1979 году до 78928 чел. в 1989 году или на 9,7 %) наиболее заметно уменьшилось число лиц в возрастных группах 15–19 и 20–24 года. В то же время доля пожилых (60 лет и старше) за межпереписные годы возросла в целом с 16,5 до 20,3 %, в том числе на селе с 19,1 до 23 %, в городах с 14,6 до 18 %¹⁰.

Таблица 1

Динамика численности карелов по возрастным группам

	0–14	15–19	20–24	25–29	Всего
1979 год					
Город и село	12161	7052	8116	7170	34499
Город	5739	4483	5088	4557	19867
Село	6422	2569	3028	2613	14632
1989 год					
Город и село	12387	3834	4600	6912	27733
Город	7232	2880	3110	4488	17710
Село	5155	954	1490	2424	10023
1989 год по сравнению с 1979 годом					
Город и село	+226	–3218	–3516	–258	–8766
Город	+1493	–1603	–1978	–69	–2157
Село	–1267	–1561	–1538	–189	–4555

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 24/115; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990.

Подобные демографические сдвиги, если их изобразить графически в виде демографических пирамид, как уже отмечалось нами ранее¹¹, говорят о сужении основания демографической структуры, свидетельствуя о нарастании регрессивного типа воспроизводства. Данные переписи 1989 года подтверждают замедляющуюся тенденцию воспроизводства карелов и в городах, и в сельской местности (табл. 2).

Пониженный удельный вес детей и молодежи сельских и городских карелов в возрасте по сравнению, например, с 30–39-летними фиксирует трудноизлечимые последствия войны, когда резко ухудшилась демографическая ситуация, осложнилось естественное воспроизводство поколений, снизилась рождаемость, нарушилось нормальное соотношение мужского и женского населения.

⁸ См. подробнее: Бирин В. Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск, 1992; Его же. Демографическая ситуация у карел Карельской АССР в 1950–1980-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории (Сборник статей и докладов). Вып. XVI. М., 1992. С. 125–138; Клементьев Е. И. Карелы в зеркале переписи населения 1989 года // Там же. С. 139–149.

⁹ Рекомендации научно-практической конференции «Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР». Петрозаводск, 1989.

¹⁰ НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. См. также статью «Прибалтийско-финские народы Карелии в зеркале переписей 1970–1979 годов» в настоящем сборнике. С. 41–49.

¹¹ См. статью «Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карелов, вепсов, финнов)» в настоящем сборнике. Табл. 1, 2. С. 57–64.

По оценкам демографов, народ считается «молодым», а воспроизводство его нормально-естественным, если среднестатистический возрастной показатель равен примерно 30 годам. В Карелии такой показатель в 1989 году был только у русских. Средний возраст городских карелов составил 38,6 лет, сельских – 41,4 года.

Согласно принятым Организацией Объединенных Наций демографическим стандартам, доля лиц в возрасте 60 лет и старше в демографической структуре народа не должна превышать 12 %¹². Более высокий уровень данного критерия считается признаком старения населения и перехода к регрессивному типу производства, а последовательное увеличение этого показателя свидетельствует о нарастающих тенденциях депопуляции. Приведенные в табл. 2 данные показывают, что и городское и сельское население довольно далеко «зашли» за этот критический рубеж.

Таблица 2

Демографическая структура карелов, 1989 год

Возраст	Все население		Городское население		Сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 6 лет	5247	6,6	3021	6,2	2226	7,4
6–9	3306	4,2	1911	3,9	1395	4,6
10–14	3834	4,9	2300	4,7	1534	5,1
15–19	3888	4,9	2880	5,9	1008	3,3
20–24	4600	5,8	3110	6,4	1490	4,9
25–29	6912	8,8	4488	9,2	2424	8,0
30–34	8177	10,4	5333	10,9	2844	9,4
35–39	7036	8,9	4812	9,9	2224	7,4
40–49	6783	8,6	4615	9,5	2168	7,2
50–59	13092	16,6	7494	15,4	5598	18,6
60–69	9657	12,2	5250	10,8	4407	14,6
70 лет и более	6396	8,1	3550	7,3	2846	9,5
Итого	78928	100,0	48764	100,0	30164	100,0

Примечание. Рассчитано по: Клементьев Е. И. Карелы. Этнографический очерк. С. 64–65.

Демографическая структура и языковые процессы

Вплоть до 1989 года карелы оставались самым многочисленным народом СССР, не имеющим своей письменности. И закономерно, что в новой общественно-политической ситуации, в движении за национально-культурное возрождение воссоздание письменности, расширения общественных функций карельского языка выдвигалась как первоочередная задача, поскольку языковая ассимиляция карелов приобрела устойчиво-нарастающий характер. По данным переписи 1989 года национальность и родной язык совпадали, как уже отмечалось, у 51,5 % карелов, в том числе у 40 % карелов-горожан, 50,5 % жителей поселков городского типа и 64,6 % карелов, проживающих в сельской местности.

Особую озабоченность участников упомянутой выше научно-практической конференции вызвало состояние и тенденции развития языковых процессов: «В исключительно сложном положении оказался язык карелов. Обслуживающий все сферы жизнедеятельности карельского народа, он оказался оттесненным преимущественно в семейно-бытовую сферу. Конституционное право народа читать и писать на родном языке до сих пор остается для карелов не реализованным»¹³.

Особенно слабую привязанность к национальному языку ощущала городская карельская молодежь. Так, например, среди учащихся 4–8 классов (10–14 лет) у 90,5 % в городе и у 78,2 % на селе национальная принадлежность не совпадала с родным языком. Еще реже родным карельский язык был записан у детей младших классов и детей дошкольного возраста (табл. 3).

Признавая язык символом национального единения, средством, связующим межпоколенное прошлое, настоящее и будущее, придется согласиться с выводом: молодое поколение городских и сельских карелов решительно встало на дорогу прямой этноязыковой ассимиляции. Здесь важно отметить следующее: эти данные отражают не самооценки детей, а позицию их 20–34-летних родителей, что говорит об их слабой связи по языковой линии со своей национальностью.

¹² Современная демография. М., 1995. С. 235.

¹³ Рекомендации научно-практической конференции «Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР». Петрозаводск, 1989.

Языковые характеристики карелов Карелии

Возраст	Городское население			Сельское население		
	Всего карелов	с родным карельским языком		Всего карелов	с родным карельским языком	
		чел.	%		чел.	%
До 6 лет	3021	205	6,2	2226	353	15,9
6–9	1911	145	7,6	1395	171	12,3
10–14	2300	218	9,5	1534	335	21,8
15–19	2880	494	17,2	1008	348	34,5
20–24	3110	796	25,6	1490	716	48,1
25–29	4488	1333	29,7	2424	1219	50,3
30–34	5333	1888	35,4	2844	1613	56,7
35–39	4812	1959	40,7	2224	1338	60,2
40–49	4615	2308	50,0	2168	1652	76,2
50–59	7494	4899	65,4	5598	4927	88,0
60–69	5250	3985	75,9	4407	4073	92,4
70 лет и более	3550	2960	83,4	2846	2728	95,9

Примечание. Рассчитано по: Клементьев Е. И. Карелы. Этнографический очерк. С. 69–70.

Подведем некоторые итоги.

До второй половины 1970-х годов языковая ассимиляция городских и сельских карелов все же происходила плавно. Эта тенденция проявлялась в том, что от одной возрастной когорты к другой несовпадения между национальностью и родным языком увеличивались. Среди карелов-горожан, родившихся в 1960 – начале 1970-х годов, лишь каждый четвертый в момент проведения переписи населения считал родным язык своей национальности. Языковые характеристики этой возрастной группы сельских карелов уже явно свидетельствуют о начале качественно нового этапа в развитии языковых процессов. Суть этого этапа состоит в том, что распространение языковой ассимиляции «вширь» (увеличение абсолютной численности карелов с родным русским языком) трансформировалось в распространение языковой ассимиляции «вглубь» (в качестве родного языка чаще стал называться русский язык по сравнению с карельским).

В последние два десятилетия – 1970–1980-е годы – в языковых характеристиках карелов все явственнее стали ощущаться результаты политики «расцвета и сближения народов». В условиях Карелии на этот процесс сильное влияние оказывала несогласованная аграрно-промышленная политика, приведшая, по существу, к развалу поселенческой сети на севере, в центральных и, в меньшей мере, в южных районах Карелии. Коренным трансформациям подверглась этническая среда. Такая политика подрывала основы и социально-экономического, и культурно-языкового бытия карельского этноса, той среды, которая являлась основой, обеспечивающей культурно-языковую преемственность поколений. И в сельской местности, и особенно в городах, у детей дошкольного возраста, численность которых неуклонно сокращалась, языковое родство со своей национальностью стало не просто слабым и ограниченным, а, строго говоря, разорванным.

Надежды на возрождение и развитие карельского языка в известной мере вселяет ситуация в сельской местности. Правда и здесь около четверти сельских карелов проживают в районах, отличающихся повышенными темпами языковой ассимиляции. Однако более 70 % карелов сосредоточены в районах с относительно медленными темпами смены родного языка. Очевидно, что только при эффективной языковой политике, развитии национального образования, поддержанного самим карельским населением, можно рассчитывать на изменение языковой ситуации в будущем.

Вепсы

Расселение

Всесоюзной переписью населения 1989 года в СССР насчитывался 12501 вепс, в РСФСР – 12142.

Основными очагами компактного расселения вепсов оставались Карелия (5954 чел.), Ленинградская и Вологодская области. С 1979 по 1989 год численность вепсов в Карелии увеличилась с 5863 до 5964 чел., в Ленинградской области с 774 до 4273 чел., в Вологодской области с 65 до 728 чел.¹⁴

¹⁴ Национальный состав населения РСФСР. По данным переписи 1989 г. М., 1990. С. 12, 15, 103.

Результаты массовых опросов вепсского населения 1983 и 1985 годов, проведенные во всех регионах их компактного расселения, опубликованные в региональных газетах¹⁵ и в научных статьях,¹⁶ способствовали более полному их учету, росту национального самосознания.

Большая часть вепсов Карелии (3885 чел. или 64,9 %) были учтены в составе городского населения, 2069 чел. или 35,1 % – сельского. Доля вепсов в общей численности населения республики составляла 0,8 %, в том числе 0,6 % в городском и 2,5 % в сельском. Большая часть вепсов Ленинградской области (3377 чел. из 4273 или 79 %) проживала в сельской местности, 896 чел. или 20,9 % являлись жителями различных по людности городских поселений. Из 728 вепсов Вологодской области 683 чел. или 93,8 % была расселена в сельской местности, остальные 45 чел. в городах¹⁷.

Самым крупным центром сосредоточения вепсов в Карелии, как карелов и финнов, являлся г. Петрозаводск (3074 чел.). В конце 1980-х годов здесь проживало 85,7 % всех вепсов-городжан и 51,6 % всех вепсов Карелии. Еще один сравнительно крупный массив вепсского населения был сосредоточен в г. Кондопоге (154 чел.). В остальных городах республики численность вепсов не превышала 65 чел. и составляла в Сегеже 63 чел., Питкяранте 59 чел., Сортавале 52 чел., Суоярви 42 чел., Медвежьегорске 35 чел., Костомукше 34 чел., Кеми 19 чел., Лахденпохье 14 чел., Беломорске и Олонце по 13 чел., Пудожье 12 чел. Всего в городах республики проживало 3584 вепса¹⁸.

Небольшие по численности группы вепсов (301 чел.) были зарегистрированы в 35 из 44 поселков городского типа. Большая часть из них расселялась преимущественно в южных поселениях Карелии, в том числе в Мелиоративном (38 чел.), Шуе (28 чел.), Пряже (20 чел.), Ладва-Ветке и Дервянке (по 14 чел.), Салми, Гирвасе и Ляскеля (по 13 чел.) и т. д.

Вепсское сельское население (2069 чел.) наиболее компактно проживало в Прионежском районе – 1847 чел., или 82,3 % всех сельских вепсов. За пределами этого района больше всего вепсов перепись зафиксировала в Пряжинском районе (58 чел.). В остальных районах численность вепсов была небольшой, колеблясь от 4 чел. (Питкярантский район) до 25 чел. (Медвежьегорский район).

Концентрация в поселениях традиционного проживания (Шелтозеро, Шокша, Рыбрека, Вехручей и др.) в сочетании с дисперсным рассредоточением на территории прилегающих районов, сосредоточение вепсов в городах, особенно в Петрозаводске, являлись наиболее существенными особенностями расселения вепсов в конце 1980-х годов.

Расселение и языковые процессы

По переписи 1979 года национальность и родной язык совпадали у 36,1 % вепсов, проживающих в Российской Федерации. К 1989 году этот показатель возрос до 51,3 %. Аналогичная тенденция характеризует этноязыковые предпочтения вепсов Ленинградской области, где доля лиц с родным вепским языком за межпереписной период (с 1979 года по 1989 год) возросла с 41,8 до 69,8 %, в том числе в городском населении с 39,3 до 51,2 %, в сельском – с 45,6 до 74,8 %. У вепсов Вологодской области, проживающих в деревнях Куйского и Пяжозерского сельских советов Бабаевского района,

¹⁵ См., например: *Лонин Р.* Будем беречь родство! // Коммунист Прионежья. 1987. 26 мая; *Строгальщикова З. И.* Вепсский язык. Есть ли у него будущее? // Коммунист Прионежья. 1987. 3 декабря; *Зайцева Н. Г.* Мой язык, мой народ, моя родина // Коммунист Прионежья. 1988. 4 августа; *Трофимов А.* По «вепсской модели» // Комсомолец. 1989. 23 марта и др.

¹⁶ *Пименов В. В., Строгальщикова З. И.* Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 4–26; *Строгальщикова З. И.* Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Там же. С. 27–42.

¹⁷ Национальный состав населения РСФСР. По данным переписи населения 1989 г. С. 36, 58, 88.

¹⁸ Здесь и далее данные по Карелии см.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Городские поселения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Текущий архив Госкомстата РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5.

а также в Оштинском сельсовете Вытегорского района, переписью 1989 года зафиксировано наиболее частое совпадение национальной принадлежности и родного языка (у 87,6 %) ¹⁹.

Вепсы Карелии, по сравнению с вепсами Ленинградской и Вологодской областей, относятся к более ассимилированной в языковом отношении части. По переписи 1989 года родным признавали язык своей этнической общности 2232 чел. или 37,5 %. Значительно чаще родной язык и национальность совпадали у вепсов на селе (у 1104 чел. или 53,4 %), чем в городе (у 1130 чел., или 29,1 %). Самый высокий процент совпадений этнической и языковой идентичности перепись зафиксировала у вепсов Прионежского района – 56,2 %. В остальных районах единицы вепсов считали вепсский язык родным.

Из 3074 чел. вепсов, проживающих в Петрозаводске, родным считали вепсский язык 913 чел. или 29,7 %. Редко признавали родным вепсский язык и жители поселков городского типа – 79 чел. или 26,2 %. Национальность и родной язык совпадали у 36,8 % вепсов, проживающих в Кеми, в Сортавале у 32,2 %, в Питкяранте у 29,9 %, в Кондопоге у 28,6 %, в Медвежьегорске у 26,2 %, в Суоярви у 23,5 %, в Костомукше у 23,1 %, в Беломорске у 21,4 %, в Лахденпохье у 20,5 %, в Сегеже у 20,6 %, в Олонце у 7,7 %. В некоторых городах (Пудожье), поселках городского типа (Импilahти, Ледмозеро, Лоухи, Вирандозеро, Черный Порог, Чупа, Чкаловский, Шальский, Элисенваара), в Пудожском районе ни у одного проживающего там вепса национальность и родной язык не совпадали ²⁰.

Таким образом, национальный язык как один из показателей национальной суверенности народа к концу 1980-х годов был утрачен в таких масштабах, что вепсы оказались на грани полной языковой ассимиляции, а в перспективе и этнического растворения.

Демографическая структура и языковые процессы

Снижение численности и доли вепсов с родным вепсским языком определяется не только дисперсным расселением. Этноязыковая ситуация сложна и потому, что хрупка демографическая структура вепсского этноса.

Известно, что у нормально развивающегося народа удельный вес молодых возрастных групп, особенно детей, всегда выше, чем удельный вес лиц среднего поколения и старших возрастных групп населения. В графическом изображении нормальная демографическая структура любого народа должна иметь вид конуса (пирамиды), у которого широкое основание (много детей), пологие грани (чем старше возраст, тем меньше численность населения) и узкая вершина (до 100 лет и более обычно доживают единицы).

У вепсского населения Карелии основа демографического конуса последовательно превращалась в вершину: вепсов в возрасте 6–9 лет примерно в два раза меньше, чем в возрастной группе 25–29 лет и почти в семь раз меньше чем среди 50–59-летних ²¹.

К началу 1989 года среди прибалтийско-финских народов Карелии вепсы стали самым старым народом: средний возраст их составил 45,9 лет, у финнов 43,9 года, у карелов 39,6 лет, а у русских 31 год. По сравнению с 1959 годом средний возраст вепсов увеличился на 11,3 года. Смертность среди вепсов в два раза превышала рождаемость.

По данным микропереписи 1994 года в возрастном отношении вепсы стали еще более «старой» национальностью в Карелии – 47,8 года у мужчин и 52,6 года у женщин. Если среди русских удельный вес населения в возрасте до 15 лет составляет 26,9 %, то у вепсов лишь 10,3 % ²².

К резкому сокращению этнического воспроизводства поколений привела широкая практика межнациональных брачных связей, когда в национально-смешанных семьях дети записывались

¹⁹ Национальный состав населения РСФСР. По данным переписи 1989 г. М., 1990. С. 9, 12, 15, 19, 22, 25.

²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Городские карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990.

²¹ Графическое изображение демографической пирамиды вепсов представлено в статье настоящего сборника «Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карелов, вепсов, финнов)» // Финноугроведение. 1994. № 1. С. 53–54. В совмещенной языковой и демографической пирамидах вепсский язык занимает очень узкую полосу, убедительно демонстрируя неуклонное движение вепсов к языковому и этническому растворению.

²² Национальный состав населения. По данным микропереписи населения 1994 г. Статистический бюллетень № 3. Петрозаводск, 1995. С. 2–4.

преимущественно не вепсами. Прорыв эндогамии, т. е. обычая заключения браков между представителями данной этнической общности, также нарушил демографические основы воспроизводства вепсского этноса.

Таблица 4

Демографическая структура вепсов Карелии

Возраст	Все население		Городское население		Сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
до 6 лет	264	4,4	121	3,1	143	6,9
6–9	171	2,9	81	2,1	90	4,3
10–14	213	3,6	102	2,6	111	5,4
15–19	192	3,2	130	3,3	62	3,0
20–24	222	3,7	143	3,7	79	3,8
25–29	324	5,4	208	5,3	116	5,6
30–34	446	7,5	293	7,5	153	7,4
35–39	561	9,5	413	18,4	148	7,1
40–49	640	10,8	462	11,9	178	8,6
50–59	1189	20,1	797	20,5	392	18,9
60–69	1021	17,2	655	16,9	366	17,7
70 лет и старше	711	12,0	480	12,4	231	11,2
Всего	5923	100	3884	100	2069	100

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 19/114. Л. 15–16, 35–36, 55–56, 75–76.

Демографическое воспроизводство вепсов приобрело регрессивный характер, что ставило под сомнение их сохранение как этнического образования.

Хрупкость демографической структуры соответственно предопределяла масштабы и глубину распространения ассимиляционных процессов в вепсской среде.

Из данных, приведенных в табл. 5, видно, что особенно сильно в языковом отношении были ассимилированы школьники начальных классов (6–9-летние). Среди молодежи до 20 лет, от 20 до 40 лет по сравнению с пожилыми вепсами (50 лет и старше) доля лиц с родным вепским языком была существенно понижена. И лишь у пожилых вепсов-горожан (70 лет и более) и вепсов-селян старше 50 лет связь со своей национальной общностью по линии родного языка была выражена достаточно отчетливо.

Если в сельской местности еще примерно в каждой четвертой семье дети могли осваивать навыки родной речи в общении с родителями, то в условиях города национальный язык уже очень редко служил средством межпоколенных семейных связей. В городских поселениях вепсы испытывали наиболее жесткое «давление» русскоязычной языковой среды, содействующей утрате родного языка (см. табл. 5).

Таблица 5

Языковые характеристики вепсов Карелии

Возраст	Городское население			Сельское население		
	Всего вепсов	с родным вепским языком		Всего вепсов	с родным вепским языком	
		чел.	%		чел.	%
до 6 лет	121	4	3,3	143	8	5,6
6–9	81	2	2,5	90	7	7,8
10–14	102	3	2,9	111	8	7,2
15–19	130	7	5,4	62	14	22,6
20–24	143	9	6,3	79	22	27,8
25–29	208	20	9,6	116	30	25,9
30–34	293	34	11,6	153	42	27,5
35–39	413	62	15,0	148	62	41,9
40–49	462	96	20,8	178	117	65,7
50–59	797	301	37,8	392	298	76,0
60–69	655	309	47,2	366	293	80,1
70 лет и более	480	284	59,2	231	203	87,9

Выход из критической социально-экономической, демографической и психологической ситуации виделся вепсской общественностью в разработке научной программы возрождения народа,

приоритетами которой признавались восстановление автономии, воссоздании письменности, введение в школе преподавания вепсского языка, истории и культуры народа²³.

Трудности национально-языкового возрождения определялись не только глубоко продвинутой языковой ассимиляцией, бедным языковым багажом детей и молодежи. Вепсскому языку, вероятно, суждено возродиться лишь в том случае, если школа и семья получают срочную и мощную государственную поддержку и помощь. Ожидалось, что школа станет таким средоточием национально-языковой жизни, которая позволит поднять престиж народного языка, бытующего в устной форме, до общенационального признания, до устойчивой литературной традиции. Государственная политика, воспитавшая у вепсов представление о «непрестижности» своей национальности и родного языка, ныне должна содействовать стремительному наращиванию языкового потенциала вепсского этноса. Достижение этой цели может быть значительно приближено и ускорено при глубоко осознанной психологической готовности и настроенности самих вепсов на национально-языковое возрождение.

Финны Расселение

По состоянию на 15 января 1989 года в СССР насчитывалось 67359 финнов.

В различных регионах Российской Федерации было расселено 47102 финна, в том числе в Карелии – 18420 чел. или 27,3 % всех финнов СССР. В Ленинграде и Ленинградской области проживало соответственно 5469 и 11833 чел., всего 17302 чел. или 25,7 %. Небольшие по численности группы финского населения были учтены в Якутии (315 чел.), Коми (302 чел.), Башкирии (89 чел.) и Чувашии (70 чел.). Остальные – примерно 10 тыс. чел. – оказались расселенными в других областях Российской Федерации²⁴.

За пределами Российской Федерации они были расселены в 14 союзных республиках – всего 20257 чел. или 30 % от общей численности. Из них наиболее многочисленная группа финнов проживала на территории Эстонии (16622 чел. или 24,7 %), часть проживала на Украине (1086 чел.) и в Казахстане (1010 чел.). Перепись также зафиксировала финнов в Латвии (463 чел.), Белоруссии (311 чел.), Узбекистане (181 чел.), Литве (162 чел.), Киргизии (121 чел.), Молдавии (97 чел.), Таджикистане (76 чел.), Грузии (64 чел.), Азербайджане (28 чел.), Туркмении (24 чел.), Армении (12 чел.).

Одна из существенных тенденций демографического развития российских финнов – сокращение их численности, связанная с миграцией финского населения за пределы СССР, а также языковая и этническая ассимиляция. С 1979 по 1989 год численность финнов в СССР уменьшилась на 9,7 тыс. чел. или на 12,7 %, в том числе в Российской Федерации на 8850 чел. или 15,9 %, в Карелии на 1,7 тыс. или на 8,2 %²⁵.

На территории Карелии финны были расселены повсеместно, численность их сильно варьировала по городам, поселкам городского типа, районам и сельским поселениям²⁶.

Сравнительный анализ данных переписей разных лет показывает, что финны по сравнению с другими прибалтийско-финскими народами республики (вепсами или карелами), сильнее ориентировались на городской образ жизни, чаще мигрировали сюда. К началу 1989 года по сравнению с 1939 годом численность финнов в городах республики возросла в 5 раз, а вепсов и карелов соответственно в 1,2 и 4 раза. Для сравнения отметим, что численность украинцев в городском населении увеличилась за эти годы в 3,1 раза, русских – в 3,6 раза.

Финны КАССР в 1989 году являлись преимущественно городскими жителями. В момент проведения переписи населения в городах республики проживало 12868 финнов или 70 % общего числа, их доля в городском населении составляла 2,5 %. Самым крупным центром сосредоточения

²³ Рекомендации регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». Петрозаводск, 1988.

²⁴ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 9, 19, 36, 44–47.

²⁵ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 17.

²⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Городские поселения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Текущий архив Карелиястата. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5.

финского населения была столица республики г. Петрозаводск – 9337 чел. или 72,6 % численности. Значительные группы финнов проживали в Кондопоге (1207 чел.), Сегеже (549 чел.), Питкяранте (449 чел.), Сортавале (333 чел.), Костомукше (252 чел.). В остальных городах их численность была невелика и колебалась от 29 чел. (Пудож) до 155 чел. (Медвежьегорск).

В 43 поселках городского типа республики проживали 3228 чел. или четверть всех финнов-горожан. По численности финского населения все поселки могут быть объединены в четыре группы.

Первую, самую многочисленную группу, составляли рабочие поселки, где численность финнов составляла менее 50 чел. Таких поселков в республике было 20, проживало в них 809 финнов. В числе этих поселков Вяртсиля (14 чел.), Кестеньга (16 чел.), Хелюля (35 чел.), Найстенъярви (41 чел.), Лоухи (41 чел.), Поросозеро (44 чел.), Калевала (49 чел.).

В восьми поселках второй группы (от 50 до 100 чел.) проживало 599 чел. Это рабочие поселки Ляскеля (55 чел.), Ледмозеро (57 чел.), Муезерский (62 чел.), Мелиоративный, Рабочеостровский (по 79 чел.), Летнереченский (82 чел.), Ладва-Ветка (92 чел.) и Надвоицы (93 чел.).

В четырех поселках с численностью финского населения от 100 до 200 чел. (Пиндуши – 121 чел., Деревянка – 240 чел., Пряжа – 167 чел., Шуя – 174 чел.) переписью было учтено 702 чел.

Значительная группа финнов являлись жителями поселка Салми (240 чел.). Примерно каждый пятый житель поселка Чална является представителем финской национальности (из 5121 жителя 958 чел. финны).

Всего в городских поселениях всех типов перепись 1989 года учла свыше 16,1 тыс. финнов, что составляет почти 80 % общей численности финнов.

В сельских населенных пунктах республики проживало 2328 финнов. В семи районах их численность не превышала 50 чел. Это Кемский (19 чел.), Калевальский (22 чел.), Беломорский (35 чел.), Питкярантский (38 чел.), Пудожский (45 чел.), Лахденпохский и Лоухский (по 50 чел.) районы. До 200 финнов проживало в Сегежском (89 чел.), Олонецком (137 чел.), Медвежьегорском (157 чел.), Суоярвском (170 чел.) и Муезерском (195 чел.) районах. В сельских селениях Кондопожского района было учтено 253 финна, Прионежского – 332 чел. Самая многочисленная группа финнов-селян была расселена в Пряжинском районе – 611 чел. В сельской местности, подчиненной Сортавальскому, Петрозаводскому и Костомукшскому городским Советам, проживало соответственно 163, 31 и 4 финна.

В конце 1950-х годов в республике были рабочие поселки и сельские населенные пункты, где финны преобладали или их удельный вес был весьма высок (Чална, Орзег, Матросы, Каменка, Койвусельга, Кяснясельга, Уя)²⁷, к 1989 году таких поселений не осталось.

К концу 1980-х годов расселение финнов в сельской местности стало преимущественно точечным (рассеянным).

Расселение и языковые процессы

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года из 67359 финнов СССР 34,7 % родным признали язык своей национальности, в Российской Федерации – 36,3 %. Особенно сильно были подвержены языковой ассимиляции финны, проживающие в Коми (15,9 % с родным финским языком) и в Якутии (16,8 %). Редко совпадала национальность и родной язык у финнов Мордовской АССР (у 27,8 %), Башкирской АССР (у 30,3 %) и Татарской АССР (у 31,3 %). Родным признали финский язык в Белоруссии 20,6 % финнов, в Таджикистане – 24 %, на Украине – 25,2 %, в Эстонии – 31,0 %, в Литве – 33,9 %, в Казахстане – 42,3 %, в Грузии – 37,5 %, в Узбекистане – 42,3 %. Наиболее часто национальность и родной язык совпадали у финнов, живущих в Киргизии – у 59,5 %²⁸.

Степень языковой ассимиляции финнов, проживающих в союзных республиках, может быть охарактеризована как массовая, в Карелии – вплотную приблизившуюся к массовой.

Среди финнов, проживающих в КАССР, расхождения между национальностью и родным языком продолжали увеличиваться: к 1989 году по сравнению с 1979 годом доля финнов с родным финским языком сократилась на 9,1 %²⁹. В момент проведения переписи населения лишь 40,8 %

²⁷ НА РК. Ф. 659. Оп. 11. Д. 599/4527. Л. 17, 24, 28.

²⁸ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 9, 19, 36, 44–47.

²⁹ НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 24/150. Л. 16. См. также ст. «Прибалтийско-финские народы в зеркале переписей 1970–1979 годов» в настоящем сборнике.

финнов Карелии назвали его родным (7524 чел.), а 20777 чел. или 58,5 % родным считали уже русский язык, 80 чел. – карельский и 39 чел. – языки других народов СССР. Языковой ассимиляции подвержены были сильнее мужчины, чем женщины: (соответственно считали родным финский язык 34,9 и 45,4 %).

Как и следовало ожидать, языковая ассимиляция в городской среде происходила быстрее, чем в сельской местности: среди финнов, проживающих в городах и поселках городского типа, национальность и родной язык совпадали у 40,2, 59,3 % признали родным русский язык, 49 чел. – карельский язык, остальные 34 чел. – языки других народов. На селе у 45,5 % финнов (1057 чел.) национальность и родной язык совпадали³⁰.

Глубина языковой ассимиляции финнов в разных типах городских поселений оказалась разной: среди финнов-горожан 39,2 % родным признали финский язык, среди проживающих в поселках городского типа, национальность – 44,1 %.

Ниже средних показателей по городам республики были показатели языковой ассимиляции финнов, проживающих в трех городах: Петрозаводске (40,5 % с родным финским языком), Кондопоге (41,5 %) и Кеми (47,4 %). Редко совпадала национальность и язык матери у финнов Костомукши (21 % с родным финским языком), Пудожя (22,4 %), Беломорска (27,1 %), Лахденпохьи (27,1 %), Сегежи (28,6 %), Суоярви (28,7 %). В остальных четырех городах Карелии удельный вес финнов с родным финским языком колеблется от 35,2 % (Питкяранта) до 39,9 % (Сортавала).

Данные переписи населения показали: чем многочисленнее прослойка финнов в поселках городского типа, тем выше доля указавших родным финский язык.

По численности и доле финнов с родным финским языком все поселки республики могут быть разделены на 3 группы.

В 30 рабочих поселках, где финнов было не более 50 чел., у 37,1 % из них (1300 чел.) национальность и родной язык совпадали. В поселениях, где проживало от 101 до 200 представителей финской национальности, этот показатель составил 45,8 %. И, наконец, в поселках, где было более 200 финнов, жителей 53,4 %. Родным языком считали финский. Самый высокий показатель по родному языку был зафиксирован в пос. Чална – 58,2 %.

Таким образом, дисперсное расселение в целом ускоряло языковую ассимиляцию. Концентрация финского населения в крупных поселениях не обязательно сопровождалась сменой родного языка. Своеобразие языковой ситуации в разных типах рабочих поселков определялось, наряду с людностью поселка и численностью в них финнов, еще и особенностями возрастного состава финского населения поселков.

Темпы развития языковых процессов в сельской местности также обусловлены численностью проживающих в населенном пункте и районе финнов.

В тех сельских районах (Кемском, Калевальском, Беломорском, Питкярантском, Пудожском, Лахденпохском и Лоухском), где финнов менее 50 чел., родным считали язык своей национальности 32,9 %. Наиболее ассимилированы оказались финны Пудожского района: здесь лишь у 20 % из них национальность и родной язык совпадали.

В Сегежском, Олонецком, Медвежьегорском, Суоярвском и Муезерском районах 37,4 % признавали родным материнский язык (280 чел. из 748). Реже всего национальность и родной язык совпадали у финнов Медвежьегорского района (у 31,5 %).

Среди финнов Кондопожского, Пряжинского и Прионежского районов доля лиц с родным финским языком оказалась наиболее высокой и составила соответственно 51, 53,4 и 54,8 %.

Таким образом, во всех типах социальных сред – в деревнях, селах, рабочих поселках, поселках городского типа, городах – утрата материнского языка охватила самые широкие слои финского населения.

Демографический «портрет» финнов

Сужающееся воспроизводство финского населения отражало депопуляцию финского этноса, сложившуюся в результате старения населения и низкой рождаемости. Широкая практика межнациональных браков также ограничивала даже простое замещение поколений. В национально-смешанных семьях более 40 % детей не относили себя к финнам. К концу 1980-х годов, по оценке В. Н. Бирина, «возрастно-половая пирамида финнов приобрела ярко выраженные очертания урны, символизирую-

³⁰ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990; Текущий архив Карелиястата. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5.

щей стабилизацию регрессивного типа воспроизводства. Жизнеспособность финнов как этнической группы не только опустилась до критического уровня, но и перешагнула его. Это означает стремительное их исчезновение, темпы которого очень высоки и нарастают с каждым годом»³¹.

Вывод о кризисном состоянии финского этноса подтверждают данные о вдвое повышенном удельном весе в демографической структуре лиц старше 60 лет по сравнению с общераспространенным стандартом (25 % против 12 %). Индикатором регрессивного развития являлся также низкий удельный вес младших возрастов (табл. 6). Об ограниченных возможностях этнического воспроизводства поколений свидетельствуют и такие показатели как «средний возраст» и «средний размер семьи»: в 1989 году средний возраст финнов составил 43,9 года, а у сельских финнов он достиг 48,4 года. Сельские финны стали самым «старым» населением Карелии. Распределение населения по брачному состоянию в возрасте старше 16 лет показывают, что средний размер однонациональных финских семей оказался самым низким в республике по сравнению с другими национальностями, составив 2,2 чел. (у вепсов – 2,6 чел., у карелов – 2,9 чел., у русских – 3,1 чел.). Более чем 82 % однонациональных финских семей состояли из 2 чел. при среднереспубликанском показателе 44,4 %. На пониженное воспроизводство финского населения оказывала влияние и самая высокая доля никогда не состоящих в браке среди женщин-финок – 11,2 % против 8,8 % среди карелок, 7,5 % среди вепсов, 6,7 % среди украинок³².

Таблица 6

Демографическая структура финнов Карелии

Возраст	Все население		Городское население		Сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 6 лет	834	4,5	754	4,7	80	3,4
6–9	568	3,1	519	3,2	49	2,1
10–14	748	4,1	685	4,3	63	2,7
15–19	890	4,8	833	5,2	57	2,5
20–24	804	4,4	732	4,5	72	3,1
25–29	1237	6,7	1097	6,8	140	6,0
30–34	1644	8,9	1453	9,0	191	8,2
35–39	1765	9,6	1552	9,6	213	9,2
40–49	1688	9,2	1518	9,4	170	7,3
50–59	3227	17,5	2734	17,0	493	21,2
60–69	2864	15,5	2405	15,0	459	19,8
70 лет и старше	2151	11,7	1814	11,3	337	14,5
Всего	18420	100	16096	100	2324	100

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 38, 46.

Демографическая структура и языковые процессы

К концу 1980-х годов разрыв по линии «национальная принадлежность» – «родной язык», свидетельствующий о нарастающих темпах и масштабах языковой ассимиляции, существенно увеличился. И только 70-летние и старше – 86 чел. из 100 – считали материнский язык родным (табл. 7)

Для финнов, родившихся до и во время войны, финский язык был запрещенным. Родители, боясь репрессий, не обучали своих детей навыкам родной речи. Это привело к резкому разрыву межпоколенных языковых связей: в начале 1989 года только у трети финнов в возрасте 40–49 лет национальность и родной язык совпадали. В более молодых возрастных группах расхождения между этнической и языковой идентичностями увеличились в несколько раз. Абсолютное большинство (90 % и более) молодых финнов (до 20 лет) родным считали уже русский язык. Сравнительно редко совпадали национальность и родной язык у финнов активного брачного возраста (20–34 года) и имеющих детей. В сельской местности только

³¹ Бирин В. Н. Демографическое развитие // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 543–544.

³² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Сб. 5. Число и состав семей Карельской АССР. Петрозаводск, 1991. С. 17; Бирин В. Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск, 1992. С. 250, 252.

10 из 321 финна в возрасте до 24 лет признали родным финский язык. Незнание или плохое знание языка своей национальности стало мощным фактором ускоренной ассимиляции подрастающих поколений.

Таблица 7

Языковые характеристики финнов

Возраст	Городское население			Сельское население		
	Всего финнов	С родным финским языком		Всего финнов	С родным финским языком	
		чел.	%		чел.	%
До 6 лет	754	57	7,6	80	1	1,3
6–9	519	43	8,3	49	1	2,0
10–14	685	65	9,5	63	1	1,6
15–19	833	76	9,1	57	1	1,8
20–24	732	91	12,4	72	6	8,3
25–29	1097	136	12,4	140	16	11,4
30–34	1453	265	18,1	191	26	13,6
35–39	1552	359	23,1	213	40	18,8
40–49	1518	496	32,7	170	57	33,5
50 лет и более	6953	4879	70,2	1286	908	70,4
Всего	16096	6467	40,2	2324	1057	45,5

Примечание. Рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 38, 46.

* * *

В настоящее время языки прибалтийско-финских народов Карелии не играют существенной роли в повседневной жизнедеятельности карелов, вепсов, финнов. Языковой барьер между поколениями по линии родного языка продолжает увеличиваться, а демографическая мощь языка – ослабевать. И как бы активно национальная интеллигенция не отстаивала идею национально-культурного и языкового возрождения и развития своих народов, не добивалась укрепления позиций национальных языков, как бы не были велики ее усилия по созданию учебных пособий, обучению детей родному языку, без четкой концепции сохранения, использования и развития карельского, вепсского, финского развития языков рассчитывать на возрождение национально-культурной самобытности народов вряд ли следует. Понятно, что эта концепция должна быть возведена в ранг государственной политики, последовательно и настойчиво воплощаемой в жизнь. Равноправие народов, их языков должно быть не только юридическим, которое чаще всего остается декларируемым.

БЫТЬ ЛИ В КАРЕЛИИ КАРЕЛЬСКОМУ И ВЕПССКОМУ ЯЗЫКАМ?

На рубеже 1980–1990-х годов широкий общественный резонанс в республике получила проблема воссоздания вепсской и карельской письменностей. Исходя из посылки, что письменность является качественно новой формой бытия языка, предстояло выбрать алфавиты, определить наиболее эффективные пути возвращения языков в повседневную общественную жизнь, обеспечить им социальную, экономическую, правовую защиту. В тиражировании этих представлений и взглядов важную роль сыграла республиканская пресса, целенаправленно и систематически распространяя среди массового читателя насыщенную «национальной окраской» информацию. Такая информация, как свидетельствуют исследования, является одним из сильнейших психологических мобилизаторов этнических сообществ, явлением, способным быстро консолидировать этнос на основе любви к своим ценностям, возбудить национальное (этническое) самосознание, сплотить этнически родственных людей¹.

Массовое проявление групповой идентичности превращалось в важный элемент политической и гражданской культуры. Этнический коллективизм, настойчиво «стучась в двери» зарождающегося гражданского общества, стал мощным фактором общественных устремлений. Это были годы, ставшие для России временем «тихой языковой революции» (выражение М. Н. Губогло). Сам факт открытой дискуссии, прошедшей на страницах республиканских газет под рубриками «Возродим вепсский язык!», «Быть ли в Карелии карельскому языку?», «Какие языки в Карелии должны быть государственными?», свидетельствуют о наступлении нового времени в общественно-политической жизни республики. Проблема роли языка как этнодифференцирующего и этноинтегрирующего фактора в обеспечении целостности и устойчивости этнической общности, перспектив развития языка в условиях новейшего времени была представлена широкой палитрой мнений, оценок, суждений, предложений, подчас резких обвинений. Осознанное стремление выразить свое отношение к этноязыковой и этнической идентичности, перспективам этнокультурного развития народов, высказать свою точку зрения к таким этническим ценностям как язык, культура, чувство принадлежности к своей национальности и т. д. стали наиболее важными постулатами, определяющими направленность и характер языкового диспута.

Первые статьи и заметки по языковой проблематике – «Быть ли в Карелии карельскому языку?» и «Непрестижная национальность» появились в республиканских газетах во второй половине 1980-х годов в газете «Комсомолец». Инициативу подхватили другие республиканские газеты и журналы: русскоязычные газеты «Ленинская правда» (с 1990 года – «Северный курьер»), «Карелия», «Коммунист Прионежья», финноязычные газета «Неувосто Карьяла» (в настоящее время «Карьялан Саномат»), журнал «Карелия», карелоязычная газета «Ома муа» и др. Пик языковой дискуссии «Быть ли в Карелии карельскому языку?» пришелся на 1988–1990 годы. Отдельные статьи и заметки продолжают публиковаться вплоть до настоящего времени.

Публикуя материалы дискуссии, газеты стали каналом трансляции идей этнической мобилизации не только карелов, вепсов или финнов, но и представителей других национальностей, проживающих в республике. К этническому единению призывали статьи и заметки с броскими названиями, несущими мощный этнический заряд, такие как «Язык – моя Родина», «Язык отцов и дедов», «Языки разные – задачи общие», «Возврат к своим истокам», «Мой язык, мой народ, моя родина», «Нет родины без языка», «Связь времен», «Спаси язык от забвения», «С надеждой на будущее» и др. В них язык расценивался как структурный элемент и важнейший индикатор этнической самоидентификации. Пишущие, излагая свою точку зрения на тот или иной аспект языковых проблем, получали ответы-отзывы на них. Участники дискуссий знакомились с различными этапами истории вепсского или карельского народов, опытом административно-территориального и культурно-языкового строительства в 1920–1930-е и послевоенные годы, узнавали о современном состоянии языков, о самых насущных проблемах сегодняшнего дня, которые предстоит решать.

¹ Об этнических аспектах журналистики см. подробнее: *Малькова В. К.* Образы этносов в республиканских газетах (Опыт этносоциологического изучения). М., 1991; *Ее же.* Республиканская пресса России: новая этно-национальная идеология. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1997. № 103. *Ее же.* Проблемы этнической журналистики и толерантности // *Этнопанорама*. 2001. № 1. С. 10–17; *Малькова В. К., Тишков В. А.* Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002; *Малькова Вера.* «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М., 2005.

Дискуссии продемонстрировали широчайший спектр мнений и оценок о роли языковой составляющей в поддержании устойчивости этноса и его культуры, национального (этнического) самосознания, языкового суверенитета народов и т. д. В дискуссии приняли участие представители самых различных профессиональных, демографических, национальных групп читателей. На страницах газет публиковали свои статьи и заметки научные сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, преподаватели Петрозаводского университета, пединститута, учителя, писатели, поэты, журналисты, работники радио, сотрудники издательств «Прогресс», «Периодика», «Карелия», музейные работники, юристы, врачи, инженеры, биологи, рабочие, студенты, пенсионеры – все те, кому небезразлична была судьба карелов, вепсов и их языков. В диспуте приняли участие представители исполнительных структур власти республики (Совета Министров, Министерства образования, Комитета по национальной политике, Центра национальных культур). Тон дискуссии задавали карелы, вепсы и финны.

Стремление защитить культурно-языковое наследие народа предопределяла различная степень причастности каждого из них к наследию своего народа. Это не только знание участниками дискуссии языка своей национальности или языка другого народа, его фольклора, народных образцов, обычаев и норм поведения, характерных для той или иной этнокультурной традиции и т. д., но и практическое участие в решении возрожденческих задач².

Какую роль играет язык в жизнеспособности этнической общности и в поддержании устойчивости национального (этнического) самосознания? Нужна ли карелам и вепсам письменность? Какими доводами аргументировалась необходимость воссоздания и развития письменности? Какие для этого должны быть созданы условия? К каким контрдоводам прибегали их оппоненты?

По отстаиваемым языковым идеологемам (представлениям), имеющим различный вектор направленности, участников диспута можно разделить на несколько оппонирующих друг другу групп: «активистов», «нигилистов» и «пессимистов». Каждая из них приводила свои аргументы. В письмах одних читателей звучал оптимизм в перспективах развития карельского и вепсского языков, в заметках других – сомнения, в откликах третьих – неверие. Одни высказывали полное одобрение начинаниям, надеясь на расширение общественных функций названных языка, другие резко протестовали против нововведений.

Первую, наиболее многочисленную группу, составили сторонники возрождения, сохранения и развития национальных языков («активисты»). Во вторую группу можно отнести тех, кто считает, что нет необходимости поддерживать национальные языки («нигилисты»), в третью тех, кто не видел у карельского и вепсского языков будущего («пессимисты»).

«Активистов» представляла прежде всего гуманитарная интеллигенция, пытающаяся настойчиво утвердить в массовом сознании читателей коллективистскую идеологию защиты культурно-языковой целостности и отличительности народа. В общей массе опубликованных материалов заметки «активистов» составили примерно 85–90 % публикаций.

В развернутых статьях «активистов» нередко излагались общеметодологические проблемы соотношения этноса и культуры, языка и идентичности. В статьях представителей научной общественности, преподавателей вузов акцентировалось внимание на национальной (этнической) составляющей как одной из сторон связи личности с обществом. По их мнению, разрешение языковых проблем является непременным условием свободного этнокультурного развития личности и этноса. Осознавая тесную взаимосвязь и взаимозависимость языка с этнической идентичностью, цементирующую роль языка в сохранении целостности этноса и его культуры, в откликах «активистов» неоднократно подчеркивалось: только при реализации научно разработанной языковой политики как системы мер может быть гарантировано нормальное функционирование и развитие взаимодействующих культур и языков. Это, по их представлениям, позволит карелам и вепсам наиболее эффективно решить весь комплекс возрожденческих задач. Этничность воспринималась как форма социальной организации этнокультурных различий, в которой языковой составляющей придавалось приоритетное значение. Она (языковая идентичность) обсуждалась то с точки зрения соотношения языка и этнической общности, то язык характеризовался как показатель и стабилизатор этнической принадлежности и ее первооснова или делался акцент на роли языка как первоэлемента культуры³.

² Комсомолец. 1988. 24 марта, 3 ноября, 15 ноября 1988; Ленинская правда. 1989. 21 мая, 27 июня.

³ См., например: Ленинская правда. 1988. 3 ноября; Комсомолец. 1988. 15 ноября; Ленинская правда. 1989. 28 ноября.

Национальный язык «активисты» понимали как первооснову существования народа, как «бесценное хранилище культуры народа», «важнейшее средство развития культуры», «самую историю народа», «душу народа», «самое ценное в культуре народа», «клад культурного наследия», «мощный индикатор национального (этнического) самосознания», ибо «в каждом языке заложено свое миропонимание», только «сохранив язык, народ сохраняет свое национальное достоинство» и т. д. Триада «язык – национальная (этническая) принадлежность – этническая общность» рассматривалась «активистами» как неразрывная целостность. В этой связке знание языка своей национальности, его сохранение, использование и развитие, по их мнению, является той базовой ценностью, которая обеспечивает причастность к специфике национальных обычаев, традиций, верований, образцов поведения, непрерывность и преемственность культурной традиции, перспективы его дальнейшего развития. Свободное владение карелами и вепсами русским языком без знания языка своей национальности не может быть основой для сохранения народом своей этнокультурной самобытности.

Позитивно оценивая перспективы возрождения и развития вепского и карельского языков, участники дискуссии, уважительно отзываясь о языках других народов (русском, белорусском, украинском, финском и т. д.), отстаивали основную идею языковых взаимоотношений – правовое равенство народов и их языков. Признавая себя интернационалистами, а двуязычие нормой поведения, «активисты» призывали представителей других национальностей сделать все зависящее от них, чтобы остановить процесс исчезновения малых народов и их языков, поскольку такой процесс есть не что иное, как невосполнимая утрата части общечеловеческой культуры. На деле реализовать свои национальные, в том числе языковые потребности и интересы, по их мнению, должны в равной мере все народы. Логика новых условий социально-исторического бытия такова, что сегодня может быть поставлен заслон исчезновению народов и их языков. Прошли те времена, когда карелу, вепсу или финну «не рекомендовалось» говорить на своем языке, чтобы не заработать ярлык «националиста». В таком многонациональном «доме», каким является Карелия (как и в России в целом), нет другого пути, как за «круглым столом» переговоров спокойно говорить о том, как «сохраниться и вместе с тем сохранить дружбу и братство»⁴.

Выражалась надежда, что с начавшимися переменами в жизни страны «малые народы ожидают большое будущее». И оно состоится, подчеркивали они, «если мы будем исходить из высших проявлений интернационализма, признаем, что все народы равны и имеют право на сохранение своей культурной, в том числе языковой самобытности. Наш интернационализм станет зрим, весом и ощутим только тогда, когда другие народы сделают все от них зависящее, чтобы остановить процесс исчезновения малых народов, ибо не бывает «малых культур»⁵. Отсюда следовал вывод: необходимость и целесообразность воссоздания письменности представляет закономерный этап в развитии вепсов и карелов, неоправданно прерванный в 1930-е годы⁶. Однако решать эту сложную, застарелую, в чем-то запутанную проблему предлагалось без спешки, взвешенно, с научным обоснованием, с учетом мнения населения республики, а не на уровне эмоций или обвинений⁷.

Абсолютное большинство участников дискуссии, прежде всего языковеды, склонялись к мнению, что алфавит карельской, а также вепской письменности следует создавать на латинской основе, так как «языки, принадлежащие к единой языковой семье, должны жить на единой языковой основе». Такой алфавит наиболее полно отвечает «произносительным нормам этих языков». При латинском алфавите будет соблюдена преемственность настоящего времени с традициями 1930-х годов, когда учебная литература, диалектные тексты, словари были подготовлены с использованием латиницы. И, наконец, для школьников не возникнет проблема усвоения латинского алфавита, так как они знакомятся с ним при изучении иностранного языка. Эта точка зрения нашла поддержку у многих участников дискуссии⁸.

⁴ См., например: Комсомолец. 1988. 24 апреля, 11 июня, 22 сентября; Ленинская правда. 1988. 2 ноября; 1989. 9 февраля, 27 мая, 27 июня, 8 сентября, 19 сентября, 28 ноября.

⁵ Ленинская правда. 1988. 24 апреля; Комсомолец. 1988. 14 мая.

⁶ Ленинская правда. 1988. 22 мая.

⁷ Ленинская правда. 1989. 27 июля.

⁸ Комсомолец. 1988. 22 июля, 18 августа; Ленинская правда. 1988. 22 июля, 18 августа, 28 ноября; Коммунист Прионежья. 1988. 4 августа; Карелия. 1989. 27 мая и др.

Но высказывались и иные суждения. Противники латиницы, ссылаясь на опыт марийцев, мордвы, удмуртов, считали, что при создании алфавита лучше воспользоваться кириллицей, так как такое письмо будет легче осваиваться читающими и пишущими, в том числе некарельским населением. В то же время они же признавали, что при таком варианте решения перспективы развития карельского языка будут более чем сомнительными⁹.

Кроме того, обращая внимание на мощный пласт русских заимствований в вепсском языке и в южных диалектах карельского языка, противники воссоздания письменности на латинице приходили к выводу, что кириллическая основа явится логическим продолжением вепско-русских или карельско-русских языковых взаимодействий. В противном случае воссозданная письменность, как они считают, будет искусственной¹⁰.

Допускалось также, что языковые нововведения могут привести в жизнь республики межнациональную рознь, так как инициаторы создания карельской письменности якобы «хотят карел оторвать от России»¹¹.

С негативных позиций оценивался «нигилистами» и «пессимистами» неудачный опыт языкового строительства 1930-х годов. По их мнению, из-за языковой чехарды (создание карельской письменности сначала на латинской основе, а затем переход на кириллицу, недолговременное существование вепсской и карельской письменности) карелы и вепсы так и остались бесписьменными народами. Настороженность и сомнения, судя по письмам, возникали из-за боязни провала языковых экспериментов, которые могут привести к очередной языковой «неразберихе». Против возрождения письменности резко выступил языковед А. А. Беляков, один из разработчиков карельского литературного языка (на основе кириллицы) в конце 1930-х годов. По его мнению, карельскую письменность создать невозможно из-за «многоязычия», т. е. большого количества местных говоров («в каждой деревне говорят на своем языке»). Он считал, что различное произношение одних и тех же слов явится непреодолимой преградой на пути ее создания. Языковая ассимиляция карелов, по А. А. Белякову, – естественный процесс, который «не избежать и не приостановить»¹². Поскольку у карелов уже в настоящее время, якобы, полностью или в большей мере отсутствует национальное самосознание, «восстановить» язык в живом, естественном виде невозможно. Для сохранения карельского языка, по А. А. Белякову, вполне достаточно издание образцов карельской речи, иметь записи на магнитных лентах, которые должны быть доступны всем желающим изучать карельский язык¹³.

Отстаивая идею ненужности, невозможности и нецелесообразности возрождения письменности, оппоненты нередко ссылались на широкую распространенность русского языка в карельской и вепсской среде. А так как разорвана языковая связь поколений, многие карелы и вепсы с детских лет говорят, как правило, по-русски, плохо знают или вообще не знают языка своей национальности, истории своего народа, дальнейшей ассимиляции не избежать. В этих условиях, условиях массовой утраты навыков общения на языке своей национальности, в сознании карелов и вепсов произошел уже такой сильный этнопсихологический перелом, что у детей, по их мнению, не будет желания изучать карельский или вепсский язык. Поэтому, может быть, лучше изучать финский язык как язык, более востребованный временем¹⁴. Предлагалось принять «соломоново» решение языковой проблемы – воспитывать у карельских детей национальное самосознание как этап для обучения их финскому языку¹⁵.

К проблемам сегодняшнего дня не следует подходить исходя только из ошибок прошлого, на чем настаивали противники воссоздания письменности¹⁶, но и учитывать реалии настоящего времени, открытые перестройкой и гласностью по удовлетворению языковых и культурных потребностей народов. Некоторые участники диспута напутствовали читательской аудитории: если мы забудем о наших истоках, с безразличием будем относиться к языку наших отцов и дедов, традициям,

⁹ См., напр.: Ленинская правда. 1988. 22 декабря.

¹⁰ Ленинская правда. 1989. 29 ноября.

¹¹ Комсомолец. 1988. 8 сентября.

¹² См., например: Коммунист Прионежья. 1988. 29 августа.

¹³ Ленинская правда. 1988. 22 мая, 1 августа.

¹⁴ Ленинская правда. 1988. 2 июня.

¹⁵ Ленинская правда. 1989. 19 сентября.

¹⁶ Ленинская правда. 1988. 3 ноября, 22 декабря; 1989. 23 мая, 27 мая, 27 июля, 19 сентября; Комсомолец. 1988. 15 ноября; 1999. 29 апреля; Северный курьер. 1999. 3 июня; Карелия. 1999. 18 декабря и др.

образцам поведения наших предков, не помнить о родном берегу, нам и языкам будет уготована одна судьба – исчезнуть, а мы станем последними из могикиан. Промедление с возрождением карельской и вепсской письменности «смерти подобно»¹⁷.

Существенное место в диспуте уделялось вопросам создания условий для развития языков. Во многих публикациях подчеркивалось, что «начинать надо с букваря». За этим первым шагом должен последовать постепенный переход к преподаванию всех школьных дисциплин на родном языке вплоть до 8–10 классов. На первых порах предлагалось, например, ввести в школьные программы курс «народоведение»¹⁸.

В качестве важнейших условий, обеспечивающих жизнеспособность и жизнедеятельность языков, по мнению «активистов», должны стать единство инициатив «снизу» и «сверху», заинтересованность и готовность сторонников сохранения языков активно сотрудничать с властью. Подчеркивалась важность создания творческих групп, способных в кратчайшие сроки подготовить первые учебные и учебно-методические пособия.

Наряду с привлечением учителей, ныне работающих в школах и имеющих богатый багаж знаний карельского или вепсского языка к обучению детей, предлагалось в самое ближайшее время начать подготовку учительских кадров на базе кафедры финского языка в университете, путем переобучения учителей финского языка, введения карельского языка в педагогических училищах Петрозаводска. Многие участники диспута призывали к распространению знаний об истории народа, его материальной и духовной культуре путем чтения лекций, проведения конференций, праздников. Для укрепления позиций младописьменных языков на общереспубликанском уровне предлагалось срочно увеличить объем вещания на карельском и вепсском языках по ТВ и радио, выпускать странички на этих языках в одной из республиканских газет. Участниками дискуссии выражалась надежда, что при выполнении этих и других условий большое будущее малых народов состоится¹⁹.

В числе первоочередных проблем, требующих самого пристального внимания, предлагалось рассмотреть вопросы развития сети языкового «обслуживания», деятельность которых связана с обучением населения языку (школа, издательство, СМИ), подготовки кадров, профессионально работающих «над языком», «с языком», «для языка». Активисты осознавали: воссоздание письменности не может быть сведено к чисто лингвистической проблеме. Сохранение языков, их устойчивое развитие можно обеспечить лишь в контексте эффективной социально-экономической и последовательной национально-культурной политики. При этом особое внимание следует уделять сохранению сельской языковой среды, где карельский и вепсский языки продолжают функционировать в различных сферах жизнедеятельности²⁰.

Заметное место в диспуте заняли проблемы правовой защиты языков. В некоторых письмах содержались предложения об узаконении воссозданных письменностей. Для этого предлагалось, в частности, принять законодательный акт, определяющий статус карельского языка, его социальную, экономическую и юридическую защиту. В одном из писем была высказана мысль о том, что пора «определить правовой статус карельского языка в республике и закрепить его Конституцией»²¹. Обеспечить правовую защиту языков может, в частности, специально разработанный указ о статусе русского, карельского, вепсского, финского и других языков, соблюдение положений которого возлагалось бы на особую комиссию по межнациональным отношениям²². При выполнении властью этих условий «громкие слова о равных возможностях в расцвете наций и народностей нашей страны найдут реальное воплощение в возрождении карельской культуры, карельского языка»²³.

Противники карельской письменности нередко использовали в своей аргументации и экономическую составляющую («большие материально-финансовые затраты», «ненужные расходы» и т. д.). Эти за-

¹⁷ См., например: Ленинская правда. 1988. 3 ноября; Ленинская правда. 1989. 23 мая, 27 мая; Комсомолец. 1988. 15 ноября.

¹⁸ Комсомолец. 1988. 14 мая.

¹⁹ Комсомолец. 1988. 15 ноября.

²⁰ Ленинская правда. 1989. 23 мая, 27 мая, 27 июня; Комсомолец. 1989. 29 апреля.

²¹ Ленинская правда. 1989. 23 мая.

²² Ленинская правда. 1989. 27 июля.

²³ Ленинская правда. 23 мая, 27 мая.

траты, по их мнению, целесообразнее было бы израсходовать на восстановление деревень, развитие сельского хозяйства, расширение медицинского обслуживания, повышение пенсий, детских пособий и т. д.²⁴

На такие высказывания следовали контраргументы, суть которых сводима к формуле, что «не хлебом единым сыт человек», а безразличное отношение к языку и гибели национальных культур превращает нас в «безликую массу»²⁵.

Нецелесообразность возрождения карельской письменности, неверие в перспективы сохранения и развития языка, негативное отношение к своему языку объясняли всем «ходом нашей национальной политики, не позволяющей карелам иметь своего языка в письменной форме». Как и в прессе других регионов России, Центр обвинялся в том, что из-за пренебрежения к национальным языкам сложилась тупиковая языковая ситуация, из которой можно выйти только путем решения практических мер, направленных на сохранение языков. В новых общественно-политических условиях властные структуры не могут игнорировать требований общественности²⁶.

Особое место в языковой полемике заняла проблема развития карельского литературного языка. В ходе диспута были выражены четыре основные точки зрения.

Первая. Основу литературной нормы карельского языка должен составить сплав диалектов, т. е. следует развивать единый карельский литературный язык с учетом наличия трех диалектов – ливвиковского, людиковского и северно-карельского, – из которых должно быть взято «все самое лучшее»²⁷. Высказывалась надежда, что со временем северные и южные диалекты и говоры карельского языка естественно сольются в единый литературный язык.

Вторая. За основу литературного языка целесообразнее всего взять ливвиковский диалект карельского языка, который приемлем и для карелов-людиков²⁸.

В некоторых письмах отмечалось, что следует учитывать демографическую мощность диалекта, т. е. преобладающую численность карелов-ливвиков по отношению к общей численности карелов Карелии. При критической оценке может быть использован опыт языкового строительства 1930-х годов, когда карельская письменность функционировала на ливвиковской основе. В пользу этого диалекта приводились свидетельства о том, что уже изданы поэтические и прозаические произведения В. Брендоева, ждет выхода в свет подготовленный языковедом Г. Н. Макаровым карельско-ливвиковский словарь более чем из 20 тыс. слов (издан в 1990 году) и др.

Третья. Так как корни современного финского языка уходят в карельские наречия, а карельский язык длительное время не имел письменной традиции, то создание единого карельского литературного языка малоперспективно и будет опрометчивым шагом. Такая точка зрения разделялась, в частности, карельскими писателями и поэтами, пишущими на финском языке, Я. Руговым и О. Степановым²⁹. Приветствуя серьезную работу по созданию карельского литературного языка, некоторые авторы писем тем не менее подчеркивали, что «прежде всего надо ориентироваться на родственный финский язык, который по строю и лексике ему близок»³⁰. В. Брендоев, по праву считающийся классиком современной карельской литературы, всемерно ратует за быстрее введение карельской письменности, в то же время подчеркивал, что знание его, умение писать на нем – есть лишь «подготовительный класс» в изучении финского языка³¹.

Четвертая. Предлагалось и этнорегиональное решение языковой проблемы – «не бояться появления двух литературных языков» – на ливвиковском и собственно-карельском диалектах³², а «общим литературным языком может по-прежнему служить финский. Но если южные карелы считают, что их детям необходимо знать грамоту на родном олонцеком диалекте, то это законное желание надо удовлетворить». Для северных же карелов «не стоит изобретать велосипед», поскольку их язык близок к финскому языку³³.

²⁴ См., например, Ленинская правда. 1989. 27 мая.

²⁵ Комсомолец. 1988. 15 ноября.

²⁶ Ленинская правда. 1989. 19 сентября, 28 ноября; Комсомолец. 1991. 7 февраля.

²⁷ Ленинская правда. 1988. 22 июля, 22 декабря.

²⁸ Комсомолец. 1988. 5 августа.

²⁹ Комсомолец. 1988. 14 мая; Ленинская правда. 1989. 27 мая.

³⁰ Комсомолец. 1988. 18 августа.

³¹ Ленинская правда. 1991. 3 января.

³² Ленинская правда. 1989. 27 мая.

³³ Комсомолец. 1988. 14 мая; Ленинская правда. 1989. 27 мая.

Возражая такому подходу, языковед П. М. Зайков, создатель букваря на северно-карельском диалекте, писал: «Критерий понимания другого языка говорит лишь о близости, генетическом родстве языков, но никак не может служить основанием для решения вопроса о том, какой из двух близкородственных языков является родным для того или иного этноса. Русский тоже в целом понимает украинца, но это не служит основанием для того, чтобы считать украинский язык родным для русских, и наоборот»³⁴.

Подведем некоторые итоги

Языковая дискуссия четко обозначила национально-патриотические приоритеты, устремленность различных слоев и социальных групп карелов и вепсов сохранять и развивать национально-культурную самобытность своих народов, особо акцентируя внимание на значимости языкового фактора в этническом самовыражении. Читателям настойчиво внушалась мысль о том, что национальный язык является духовным наследием многих поколений и в новых условиях его следует не просто сохранять, но и приумножать. Проблема языка как символа суверенности этноса, его культуры, показателя консолидированности народа в дискуссии звучала, пожалуй, наиболее часто. Вместе с тем никто из участников дискуссии не выступал за языковую замкнутость своего народа, против карельско-русского, вепско-русского, карельско-финского или иных форм двуязычия и многоязычия.

Анализ материалов дискуссий показывает, что болезненное восприятие состояния карельского и вепского языков, переживания за их судьбу и перспективы развития, выплеснутые в ходе диспута на страницы республиканской печати, вносило заметный окрас в этнополитическую атмосферу рубежа 1980–1990-х годов. Дискуссия убедительно продемонстрировала нарастающую интенсивность национального самосознания.

Сторонники возрождения письменности, ратуя за эффективное функционирование языка своей национальности в устной и письменной формах, выступили активными защитниками языков от глубоко проникшей языковой ассимиляции. Наиболее остро она проявилась в языковой дискуссии, посвященной проблеме огосударствления языков.

Обеспокоенность за судьбу языка своей этнической общности как непреходящей национальной ценности и этнического символа будоражила умы людей. Но не покидали и сомнения в перспективе развития письменной традиции, поскольку значительная часть карельских и вепских детей не знали языка своей национальности. Разрыв межпоколенных языковых связей привел к тому, что на плечи неокрепшей, только становящейся национальной школы лег большой груз ответственности. На восторженно-радостные заявления о том, что дети уже говорят на национальных языках³⁵, последовало отрезвляющее напоминание: школа сегодня является едва ли не «последней пристанью» на пути сохранения родной речи. Поэтому первые шаги в этом направлении не следует преувеличивать, чтобы не создавались иллюзорные представления об успехах развития так называемой «национальной» школы³⁶.

Звучали и скептические нотки по отношению к возрождаемой письменности и перспективам развития карельской и вепской литературной традиции. Ссылки делались на то, что языки длительное время оставались и продолжают оставаться «в тени» из-за политики языкового неравенства. Это привело к тому, что многие, если не большинство, карелов и вепсов забыли свой язык и их уже не отличишь от русских.

В том, что каждый народ имеет естественное право на сохранение родного языка, карелов и вепсов поддерживали участвующие в диспуте представители других национальностей. И свою основную задачу, как подчеркивалось неоднократно в статьях, письмах и заметках участников дискуссии, — донести до населения республики, что карелы и вепсы хотят сохранить свой язык не только в устной, но и в письменной форме. Эту задачу дискуссия, безусловно, выполнила. В поисках «языковой справедливости» был сделан решительный шаг. Обсуждение со всей очевидностью продемонстрировало, что национальное (этническое) самосознание народов вырастает не только на основе родного языка. В представлениях некоторых читателей в языке как в фокусе оказались сконцентрированными все факторы, условия, элементы, формирующие структуру национального (этни-

³⁴ Ленинская правда. 1989. 27 мая.

³⁵ Северный курьер. 1993. 26 января.

³⁶ Северный курьер. 1993. 10 февраля.

ческого) самосознания, как основу, на которой базируется ассоциативная связь со своей этнической общностью. Республиканская пресса, публикуя различные точки зрения по языковой проблематике, отклики сторонников и противников воссоздания карельской и вепсской письменности, сыграла важную роль в историко-культурном просвещении. Читательская аудитория получила возможность ознакомления с различными аспектами истории карелов и вепсов, их связях с представителями других национальностей, результатами таких контактов, базовыми этнокультурными интересами и ожиданиями, традициями, обычаями, нормами поведения.

Тот факт, что инициатива «снизу» (воссоздание письменности, обучение детей родному языку до принятия официальных решений) была поддержана исполнительными структурами республиканской и центральной властей, показывает, что право народа на сохранение языковой идентичности становилось реальностью. Уже в ходе диспута решались вопросы, связанные с принятием ряда нормативно-правовых актов, связанных с сохранением прибалтийско-финских языков Карелии.

В языковых диспутах, прошедших в Карелии в 1980–1990-е годы, языковая мобилизация как выбор стратегии и тактики решения языковых проблем проявилась в двух моделях – культурно-охранительной и правовой³⁷.

Параллельно с воплощением в жизнь культурно-охранительной модели языковой мобилизации велся активный поиск правовых форм защиты культурно-языковых интересов карелов, вепсов, финнов, определение статуса этих языков, включая вопросы огосударствления карельского языка³⁸.

³⁷ Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2005. С. 10.

³⁸ См. подробнее статью в настоящем сборнике: *Клементьев Е. И.* В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карелов, вепсов, финнов Республики Карелия // *Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации.* М., 2003.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА НАРОДОВ

Словарь русского языка толкует «право» как многомерное понятие. Это и (1) совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе, (2) и охраняемая государством, узаконенная возможность, свобода что-нибудь делать, осуществлять (3) и возможность действовать, поступать каким-нибудь образом, (4) и основание, причина¹.

При разработке принципов и норм права любого уровня – международного, российского, регионального – следует, вероятно, исходить из всех четырех этих составляющих. В случае признания, например, только первого положения общее понятие «право» приходит в определенное рассогласование с понятием обычного права. Обычное право, будучи синкретическим явлением, «выделяется из общей системы мировоззрения сегодня потому, что содержит не только правовые ценности, но и выступает регулятором общественных отношений». Обычное право, как известно, представляет собой нормы поведения в обыденной жизни этнических групп, регулируемые сложившимися обычаями и получившие общественную санкцию. Особенности обычного права признаются его географическая локальность, этническая ограниченность, большая, чем законов, близость к жизни, негласно санкционированный запретительный характер, гарантирующий жизнеобеспечение населения без нанесения ущерба природе².

По вопросу «этнического права» существуют разные точки зрения. По мнению одних исследователей, если речь идет о национально-специфическом праве, то следует говорить о государственном праве этноса, так как именно государство определяет и регулирует права и свободы, способности организации власти, суверенитете государства и т. д. Но поскольку субъект права должен обладать правовым статусом и на основе этого права осуществлять свою правовую деятельность, в том числе путем применения принудительных средств, то и этнос должен быть правосубъектен. В противном случае, если признать, что этнос «не обеспечивает принудительную реализацию разрабатываемых актов..., говорить о нем как о субъекте права беспредметно»³.

Если исходить из посылки, что этничность ситуативна и проявляется в зависимости от этнополитического контекста, что этнические границы размыты, что существуют затруднения при самоидентификации человека по родословной линии, то и само понятие этноса как такового следует считать весьма условным. Потому и существование этнического права следует поставить под сомнение⁴, тем более если в него включаются традиционно-правовые нормы, вопрос о юридическом статусе обычаев которых остается исключительно сложным.

Поэтому на вопрос: «Защищает ли международное право права народов, в том числе их культурно-языковые интересы?» – разные исследователи дают противоречивые оценки.

Доказывая правомерность своих исходных посылок, противники группового (коллективного) права подчеркивают прежде всего общий характер и невнятность многих положений международного права, расплывчатость его формулировок. Они, отстаивая свои позиции, апеллируют к документам международного права более ранних лет, в которых, действительно, нет упоминаний о правах народов, а говорится о правах человека. При этом акцент делается именно на его конфликтогенном потенциале, а не демократических принципах, лежащих в его основе. Достаточно широко бытует точка зрения, согласно которой в настоящее время право народов на самоопределение изжило себя и его следует рассматривать не более как исторический анахронизм. Считается, что «концепт групповых прав пока не нашел применения как компонент

¹ Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. М., 1953. С. 525.

² См., например: Новикова Н. И. Обычное право коренных народов Севера в системе российского законодательства: прошлое и настоящее // Обычай и закон: Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 175–190; Зубарев В. А. Юстиции у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990 и др.; Право и этнос

³ Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 159.

⁴ Зубарев В. А. Указ. соч. С. 159–160.

⁵ Осипов А. Г. Самоопределение и групповые права – тупиковый путь решения проблем лиц, относящихся к аборигенному населению // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. Тезисы докладов. М., 1997. С. 33; Александр Осипов. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 80–100.

международного права», «носит умозрительный характер» и не соответствует действительности. Несоответствие видится в том, что в основе «рациональных» доводов защитников группового права лежит мнимая самоочевидность несостоятельности положения о групповых правах, некорректное определение субъектов правоотношений, мнимая сущность группового права, ее неопределенность, но не безусловная норма группового права обязывающей силы. Некоторые юристы считают, что с точки зрения правосубъектности неправильно уравнивать специальный и общий статус личности, т. е. из первого (индивидуального права) выводить второе (коллективное право). Жестко увязывая права человека с правом народа на самоопределение, они делают вывод о том, что признанием прав народов будет оказана идеологическая поддержка этнонационализму⁵.

Возражая идеологии группового (коллективного) права, некоторые сторонники глобализации утверждают: «любая мультикультуралистская политика не только не решает проблем сосуществования в плюралистическом обществе, но и усугубляет эти проблемы, акцентируя внимание на границах между группами, культурами». Считая этнические представления сконструированными, В. Воронков, например, призывает к пересмотру традиционных ценностей. По его мнению, на этничность, а заодно и на этническую культуру как таковую, просто не следует обращать внимания, ибо исчезающие культуры не имеют ценности и нет необходимости поддерживать «слабые» культуры. Весь пафос его положений сводится к тому, что публичные представления о культурных границах препятствуют процессам глобализации⁶.

Действительно, в таких крупных мегаполисах, как Москва или Санкт-Петербург, этнокультурная специфика сильно размыта. Но это вовсе не означает, что процессы глобализации и интеграции приобрели такое широкое распространение в общероссийском масштабе, что в поликультурной России народы уже готовы отказаться от культурного наследия многих и многих поколений. Напротив, и в международном, и в российском законодательстве, включая региональное, все отчетливо проявляется другая тенденция – установление определенных стандартов поведения государств по соблюдению прав человека и прав народов и выработке мер по защите их интересов, в том числе культурно-языковых. И хотя в правовой практике, действительно, пока еще не всегда есть четкие разграничения между правами коллективными (групповыми) и правами отдельного человека, общая тенденция в развитии права, особенно в последние десятилетия, выражается в существенном повороте к защите коллективных (групповых) прав.

Многие исследователи практически безоговорочно признают наличие коллективного (группового) права. По мнению профессора Р. А. Тузмухамедова, «сегодня на основе этого принципа (принципа правосубъектности государства – Е. К.) в международном праве сложилась и расширяется целая система норм, самостоятельная отрасль – Международное право народов». Правда, замечает он, международное право еще не стало правом между народами, а остается правом государств. Однако «не может быть свободен индивид, народ которого бесправен». Проблема реализации прав народов в современном мире более всего осложнена явной недостаточностью институциональных механизмов по защите прав народов⁷.

Нарастающее внимание мирового сообщества к коллективным (групповым) правам, расширение спроса на коллективные (групповые) права, рост их значимости явственно свидетельствуют о том, что, несмотря на процессы глобализации, надежды на нивелирование межнациональных культурных различий есть и будут оставаться ложными. И едва ли не самое пристальное внимание при этом уделяется защите языковых прав коренных народов и национальных меньшинств, как важнейшей составляющей, придающей группе черты этнокультурной индивидуальности⁸.

⁵ Виктор Воронков. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 45–46.

⁶ Там же. См., например: Илишев И. Г. Языковые права народов в европейском измерении: опыт государств-членов ОБСЕ. Уфа, 2002. С. 40–43.

⁷ Права человека. Основные международные документы. М., 1989; СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М., 1989; Международная защита прав человека. М., 1990; Права человека. Сборник международных документов. Т. 1 (часть 1), Т. 1 (часть 2). Универсальные договоры. Нью-Йорк и Париж, 1994; Права и свободы народов в современных источниках международного права (сборник документов). Казань, 1995 и др.

⁸ Права и свободы народов. Казань, 1995. С. 3, 10.

Примером тому является принятие за последние десятилетия многочисленных международных актов, защищающих права человека и гражданина, право народов на самоопределение, их право на сохранение среды обитания, сохранение и развитие своей культурной и языковой самобытности⁹.

К настоящему времени анализу правовых актов, особенно защищающих права коренных малочисленных народов, национальных меньшинств и этнических групп, посвящена обширная зарубежная и отечественная литература. Подчеркивая наличие прав народов, исследователи особенно часто ссылаются на Конвенцию МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах»¹⁰.

Международные документы в области прав человека, а также прав народов делятся на три типа: имеющие обязательную юридическую силу и предусматривающие механизм подачи жалоб; имеющие обязательную юридическую силу, но не предусматривающие механизма подачи жалоб; не имеющие обязательной юридической силы. По классификации Р. А. Тузмухамедова, международные правовые акты могут быть разделены и таким образом: на юридически обязывающие или «твердые» и носящие рекомендательный характер или «мягкие»¹¹.

К первой группе актов относятся Устав ООН, Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него, Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 107 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной образ жизни, в независимых странах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных, культурных правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международная конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказании за него, Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и последующие решения ОБСЕ, Африканская Хартия прав человека и народов, Конвенция МОТ № 169 «О коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах», Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция против пыток и др.

Во вторую группу документов входят Всеобщая декларация прав человека, Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, Хартия экономических прав и обязанностей государств, Всеобщая декларация ФАО о ликвидации голода и недоедания, Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках, Декларация о праве на развитие, Декларация о воспитании народов в духе мира, Азиатско-Тихоокеанская декларация человеческих прав индивидов и народов, Тунисская декларация о правах человека и правах народов, Декларация о правах лиц, относящихся к национальным, этническим, религиозным или языковым меньшинствам, Декларация о религиозной нетерпимости и др.

В настоящей статье анализ международных правовых актов дается в хронологическом порядке. Это позволит судить о развитии международного правового законодательства, основная тенденция которого выражалась в переходе от пожеланий и рекомендаций учитывать права народов к гарантированному соблюдению и выполнению норм международного права государствами, признающими международно-правовые акты.

⁹ См. например: *Мюллерсон Р. А.* Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 3; *Словарь прав человека и народа.* М., 1993. С. 30; *Блищенко И. П., Абашидзе А. Х.* Международная защита прав национальных меньшинств. М., 1993. С. 4–5; *Сафонова В. В.* Культуроведение и социология в языковой педагогике. Воронеж, 1993. С. 34–36; *Смыслов М. Д.* Международно-правовая защита меньшинств // *Московский журнал международного права.* 1993. № 1. С. 3; *Хруслов Г. В.* Языковые права этнических меньшинств в сфере образования. М., 1994; *Дьячков М. В.* Миноритарные языки в полиэтничных (многонациональных) государствах. М., 1996. С. 13–14; *Нагенгаст К.* Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // *Этничность и власть в полиэтничных государствах.* С. 185–186; *Кристоф Цюрхер.* Звездные войны, постмодернизм и столкновение цивилизаций // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ.* М., 2002 и др.

¹⁰ Права и свободы народов. Казань, 1995. С. 11.

¹¹ Там же. С. 4–6.

С завершением Второй мировой войны страны-участницы антигитлеровской коалиции, намереваясь покончить с массовыми нарушениями прав человека и народов, создали Организацию Объединенных Наций.

В общей форме вопросы международного сотрудничества, уважения к правам и основным свободам человека были отражены в части 3 статьи 1 Устава ООН (принят Генеральной Ассамблеей ООН в 1945 году). По Уставу ООН признается примат интересов отдельной личности, но не групповых прав народов и меньшинств. основополагающим принципом, обеспечивающим мирные отношения между нациями (государствами – *Е. К.*), признан принцип равноправия и самоопределения народов. К числу руководящих принципов относится уважение «к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии», уважение принципа равноправия и самоопределения народов, улучшение «условий экономического и социального прогресса и развития» (ст. 1, п. 3, ст. 55). Согласно ст. 73, члены ООН призваны «обеспечивать, соблюдая должное уважение к *культуре ... народов* (выделено мной – *Е. К.*), их политический, экономический и социальный прогресс, прогресс в области образования, справедливое обращение с ними и защиту их от злоупотреблений»¹².

В преамбуле Всемирной Декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) подчеркивается, что Генеральная Ассамблея провозглашает данную декларацию «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства, с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества ... стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем государственных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств – членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией». Согласно статье 2 Декларации, «каждый человек должен обладать всеми правами и свободами ... без какого-либо различия по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных взглядов, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»¹³.

Принято считать, что Всемирная Декларация прав человека, судя по ее названию, посвящена исключительно правам человека. Вопреки этой точке зрения, в статье 8 достаточно прозрачно говорится и о праве народа: «Воля народа должна быть основой власти правительства ...»¹⁴.

Эти базовые принципы и положения ООН стали своеобразной отправной точкой в выработке системы защиты прав отдельного индивида, а позднее и групповых сообществ.

В Европейской конвенции о защите прав человека (вступила в силу в 1953 году) нет специальных статей, касающихся прав коренных народов или национальных меньшинств. Вместе с тем в ней подчеркивается, что «права на равное отношение и недопущение дискриминации могут относиться ко многим проблемам меньшинств», а лишь в статье 14 утверждается, что пользование правами и свободами обеспечивается без дискриминации по какому бы то ни было признаку, политическим или иным убеждениям, независимо от национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения или иного обстоятельства. Конвенция не содержит также специального положения о праве на использование того или иного языка при взаимодействии с государственными органами власти. Однако в ней говорится, что в случаях судебного разбирательства каждый имеет право на незамедлительное информирование на понятном ему/ей языке, в том числе право бесплатного пользования услугами переводчика.

Международная организация труда (МОТ), утвержденная по Версальскому мирному договору 1918 года, главные усилия прилагает на установление и применение международных норм в сфере труда. Реализация прав коренных народов впервые была изложена в Конвенции МОТ № 107 (принята 5 июня 1957 года). В Конвенции специально оговаривается, что по отношению к коренному и другому населению (термин «народы» в Конвенции не употребляется – *Е. К.*), правительства несут ответственность «за создание благоприятных условий для осуществления национальной (имеется в виду внутригосударственной – *Е. К.*) интеграции, не допуская мероприятий, имеющих

¹² Устав ООН. Нью-Йорк, 1998.

¹³ Права человека. Сборник международных актов. Т. 1 (часть первая). Универсальные договоры. ООН. Нью-Йорк и Женева, 1994. С. 1–8.

¹⁴ Там же. С. 6.

целью осуществить насильственную или искусственную ассимиляцию». При реализации процесса интеграции следует должным образом учитывать культурные и религиозные ценности населения (ст. 4). Улучшение социального и экономического развития коренного населения предусматривается в рамках общенациональных (т. е. общегосударственных) программ интеграции и ненасильственной ассимиляции. Однако меры по сохранению родного языка рассматриваются лишь в рамках *возможностей* (выделено мной – Е. К.) того или иного государства. В языковой статье есть такая запись: «дети заинтересованного населения обучаются грамоте на своем родном языке или, в случае невозможности, на языке, наиболее распространенном в той этнической группе, к которой они принадлежат» (ст. 23, п. 1, 2 и 3). Более важной считается задача обеспечения постепенного перехода от родного языка или местного наречия к национальному, т. е. общегосударственному языку или к одному из официальных языков страны¹⁵.

14 декабря 1960 года ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам на основе принципов равноправия и самоопределения всех народов. В преамбуле Декларации заявляется, что все народы «устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие»¹⁶. Ссылки на равноправие народов, свободное распоряжение своими естественными богатствами и ресурсами, косвенно свидетельствуют о праве народов на сохранение и развитие своей культурно-языковой идентичности.

В этот же день, 14 декабря 1960 года, Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры была принята Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (вступила в силу 22.05.1962 года в соответствии со ст. 24). В преамбуле Конвенции напоминает, что принцип недопустимости дискриминации распространяется и на соблюдение прав человека в сфере образования. Для задач настоящей работы существенно подчеркнуть значимость статьи 5 п. С, которая гласит: «за лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, *следует признавать* (выделено мной – Е. К.) право вести собственную просветительную работу, включая руководство школами, и в соответствии с политикой в области образования каждого государства использовать или преподавать свой собственный язык». Ограничения следовало вводить в случае, если осуществление этого права мешало понимать культуру и язык всего коллектива, подрывало суверенитет страны, а образование было не ниже общего уровня. Конвенция рекомендовала факультативное посещение таких школ (ст. 5, п. I)¹⁷.

Правовое оформление принципа двуязычия, в контексте которого представителям национальных меньшинств предоставляется право использования своего языка, является свидетельством признания не только коллективных, но и индивидуальных прав человека как носителя языка того или иного этнического меньшинства. В таком контексте реализация принципа двуязычия служит важным средством взаимообогащения народов, решения межэтнических проблем, снятия межэтнической напряженности и определенной гарантией сохранения и развития национальных культур.

По Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята 07.03.1966, ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 22.01.1969) государства-участники, подписавшие его государства брали на себя обязательства по принятию особых мер по обеспечению надлежащего прогресса расовых или этнических групп или отдельных лиц» (ст. 1, п. 4), поощрять взаимопонимание, терпимость и дружбу между нациями (государствами – Е. К.) и расовыми группами (ст. 2). Статья 7 данной Конвенции предписывает государствам-участникам принимать немедленные и эффективные меры в областях преподавания, воспитания, культуры и информации не только для борьбы с расовой дискриминацией, но и «поощрения взаимопонимания, терпимости и дружбы между нациями и расовыми или этническими группами»¹⁸.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят Генеральной Ассамблеей 16.12.1966) обязал государства принять меры «неуклонного экономического, социального и культурного развития», гарантирующих основные политические и экономические свободы человека (ст. 6). Признаваемое право на образование «должно дать возможность всем быть

¹⁵ Права и свободы народов. Казань, 1995. С. 29–41.

¹⁶ Права человека. Сборник международных актов. Т. 1 (часть первая). Универсальные договоры. С. 62–64.

¹⁷ Там же. С. 113–121.

¹⁸ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVI. М., 1973. С. 109–118.

полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами (ст. 13)¹⁹.

По Международному пакту по гражданским и политическим правам (принят Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году, ратифицирован Верховным Советом СССР 18 сентября 1973 года, вступил в силу в 1976 году в соответствии со статьей 49) признается право народов на самоопределение, возможность свободного распоряжения своими естественными богатствами и ресурсами (ст. 1). Согласно статье 27, «в тех странах, где существуют этнические, религиозные и национальные меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять обряды, а также пользоваться родным языком». Пакт предусматривает обязательное представление докладов по претворению в жизнь прав, включенных в данный документ, которые рассматривают комитетом по правам человека, а затем могут направляться специализированным учреждениям, компетентным в той или иной сфере прав (ст. 40)²⁰. По мнению некоторых исследователей статья 27 является одной из первых статей международного права, защищающих культурно-языковые права национальных меньшинств²¹.

Преобладание в Конвенции МОТ № 107 установок преимущественно на интеграционные процессы вызвали в последующем критическое отношение к ней ряда государств. Тем не менее, Конвенция образца 1957 года сыграла большую роль в усилении внимания мировой общественности к нуждам и потребностям коренных народов, в том числе к защите их культурно-языковых интересов.

С конца 1970-х годов внимание мирового сообщества к правам народов и этнических меньшинств значительно возрастает. За последние десятилетия разработан ряд правовых актов по защите прав коренных народов и этнических групп, включая языковую проблематику. ЮНЕСКО наряду с проведением широкомасштабных исследований, различных мероприятий в области культуры, религии и образования национальных меньшинств значительное внимание уделяет самому развитию образования, защите материального и духовного наследия народов.

Проблемы образования национальных меньшинств в программе ЮНЕСКО занимают особое место. Многочисленные программы ЮНЕСКО ориентированы на учет образовательных потребностей этнических и языковых меньшинств, живущих в отдаленных районах, организацию двуязычного образования, учет интересов детей с особыми потребностями и т. д. Например, в рамках проекта МОСТ (Управление социальными преобразованиями) проводятся исследования многообразия культур, этнического и демографического состава населения различных регионов, культурного фактора, проблем образования в этническом аспекте и др. для разработки политики, обеспечивающей недопущение и предупреждение конфликтов на национальной почве, обеспечение равных гражданских прав этнических групп, формирование толерантных межнациональных отношений. В 1971 году ООН приняла решение по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Началась огромная работа по сбору материалов по коренным народам, был подготовлен ряд рекомендаций в поддержку их требований.

Важную роль в области права сыграли положения Заключительного акта Хельсинкского совещания 1975 года по безопасности и сотрудничеству в Европе. В разделе VIII этого акта подчеркивается, что государства-участники совещания «будут уважать равноправие народов распоряжаться своей судьбой» исходя из принципа равноправия и права народов «осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие»²².

Состоявшаяся в Париже Генеральная конференция ООН по вопросам образования и культуры (24 октября – 28 ноября 1978 года) приняла Декларацию о расе и расовых предрассудках. ООН, осознавая, что международное сообщество превратилось в единое целое в своем многообразии, основанное на равенстве всех людей и народов, которые вносят свой самобытный вклад в расцвет цивилизаций и культур на основе плюрализма, тем не менее выразило беспокойство проявлениями

¹⁹ Права человека. Сборник международных актов. Т. 1 (часть первая). Универсальные договоры. С. 11, 15.

²⁰ Там же. С. 22–47; Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

²¹ См. например: *Capotorti F.* Study of person Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. New York: United Nation, 1979. S. 39–45.

²² Во имя мира, безопасности и сотрудничества. К итогам совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля – 2 августа 1975 г. М., 1975. С. 21–22.

расизма, расовой дискриминации, колониализма и апартеида. В Декларации подчеркивается, что «различия в достижениях разных народов объясняются исключительно географическими, историческими, политическими, экономическими, социальными и культурными факторами». И эти факторы «не могут служить предлогом для какой бы то ни было иерархической классификации наций и народов» (ст. 1, п. 5). Потому любые различия, ставящие под угрозу суверенное равенство государств и право народов на самоопределение, как и другие препятствия, затрудняющие свободную коммуникацию между людьми, основанную на расовых и этнических воззрениях, недопустимы (ст. 3, 4). Статья 5 Декларации признает право всех групп людей на культурную самобытность и на развитие своей собственной культурной жизни, имея в виду, что каждая группа сама свободно решает вопрос о сохранении ее самобытности. СМИ, в свою очередь, должны быть восприимчивы к идеям отдельных людей и групп, содействуя взаимопониманию, терпимости и дружбе (ст. 5). Особые меры в отношении самобытных культур, согласно ст. 9, должны приниматься государствами и через систему образования и профессиональной подготовки.

В соответствии с Уставом ООН, как уже отмечалось ранее, одной из задач ЮНЕСКО является расширение сотрудничества между народами в области образования, науки и культуры. В этой связи 28 ноября 1978 года Генеральная Ассамблея ООН провозгласила и приняла Декларацию об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбе против расизма и апартеида и подстрекательства к войне. По декларации общественности должна быть гарантирована доступность к разнообразным источникам информации, чтобы СМИ «отвечали озабоченности народов и отдельных лиц, способствуя тем самым общественности в выработке информации (ст. 11, п. 2), чтобы по СМИ распространялись сведения об идеалах, стремлениях, культурах и потребностях всех народов (ст. 111, п. 2) с тем, чтобы поощрять уважительное отношение к разнообразию культур (ст. X, п. 4)²³.

На Женевской конференции 1977 года впервые были разработаны положения о международной правосубъектности коренных народов, если такие народы «изъявляют желание быть признанными нациями и отвечают основным критериям нации...». В отношении коренных этнических групп, не отвечающих критериям статуса нации, было решено объявить их также субъектами международного права и было объявлено, что они «берутся под защиту настоящей Декларации, при условии, что они выделяются как группы, скрепленные узами языка, наследием, традицией или другой общей идентичностью»²⁴.

В раздел «Сотрудничество и обмены в области образования» Итогового документа Мадридской встречи 1980 года представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе было включено положение о том, чтобы «благоприятствовать расширению возможностей по преподаванию и изучению менее широко распространенных европейских языков» путем организации различных курсов, укрепления лингвистических факультетов и др.²⁵

Создание рабочей группы по коренному населению в 1982 году, инициированное Комиссией ООН по правам человека, Экономическим и социальным советом ООН, содействовало образованию независимых экспертных групп по правам человека, защите прав мигрантов, в том числе их языковых прав, изучению и распространению иностранных языков между странами и народами с перечнем мер и средств, способствующих расширению сотрудничества между народами, ознакомления с их культурами. Государства-участники, подписавшие документ, согласились также с тем, что они намерены, в частности, «поощрять расширение перевода произведений в области культуры и других областях культурной деятельности с языков ... созданных на менее распространенных языках, а также издания и распространения переводных произведений», содействовать контактам издательств, переводчиков и т. д.²⁶

После Венской встречи 1986 года представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 15 января 1989 года 35 государствами – участниками Совещания по безопасности – был принят итоговый документ. По нему все страны, подписавшие его,

²³ Права человека. Сборник международных актов. Т. 1 (часть первая). Универсальные договоры. С. 141–149.

²⁴ Цит. по: *Илишев И. Г.* Языковые права народов в европейском измерении: опыт государств – членов ОБСЕ. Уфа, 2002. С. 24.

²⁵ Международная жизнь. 1983. № 11.

²⁶ Права человека: Основные международные документы. М., 1990. С. 69 и сл.

обязались обеспечивать на практике, чтобы лица, принадлежащие к национальным меньшинствам или религиозным культурам, могли распространять информацию на своем родном языке, иметь к ней доступ и обмениваться ею. И далее: «могли сохранять и развивать свою собственную культуру во всех ее аспектах, включая язык, литературу и религию, и чтобы они могли сохранять свои культурные и исторические памятники и объекты».

В провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 4 ноября 1986 года Декларации принципов международного культурного сотрудничества культура каждого народа признается достоинством и ценностью, которые следует уважать и сохранять как общее достояние человечества. Развитие культуры рассматривается как долг каждого народа (ст. 1) и народы должны стремиться к одновременному и параллельному развитию всех отраслей культуры (ст. 1, 11) в условиях мира, дружбы, сотрудничества и взаимопонимания²⁷.

Аналогичные предложения содержатся и в Рекомендациях о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании, в духе уважения прав человека и основных свобод, принятых Генеральной Ассамблеей ООН 19 ноября 1986 года. В разделе «Руководящие принципы» особо оговаривается «понимание и уважение всех народов, их культур, цивилизаций, ценностей и образа жизни, включая этнические культуры»²⁸.

В перечне общих положений Декларации о праве на развитие (принята Генеральной Ассамблеей ООН 04.12.86) создание государством благоприятных условий для развития всех народов признается неотъемлемым правом, в соответствии с которым государства обязаны осуществлять и национальную политику (ст. 2, п. 3), «поощрять участие населения во всех областях (политической, экономической, культурной – *Е. К.*) в качестве важного процесса развития», содействовать эффективному международному сотрудничеству (ст. 7, 8, 10)²⁹.

27 июня 1989 года Генеральная конференция МОТ приняла Конвенцию о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция № 169), которая вступила в силу с 5 сентября 1991 года. Конвенция считается уникальным документом, определяющим международно-правовой стандарт жизнедеятельности коренных народов, содействуя реформированию системы международного права относительно коренных народов и признания их групповой идентичности³⁰.

Принципиальные различия между Конвенциями № 107 и 169 состоят в том, что последняя предусматривает овладение государственным или официальным языком *наряду* с сохранением родного языка, т. е. была ориентирована на развитие двуязычия. Если у государства возникают сложности в организации обучения на родном языке, то компетентным органам власти, согласно статье 28, пункт 1, предписывается проводить с этими народами консультации «в целях принятия мер по решению данной задачи». Принятые меры должны были быть достаточными для сохранения и содействия развитию и применению коренных языков народов (ст. 28, п. 3). В статье 2 пункте 1 Конвенции № 169 особо оговаривалась ответственность правительства «за развитие, с полным участием соответствующих народов, согласованных и систематических действий с целью защиты прав этих народов и гарантированного уважения их неприкосновенности». Чтобы обеспечить такие «согласованные и систематические действия», Конвенцией № 169 предусматривается право народов «участвовать на всех уровнях выработки и принятия решений, затрагивающих их права и интересы» (ст. 6, п. 1б), тем самым придавая принимаемым актам большую легитимность. Это позволяет исполнительным структурам полнее учитывать запросы самих народов по удовлетворению их непосредственных интересов в меняющихся условиях.

Фундаментальными положениями Конвенции № 169 являются признание положения о том, что «стремление народов к осуществлению контроля за собственными институтами, образом жизни и экономическим развитием, право на сохранение и развитие народом своей самобытности, языка и религии». Таким образом, Конвенция № 169, признавая ценность культур и языков коренных

²⁷ Права человека. Сборник международных актов. Т. 1 (часть вторая). Универсальные договоры. С. 688–691.

²⁸ Там же. С. 692–706.

²⁹ Там же. С. 631–636.

³⁰ Анализ роли и значения Конвенции № 169 дан в работах: *Илишев И. Г.* Языковые права народов в европейском измерении: опыт государств – членов ОБСЕ. С. 25–29; *Кряжков В. А.* Коренные малочисленные народы России и международное право // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 123–127.

народов, признает право данных народов на осуществление специальных мер по защите их этнического менталитета, право выбора собственных приоритетов развития придавала коллективным (групповым) правам правовую силу (преамбула, п. 5)³¹.

Россия голосовала за принятие данной «жесткой» Конвенции, но до сих пор не ратифицировала ее. Поэтому, согласно Уставу МОТ, Российская Федерация «не несет в дальнейшем никаких обязательств», хотя и проявляет готовность к такому шагу. Ратификация Россией Конвенции № 169 означала бы вступление ее в действие как федерального закона со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Резолюцией 44/25 от 20 ноября 1989 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция о правах ребенка (вступила в силу 02.09.1990 в соответствии со ст. 49). Подтверждая свою веру в основные права человека, право детей на особую заботу и помощь, его гармоничное развитие, «учитывая должным образом важность традиций и культурных ценностей каждого народа для защиты и гармоничного развития ребенка», независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств», Конвенция предусматривает, в частности, чтобы государства-участники через СМИ уделяли особое внимание языковым потребностям ребенка, принадлежащего к какой-либо группе меньшинств или к коренному народу (ст. 17). По Конвенции образование должно быть ориентировано на «воспитание уважения к культурной самобытности ребенка, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает» (ст. 29). Согласно ст. 29, «в тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства или лица из числа коренного населения, ребенку, принадлежащему к таким меньшинствам или к коренному населению, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться своим языком»³².

Международные эксперты, разработавшие «Декларацию языковых прав человека» (1991 год), исходят из того, что каждый человек имеет право изучать любой один или более языков, отождествлять себя с любым языком, чтобы выбор этого языка уважался всеми общественными и государственными учреждениями. Человек вправе слушать, говорить, читать и писать на любом языке, имеет право на обеспечение специальным образованием в случае недостаточного владения языком. Согласно Декларации, «не может быть запрещено преподавание любого языка», каждый «имеет право на то, чтобы ей/ему преподавался, где это осуществимо, в рамках государственного образования или же в общине и семье тот язык, с которым он/она и ее/его семья наиболее просто отождествляют себя», «чтобы ей/ему преподавался в рамках государственного образования тот официальный язык или языки другого государства, нации или региона, в которых он/она постоянно проживают». Также «каждый человек имеет право, чтобы ей/ему преподавался в рамках государственного образования по меньшей мере еще один язык для того, чтобы расширить свой социальный, культурный, образовательный и умственный кругозор и увеличить международное понимание». Причем, весь перечень перечисленных прав «касается всех лиц»³³.

28 мая 1992 года на 38 конгрессе Федерального союза народов Европы (ФСНЕ. Основан 9 апреля 1949 года) – международной организации, защищающей интересы и права «не представленных в ООН народов», была принята Конвенция «Об основных правах Европейских народов», выработанная коллективными усилиями этнологов, политологов, специалистов по международному праву³⁴. С 1989 года ФСНЕ имеет консультативный статус при Европарламенте в Страсбурге. Конвенция ФСНЕ по праву может быть отнесена к международно-правовым актам, в котором в наиболее жесткой форме прописаны права народов и национальных меньшинств. Однако они не имеют обязательной силы, так исходят от организации, в состав которой входят не государства, а национальные организации. От бывшего СССР в составе ФСНЕ представлен лишь Меджлис крымско-татарского народа.

³¹ Права человека. Сборник международных актов. Т. I (часть вторая). Универсальные договоры. С. 551–567.

³² Там же. С. 193–221.

³³ См. подробнее: Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 225–226.

³⁴ См.: Этнополис // Этнополитический вестник России. 1993. № 2(4). С. 77–79.

Обеспечить достойное представительство в европейском доме больших и малых государств и народов в целях защиты интересов и прав, сохранения национальной самобытности, решения проблем духовного и культурного возрождения – основные принципы и цели деятельности ФСНЕ.

Согласно статье 1 Конвенции, международная защита прав народов (национальных групп и их представителей) признаются фундаментальной составной частью защиты прав человека и являются правоммерным делом международного сообщества.

Конвенция не делает различий (с позиций права) между народом и национальной группой, под которыми понимается общность людей, компактно и рассеянно (дисперсно) проживающих в определенном государстве, которая в численном отношении меньше остального населения этого государства. Главные отличительные признаки этих сообществ людей состоят в том, что по этническим, языковым и культурным признакам они отличаются от других граждан государства и стремятся сохранить свои особенности. К числу прав народов и этнических групп Конвенция относит право на защиту от любой угрозы их существования (ст. 3), полное равенство перед законом с другими гражданами данного государства (ст. 4), право группы на групповую защиту, на защиту их коллективной общности (ст. 5), право на особую защиту языка, школы, занятий общественной деятельностью, политического представительства, самоуправления и автономии (ст. 6), право «без каких-либо ограничений использовать свой язык в частной и общественной жизни» (ст. 7), право на образование на родном языке (ст. 8). При этом, согласно Конвенции, «финансирование национальных школ и преподавания на родном языке национальных групп (народов) является обязанностью государства. Кроме того, в местах компактного проживания Конвенция в качестве пожелания рекомендует преподавание в школах истории и культуры этого народа».

По Конвенции государство «обязано пресекать любые попытки, направленные на ассимиляцию национальных групп (народов) вопреки их воле». Национальные группы (народы) имеют право на родину как неотъемлемую часть их этнической самоидентификации, право «свободно пользоваться всеми природными ресурсами и богатствами, находящимися в местах их проживания», а государство обязано предоставлять им необходимые средства и способствовать их развитию (ст. 3). Для реализации своих прав национальные группы (народы) наделяются правом на создание по их усмотрению и волеизъявлению собственной автономии с соответствующим законодательством, органами самоуправления, языком и т. д. (ст. 14).

Защите региональных языков и языков меньшинств посвящена Европейская хартия, принятая Советом Европы 5 ноября 1992 года. Хартия вступила в силу 1 марта 1998 года, но Российской Федерацией Хартия не ратифицирована³⁵.

Под региональным языком или языком меньшинств понимается традиционно используемый гражданами на территории государства язык, которым пользуются группы, меньшие в численном отношении, чем остальное население данного государства, отличный от официального языка. Термин «региональный язык» не распространяется на диалекты основного языка и на язык мигрантов. Основным ареалом использования регионального языка признается территория, где данный язык является основным средством общения (ст. 1).

По Хартии пользование региональным языком в личной и общественной жизни признается неотъемлемым правом человека. В соответствии с этим принципом, государства, подписавшие данную Хартию, признают региональные языки культурным достоянием меньшинств и принимают решительные действия по их сохранению. Государственная языковая политика, по Хартии, должна исходить из 9 принципов и целей: признания региональных языков культурным достоянием; соблюдения географического пространства их распространения; решительных действий по развитию языков для их сохранения, поощрения устного и письменного их использования; поддержания национальными меньшинствами внутригрупповых языковых связей в пределах своего государства и за ее пределами; предоставления на всех этапах обучения форм и средств преподавания и изучения этих языков; предоставления не говорящим на региональном языке средств для его изучения в местах проживания, где этот язык используется; содействия развития изучения и исследований этих языков в вузах; развитие соответствующих форм транснационального обмена. При этом на

³⁵ Неофициальный перевод Хартии опубликован в сборнике документов «Статус малочисленных народов России. Правовые акты». Кн. 2. М., 1999. Составитель правовых актов доктор юридических наук, профессор В. А. Кряжков.

страну, подписавшую Хартию, возлагаются обязанности устранять любые формы ограничений, препятствующие сохранению и развитию языка национального меньшинства путем специальных мер «для достижения большего равенства между носителями этих языков и остальным населением». В числе этих мер содействие большему взаимопониманию между всеми языковыми группами страны, понимание и терпимость в отношении региональных языков и языков меньшинств, развитие СМИ на этих языках, учет потребностей и пожеланий носителей этих языков при определении языковой политики (ст. 7).

Специальная, III часть хартии, посвящена мерам по использованию региональных языков и языков меньшинств, начиная от дошкольного воспитания и кончая высшим образованием. Использование этих языков рассматривается с точки зрения и возможностей их использования, и обеспечения условий их изучения, в том числе через преподавание истории и культуры. Чтобы была возможность реализовать это право, Хартия предусматривает создание органов контроля для наблюдения за исполнением принятых мер и за достижениями в области введения и развития преподавания региональных языков. Определяя меры по изучению региональных языков, Хартия исходит из постулатов: «защита исторических региональных языков и языков меньшинств Европы ... способствует сохранению и развитию культурных традиций и культурного достояния Европы»; «право пользоваться региональными языками и языками меньшинств в личной и общественной жизни является неотъемлемым правом в соответствии с принципами, содержащимися в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах, и в соответствии с Духом Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод»; «защита и развитие региональных языков меньшинств в различных странах и регионах Европы является важным вкладом в строительство новой Европы»³⁶.

В Хартии подробно изложены меры по использованию региональных языков и языков национальных меньшинств в сфере образования (ст. 8), правосудия (ст. 9), органах управления (ст. 10), СМИ (ст. 11), культурной деятельности (ст. 12), экономической и социальной жизни (ст. 13) и трансграничных контактах (ст. 14).

Хартия обязывает стран-участников предусмотреть возможность дошкольного воспитания, начального, среднего, технического, профессионального, высшего образования на региональных языках и языках национальных меньшинств, организации курсов или непрерывного образования для взрослого населения на этих языках. В перечне предметов преподавания на данных языках названы история и культура носителей данных языков. Контроль за исполнением названных мер возлагался на специальный орган или органы, в обязанности которых вменялось выход регулярных отчетов за исполнением принятых мер с их публикацией (ст. 8).

Хартия предъявляет весьма высокие требования к работникам органов власти по использованию региональных языков и языков национальных меньшинств. Им, в частности, поручается следить за тем, чтобы административные органы власти и государственные службы использовали эти языки, чтобы носители данных языков имели возможность обращаться в эти органы с письменными или устными заявлениями и получать ответы на этих же языках. Еще более жесткие требования предъявляются к органам власти, расположенным на территориях компактного проживания носителей региональных языков или языков национальных меньшинств. Хартия обязывает местную власть использовать эти языки в своей деятельности, публиковать на них официальные документы, устанавливать топонимические названия и т. д. (ст. 10).

Статья 11 Хартии предусматривает обеспечение радио- и телевидения на региональных языках и языках национальных меньшинств, содействие созданию произведений для радио и телевидения, публикации на них статей в прессе, распространению аудиовизуальной продукции и т. п.

В сфере культурной деятельности на государственные органы власти возлагались следующие обязанности: содействовать доступу к произведениям на региональных языках и языках национальных меньшинств, привлекать на работы в организации, занятые культурной деятельностью и ее планированием владеющих этими языками, финансировать услуги по переводу, разработку терминологии на данных языках и т. д. (ст. 12).

Хартия запрещает в рамках экономической и социальной практики отказ от использования региональных языков и языков национальных меньшинств. В пределах возможного государственным органам власти на местах вменяется в обязанность определять конкретные возможности

³⁶ Совет Европы: документы по национальному вопросу. СПб., 1996. С. 40–41, 45–46.

использования названных языков в экономической сфере. В больницах, домах престарелых и т. п. к носителям региональных языков, согласно ст. 13, п. В предписывается говорить с ними на их языке.

Резолюция 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 года подтвердила основные цели ООН, а именно – «поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола языка или религии», равноправие ... больших и малых наций»³⁷. Особо следует выделить положение преамбулы резолюции, где утверждается, что «поощрение и защита прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, способствует политической и социальной стабильности государств, в которых они проживают». При этом подчеркивается, что такое постоянное поощрение следует рассматривать в качестве неотъемлемой части развития общества. В соответствии со статьей 1 Декларации, государства обязаны сохранять и поощрять «существование и самобытность национальных или этнических, культурных, религиозных и языковых меньшинств», в том числе путем принятия надлежащих и иных мер для достижения этих целей. Эти группы, по Декларации, наделяются правом: пользоваться достижениями своей культуры, использовать свой язык в частной жизни и публично; активно участвовать в культурной, религиозной, общественной, экономической и государственной жизни; принимать участие в принятии решений на национальном и, где это необходимо, на региональном уровне решений, касающихся меньшинств в соответствии с национальным законодательством; создавать свои собственные ассоциации и обеспечивать их функционирование; устанавливать и поддерживать свободные и мирные контакты с другими членами своей группы независимо от места их проживания (ст. 2). Эти права национальные меньшинства могут реализовывать как индивидуально, так и совместно (ст. 3). Национальная политика и государственные программы должны быть ориентированы на должный учет законных интересов лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в том числе создавать такие благоприятные условия, которые позволяли бы лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, выражать свои особенности и развивать свою культуру, язык, религию, традиции и обычаи, иметь надлежащие возможности для изучения своего языка или обучения на своем языке, что предполагает принятие дополнительных мер в развитии этого права. Как следует из комментария языковой статье Декларации, идеальным признается получение дошкольного и начального образования на родном языке (языке семейного общения), а изучение официального или государственного языка следует вводить «на более поздних этапах обучения». На государства возлагается принятие мер в области образования с целью стимулирования изучения истории, традиций языка и культуры меньшинств (ст. 4, 5).

В толковании текста статей и в комментариях к ним, подготовленных председателем рабочей группы по меньшинствам господином Асбьерн Эйде, подчеркивается, что все лица, принадлежащие к группам меньшинств (этническим, религиозным, языковым, национальным – *Е. К.*) «должны бы иметь еще более широкие права, касающиеся не только культуры, но и сохранения и развития их национальной самобытности». И хотя эти права провозглашаются в Декларации в качестве индивидуальных прав, «обязанности государства отчасти формулируются в качестве обязанностей по отношению к меньшинствам как группам», так как эти права в большинстве случаев могут осуществляться лицами только сообща с другими. Однако эти права носят более ограниченный характер, чем права народа, например, право народа на самоопределение.

Одним из ведущих принципов Декларации является то, что он базируется на неприемлемости принудительной ассимиляции в интеграционных процессах. Развитие последних должно обеспечивать защиту национальных меньшинств на основе четырех принципов: защита существования, неисклечение, недискриминация, неассимиляция. Государство может обеспечить защиту самобытности при соблюдении принципа культурного плюрализма, уважения отличительных особенностей нацменьшинств и их вклада в жизнь общества.

В число мер, принимаемых государством по защите прав национальных меньшинств, включены: консультации с меньшинством о принятии надлежащих законодательных мер, привлечение финансовых ресурсов для сохранения их национальной самобытности, а также судебные, административные, пропагандистские, образовательные меры. Особое внимание при этом уделяется активному участию национальных меньшинств в принятии решений, касающихся их нужд, уже на начальной

³⁷ См.: Права человека. Сборник международных договоров. Т. 1 (часть первая). Универсальные договоры. С. 157–161.

стадии их разработки и реализации. И хотя активное участие «требует представительства в законодательных, административных и консультативных органах», в основе государственных институтов «не должны лежать этнические или религиозные критерии». Вместе с тем органы власти «должны признавать важное значение фактора многообразного проявления самобытности в содействии формированию открытых обществ и проведению оправданных разграничений между институциональными структурами и самобытностью культур».

Многосторонним правовым обязательным актом, посвященным защите национальных меньшинств, считается Рамочная конвенция о защите прав национальных меньшинств». Рамочная конвенция была принята Советом Европы в 1994 году и вступила в силу 1 февраля 1998 года. Конвенция ратифицирована 33 странами, в том числе Российской Федерацией. Вступив в Совет Европы, Россия ратифицировала Рамочную конвенцию и тем самым взяла на себя обязательство по ее исполнению.

Конвенция представляет собой международный документ, в котором изложены принципы и направления защиты национальных меньшинств, а также обязательства государств, подписавших ее.

В статье 1 Конвенции подчеркивается, что защита национальных меньшинств «является неотъемлемой частью международной защиты прав человека и как таковая входит в сферу международного сотрудничества». Культурно-языковые права национальных меньшинств защищают статья 5 (содействовать созданию условий для развития и сохранения языка и культуры), статья 6 (поощрять дух терпимости, содействие уважительному отношению, пониманию и сотрудничеству между лицами, независимо от этнической, культурной, языковой и религиозной принадлежности), статьи 7, 8 и 9 (защищать право на свободу собраний, ассоциаций, выражение мнений, а также на свободу мысли, слова и религии), статья 9, пункт 1 (право получать и обмениваться информацией на языке меньшинства без вмешательства государственных органов), статья 10 (право свободно, в устной или письменной форме пользоваться языком своего меньшинства; обеспечение условий использования языка меньшинства в отношениях между лицами и административными органами; право лицом, принадлежащим к национальному меньшинству, получать сведения на языке меньшинства в случае ареста или иного обвинения), статья 11 (право пользоваться своей фамилией и именем на языке меньшинства; право оформления вывесок, надписей, местных названий и т. д. на языке меньшинства); статья 12 (обеспечение равного доступа к получению образования всех уровней); статья 14 (право изучать язык своего национального меньшинства и обучаться на нем) и др. Особо следует подчеркнуть, что «защита национального меньшинства может быть обеспечена только путем защиты прав индивидов, принадлежащих к этому меньшинству»³⁸.

Проект «Декларации Организации Объединенных наций о правах коренных народов», разрабатываемый с 1982 года Рамочной группой Подкомиссии по предупреждению дискриминации меньшинства Комиссии ООН по правам человека, до сих пор не принят в полной версии. В 1997 году были приняты лишь статьи 3 и 43 Декларации, согласно которым «коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» (ст. 3) и «Все права и свободы, признанные в настоящей Декларации, в равной мере гарантируются мужчинам и женщинам коренных народов» (ст. 43)³⁹.

Принятие данной Декларации означало бы прорыв в международном законодательстве в области защиты прав коренных народов. Декларация признает культуру коренных народов достоянием всего человечества. Подтверждая, что коренные народы равны со всеми другими народами, Декларация вместе с тем признает право коренных народов свободно определять свои отношения с государствами в духе сосуществования, взаимной выгоды и полного уважения на основе договоров и соглашений, которые «должны быть предметом заботы и объектом ответственности международного сообщества». Наделение коренных народов такими широкими правами, действительно, позволило бы им свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие, сохранять и укреплять политическую, экономическую, социальную и культурную самобытность, участие во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения, что и прописано в статьях 3 и 4. Коренные народы наделяются правом сохранять и развивать свои самобытность и своеобразие, им обеспечивается правовая защита своих культурных ценностей, этнической самобытности, по отношению к ним

³⁸ Совет Европы: документы по национальному вопросу. СПб., 1996. С. 6–11, 23.

³⁹ См.: Статус малочисленных народов России. Правовые акты. Кн. 2. М., 1999. С. 78–89.

не допускается ассимиляция (ст. 7 и 8), они имеют право на особую защиту в периоды вооруженных конфликтов, их не могут привлекать в вооруженные силы против их воли, если военные действия направлены против других коренных народов (ст. 11). Часть III статьи 12–14 Декларации защищает права коренных народов на сохранение и возрождение культурных традиций и обычаев. Статья 14, в частности, предоставляет право коренным народам «возрождать, использовать, развивать и передавать будущим поколениям свою историю, языки, традиции устного творчества, философию, письменность и литературу, а также давать названия и имена общинам, местам и лицам и сохранять их». Статьи 15–18 части IV Декларации оговаривают права коренных народов в сфере образования, согласно которым эти народы имеют право на получение не государственного образования всех уровней, но и обеспечение образования на их родных языках. Статья 17 наделяет коренные народы правом создавать СМИ на своих языках.

Для обеспечения групповых прав через своих представителей, избираемых ими по своим собственным процедурам, коренным народам предоставляется право, если они того пожелают, «на полное участие в принятии на всех уровнях решений по вопросам, которые могут затрагивать их права, жизнь или судьбы» (ст. 19). Декларация предусматривает принятие особых мер «по незамедлительному, эффективному и непрерывному улучшению социально-экономических условий их жизни» (ст. 22). Они вправе «определять приоритеты и разрабатывать стратегии в целях осуществления своего права на развитие», в том числе на любые здравоохранительные, жилищные и иные программы, право на владение и охрану культурной и интеллектуальной собственности (ст. 23, 24, 29). Коренные народы, наделенные коллективными правами, имеют права на автономию и самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам (культура, образование, СМИ, занятость, здравоохранение, социальное обеспечение, использование земель и ресурсов и т. д., включая средства на финансирование автономных функций (ст. 31, 38 и др.). В то же время Декларация возлагает на коренные народы ответственность перед будущими поколениями за сохранность принадлежащих им ресурсов (ст. 25).

Государства, подписавшие данную Конвенцию, выразили готовность защищать на своих территориях существование национальных меньшинств, их этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность народов путем создания условий, позволяющих выражать, сохранять и развивать эту самобытность. Конвенция гарантировала любым лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на равенство перед законом и на равную защиту со стороны закона (ст. 4, п. 1). Возможности поддерживать и развивать культуру, сохранять основные элементы самобытности (религию, язык, традиции и культурное наследие) рассматриваются в Конвенции как обязанность государств. В условиях развития интеграционных процессов, характерных для современной эпохи, государства, подписавшие ее, согласились воздерживаться от политических и практических мер, содействующих ассимиляции национальных меньшинств (ст. 5). Конвенция обязывает признавать за представителями национального меньшинства право использования их языка «устно и письменно в частной жизни и публично». Особо оговариваются право лица национального меньшинства пользоваться своим языком в случае ареста и любого выдвинутого обвинения (ст. 10). Согласно статье 11, п. 3 в районах традиционного проживания национальные меньшинства вправе «устанавливать указатели с традиционными наименованиями, названиями улиц и с другой, предназначенной для населения, топографической информацией на языке меньшинства, «если в такой информации имеется достаточная потребность». В соответствии со статьей 14, п. 1 государства «обязуются признавать за любым лицом, принадлежащим к национальному меньшинству, права изучать язык своего меньшинства», а «в случае достаточной потребности в этом, стремятся обеспечить, насколько это возможно и в рамках своих образовательных систем, чтобы лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имели надлежащие возможности изучать язык своего меньшинства или получать образование на этом языке», но «без ущерба для изучения официального языка или преподавания на этом языке». Конвенция предусматривает также создание условий для участия представителей меньшинств не только в культурной, общественной жизни, но и «в ведении публичных дел, особенно тех, которые их касаются» (ст. 15). Национальным меньшинствам предоставляется право поддерживать межгосударственные контакты, участвовать в работе неправительственных организаций как внутри страны, так и за рубежом, в том числе заключать с последними двусторонние и многосторонние соглашения (ст. 17, 18). Национальные меньшинства в свою очередь должны соблюдать действующее в стране законодательство, уважать права других лиц, в том числе большинства населения и представителей других национальных меньшинств (ст. 20).

Наблюдение за исполнением данной Конвенции возлагается на Комитет министров Совета Европы, а участники Конвенции периодически представляют полную информацию о законодательных и иных мерах по реализации принципов Конвенции (ст. 24, 25)⁴⁰.

В дополнительном протоколе Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированном Российской Федерацией 5 мая 1998 года (без подписания протокола № 4), статья 3 специально посвящена праву на образование. В ней говорится: «Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечить такое образование и такое обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям»⁴¹.

Сравнительно недавно проблемой защиты прав коренных народов, содействию их соблюдения стал заниматься Европейский Союз (ЕС) – приверженец соблюдения прав человека, демократии и развития. С принятием рабочего документа по поддержке коренных народов (май 1998 год) и резолюции по коренным народам (ноябрь 1998 год), ЕС призвал стран-партнеров по Союзу (их 15) обеспечить «полномасштабное участие коренных народов в проходящих в их стране демократических процессов» с тем, чтобы наследие коренных народов могло служить ресурсом для всей планеты.

Изменяющаяся политическая ситуация на международной арене после Второй мировой войны вносила существенные коррективы в международные нормативно-правовые акты в сфере индивидуальных и коллективных (групповых) прав. Разработка новых международных правовых норм, разрывая межгосударственные барьеры, содействовала укреплению позиций поликультурного и полиязыкового общества в пределах определенных государственных образований. Международное правовое пространство пополнялось все большим числом государств, разделяющих идеи соблюдения коллективных (групповых) прав. Права отдельного государства в сфере прав коренных народов, национальных (этнических) меньшинств и этнических групп, прежде считавшиеся прерогативой только одного государственного образования, оказывались вовлеченными в орбиту международного права и мирового сообщества в целом. Государства, подписавшие такие правовые документы, обязывались соблюдать принятые в мировом сообществе «правила игры».

Одна из существенных черт развития международного правового законодательства состояла не просто в существенном повороте от защиты прав человека к защите коллективных (групповых) прав, а в поисках более тесного сопряжения прав человека с коллективными (групповыми) правами. Международное правовое законодательство последовательно двигалось от общих деклараций и пожеланий к более последовательным демократическим предписаниям и действиям по обеспечению и гарантии сохранения и развития культурно-языковой самобытности народов к принятию конкретных программ по созданию условий, гарантирующих удовлетворение специфических коллективных (групповых) нужд и интересов. Причем, удовлетворение культурно-языковых потребностей народов, национальных (этнических) меньшинств и этнических групп рассматривалось в контексте сохранения ими культурно-языковой целостности как их неотъемлемое право и общечеловеческая ценность.

Международные правовые акты последовательно демонстрировали обеспокоенность мирового сообщества о судьбах коренных народов, национальных (этнических) меньшинств и этнических групп, поскольку те оказались в менее благоприятной социальной и культурной ситуации. Это проявлялось в утрате народами многих черт этнической самобытности, что может в конечном итоге привести к полному их растворению в составе более крупных этнических образований.

Чтобы воспрепятствовать этому, международно-правовые нормы предусматривали предоставление особых прав и принятие государствами специальных мер для сохранения самобытности, наследия и достоинства национальных меньшинств. Среди этих особых мер признаны: право на существование, пользование культурой и языком и их развитие, функционирование школ и других учебных заведений на родном языке, гарантированное представительство в органах власти, право управления своими внутренними делами в области культуры, образования,

⁴⁰ Московский журнал международного права. 1966. № 2. С. 242–250; Статус малочисленных народов России.

⁴¹ Правовые акты. Кн. 2. Составитель В. А. Кряжков. М., 1999. С. 52–59.

информации, социальной сферы и др.⁴² Причем, наделение коренных народов «специальными» правами рассматривается не как привилегия, а как средство обеспечения их равноправного развития, гарантирующее сохранение ими этнической идентичности. Коренные народы и национальные (этнические) меньшинства согласно нормам международного права становились, как и государства, правосубъектными.

Следует также отметить, что если договоры и соглашения подписаны Россией, то она обязана обеспечить гарантированное выполнение их. Согласно статье 15 Конституции РФ, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»⁴³.

Современная этнокультурная политика, в том числе составная ее часть – языковая, не может не учитывать опыта, практики и результатов поиска международного сообщества по защите прав культурно-языковых интересов и потребностей народов, особенно коренных народов и национальных меньшинств.

⁴² Цит. по: Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 358.

⁴³ Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Официальный текст. М., 2002. С. 15.

В ПОИСКАХ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРЕСОВ КАРЕЛОВ, ВЕПСОВ, ФИННОВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ*

Введение

В национальной политике любого государства признание культурно-языкового фактора, удовлетворение этнокультурных и языковых потребностей и интересов того или иного народа по праву считается важным источником развития и условием, обеспечивающим соблюдение принципа межнационального равенства и согласия. Становление и развитие гражданского общества в Российской Федерации, как известно, зиждется на культурном многообразии ее народов. Это многообразие является существенным фактором на пути становления и укрепления общественного и социального единства народов, упрочения позиций демократии. Демократии в том смысле, что права человека и права народов не должны противостоять друг другу, а должны содействовать гармонизации человеческих отношений, обеспечивая политическое, социально-экономическое и культурное единство страны и народов. Перспективы развития РФ и ее субъектов станут намного внятнее, если в движении к гражданскому обществу в едином потоке консолидируются общие принципы демократии и этнокультурная составляющая, многонациональность и поликультурность, чувство гражданственности и этнического самовыражения.

Характерная особенность второй половины 1980-х годов – напряженный интерес к процессам развития общества, бурный всплеск общественно-политической активности, рождение первых гражданских инициатив, среди которых широкий резонанс получила и национальная проблематика. Демократизация общества впервые предоставила возможность по-новому решать проблемы этнокультурного, в том числе языкового развития карелов, вепсов, финнов, языков и их правовой защиты. Соблюдение принципа языкового паритета стало тем пробным камнем, на котором может быть проверено реальное движение к демократии. Реализация принципа языкового равенства виделось в том, чтобы обеспечить народам сохранение родных языков, содействовать их широкому распространению в самых различных сферах общественной жизни. Непременным условием, обеспечивающим нормальное функционирование взаимодействующих языков, рассматривалось правовое регулирование. В общественном сознании хотя и медленно, но последовательно утверждалась мысль, что национальные языки являются действительно общегосударственной ценностью. В то же время, учитывая критическую этноязыковую ситуацию, в которой оказались карелы, вепсы, финны Карелии, было ясно, что без специальных мер, без нового законодательства и иных форм государственной поддержки национальных культур и языков полноценная защита интересов карелов, вепсов, финнов не может быть обеспечена.

Вторую половину 1980-х годов по праву можно считать начальным периодом «языковой революции», временем стремительной активизации национального самосознания народов как движущей силы этнического возрождения, стимулирующей переход к незамедлительным действиям.

Под возрождением понималось возвращение и вовлечение в повседневную жизнь народа востребованных реалиями сегодняшнего дня элементов национальной культуры, языкового наследия, обычаев, традиций, обрядов как основы сохранения, развития и совершенствования народами своей национально-культурной суверенности и индивидуальности. Культурно-языковое возрождение рассматривалось как процесс и составная часть демократических преобразований в сфере правовых взаимоотношений, социальных и экономических изменений в достижении реального равноправия народов. Стратегическая цель ее – последовательное расширение сферы функционирования языков этих народов.

Национальные языки, расцениваемые национальной интеллигенцией как ядро этничности и катализатор интенсивности национального самосознания, национальной консолидации, стали знаменем борьбы за возрождение, сохранение, развитие народами своих языков и культур. Перестройка открыла возможности организационного оформления общественно-политических и национальных движений и организаций, сыгравших неопределимую роль в пробуждении национального самосознания народов, проявляясь в различных типах национализма¹.

* Работа выполнена по заказу Министерства образования Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Русский язык в 2003 году».

¹ О типах национализма см. подробнее: *Smith A. Nationalism in the Twentieth Century. London, 1979; Hall J. A. Nationalisms: Classified and Explained – Reconstruction Nations and States // Deadalus (Summer 1993). Vol. 122, N 3; Геллер Э. Нации и национализм. М., 1992.*

Этническая элита осознавала, что только активная национальная культура, широко используемый национальный язык могут быть мостом, способным связать прошлое, настоящее и будущее. И закономерно, что оборонительный или защитный тип национализма² – осознание опасности утраты народами своей культурно-языковой самобытности – стал доминировать в идеологии прибалтийско-финского общественного движения.

Формирование идеологии защитного национализма тесно связано со становлением и развитием национальных движений в республике, разработкой общих идей, целей и конкретных задач, решение которых позволяло создать условия для возрождения, сохранения, использования и развития карелами, вепсами, финнами своей этнической индивидуальности. Осознавая, что привязанность народов к своему культурно-языковому наследию естественна, прибалтийско-финское общественное движение, прежде всего интеллигенция прилагала огромные усилия в укреплении подорванной веры в перспективы возрождения и развития своих народов. Этноязыковая мобилизация как стратегия, ориентированная на укреплении этничности, защиту этнокультурной и этноязыковой индивидуальности народов, нашла широкий отклик по всей стране, в том числе в среде прибалтийско-финских народов Карелии. Эта идеология была поддержана и значительной частью других национальных движений и политических организаций Карелии, республиканскими и федеральными структурами власти и управления.

Согласно идеологическим представлениям национальной интеллигенции, в числе первоочередных задач культурно-языкового строительства оказались: воссоздание карельской и вепсской письменностей, подготовка первых учебных пособий по родным языкам, становления и развития национальной школы, обучение детей навыкам родной речи, формирование структур власти, защищающих этнокультурные приоритеты карелов, вепсов, финнов, правовое обеспечение нормального функционирования языков.

В результате реализации политики «расцвета и сближения народов» карелы, вепсы, финны Карелии оказались в критическом этнокультурном, этноязыковом, этнопсихологическом положении³.

К концу 1980-х годов в республике сложилась ситуация, когда язык своей этнической общности в массовых масштабах не роднил карела, вепса, финна со своей национальностью и не мог, естественно, обеспечивать межпоколенную этноязыковую преемственность. По данным переписи населения 1989 года национальность и родной язык не совпадали у 52,1 % карелов, 62,5 % вепсов, 65,3 % финнов.

Еще более мощный разрыв между национальностью и родным языком характерен для языковых предпочтений молодежи. Так, в возрасте до 15 лет менее 10 % карелов-горожан родным признали язык своей национальности, среди сельских карелов – около 17 %. На грани полной языковой ассимиляции, а в перспективе и этнического растворения среди других национальностей, оказались вепсы и финны. В возрасте до 20 лет абсолютное большинство (90 % и более) вепсского и финского городского и сельского населения родным языком считали русский язык. Среди сельских финнов только у 4 чел. из 249 национальная принадлежность и родной язык совпадали⁴. С сужением общественных функций языка своей этнической общности он переставал быть средством национально-культурного самовыражения, внутриэтнического сопряжения и ориентиром национального (этнического) самосознания.

² Дробижева Л. М. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994. С. 21–22.

³ См. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 12, 21–22.

⁴ О современной этнокультурной, этноязыковой ситуации в Карелии, демографических «портретах» карелов, вепсов, финнов см. подробнее: Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989; Клементьев Е. И. Карелы. Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991; Бирин В. Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–е–1970–е годы. Петрозаводск, 1992. С. 241–254; Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVI. Карелы. Финны. Проблемы этнической истории (Сб. статей и докладов). М., 1992; Клементьев Е. И. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 41–60; Клементьев Евгений. Республика Карелия. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 14–24, 56–58, 60–69, 74–76, 79–85; Бирин В. Н. Население Карелии в XX веке (формирование этнического состава) // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Материалы Международной научно-практической конференции. 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 2000. С. 106–116; Керп Г. М. Очерки по карельскому языку. Исследования и размышления. Петрозаводск, 2002; Бубриховские чтения: проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. научных статей. Петрозаводск, 2002; Клементьев Е. И. Вепсы: современная этноязыковая ситуация // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 2003. С. 200–210.

Последовательно нарастающим темпам культурной, языковой и этнической ассимиляции сопутствовали существенные сдвиги в демографической структуре карелов, вепсов, финнов. Снижение удельного веса молодых и, напротив, увеличение доли пожилых показывает, что воспроизводство народов последовательно приобретало регрессивный характер. В конце 1980-х годов международный стандарт по доле лиц 60 лет и старше (12 % и более), согласно которому народ считается старым, а естественное воспроизводство невозможным финны и вепсы перекрывали более чем в два раза: среди финнов он равнялся 27,2 %, среди вепсов 27,8 %; среди карелов их было 19,8 %.

В условиях все ограничивающихся возможностей бытования национальных культур и языков довольно широкое распространение получили представления о «непрестижности» вепсской национальности, сомнения и даже неверие в возможности возрождения, сохранения и развития народами культур и языков. Нигилизм сказывался на медлительности обновления мышления. Возрожденческие устремления карелов, вепсов, финнов воспринимались частью населения республики как националистические, направленные на внесение сумятицы и межнациональной розни между народами, хотя на такие оценки и не было веских оснований.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы показать: как формировалась идеология защитного национализма; как поиски путей защиты культурно-языковых интересов карелов, вепсов, финнов отражены в различных документах и материалах; какие возрожденческие задачи удалось решить, какие не удалось и почему.

При написании работы широко используются документы и материалы, собранные при выполнении проекта «Республика Карелия: этнополитическая ситуация (1987–2000)» при участии кандидатов исторических наук В. Н. Бирина, Е. И. Клементьева (рук.), А. А. Кожанова, З. И. Строгальщиковой, опубликованные и неопубликованные документы представительной и исполнительной власти, данные переписи населения 1989 года, исследования различных авторов.

«Опоры» и «вехи» этноязыковой мобилизации (теория и практика)

В числе первых общественно-политических организаций, выступивших на защиту прав коренных народов, за сохранение исторически сложившегося образа жизни, национально-культурной самобытности, получение образования на родном языке, изучение основ этнической культуры в школах был Народный Фронт Карелии⁵.

Первопроходцы начального этапа возрождения – вепсские и карельские учителя ряда сельских школ и детских дошкольных учреждений – за два года до официального утверждения алфавитов начали обучать детей навыкам родной речи (1997 год).

Важную роль в оформлении идеологии защитного национализма сыграли развернувшиеся на страницах республиканских газет и журналов дискуссии по скорейшему восстановлению карельской и вепсской письменности, выбору алфавитов, подготовке учебников и т. д. (рубеж 1980–1990-х годов), огосударствлению языков (1990-е годы). На совещании по вепсам (1988 год), конференции по карелам (1989 год), прошедших в соответствии с решениями ЦК КПСС по проблемам межнациональных отношений в стране, впервые в послевоенной истории республики было открыто заявлено: сегодня вепсам и карелам реально угрожает языковая и этническая ассимиляция. Чтобы на государственном уровне защитить этнокультурные приоритеты народов, был поставлен вопрос об образовании постоянной депутатской комиссии по межнациональным проблемам. В адрес Президиума Верховного Совета республики была высказана просьба: рассмотреть вопрос о статусе карельского языка, статусе территорий с преимущественно коренным населением (карелами, вепсами), принята рекомендация о целесообразности создания при Совете Министров КАССР специального фонда об оказании поддержки по сохранению языков и культур прибалтийско-финских народов Карелии (создан в 1992 году)⁶.

⁵ Анатолий Цыганков. К гражданскому обществу: Демократический союз. Народный фронт Карелии. Социал-демократы. «Зеленые» ... Кто они? К чему стремятся? Петрозаводск, 1991.

⁶ Рекомендации Межведомственного регионального совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1999. С. 163–171; Рекомендации научно-практической конференции «Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР». Петрозаводск, 1998.

Необходимость сохранения и развития народами родных языков была закреплена в уставах и программах прибалтийско-финских общественных организаций: «Ингерманландского союза финнов Карелии» (образован 18 февраля 1989 года), «Общества карельской культуры» (образовано 25 мая 1989 года), позже переименованного в «Союз карельского народа», «Общества вепсской культуры» (образовано 27 июня 1989 года), «Карельского движения» (образовано 28 марта 1991 года), «Ингерманландского народного движения за возрождение» (образовано 2 февраля 1993 года), молодежной организации «Нуори Карьяла» («Молодая Карелия») (май 1993 года), «Карельского конгресса» (образован 26 ноября 1993 года), «Карельской народной партии» (образована 25 апреля 1994 года).

Надежды на культурно-языковое возрождение связывались прежде всего с изучением родных языков в системе школьного и высшего образования. Но было очевидно, что без политики государственного патернализма решить возрожденческие задачи не удастся.

В целях концентрации усилий по сохранению языков, организации учебного процесса Министерство образования республики 13 мая 1998 года издало приказ «О создании единого учебно-методического Совета по учебникам финского, карельского, вепсского языков» в составе 30 чел. На Совет возлагалось рассмотрение и рецензирование проектов программ, рукописей букварей, учебников, методических и учебных пособий по финскому, карельскому, вепсскому языкам. Специальная рабочая группа из 12 чел. занималась введением вепсского языка в школах республики в 1989/90 учебном году⁷.

Чтобы придать национальной школе более динамичное развитие, в феврале 1989 года Министерство образования республики обратилось к Президиуму Верховного Совета КАССР, Карельский областной комитет партии, Совет Министров республики, Государственный комитет СССР по народному образованию с предложением о проведении массовой разъяснительной работы по проблемам изучения и развития карельского и вепсского языков. Изучение их в школе и дошкольных учреждениях предлагалось проводить на добровольной основе. Подготовку учительских кадров предлагалось вести на базе Петрозаводского госуниверситета. Кроме того, министерство намеревалось открыть научно-исследовательскую лабораторию или филиал института национальных школ, а при Карельском институте усовершенствования учителей – кабинет родных языков, при Петрозаводском государственном пединституте – отделение родных языков, при Петрозаводском государственном университете – межвузовскую кафедру родных языков⁸.

В целях сохранения и развития культур и языков, их правовой защиты 28 ноября 1990 года Верховный Совет КАССР принял постановление «О функциях Постоянной комиссии по национальной политике, культуре, языку и охране исторического наследия». В числе функциональных обязанностей комиссии – содействие сохранению языков и культур народов, правовая их защита⁹.

В 1990 году национальными прибалтийско-финскими общественными организациями, Министерством образования, упомянутой выше Постоянной комиссией был поднят вопрос об открытии школы в г. Петрозаводске с изучением карельского, вепсского, финского языков, принятии нормативных актов о внеконкурсном поступлении карелов, вепсов, финнов в Петрозаводский госуниверситет. Такая общеобразовательная школа была открыта постановлением Верховного Совета республики в 1993 году.¹⁰

В конце 1991 года Министерство образования республики направило письмо в Постоянную комиссию Верховного Совета республики по национальной политике, языку, культуре и охране исторического наследия. В нем, в частности, подчеркивалось: «форсировать развитие национальной школы при дефиците преподавательских кадров, без принятия закона о языке, при отсутствии национальных кадров немыслимо». Вновь был поднят вопрос о льготном приеме учащихся коренной национальности на соответствующие отделения Петрозаводского государственного университета и Карельского государственного педагогического института. В этом же письме был поставлен вопрос о целесообразности увеличения оплаты труда учителей и дошкольных работников, обучающихся детей навыкам родной речи, в 2 раза¹¹. Вопрос был решен положительно.

⁷ Архив Министерства образования РК. Д. 02-05. Св. 424. № 3801. Л. 21–23, 26.

⁸ Архив Министерства образования РК. Д. 02-04. Св. 424/3798. Л. 58–60, 61–63.

⁹ Четвертая сессия Верховного Совета Карельской АССР (Двенадцатый созыв) 25–26 ноября 1990 г. // Стенографический отчет. Изд. Верховного Совета Карельской АССР. Петрозаводск, 1992. С. 265.

¹⁰ Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. Петрозаводск, сентябрь–октябрь 1993 г. № 9–10 (33–34). С. 20–21.

¹¹ Собрание законодательства Республики Карелия. № 1 (4). 30 января 1995 г. Ст. 273.

Министерство культуры, обобщив накопленный опыт, подготовило специальный обзор «О состоянии национального творчества в республике в 1985–1990 гг.», «Справку о состоянии карельской культуры», список художественных коллективов. В обзоре, в частности, отмечается усилившийся интерес к национально-культурному наследию народов. Была поставлена задача сохранения народных традиций и их освоения следующими поколениями. Программа возрождения культуры карелов, разработанная на 1991–1993 годы, предусматривала проведение ряда мер по сохранению и развитию культурных традиций карельского народа¹².

4 декабря 1991 года при Совете Министров республики был образован Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям «с целью проведения единой государственной политики в области национального развития и осуществления взаимодействия по этим вопросам между Правительством РК и органами управления на местах». Важнейшими направлениями деятельности Комитета были признаны: содействие всем народам в удовлетворении запросов в сфере образования, сохранении и развитии национальной культуры и народного творчества, использовании СМИ в развитии родных языков и национально-русского двуязычия; изучение проблем подготовки национальных кадров в областях экономики, науки, культуры, других сферах жизнедеятельности населения, выработка совместно с другими государственными органами власти и управления соответствующих предложений для Правительства КАССР¹³.

Для финансового обеспечения мероприятий программы возрождения языка и культуры карелов, вепсов, финнов, Верховный Совет и Совет Министров республики в мае 1992 года приняли постановление о создании Фонда возрождения малочисленных народов¹⁴, который в 1994 году был закрыт и более не возобновлял свою деятельность.

Одним из этапных документов, определяющих начальный период становления национальной школы, пути, темпы и перспективы ее развития, стала «Программа обновления и развития народной школы». Школа в ней рассматривалась как важнейшее звено возрождения, сохранения и развития языков. Программа получила одобрение коллегии Министерства народного образования КАССР (МНО) от 29 ноября 1990 года.¹⁵

Национальная школа рассматривалась как «учебное заведение, отличное от национальных школ других республик, краев и областей, где преподавание ведется на родных языках». Отличие его, учитывая критическое состояние карельского, вепского, финского языков, состояло в том, что по программе основной процесс обучения и воспитания предусматривалось проводить на русском языке. Наряду с этим в процесс воспитания и обучения вводится родной язык как предмет с постепенным расширением его функций.

Важную роль в сохранении и развитии культурно-языковой самобытности прибалтийско-финских народов республики, правовой защите их интересов сыграли постановления Верховного Совета РК о разработке в 1993 году¹⁶ и утверждении 30 января 1995 года государственной «Программы возрождения и развития языка и культуры карел, вепсов, финнов Республики Карелия»¹⁷.

Программа, в частности, предусматривала разработку предложений по организации изучения карельского, вепского, финского языков в ДДУ (такая работа велась стихийно), создание отдела по национальной школе при Министерстве образования (отдел до сих пор не создан), создание отдела по вопросам возрождения и развития национальных культур при Министерстве культуры (отдел до сих пор не создан), создание факультета прибалтийско-финской филологии в Петрозаводском университете (создан в 1992 году).

Осенью 1993 года сотрудниками ИЯЛИ Карельского филиала РАН была подготовлена Концепция возрождения и развития языка и культуры карелов, вепсов, финнов, одобренная постановлением Совета Министров республики от 23 декабря 1993 года. Концепция являлась логическим продолжением Программы обновления и развития национальной школы¹⁸.

¹² Текущий архив Госкомнаца РК.

¹³ НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 5168.

¹⁴ Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. Петрозаводск, 1992. № 5. С. 22.

¹⁵ Программа обновления и развития народной школы в Карельской АССР на 1991–1995 годы. Петрозаводск, 1990. 36 с. Авторы Программы Н. Г. Зайцева, С. П. Пасюкова.

¹⁶ Советы Карелии. 1917–1992. Петрозаводск, 1993. С. 457.

¹⁷ Собрание законодательства РК. № 3 (6). 13 марта 1995 г. С. 110.

¹⁸ НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 5446.

Согласно Концепции, все сферы функционирования языков были разделены на регулируемые (общественно-политическая деятельность, образование, СМИ) и нерегулируемые (семейно-бытовая сфера, сфера хозяйственной деятельности в отраслях традиционного производства). В национально-территориальных образованиях языковому регулированию подвергалась также сфера делопроизводства.

На законодательные и исполнительные органы власти и управления возлагалась разработка и реализация программ возрождения, сохранения, использования и развития культурно-языкового наследия народов.

На основе Концепции Госкомнацем республики была разработана специальная Программа. Главная цель ее – создание реальных условий для удовлетворения этнокультурных потребностей карелов, вепсов и финнов Карелии при сохранении сложившейся социально-экономической и культурно-исторической интеграции проживающих в ней народов. Программа была рассчитана на 1995–1996 годы с последующим ее продлением.

Принятие Программы открывало новые перспективы – надежду на массовое усвоение навыков родной речи молодым поколением карелов, вепсов, финнов. Юридическое обеспечение программы предполагалось осуществить принятием Закона «О языках в Республике Карелия».

Ожидаемый результат Программы, в отличие от Концепции, определен довольно расплывчато: «создание определенной базы для функционирования родных языков и культуры карелов, вепсов и финнов Карелии как необходимого условия реализации ими своих конституционных прав на свободное этническое развитие и сохранение самобытных этносов»¹⁹.

Несмотря на ряд осуществленных мер, национальная школа продолжала развиваться медленно. По мнению большинства учителей, без увеличения числа часов на изучение родного языка, а также перехода на изучение ряда предметов на нем перспективы нормального функционирования школы весьма проблематичны²⁰.

В апреле 1997 года Госкомнац известил Палату Республики Законодательного Собрания РК о том, что в текущем году планируется подготовка Концепции государственной национальной политики РК, разработка плана мероприятий по ее реализации. В 1997 году предстояло разработать Программу развития финно-угорской школы республики на 1997–2000 годы, создать авторский коллектив по разработке общеобразовательных стандартов по карельскому, вепсскому и финскому языкам и др.

Значительное внимание уделялось вопросам правовой защиты культурно-языковых прав народов. Этим вопросам была посвящена научно-практическая конференция «Международное право, национальное законодательство Российской Федерации и ее субъектов по проблемам малочисленных народов и национальных меньшинств, Международная научно-практическая конференция по проблемам языков и культуры коренных малочисленных народов РК, посвященная 50-летию отделения финского языка и литературы ПГУ. Ряд мероприятий планировалось провести в сфере культуры»²¹.

В начале 1997 года была разработана Концепция развития финно-угорской школы (автор д. ф. н. Н. Г. Зайцева), одобренная постановлением председателя правительства республики от 25 апреля 1997 года.²²

Финно-угорская школа рассматривается как «основное звено в возрождении и развитии языков и культуры карелов, вепсов, финнов. Она призвана, с одной стороны, воспитывать у учащихся чувство принадлежности к родному народу, сопричастности к его языку и культуре, традициям и обычаям и, с другой стороны, должна сформировать и распространять идеи духовного единства, дружбы народов, межнационального согласия и российского патриотизма».

Школа характеризуется как «общеобразовательное учреждение со смешанным национальным контингентом учащихся, расположенное в местах компактного проживания карелов, вепсов и финнов, в содержании образования которого в рамках национально-регионального компонента присутствует изучение языка, культуры, истории, быта и традиций указанных народов, а организация образовательного процесса строится с учетом интересов этносов».

¹⁹ Собрание законодательства РК. № 3 (6). 13 марта 1995 г. С. 111–115.

²⁰ Текущий архив Министерства образования, Госкомнаца РК. Личный архив автора.

²¹ Текущий архив Госкомнаца РК.

²² Собрание законодательства Республики Карелия. № 6. 27 июня 1997 г. Ст. 640. С. 121–126.

Повторы ряда положений Концепции развития финно-угорской школы и Программы развития национальной школы в 1991–1995 годах были связаны, очевидно, с замедленной реализацией программы развития национальной школы.

Развивая региональную систему образования, Министерство образования республики исходило из принципа создания «равных возможностей в получении образования для всех народов, проживающих на территории республики». По этой причине, оказывающей положительное воздействие на развитие финно-угорской школы, уточнение ее статуса, гарантирующей кадровое, финансовое и материально-техническое обеспечение, национальные общественные организации, Госкомнац республики, Министерство образования неоднократно подчеркивали целесообразность принятия Закона РК «О языках».

26 марта 1998 года состоялись парламентские слушания, посвященные выполнению федеральных и республиканских Законов «Об образовании» и «О культуре» в части положений по возрождению.

Отметив позитивные моменты по исполнению этих законодательных актов, депутаты Законодательного Собрания РК подчеркнули, что работа по реализации федеральных законов, Законов РК «Об образовании», «О культуре», Программы возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов «проводилось не на должном уровне». В числе причин невыполнения в полном объеме законодательных и нормативных актов названы: недостаточное и нестабильное финансирование (в 1995–1996 годах выделено 30–40 % планируемых средств, 1997 году – значительно меньше), использование средств не по назначению, несвоевременная подготовка Концепции развития национальной школы, отсутствие Закона Республики Карелия «О языках».

Законодательному Собранию и Правительству республики рекомендовалось принять закон о правовом статусе карельского и вепсского языков, определить сферы их функционирования, разработать меры государственной поддержки по их возрождению и развитию. Председателю Правительства республики поручалось разработать и утвердить Концепцию национальной политики Республики Карелия (Концепция до сих пор не принята). На реализацию Программы возрождения и развития языков и культур карелов, вепсов и финнов в республиканском бюджете предусматривалось ежегодное выделение средств. Председатель правительства республики должен был ежегодно представлять парламентариям доклад о ходе выполнения республиканской программы развития национального образования. Рекомендациями предписывалось создание при Председателе правительства республики Совета по проблемам национального образования (Совет не создан), при Госкомнаце республики – термино-орфографической комиссии (образована в 1999 году). Специальную финансовую поддержку должны были получить республиканские редакции радио и телевидения, издательство «Периодика» и Национальный театр, ведущие работу на карельском, вепсском и финском языках. Был поставлен вопрос об открытии на базе факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского государственного университета специальности «журналистика» (не открыта).

21 июня 1999 года Председатель Правительства РК подписал постановление «О мерах по совершенствованию обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия».

На Министерство образования и по делам молодежи республики возлагались: доработка проекта республиканской программы этнокультурного образования на 1999–2000 годы, разработка Положения об образовательной школе с национальным (этнокультурным) компонентом с утверждением его перечня, разработка проектов национально-региональной компоненты образовательного стандарта для основного общего образования, формирование авторских коллективов по подготовке учебников по языкам, создание научно-методического совета по проблемам преподавания карельского, вепсского и финского языков, определение временного республиканского реестра родных, иностранных и иных языков обучения в общеобразовательных учреждениях республики.

Государственному комитету РК по национальной политике в очередной раз предписывалась подготовить проекта Закона «О языках в Республике Карелия» (до 1 января 2000 года). В общей форме излагались рекомендации о содействии в изучении карельского, вепсского и финского языков, в удовлетворении культурных потребностей карелов, вепсов, финнов, проживающих в РФ за пределами Карелии, расширению функционирования карельского и вепсского языков, сохранению самобытности карелов, вепсов, финнов.

В целях реализации постановления предусматривалось выделение необходимых средств. Контроль за выполнением постановления возлагался на Министерство образования и по делам молодежи республики²³.

В соответствии с этим решением в 1999 году было разработано Положение об общеобразовательной школе с этнокультурным финно-угорским компонентом «в целях сохранения этнической самобытности карелов, вепсов и финнов, развития их родного языка и культуры, реализации национально-культурных прав коренных многочисленных народов Республики Карелия».

Приказом Министерства образования и по делам молодежи от 1 августа 1999 года было утверждено Положение об общеобразовательной школе с этнокультурным финно-угорским компонентом и перечень таких школ (16 школ).

На Карельский республиканский институт повышения квалификации в срок до 1 ноября 1999 года возлагалась подготовка Программы научно-методического обеспечения базовых школ²⁴.

12 сентября 2001 года постановлением Правительства РК были утверждены «Мероприятия по национальному развитию и межнациональному сотрудничеству в Республике Карелия на 2002–2005 годы».

Приоритетами признаны: развитие языков и культуры карелов, вепсов, финнов; развитие национальной школы; развитие национально-культурных объединений; просвещение граждан «по части культурного многообразия и единства жителей Карелии, России, других стран»; «формирование чувства патриотизма и духовного единства на основе общности исторических судеб народов, интегрированных в единую этносоциальную общность россиян». Главный акцент в мероприятиях по-прежнему сделан на сферу образования, прежде всего через расширение сети национальных школ, увеличение числа учащихся, изучающих карельский, вепсский и финский языки.

Одна из заметных особенностей мероприятий прослеживается в декларативности ряда положений и заявлений. Так, среди целей и задач, содействующих сохранению карелов и вепсов как «уникальных самобытных этносов мирового сообщества», мероприятия предусматривают поддержку и развитие их языков и культур, «а также традиционного жизненного уклада в соответствии с международными нормами и принципами» (!?); «восстановление и сохранение этнокультурной среды в местах их компактного проживания» (!?); «возрождение и развитие традиционных отраслей хозяйства, народных промыслов и ремесел» (!?). Решение этих проблем нереально без специальных общереспубликанских программ, которых сегодня в республике в настоящее время нет. В бюджете республики на эти цели, требующие огромных финансов ресурсов, средства не предусмотрены. Одна из задач мероприятий предусматривает «обеспечение реальных условий для удовлетворения этнокультурных интересов и потребностей проживающих в республике народов в соответствии с особенностями духовного и культурного развития Карелии и России»²⁵.

Памятуя о том, что в условиях языковой ассимиляции особую роль в сохранении карельского языка должна играть школа, 28–29 ноября 2001 года состоялась научно-практическая конференция «Карельский язык в школе. Проблемы и перспективы развития»²⁶.

Проект национально-регионального компонента образовательного стандарта и Программу по карельскому языку для начальной школы должен был в 2001/2002 учебном году апробировать Карельский институт повышения квалификации. В основу проекта был положен государственный образовательный стандарт по иностранным языкам.

Проект «Родной язык и словесность» предусматривал обязательное изучение родных языков в образовательных учреждениях, расположенных в местах компактного проживания карелов и вепсов. На изучение родного языка в 1–3 классах выделялось 3 часа, в 4 классе – 4 часа, включая изучение литературы. Цель обучения навыкам родной речи – «практическое владение учащимися изучаемым языком», т. е. умение читать, писать, вести диалог²⁷.

²³ Собрание законодательства Республики Карелия. № 6. июнь 1999 г. Ст. 885; Родные языки в школе. Вып. 1. Петрозаводск, 2001. С. 9.

²⁴ Текущий архив Министерства образования РК.

²⁵ Собрание законодательства Республики Карелия. № 6. июнь 1999 г. Ст. 885; Родные языки в школе. Вып. 1. Петрозаводск, 2000.

²⁶ См. подробнее: Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков. Материалы научно-практической конференции 21 ноября 2002 года. Петрозаводск, 2004. 170 с.

²⁷ Родные языки в школе. Научно-методический сб. Вып. 2. Петрозаводск, 2001. С. 6.

31 октября – 1 ноября 2002 года в г. Петрозаводске состоялась Международная научно-практическая конференция «Состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия»²⁸.

Участники конференции признали, что принятие «Программы возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов», программы «Финно-угорская школа в Республике Карелия на 2000–2002 годы», постановления «О мерах по совершенствованию обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия» «создали условия для *частичного* (выделено мной – Е. К.) функционирования родных языков».

В целях совершенствования правовой базы, создания более благоприятных условий для развития этих языков конференция, в частности, рекомендовала: «Просить Главу Республики Карелия в 2003 году внести в Законодательное собрание Республики Карелия Проект Закона „О языках народов Республики Карелия“».

В адрес Министерства образования в очередной раз высказывалось пожелание о создании самостоятельного отдела по вопросам развития национальной школы. Выступающие на конференции подчеркивали: при ограниченном числе часов, отводимых на изучение родных языков (2–3 часа в неделю), школа не способна обеспечить сохранение родных языков. Тем не менее по настоянию министра образования республики в рекомендации включено положение о том, что школа обеспечит изучение родных языков в объеме не менее трех часов в неделю. Министерству культуры республики вновь рекомендовалось создать отдел по вопросам национальной культуры карелов, вепсов, финнов.

Законодательная защита культурно-языковых интересов карелов, вепсов, финнов Республики Карелия

Наряду с федеральными правовыми актами (Конституцией РФ, Законами РФ «О языках народов Российской Федерации», «О национально-культурной автономии», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», указами Президента РФ, постановлениями палат Федерального Собрания РФ, договорами и соглашениями о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и субъектом Федерации и т. д., а также международным законодательством), культурно-языковые интересы карелов, вепсов, финнов защищаются рядом законов РК.

Закон «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Советов в Республике Карелия»

Первым постперестроечным законодательным актом, защищающим культурно-языковые и иные приоритеты прибалтийско-финских народов Карелии, стал принятый постановлением Верховного Совета РК 22 ноября 1991 года настоящий закон. Введение его в действие означало прорыв в защите культурно-языковых прав карелов, вепсов, финнов²⁹.

В соответствии с Законом «О референдуме в Карельской АССР» (принят шестой сессией Верховного Совета КАССР 24 апреля 1991 года) национально-территориальные образования формировались на основе добровольного волеизъявления постоянно проживающего на данной территории населения (ст. 2).

Национально-территориальные единицы создавались «с целью сохранения среды обитания, возрождения и развития национальной культуры и языка, традиционных промыслов и ремесел, удовлетворения духовных запросов и создания условий для стабильного социально-экономического развития коренных малочисленных народов (карелов и вепсов) и финнов в местах их компактного проживания» (ст. 1). Закон допускал создание национально-территориальных образований так же в случае, если национальные группы этих народов не составляли большинства населения данной территории.

Закон запрещал прямое или косвенное ограничение прав и свобод граждан по признаку национальной принадлежности, языка, рода и характера занятий, отношения к религии и другим обстоятельствам (ст. 6).

К дополнительным полномочиям, делегируемым национальным образованиям, были отнесены: содействие возвращению на территорию Совета лиц из числа коренного населения из других

²⁸ Текущий архив Госкомнаца РК.

²⁹ Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. № 2 (14), февраль 1992. Ст. 256, 257.

районов, а также установление для них, кроме льгот, предусмотренных действующим законодательством, дополнительных льгот из собственных фондов; право использования в деятельности местных органов власти и управления, предприятий, учреждений и организаций наряду с русским языком языков народов, в интересах которых создавались национальные районы, поселковые и сельские Советы и обращаться на этих языках в органы государственной власти и управления РК; право определять перечень должностных лиц, местных органов власти и управления, населенных пунктов, объектов хозяйственного и социально-культурного назначения, наименования которых могут обозначаться на языках, принятых в делопроизводстве национальных районов, сельских и поселковых Советов; право для сохранения национальных архитектурных традиций согласовывать проекты планировки и застройки населенных мест. В области внешнеэкономического сотрудничества и побратимских связей в число дополнительных полномочий входило право устанавливать прямые связи и подписывать соответствующие соглашения с представителями и организациями иностранных государств по вопросам социально-экономического, культурного сотрудничества, туризма и спорта (ст. 9). Для обеспечения полномочий национальных районных, национальных поселковых и сельских Советов и их администраций Советом Министров РК создавался общественно-государственный Фонд национального возрождения малочисленных народов за счет бюджетных и внебюджетных отчислений (ст. 10).

Законом выделены сферы, через которые государству следовало осуществлять меры по сохранению и развитию этнокультурной самобытности народов (культура, культурные связи, образование и др.).

В области народного образования закон обязывал проводить организацию детских дошкольных учреждений, где воспитание велось бы на национальных языках, или открывать классы (группы) с преподаванием родного языка как предмета. На школу возлагалось предоставление возможности изучения истории народов, их культуры, обычаев и традиций. Закон предписывал обеспечение школ учебными пособиями, педагогическими кадрами, владеющими национальными языками, знанием народной культуры.

В области культурных связей: установление и развитие связей с родственными национальностями образованиями, государствами и культурно-просветительскими организациями; разработку единых республиканских программ по развитию языков и культур малочисленных народов.

Решение об упразднении национального Совета принимал Верховный Совет РК исключительно по итогам референдума, в котором принимало участие население, постоянно проживающее на его территории (ст. 13).

Закон утратил силу в связи с внесением изменений и дополнений в Конституцию РК. По этому закону в республике образовывались административно-территориальные единицы и национальные муниципальные образования³⁰.

Закон Республики Карелия «О культуре»

В республиканском Законе «О культуре», состоящем из 10 разделов и 51 статьи (принят 21 декабря 1994 года, введен в действие с 25 января 1995 года), была предпринята очередная попытка ликвидации правовых лакун по защите культурно-языковых интересов народов Карелии³¹.

Принятие закона, дающего мощный импульс культурно-языковому развитию прибалтийско-финских народов Карелии, означало признание равного права народов, независимо от их численности, фонда культурного наследия, развитости профессиональной культуры, наличия письменной традиции и т. д., на создание условий, поддерживающих и развивающих их национально-культурную самобытность.

Специальный III раздел закона посвящен правам и свободе народов и национальных групп в области культуры. Статья 14 провозглашает «равное достоинство культур народов и национальных групп, их прав и свобод в области культуры», как составную часть культуры народов РФ, право народов и этнических групп на сохранение и развитие национально-культурной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной среды обитания. В законе оговаривается, что РК «гарантирует условия

³⁰ Закон «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Совета в Республике Карелия» утратил силу решением Председателя Правительства РК от 15.06.2001 г. см.: Собрание законодательства Республики Карелия. № 3, март 2003. Ст. 207.

³¹ Там же. № 2 (5). 1995. Ст. 294.

для сохранения и восстановления национально-культурной самобытности малочисленных коренных народов Республики Карелия (карелов, вепсов) через подготовку и реализацию республиканских и государственных программ, обеспечивающих их национально-культурное развитие» (ст. 15).

Свободную реализацию культурной самобытности других народов республики закон защищает через право на создание национально-культурных автономий. По закону культурные центры, национальные общества и землячества наделялись правом разрабатывать и представлять в органы государственной власти предложения о сохранении и развитии национальной культуры, проводить фестивали, выставки и другие мероприятия, правом содействовать организации национального краеведения, правом охраны национальных исторических и культурных памятников, правом создания этнографических и иных музеев, создания национальных клубов, студий, коллективов искусства, правом организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению родных языков и т. д. (ст. 16).

В 1998 и 2002 годах в Закон «О культуре» были внесены изменения и дополнения, некоторые статьи (ст. 1, 2, 18, 28, 32, 33, 38, 41, 43, 49) были сняты. Статьи, защищающие культурно-языковые приоритеты карелов, вепсов, финнов, остались³².

Закон Республики Карелия «Об образовании»

Закон принят Палатой Республики 14 февраля 1997 года.³³

По закону основы языковой политики в области образования регламентируются Законом РСФСР «О языках народов Российской Федерации» и законодательством РК о языках (ст. 6), которого еще не существовало. Изучение русского языка как государственного языка РФ определяется государственными образовательными стандартами. В то же время РК брала на себя обязательства по созданию условий для получения основного общего образования на родном языке для представителей коренных и малочисленных народов, а также на выбор языка обучения для представителей других национальных групп в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Язык обучения закреплялся уставом образовательного учреждения (там же).

В компетенцию Председателя Правительства республики в области образования были включены: разработка и реализация республиканской программы образования с учетом национальных и региональных социально-экономических, экологических, культурных, демографических и других особенностей республики, а также информационное, методическое обеспечение образовательных учреждений в местах компактного проживания карелов и вепсов за пределами РК (ст. 7).

Среди общих требований, предъявляемых к содержанию образования, имелись положения, предписывающие поддерживать толерантные взаимоотношения между людьми, народами и социальными группами, терпимость к представителям различных национальностей на основе свободы мнений и убеждений, принципов (ст. 14).

В Закон «Об образовании» изменения вносились в 1999, 2000, 2001 и 2002 годах.³⁴ В 2002 году была предпринята попытка исключить часть ст. 6. Благодаря усилиям председателя Общества вепской культуры З. И. Строгальщиковой положения, защищающие языковые интересы народов, были восстановлены в законе.

Конституция Республики Карелия 2001 года

Принятая первым съездом народных депутатов Декларация о государственном суверенитете (12 июня 1990 года) положила начало развитию новой российской государственности. Значительное место в расширении прав субъектов федерации заняли вопросы языкового суверенитета. В Конституциях большинства из них государственными языками наряду с русским языком провозглашались языки титульных народов.

В РК вплоть до 2001 года действовала Конституция 1978 года. В нее неоднократно вносились поправки: в связи с преобразованием Карельской АССР в Республику Карелия, изменением республиканской символики, принятием союзного и федеративного договора, республиканского Закона

³² Закон «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Совета в Республике Карелия» утратил силу решением Председателя Правительства РК от 15.06.2001 г. см.: Собрание законодательства Республики Карелия. № 7. Ст. 502. 2002. Ст. 585.

³³ Там же. № 4. 1997. Ст. 356.

³⁴ Собрание законодательства Республики Карелия. № 11. 1999. Ст. 1453; № 1. 2000. Ст. 3; 2002. Ст. 579.

«О недрах», Закона «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Советов Республики Карелия» и т. д. Карелия оставалась едва ли не единственным субъектом федерации, в котором вопрос огосударствления языков на правовой основе долгое время оставался открытым. Во всех Конституциях республики, принятых в советское время, декларировалось право обучения в школах на родном языке. Фактически же обучение велось на русском, а также в течение многих лет с некоторыми перерывами на финском языке³⁵.

2000–2001 годы вновь стали временем активного вовлечения этноязыкового фактора в общественно-политическую жизнь республики. Это оживление было связано с разработкой и принятием новой Конституции (Основного Закона) РК.

2 февраля 2000 года для всенародного обсуждения был опубликован первый вариант проекта Конституции (Основного Закона) РК, внесенный в порядке законодательной инициативы Председателем Правительства республики С. Л. Катанандовым³⁶.

Статья 11 определяла общий подход к проблеме огосударствления языков: «Республика Карелия вправе устанавливать свои государственные языки». Согласно ст. 19, п. 2 проекта Конституции, каждому жителю республики гарантировалось равенство прав, свобод и обязанностей человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, пола, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

19 октября 2000 года Палата Представителей Законодательного Собрания РК приняла во втором чтении проект Закона Республики Карелия «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Республики Карелия». Решением Палаты Представителей проект Конституции предлагалось доработать до 16 ноября 2000 г. с учетом поступивших предложений³⁷.

Общественное движение «Карельский конгресс», возмущенное ограниченностью статей, защищающих права прибалтийско-финских народов республики, сразу после решения Палаты Представителей распространило Меморандум. В нем выражался решительный протест по проекту Конституции. Русскоязычное большинство парламента обвинялось в том, что они «не осознают, в каком безысходном положении оказалась наша национальная республика и ее коренные народы». По мнению лидера «Карельского конгресса» А. Григорьева, если в Конституции не будет ничего карельского, «то и де-факто и де-юре перестанет существовать Республика Карелия». В связи с этим «Карельский конгресс» поднял вопрос о доверии властям республики, «которые не могут или не хотят защищать конституционные интересы прибалтийско-финских народов республики». Отсюда делался скоропалительный вывод о том, что, якобы, «в Карелии ныне проводится фактически антикарельская политика», при которой карелы, вепсы и финны «оказались в положении униженных и оскорбленных». «Карельский конгресс» пригрозил депутатам, что в связи с нарушением прав и интересов прибалтийско-финских народов, он намерен добиваться обжалования принятых решений в судах РФ и международных судах³⁸.

Языковая статья осталась в прежней редакции – «Республика Карелия вправе устанавливать свои государственные языки». Специальная 21 статья посвящалась мерам правовой защиты культурно-языковых интересов карелов, вепсов, финнов: «В Республике Карелия осуществляются меры по возрождению, сохранению и свободному развитию коренных малочисленных народов, проживающих на ее территории».

³⁵ См. подробнее: *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Препринт. Петрозаводск; *Вихавайнен Тимо.* Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920-е–1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой. Изд-во Петрозаводского университета, 1998. С. 15–41; *Антикоски Эса.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы. Там же. С. 207–222; *Юрий Килин.* Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 139–145; *Строгальщикова З. И.* Вопросы языковой политики в Конституциях Республики Карелия // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Материалы Международной научно-практической конференции. 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 2000. С. 161–167; *Клементьев Е. И.* Республика Карелия: штрихи к этнополитическому портрету (история и современность) // Этнопанорама. № 1. Оренбург, 2002. С. 48–59.

³⁶ Карелия. 2000. 2 февраля.

³⁷ Карелия. 2000. 25 октября.

³⁸ Текущий архив Госкомнаца РК.

Неудовлетворенные состоянием правовой защиты национально-культурных интересов, но особенно разрешением языковой проблемы, Совет уполномоченных съезда карелов, активисты «Союза карельского народа», «Карельского конгресса», «Общества вепсской культуры», «Ингерманландского союза финнов Карелии» совместно с представителями Госкомнаца республики накануне третьего обсуждения проекта Конституции (13 ноября 2000 года) вновь обратились к председателю правительства республики С. Л. Катанандову с предложением поддержать разработанные ими дополнительные «национальные поправки» и внести их в проект Конституции³⁹.

Языковая статья была предложена в редакции: «Государственными языками Республики Карелия являются русский и карельский языки. Порядок использования карельского языка определяется законом Республики Карелия. В Республике Карелия народам, проживающим на ее территории, гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

Предложенная формулировка снимала вопрос о немедленном использовании карельского языка как государственного. Его использование «растягивалось» во времени и увязывалось с принятием иных законодательных актов, регулирующих его функционирование как государственного языка. Утверждение статьи в такой редакции означало принятие важного для республики и карельского народа политического решения⁴⁰. Определенную сумятицу при обсуждении языковой статьи внес лидер «Карельского конгресса» А. Григорьев. Будучи сторонником огосударствления финского языка, но не желая открыто противодействовать огосударствлению карельского языка, он выступил с оригинальной, но весьма туманной поправкой: «Государственными языками Республики Карелия являются русский и один из прибалтийско-финских языков. Употребление национального государственного языка Республики Карелия осуществляется на основе Конституций Российской Федерации и закона Республики Карелия». Полностью ввести данную поправку предполагалось через двенадцать лет после принятия настоящей Конституции⁴¹.

Особенно бурные дебаты по огосударствлению карельского языка развернулись во время четвертого обсуждения проекта Конституции. В какой-то момент казалось, что государственное двуязычие в республике может быть введено. Однако возобладала иная точка зрения. По предложению депутата М. Баранова (ЛДПР), выступившего с законодательной инициативой при четвертом обсуждении проекта Конституции, получившего активную поддержку депутатов-коммунистов, статья 11 была принята в формулировке: «Государственным языком в Республике Карелия является русский». И далее: «Республика Карелия вправе устанавливать другие государственные языки на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума»⁴².

Закон РК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Республики Карелия», принятый Палатой Представителей, одобренный Палатой Республики Законодательного Собрания РК в начале февраля 2001 года и подписанный Председателем Правительства Республики Карелия С. Л. Катанандовым, 12 февраля 2001 года вступил в силу⁴³.

Принятие Госдумой 15 ноября 2003 года поправки к Закону «О языках народов РФ» о переводе всех государственных языков субъектов РФ на кириллицу вызвало в республике широкий общественный резонанс. О последствиях решений, признанных необдуманными, заговорили по радио, о них писали в газетах, говорили в выступлениях по телевидению, на пресс-конференциях, встречах активистов национальных общественных объединений и т. д. Введение кириллицы для государственных языков расценивалось как очередной шаг и целенаправленная политика Центра на пути создания унитарного государства, ущемляющая права субъектов федерации. Центр обвинялся в том, что якобы такими действиями он нарушает ст. 68 Конституции России, согласно которой «Республики вправе устанавливать свои государственные языки».

³⁹ Текущий архив Совета уполномоченных съезда карелов.

⁴⁰ Текущий архив Миннаца РК.

⁴¹ Там же.

⁴² Карелия. 2001. 15 февраля.

⁴³ Там же.

Особенно резко против кириллической поправки возражали языковеды, усматривая в этом решении проведение вначале лингвистической ассимиляции, за которой последует, очевидно, этническая. Они глубоко убеждены в том, что на кириллической основе невозможно передать фонетические особенности прибалтийско-финской речи из-за непригодности к ней кириллицы. Высказывалась обеспокоенность, что с переходом на кириллицу будет уничтожена тринадцатилетняя работа, связанная с возрождением карельской и вепсской письменности, созданием букварей, учебно-методической литературы и в целом с развитием национальной школы. По мнению зам. Председателя Госкомнаца Республики Карелия Т. С. Клееровой, «выбор алфавита не может регулироваться правовыми нормами».

Казалось бы, что принятое Госдумой и подтвержденное Президентом страны В. В. Путиным решение о кириллической поправке не касается Карелии, где государственным языком согласно Конституции признан русский язык. Однако с введением кириллической основы для государственного языка карельский язык в обозримой перспективе не может претендовать на статус государственного языка.

20 января 2003 года Главой республики С. Л. Катанандовым в адрес Законодательного Собрания РК был направлен ряд поправок в Конституцию республики, в том числе поправка к языковой статье. Предлагалось ст. 11 изложить в редакции, полностью соответствующей федеральному законодательству: «Государственным языком в Республике Карелия является русский язык. Республика Карелия вправе устанавливать свои государственные языки». Вторую часть предложения – «на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума» – предлагалось исключить. Однако парламентарии не согласились с таким предложением, оставив языковую статью без изменения. Статья 11 по-прежнему остается в противоречии со ст. 43 п. 3, по которой, в частности, наиболее важные законодательные акты, среди которых и закон о государственном языке, парламент принимается «не менее чем двумя третями от установленного числа депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия». Иными словами, парламентарии оставили за собой право отменить итоги референдума.

В поисках законодательной защиты языков

Впервые проблема придания карельскому, вепсскому, финскому языкам статуса регионального языка (языка национального меньшинства, миноритарного языка) была озвучена зам. председателя Госкомнаца республики Т. С. Клееровой на Международной научно-практической конференции «Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации», состоявшейся в г. Петрозаводске 6 июня 2000 года.⁴⁴

Важнейшая задача проекта закона о региональных языках заключалась в том, чтобы «упорядочить применение региональных миноритарных языков в республике, добиться их современного звучания, расширения функций применения». В числе сфер, подверженных правовому регулированию, названы: язык опубликования законов и иных правовых актов, язык подготовки и проведения референдумов, язык работы государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, предприятий, учреждений, язык официального делопроизводства, официальной переписки, язык наименований географических объектов, язык воспитания и обучения⁴⁵.

В статье утверждается, что понятие «региональный язык», используемое в проекте закона, соответствует международным стандартам, в частности, Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств и Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств⁴⁶. С этой посылкой автора трудно согласиться. По Хартии к региональным языкам и языкам меньшинств отнесены языки, традиционно используемые как средство общения на территории государства гражданами этого государства, которые образуют группу, меньшую в численном отношении, чем остальное население данного государства. Карелы, вепсы, финны, проживающие в Карелии, действительно, меньшие по численности этнические образования, но не все они национальные меньшинства. Хартия допускает использование региональных языков в деятельности органов власти,

⁴⁴ Клеерова Т. С. Законопроект как способ решения языкового вопроса в Республике Карелия (реальная практика и перспективы развития) // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 168–175.

⁴⁵ Там же. С. 174.

⁴⁶ Там же. С. 170.

но только на строго ограниченных территориях («где проживает достаточное число носителей региональных языков»), только в рамках региональной или местной администрации⁴⁷.

В отзыве Министерства юстиции республики на второй вариант проекта закона отмечалось, что использование понятия «региональный язык» нецелесообразно из-за недопущения смешения данного термина с понятием «государственный язык субъекта РФ», поскольку РК, как и другие субъекты РФ, в федеральных нормативных актах именуется как «регион Российской Федерации». Указано и на то, что РФ Хартия не ратифицирована и не может применяться на ее территории⁴⁸.

Судя по функциональной нагрузке на региональные языки в различных сферах общественно-политической жизни, они, по существу, наделяются статусом государственного языка. Территория их официального использования не отдельное муниципальное образование или район компактного расселения того или иного народа, а вся Республика Карелия.

Стороны, ратифицировавшие Рамочную Конвенцию, признавая особое положение нацменьшинств, обязаны сохранять основные элементы самобытности национальных меньшинств и воздерживаются от любых действий, направленных на их ассимиляцию (ст. 4, 5).

Рамочная Конвенция признает право за национальным меньшинством изучать свой язык или получать образование на нем в случае достаточной потребности в этом, в рамках образовательных систем (ст. 14). Предусматривается принятие мер «в области образования и научных исследований с целью поощрения знания культуры, истории, языка и религии как своих национальных меньшинств, так и большинства населения» (ст. 12). Но Рамочная Конвенция не регламентирует использование языка национального меньшинства в тех или иных сферах и не определяет, каков должен быть уровень знания национальным меньшинством своего языка⁴⁹.

Ссылка на Рамочную Конвенцию неправомерна и потому, что к национальным меньшинствам (малочисленным народам) относятся в соответствии с федеральным законом только вепсы Республики Карелия и Ленинградской области, а проект закона посвящен трем народам – карелам, вепсам и финнам. Республиканское законодательство действительно делало исключение, относя, наряду с вепсами, карелов и финнов к коренным малочисленным народам. С утверждением списка коренных малочисленных народов РФ использование этого термина применительно к карелам и финнам некорректно.

Попытка втиснуть в законопроект о региональном языке положения, придающие такому языку статус государственного языка, вполне объяснима. Напомню, что 23 июня 2001 года состоялся четвертый съезд карелов. На обсуждение участников съезда было предложено три варианта решения языковой проблемы в республике: добиваться огосударствления карельского языка, наделить карельский, вепсский и финский языки статусом, приближающимся по объему функций к региональному статусу языка, основываться и в дальнейшем на постановлениях и распоряжениях исполнительной власти, Председателя Правительства Республики Карелия по решению культурно-языковых проблем карелов, вепсов, финнов.

Призыв принять одно из этих трех предложений не был поддержан участниками съезда. Съезд принял компромиссное решение: «Просить депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия внести в Конституцию Республики Карелия статью о придании карельскому языку статуса второго государственного языка и ускорить принятие Закона Республики Карелия о языках» Под законом о языках подразумевалось принятие закона о региональном языке⁵⁰.

В январе–апреле 2003 года состоялось обсуждение четырех вариантов проекта закона о языках, подготовленных Госкомнацем РК. Ниже дается характеристика основных положений последних двух версий языкового законопроекта.

⁴⁷ Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств // Статус малочисленных народов России: Правовые акты. Кн. 2 / Составитель В. А. Кряжков. М., 1999. С. 59–74. Неофициальный перевод. С. 59–74. Хартия вступила в силу 1 марта 1998 г.

⁴⁸ Характеристику первых двух вариантов проектов закона см.: Клементьев Е. По следам языкового законодательства // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 48. март–апрель 2003. С. 20–23.

⁴⁹ Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств // Статус малочисленных народов России. Правовые акты. Книга вторая. М., 1999. С. 52–59. Конвенция ратифицирована Российской Федерацией 18 июля 1998 г.

⁵⁰ Текущий архив Госкомнаца РК.

Согласно ст. 1 проекта Закона «О правовом статусе карельского, вепсского, финского языков в Республике Карелия» (по состоянию на июнь 2003 года), карельский, вепсский, финский языки предлагалось использовать наряду с государственным языком в сферах образования, культуры, СМИ, деятельности органов государственной власти, организаций, предприятий и учреждений, органов местного самоуправления без уточнения территории распространения этих языков. Кроме того, предусматривалось использование этих языков при опубликовании наиболее важных законов РК и иных нормативных правовых актов (ст. 6), при подготовке и проведении референдумов, выборов, оформлении вывесок государственных органов, организаций, предприятий и учреждений (ст. 7, 8). Таким образом, по сути, в республике вводилось государственное многоязычие.

В то же время п. 2 ст. 4 гласил, что «карельский, вепсский и финский языки как учебные предметы *могут изучаться и преподаваться* (выделено мной – Е. К.) в образовательных учреждениях республики в соответствии с законодательством РФ и РК».

Эта формулировка, во-первых, не соответствует базисным учебным планам и решениям коллегии Министерства образования РК от 16 апреля 1998 года, согласно которым в местах компактного проживания карелов и вепсов изучение родных языков является **обязательным**⁵¹. Во-вторых, принятие рекомендательной, а не обязывающей формулировки не соответствует той роли, которая возлагается на государственный язык и на школу в сохранении родных языков, расширению их общественных функций. Формулировка «могут изучаться» дает директору школы право решать, будет ли в ней изучаться тот или иной язык. В течение всех лет функционирования национальной школы именно такое право руководства школы подвергалось жесткой критике со стороны прибалтийско-финской общественности и Госкомнаца республики.

На практике карельский, вепсский и финский языки защищены по-разному. Учащиеся, оканчивающие неполную среднюю школу или получающие общее среднее образование и изучающие карельский или вепсский язык, до сих пор не аттестуются (не оцениваются) по общепринятым для школы государственным стандартам. Пока ведутся лишь робкие разговоры о том, что пора в финно-угорской школе г. Петрозаводска перейти к аттестации учащихся по действующим нормативам.

Статьей 2 законопроекта определены гарантии защиты карельского, вепсского, финского языков (юридическая, социальная, экономическая защита). Достаточно подробно перечислены меры по созданию условий их сохранения, изучения и использования (ст. 3). В числе этих мер названы: расширение сфер использования, укрепление социально-культурных функций этих языков; поддержка их в СМИ; организация системы непрерывного обучения данным языкам в образовательных учреждениях; поддержка образовательных учреждений, осуществляющих обучение на этих языках и (или) предоставление возможности изучать данные языки; издательская деятельность; поддержка научных исследований по карельскому, вепсскому и финскому языкам; поддержка специалистов в области культуры, образования, науки, средств массовой информации, творческих работников, в деятельности которых используются данные языки; совершенствование системы подготовки специалистов по данным языкам; содействие развитию международных и межрегиональных связей, способствующих сохранению, изучению, развитию и использованию карельского, вепсского и финского языков.

На органы государственной власти, МС и образовательные учреждения республики возлагалось создание условий для *свободного владения и использования языков* (ст. 4) (выделено мной – Е. К.). Пунктом 2 этой же статьи предусматривается, что «карельский, вепсский и финский языки *могут изучаться и преподаваться* в общеобразовательных учреждениях...».

Почему-то отвергнутым оказалось предложение Министерства образования республики к этой статье: «Общеобразовательные учреждения Республики Карелия в рамках республиканских программ образования реализуют республиканские (национально-региональные) компоненты государственных образовательных стандартов, учитывающие этнодемографические, социально-экономические и экологические особенности Республики Карелия».

Проект закона предусматривает употребление карельского, вепсского, финского языков (в формулировках «могут использоваться», «вправе использовать» и т. д.) при опубликовании наиболее важных законов и иных нормативных актов, актов органов МС (ст. 6), при подготовке и проведении референдумов, выборов (ст. 7), в деятельности государственных органов, организа-

⁵¹ Родные языки в школе. Вып. 2. Научно-методический сб. Петрозаводск, 2001. С. 6.

ций, предприятий и учреждений (ст. 8). Но решение об этом принимает орган, принявший тот или иной нормативный акт.

В целях сохранения географических объектов как исторического и этнокультурного наследия их наименования могут оформляться на карельском, вепсском или финском языках (ст. 11).

На четвертую версию языкового законопроекта в мае 2003 года были получены официальные отзывы Министерства юстиции и Министерства финансов республики⁵². В отзыве Министерства юстиции республики содержатся постатейные поправки, замечания, предложения, уточняющие формулировки тех или иных статей.

В заключении Министерства финансов республики отмечается, что использование карельского, вепсского, финского языков в деятельности органов государственной власти нарушает равноправие народов Российской Федерации, устанавливая привилегии отдельным языкам, противоречит федеральному Закону «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года. По требованиям п. 4 ст. 2 этого закона в их деятельности могут употребляться лишь государственные языки, какими ни карельский, ни вепсский, ни финский языки в республике не являются. Это замечание учтено разработчиками проекта.

На заседание Совета представителей карелов, вепсов, финнов при Главе РК 2 сентября 2003 года языковой законопроект был представлен под новым названием – «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия»⁵³.

По сравнению с четвертым вариантом законопроект не претерпел существенных изменений, за исключением, пожалуй, ст. 5. Если раньше гражданам предоставлялось право на изучение этих языков и «получение на этих языках образования» без уточнения пределов, то пятый вариант предусматривает «получение основного общего образования на родном карельском, вепсском или финском языке». Такая новация статьи носит опережающий характер, так как до сих пор в школе изучается только сам язык как предмет.

Совет представителей, на заседании которого присутствовали депутат Госдумы В. Н. Пивненко, представители правительства, Законодательного Собрания республики, Госкомнаца, Министерства образования и по делам молодежи, руководители общественных организаций Союза карельского народа, Карельского конгресса, Общества вепсской культуры и др., принял решение о представлении языкового законопроекта Главе РК С. Л. Катанандову с последующим направлением его на рассмотрение Законодательному Собранию РК.

Поддержав проект закона, председатель Совета уполномоченных съезда карелов В. Е. Богданов заметил, что стратегической задачей Совета остается наделение карельского языка статусом государственного. Это предложение получило поддержку Главы РК С. Л. Катанандова.

Согласно ч. 3 ст. 3 Закона РФ «О языках», республики в составе РФ самостоятельны в принятии решений о правовом положении народов, проживающих на их территориях. Разработка проекта Закона «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» отвечает этому положению, хотя и с большим опозданием.

Какой язык в Карелии должен быть государственным?

Вместе с процессом демократизации общества в повседневную жизнь республики ворвалась проблема огосударствления карельского языка. Стремление карельской общественности утвердить карельский язык в качестве государственного языка стало ведущей идеей. Реализация ее, по мнению его сторонников, предопределила стабильное культурно-языковое развитие карельского этноса. Выросла эта идеология, как уже отмечалось, из реальной языковой ситуации, в которой оказался карельский этнос и его язык на рубеже 1980–1990-х годов.

Переход от лозунга «Сохраним родной язык!» к лозунгу «Карельский язык должен иметь статус государственного языка» произошел довольно быстро. Уже во время первого диспута «Быть ли в Карелии карельскому языку?», пик которого пришелся на 1989 год, когда ставились вопросы скорейшего воссоздания карельской письменности, выбора алфавита, подготовки первых учебных пособий, обучения детей элементарным навыкам родной речи и т. д., прозвучали высказывания о необходимости правовой защиты языков. Предлагалось, в частности, подготовить и

⁵² Текущий архив Госкомнаца РК.

⁵³ Там же.

издать указ о статусе русского, карельского, финского и других языков. Соблюдение за исполнением указа, по мнению участников диспута, следует возложить на особую комиссию по международным отношениям⁵⁴. Высказывалась и такая точка зрения: «настала пора определить правовой статус карельского языка в республике и закрепить его Конституцией». При этом подчеркивалось, что только в этом случае «громкие слова о равных возможностях в расцвете наций и народностей нашей страны найдут воплощение в возрождении карельской культуры, карельского языка»⁵⁵. При этом ссылались на то, что в большинстве субъектов РФ приняты законы о языках, и языки титульных народов, независимо от их численности, приобрели статус государственных языков. Так утверждалась идея о том, что народы Республики Карелия в «доме» России станут полноправными членами⁵⁶. Целесообразность введения государственного двуязычия мотивировалась и тем, что решение возвысит имидж России и Карелии как суверенной республики, которая граничит с Европой и по нормам международного права защищает интересы коренных народов.

21 июня 1991 года первый республиканский съезд представителей карелов принял Декларацию, 8 пункт которого гласил: «Исходя из сложившейся демографической ситуации, съезд считает необходимым признание государственными языками Карельской АССР – карельского и русского.

В республике должны быть созданы возможности для пользования карельским языком, наряду с русским, в государственных учреждениях и организациях, т. е. гарантировать условия для его изучения. Необходимо обеспечить обучение карельскому языку в детских садах и школах»⁵⁷.

И последовало несколько лет молчания. Ни Совет уполномоченных, ни «Союз карельского народа» не предприняли действенных шагов по выполнению принятого съездом решения.

Первые два языковых законопроекта были подготовлены Министерством юстиции республики и 23 марта 1994 года направлены в адрес Госкомнаца республики. Проекты названы альтернативными, так как по-разному защищали интересы этнических групп. В обоих проектах статусом государственного языка наделялся русский язык⁵⁸.

Первый законопроект состоял из короткой преамбулы, IV разделов, включающих 26 статей. Одна часть проекта посвящалась вопросам статуса русского языка как государственного, другая – правовой защите языков коренных национальностей, т. е. карелов, вепсов и финнов.

В преамбуле отмечалось, что республика обеспечивает всем гражданам условия для использования в различных сферах государственной и общественной жизни языков народов, проживающих на ее территории, заботиться об их возрождении, сохранении и развитии. Преамбула содержала призыв к бережному отношению к языку как духовному достоянию народа и уважению ко всем языкам народов Российской Федерации.

Компетенция республики в области законодательства в развитии и использовании языков народов, проживающих на ее территории, прописывалась как «определение правового статуса и сфер применения общего на территории Карелии языка, исходя из потребностей общереспубликанского общения».

В сферах власти и управления (в деятельности государственных и общественных организаций, предприятий, учреждений, в судопроизводстве, нотариальном делопроизводстве, в оформлении официальных документов, удостоверяющих личность, в сфере обслуживания, в вооруженных силах, в отношениях Карелии с государствами СНГ и зарубежными странами) использоваться мог только русский язык (ст. 14–18). Проект закона гарантировал свободный выбор языка воспитания ребенка в семье (ст. 8), «свободное и равноправное использование родных языков коренных народов в культурной жизни». Русский язык объявлялся языком обучения в средних общеобразовательных учреждениях, профессионально-технических училищах, средних специальных и высших учебных заведениях (ст. 10). В этих учебных заведениях, правда, допускалось создание групп по изучению «иных языков» на добровольной основе.

Использование «других языков» допускалось в сфере науки, «если предметом исследования является прибалтийско-финская филология, культура, национальные промыслы» (ст. 11). Однако законопроект предусматривал использование в этом случае лишь финского языка как

⁵⁴ Ленинская правда. 1989. 23 мая, 27 июня.

⁵⁵ Ленинская правда. 1989. 27 мая.

⁵⁶ Комсомолец. 1989. 29 апреля.

⁵⁷ Ленинская правда. 1989. 7 июля.

⁵⁸ Текущий архив Госкомнаца РК.

языка с развитой литературной традицией, хотя и карельский, и вепсский языки уже имели письменную форму. Согласно ст. 22, использование родного языка в местах компактного проживания коренного населения допускалось в сфере обслуживания и в сфере общественной жизни, но лишь в том случае, если коренное население на данной территории составляло большинство.

В качестве гарантий и условий для всемерного развития языков коренных народов, т. е. карелов, вепсов, финнов, проект предусматривал создание материальной базы и других условий для всемерного развития языков, стимулирование их изучения.

Второй проект Закона «О языках народов Республики Карелия» состоял из развернутой преамбулы и 27 статей.

В преамбуле подчеркивалось, что закон, «исходя из высших целей – обеспечения народам республики неотъемлемого права на свободное политическое, экономическое и духовное развитие», «преследует цель создания условий равноправного развития и сохранения всех языков, использующихся населением, проживающим на территории Республики», а государственные органы не допустят вражды и пренебрежения к любому языку. Статья 5 гарантировала языковой суверенитет каждому народу независимо от его численности и правового положения.

Огосударствление русского языка мотивировалось так: «Уважая исторические и географические сложившиеся условия, а также в целях обеспечения интересов народов, проживающих на территории Республики Карелия, и, обеспечение общереспубликанских задач, русский язык признается на территории Карелии государственным языком» (ст. 3). Таким образом, по мнению разработчиков проекта, культурно-языковые потребности и интересы, например, карелов, вепсов или финнов якобы могут обеспечиваться при помощи русского языка. Во всех сферах, подлежащих правовому регулированию, применяться мог только русский язык.

Если в проекте № 1 определенный акцент делался на защите языковых интересов коренных народов (карелов, вепсов, финнов), то в проекте № 2 государственными программами предполагалось развивать и сохранять языки всех народов, проживающих на территории Карелии (ст. 6). Согласно ст. 10 проекта № 2, «каждый народ, не имеющий письменности, обладает правом создать письменность на родном языке». С учетом интересов местного населения по решению Совета Министров республики определялся перечень территорий, на которых могли устанавливаться надписи, топографические обозначения и дорожные указатели на иных языках, но без уточнения, на каких языках и каких территориях (ст. 22).

Основными направлениями деятельности по сохранению и развитию языков признавались издательская деятельность, СМИ, организация и изучение языков в системе образования, проведение дней культуры, подготовка кадров. Источник финансирования государственных программ не прописывался.

И первый, и второй законопроекты какому-либо широкому обсуждению не подвергались и остались в текущем архиве Госкомнаца республики.

Первая попытка введения в республике государственного языка была реализована в *третьем* проекте, подготовленном руководителем рабочей группы Госкомнаца РК В. Н. Бириним. Законопроект состоял из развернутой преамбулы, 8 глав, включающих 57 статей.

По проекту государственными языками в республике объявлялись два диалекта карельского языка – ливвиковский и северно-карельский. Действие их распространялось на сравнительно ограниченной территории – ареалах расселения карелов-ливвиков и собственно карелов. Если судить по этническому составу населения республики на конец 1980-х годов, то такими ареалами могли быть несколько районов: Олонецкий и Пряжинский (ливвиковский ареал), Калевальский, частично Лоухский, Муезерский, Медвежьегорский (ареал расселения собственно карелов).

В преамбуле подчеркивалось, что «Республика Карелия, являясь единственным государственным образованием карельского народа, обеспечивает сохранение и развитие карельского языка как основы его всей национальной культуры». Русский язык признавался средством межнационального общения.

Из преамбулы следовало, что данный проект закона «направлен на создание условий для возрождения, сохранения и развития коренных малочисленных народов республики (карелов, вепсов), а также нормального функционирования языков национальных меньшинств, традиционно проживающих в Карелии». В то же время закон не ущемляет неотъемлемых прав граждан любой национальности на свободное развитие их родных языков и культур, поддерживает их в стремлении удовлетворить свои культурные запросы на родном языке».

Государственную поддержку через специальные программы получали как государственные языки, так и языки других народов и национальных меньшинств (ст. 6). Финансовое обеспечение этих программ (ст. 7) предполагалось осуществлять за счет тех же источников, как и в проекте № 1 (см. выше).

Весьма противоречиво в проекте был прописан статус государственных языков. Так, например, закон допускал оформление документов на *одном* из государственных языков (ст. 10). Деятельность же органов государственной власти и местного самоуправления, Законодательного Собрания республики предлагалось вести на *двух* государственных языках (ст. 16, 17), но проекты законов и другие нормативные акты следовало оформлять на *одном* из государственных языков (ст. 18). Объявляя государственное двуязычие, проект разрешал в местах компактного расселения, а также в национальных районах и волостях использование в делопроизводстве органов местного самоуправления *иных языков* или *языка большинства* населения данной территории (ст. 16, 19, 26). Аналогичное положение распространялось и на печатание избирательных бюллетеней (ст. 21).

В некоторых случаях использование государственных языков даже в официальном делопроизводстве являлось не обязательным. Так, ст. 37 гласила, что государственные языки изучаются во всех общеобразовательных школах и профессионально-технических училищах республики в пределах государственных стандартов, но по статье 40 язык (языки) обучения определялся уставом образовательного учреждения. По ст. 38 гарантировалось получение бесплатного общего и на конкурсной основе бесплатного профессионального образования в пределах государственных стандартов на «государственном языке Российской Федерации», т. е. только русском языке.

Проект закона 20 марта 1996 года был обсужден на заседании рабочей группы в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН с участием председателя Совета уполномоченных съезда карелов. Из-за множества ошибок проект закона был отвергнут.

Четвертый проект был подготовлен летом 1996 года группой авторов под руководством автора настоящей работы с участием филологов П. М. Зайкова, Г. М. Керта, Л. Ф. Маркиановой, Н. Н. Мамонтовой. Проект состоял из небольшой преамбулы и 7 разделов (23 статей). После внесения изменений и дополнений проект был опубликован в прессе для всенародного обсуждения⁵⁹.

Основная идея законопроекта состояла в определении принципов регулирования и функционирования русского и карельского языков как государственных языков (ст. 1).

На карельском языке наравне с русским предлагалось ведение делопроизводства и документации в органах государственной власти, управления, обслуживания, коммерческой деятельности, оформление официальных документов, текстов бланков, печатей, избирательных бюллетеней. При этом оговаривалось, что в случае невозможности использования двух государственных языков используется русский язык (ст. 9). Передачи, публикации в СМИ должны были осуществляться на двух языках (ст. 20). Специальная статья гарантировала обучение государственным языкам до уровня, необходимого для выполнения служебных обязанностей (ст. 14).

Основным языком обучения оставался русский язык, в дошкольном воспитании и начальном образовании – два языка по добровольному желанию родителей или лиц, замещающих их. По проекту, в общеобразовательных школах, профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведениях государственные языки изучались в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (ст. 15, 16).

В пояснительной записке подчеркивалось: «Законодательное закрепление за карельским языком статуса государственного гарантирует юридические, социальные, финансовые основы для возрождения, сохранения и развития языка и культуры, широкого использования карельского языка в самых различных сферах общественной, политической и культурной жизни. Республика Карелия, являясь единственным государственным образованием карельского народа, должна и обязана обеспечить сохранение и развитие карельского языка как основы не только всей его национальной культуры, но и самого этноса». Решение о придании карельскому языку статуса государственного мотивировалось также тем, что карельский язык является языком титульного народа республики, который признается большинством карелов родным (51,5 %). Проект поддержал решение первого съезда карелов (июнь 1991 года) о наделении карельского языка статусом государственного языка.

⁵⁹ Карелия. 1996. 3 сентября.

Учитывая, что карельский язык является младописьменным, предлагалось введение определенного переходного периода, в течение которого произошло бы становление литературного карельского языка и расширение сфер его функционирования. И лишь потом постепенно вводились в действие те или иные статьи данного закона.

Чтобы ускорить развитие карельского и вепсского языков, планировалось создание специальной термино-орфографической комиссии. В задачу комиссии входили «разработка и утверждение единых орфографических правил и терминов (в том числе топонимических), контроль за правильным их использованием в языке средств массовой информации, книгоизданий, государственной документации» и т. д.

Реализация концептуальной части проекта предполагала подготовку и выполнение программ для поэтапного расширения сфер использования карельского языка как государственного.

Статьей 5 проекта закона гарантировала вепсам – коренному малочисленному народу республики и финнам – реабилитированному народу право на сохранение и развитие своих культур и языков, право образования на родном языке в рамках возможностей, предоставляемых системой образования. Государственный протекционизм вепсскому и финскому языкам также осуществлялся через специальные государственные программы.

Призыв рабочей группы принять участие в обсуждении проекта закона, высказать свои замечания, предложения, вызвал бурную реакцию жителей республики. На него были получены официальные отзывы от многих организаций и учреждений, как положительные, так и отрицательные.

Пятый вариант законопроекта о языках был подготовлен Госкомнацем РК в конце 1996 года и состоял из преамбулы и 11 разделов, состоящих из 27 статей⁶⁰.

Текстовой анализ показывает, что в основу его был взят проект № 4, в который были внесены существенные изменения и дополнения. Практически в прежнем варианте воспроизводилась преамбула, общие положения. В разделе «Общие права граждан на использование языков» вводилась норма, согласно которой право свободного выбора и использования любого из государственных языков предоставлялось постоянно (преимущественно) проживающим в республике (в проекте № 4 – всем гражданам, независимо от длительности проживания). Если по проекту № 4 требования к госслужащим знания двух государственных языков определяло Законодательное Собрание РК, то по новому проекту – соответствующее законодательство РК (которого еще не было) и РФ. Использование двух государственных языков ограничивалось следующими сферами: ведением делопроизводства и документации в Законодательном Собрании и Правительстве РК, публикацией законов и других законодательных актов государственной власти и управления республики, оформлением официальных документов, удостоверяющих личность, или сведения о ней. На двух государственных языках следовало оформлять тексты бланков, печатей, штампов, штампов, вывески госучреждений, а также избирательные бюллетени. По проекту № 5 на двух государственных языках предписывалось ведение заседаний, совещаний и других мероприятий в Законодательном Собрании, Правительстве РК и других органах государственной власти и местного самоуправления, на предприятиях, в организациях и учреждениях, расположенных на территории Карелии, ведение нотариального делопроизводства. По статье 9 «Руководители органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций создают условия для овладения всеми работниками минимумом знаний государственных языков, необходимым для выполнения служебных обязанностей». В проекте № 5 нет положения о том, что «в случае невозможности использования двух государственных языков используется государственный язык Российской Федерации (русский)».

В проекте Госкомнаца республики был специально выделен раздел, посвященный использованию языков в национально-административных образованиях (районах, волостях и т. п.). Согласно статье 11, в них наряду с государственными языками в деятельности органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, в официальном делопроизводстве, в средствах массовой информации, включая топонимию, могут использоваться языки народов или национальных меньшинств, в интересах которых были созданы данные образования. Если учесть, что национально-административные образования были созданы на территориях расселения карелов и вепсов, то можно заключить, что на районном уровне вепсский язык получал статус официального языка.

⁶⁰ Текущий архив Миннаца РК.

Если в проекте № 4 право свободного выбора языка воспитания, обучения имели все граждане республики, то по проекту № 5 постоянно (преимущественно) проживающие в ней (ст. 12). По статье 14 государственные языки должны были изучаться в системе общего, среднего специального и высшего образования.

По статье 20 проекта № 5 «В Республике Карелия сохраняются традиционные местные географические и административно-территориальные названия, имеющие историческую и культурную ценность. Наименования населенных пунктов, улиц, площадей, дорожные указатели оформляются на государственных языках Республики Карелия. Если объекты имеют традиционное русское, карельское, вепсское и (или) финское название, – все они признаются официальными». Этот пункт законопроекта часто упоминался в требованиях карельской общественности.

Предполагалось, что законопроект, разработку которого инициировал председатель Правительства РК В. Н. Степанов, будет представлен на парламентские слушания от его имени в январе 1997 года.

1996–1997 годы прошли в острых дискуссиях по проблеме огосударствления языков. Не вдаваясь в подробный анализ аргументов, замечу, что в качестве государственных языков предлагалось принять карельский, финский, карельский и финский. Статус русского языка как государственного никем не оспаривался. Вопрос об огосударствлении вепсского языка не поднимался.

В самый разгар дискуссии (1997 год) на страницах карелоязычной газеты «Ома муа» было опубликовано развернутое интервью председателя правительства В. Н. Степанова. По его мнению, наша главная задача сегодня – придать карельскому языку статус государственного и реализовать принцип равноправия для всех народов, в том числе и для всех языков. При этом подчеркнул, что «если карельский язык получит статус одного из государственных языков наряду с русским, это будут юридические, а не декларативные гарантии»⁶¹.

На вопрос корреспондента «Не преждевременно ли наделять карельский язык статусом государственного языка?» последовал ответ: «Я считаю, что это беспредметный спор. Проект закона предполагает не только придания статуса государственного карельскому языку, но и необходимую поддержку со стороны государства для развития, для защиты языка, но не языка как такового, а права гражданина в соответствии с 26-й статьей. Никто в Карелии искусственно навязывать необходимость знания двух языков никогда не будет. Это было бы абсурдно, и этого нет в проекте, и я думаю, поправок таких не будет».

В январе 1997 года в газете «Карелия» был опубликован проект депутата Законодательного Собрания республики Г. Андреева «О статусе государственного языка Республики Карелия», в котором государственным языком провозглашался русский язык.

Свобода выбора языка ограничивалась письменным общением с другими лицами, изданием трудов, созданием и изданием литературных произведений, осуществлением журналистской деятельности (ст. 5). Использование «иного языка» наряду с русским допускалось в деятельности зарубежных представительств Республики Карелия, во внешнеполитической, коммерческой деятельности, а также в культурных и научных связях, если это предусматривалось договором сторон (ст. 3). Порядок использования «иного языка» в рекламе, фирменных знаках зарубежных фирм, действующих на территории республики, определял председатель правительства РК (ст. 6)⁶².

В январе 1998 года А. Киннером был подготовлен еще один проект Закона «О языках в Республике Карелия», состоящий из преамбулы и 15 статей⁶³.

Статус русского языка как государственного языка РФ признавался действующим на территории республики в соответствии со ст. 68 Конституции РФ (ст. 1). По этой статье должностным лицам вменялась обязанность использовать карельский, финский и вепсские языки «в общении, передаче информации и делопроизводстве в порядке, установленном настоящим законом» без умаления прав других народов и национальных меньшинств на использование и развитие своих родных языков. Иными словами, карельский, вепсский и финский языки признавались официальными языками республики, частично приближенными по статусу к государственному (русскому) языку.

На русском языке должно было вестись делопроизводство органами представительной и исполнительной власти, но законы и другие нормативные акты органов государственной власти

⁶¹ Ома муа. 1997. 1 марта.

⁶² Карелия. 1997. 10 января.

⁶³ Текущий архив Госкомнаца РК.

Республики Карелия следовало публиковать в официальных изданиях на русском, карельском и финском языках (ст. 5). По этой же статье на заседаниях Законодательного Собрания и органов исполнительной власти республики предоставлялось право выступать на любом языке (русском, карельском, вепском или финском) с переводом (при необходимости) на государственный (русский) язык. Всем гражданам РФ, постоянно (преимущественно) проживающим в Республике Карелия, гарантировалась защита конституционных прав и свобод человека и гражданина независимо от степени владения ими языками (ст. 4).

Каждый гражданин республики наделялся правом выбора и использования любого из государственных языков для передачи устной и письменной информации, воспитания, обучения и творчества. При письменном обращении граждан в органы государственной власти и местного самоуправления на карельском, вепском или финском языке ответ следовало давать на языке обращения (ст. 3).

Паспорт, свидетельство о рождении, браке, смерти, трудовая книжка, пенсионное удостоверение, аттестат и диплом об окончании учебного заведения и другие следовало оформлять на русском языке и дублировать на карельском. Далее: «По требованию гражданина в паспорт, свидетельство о рождении и другие документы, удостоверяющие личность, могут быть вписаны личные имена, отчества и фамилии в их традиционном произношении», но не ясно на каком языке (языках). На русском языке оформлялись, а на карельском языке дублировалось оформление бланков, печатей, штампов, вывесок с наименованием государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, предприятий, учреждений, а также печатание избирательных бюллетеней (ст. 7).

В интересах населения национально-территориальных образований по решению органов МС в официальном делопроизводстве местной администрации, предприятий, учреждений и организаций могли использоваться «языки народов или национальных меньшинств, в интересах которых были созданы данные образования» (ст. 8). Наименования населенных пунктов, улиц, площадей, дорожные указатели следовало оформлять на русском языке. По решению представительных органов МС такие надписи могли дублироваться на карельском, финском и вепском языках (ст. 9). Аналогичным образом публиковались тексты официальных объявлений, информации в учреждениях здравоохранения, культуры, торговли и бытового обслуживания населения, общественного транспорта (ст. 10).

Проект закона провозглашал право свободного выбора языка общения, воспитания, обучения, творческой и научной деятельности (ст. 11, 12).

Проект Закона «О языках в Республике Карелия», подготовленный Госкомнацем РК и представленный на парламентские слушания, состоял из преамбулы и 10 разделов (25 статей)⁶⁴.

Объявляя языки народов РК национальным достоянием и историко-культурным наследием республики, находящиеся под государственной защитой, законопроект определял основные принципы регулирования и функционирования языков в государственной, экономической и культурной жизни.

Органы власти и МС брали на себя ответственность за создание необходимых условий для изучения, свободного владения и использования государственных языков (ст. 2).

Вепсам – коренному малочисленному народу республики и финнам – «национальному меньшинству, традиционно приравняваемому к коренному малочисленному народу республики», предоставлялось право на сохранение и развитие своей культуры и языка, право на получение образования на родном языке, право на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования (ст. 4).

Постоянно проживающим в республике гражданам предоставлялось право свободного выбора и использования любого из государственных языков для передачи устной и письменной информации. Вместе с тем, никто не вправе навязывать гражданину использование того или иного языка помимо его воли (ст. 5).

Из-за незнания одного из государственных языков ограничения на занятия должностей в органах власти, прием на работу не допускались (ст. 6). Согласно этой же статьи «требования, предъявляемые к лицам, занимающим государственные должности в органах местного самоуправления,

⁶⁴ Текущий архив Госкомнаца РК.

к государственным и муниципальным служащим, определяются соответствующим законодательством Республики Карелия и Российской Федерации, а к работникам предприятий, организаций и учреждений – должностными инструкциями». Эта статья носила опережающий характер, так как республиканских языковых законодательных актов не существовало.

Ряд статей законопроекта регламентировали использование двух государственных языков в делопроизводстве парламента и правительства, публикации законов и других актов государственной власти и управления республики. В СМИ, в издательской деятельности, наименованиях населенных мест и других случаях также следовало использовать русский и карельский язык (ст. 16, 17, 19–21). Для выполнения служебных обязанностей руководителям органов государственной власти, МС, предприятий, учреждений и организаций проект предлагал создание условий для овладения минимумом знаний государственных языков (ст. 9). По ст. 14 государственные языки изучаются во всех типах учебных заведений.

На одном из государственных языков допускалось ведение судопроизводства, делопроизводства, заседаний, совещаний и т. д. в парламенте, правительстве, МС, на предприятиях и учреждениях (ст. 8).

В национальных районах, волости и т. п. наряду с государственными языками в деятельности органов МС, предприятий, учреждений, организаций, в официальном делопроизводстве можно было использовать языки народов и национальных меньшинств, в интересах которых созданы данные образования (ст. 10).

Законопроект регламентировал употребление государственных языков в международных связях (ст. 22, 23).

В конце января 1998 года этот законопроект был доведен до парламентских слушаний, несмотря на жесткое противостояние различных общественно-политических сил. При поименном голосовании с разницей в два голоса парламентарии республики 29 января 1998 года вынесли вердикт: отклонить проект Закона «О языках Республики Карелия». Депутаты рекомендовали: «Образовать рабочую группу для разработки проекта Закона Республики Карелия „О статусе карельского языка в Республике Карелия“»⁶⁵. Однако рабочая группа не была сформирована.

Вместо заключения

Сопряжение усилий активистов национальной интеллигенции, прежде всего работников творческих профессий, представительных и исполнительных структур власти Карелии и федерального центра в решении проблем возрождения, сохранения, развития и использования культурно-языкового наследия прибалтийско-финских народов республики не прошло без результатов.

За короткое время была воссоздана вепсская и карельская письменность (на ливвиковском и собственно карельском диалектах), изданы учебник по вепсскому и карельскому языкам с 1 по 9 классы (авторы Н. Г. Зайцева, П. М. Зайков, Л. Ф. Маркианова и др.). По состоянию на 2001–2002 учебный год карельский язык, включая факультативы и кружки, изучался в 55 школах (2596 учащихся), финский язык в 75 школах (9008 учащихся), вепсский язык в 5 школах (331 учащийся). С увеличением сети сельских и городских школ, где дети осваивали навыки родной речи, стал в определенной мере наращиваться культурно-языковой потенциал.

Следует отметить, что лоббирование активистами прибалтийско-финской общественности своих культурно-языковых приоритетов воспринималось руководством республики, находило у него поддержку и понимание. Принятие республикой названных в настоящей работе законов, поддержка структурами власти концепций и программ развития национальной школы, возрождения и культуры и языков карелов, вепсов, финнов придали возрожденческим устремлениям определенную правовую основу. Исключительно важную роль в формировании значительного слоя знатоков родных языков, работающих в основном на культурно-языковом поприще, сыграло кадровое обеспечение языковой политики. В настоящее время их подготовка ведется в трех республиканских вузах, ряде средних специальных учебных заведений республики. Издание учебных пособий, книг на карельском, вепсском, финском языках обеспечивается специально созданным издательством «Периодика». На трех языках выходят газеты, журналы, ведутся радио- и телепередачи. С февраля 1998 года действует литературное объединение карелоязычных авторов «Карельское слово», «в целях развития и совершенствования карелоязычной лите-

⁶⁵ Собрание законодательства Республики Карелия. № 5. 13 марта 1998 г. Ст. 380.

ратуры на всех основных диалектах карельского языка и объединения усилий для создания единого литературного языка». Издан ряд поэтических и прозаических произведений на вепсском языке, традиционно публикуются произведения авторов, пишущих на финском языке. В октябре 2002 года десятилетний юбилей отметил Центр национальных культур, объединяющий 20 национально-культурных организаций. Повсеместно возникли новые национальные творческие коллективы, регулярно проводятся народные праздники, фестивали, смотры и т. д. Многие насущные проблемы этнокультурного развития народов обсуждались и обсуждаются на съездах, научно-практических конференциях, совещаниях, «круглых столах», встречах национальных общественных организаций.

Однако в силу ряда причин объективного и субъективного характера не все из намеченного удалось сделать. Экономический обвал начала 1990-х годов, дефолт конца 1990-х годов оказали сильное сдерживающее влияние на выполнение Программы обновления и развития национальной школы, Программы возрождения языков и культур карелов, вепсов, финнов, реализацию Программы развития финно-угорской школы, в рамках которой осуществляется целевая программа этнокультурного образования.

Бывало так, что принятые структурами власти важные решения, направленные на сохранение языков, или вообще не выполнялись, или их реализация неоправданно затягивалась. Хотя ключевым звеном языковой политики была признана и остается образовательная система, отдел, курирующий развитие национальной школы, до сих пор не создан, национальная школа так и не перешла на изучение отдельных предметов на родном языке, нет отдела национальной культуры. Только в конце 1999 года приступила к работе термино-орфографическая комиссия, вопрос о создании которой был поднят в самом начале 1990-х годов. Неоправданно долго велась подготовка законопроекта по государственной поддержке карельского, вепсского, финского языков, представление которого на парламентские слушания запланировано лишь на конец 2003 года.

Опросы, проведенные среди учителей карельского, вепсского, финского языков, взрослого карельского, вепсского населения, в том числе имеющих детей различного школьного возраста (2002 год), показали в целом низкую языковую компетентность большинства учащихся. Выяснилось, что сегодняшняя политика национально-языкового ликбеза, обеспечивая элементарное усвоение навыков родной речи, не вселяет надежд на расширение общественных функций карельского, вепсского, в меньшей мере финского языков. Бедный багаж языковых знаний при психологически неустоявшемся отношении к изучаемому языку родителей и детей предопределяет негативное его использование в повседневной речевой деятельности вне школы. Тенденция возвращения языка в семью практически не прослеживается. При разрыве межпоколенных языковых связей темпы перехода карелов, вепсов, финнов к одноязычию сохраняют высокую степень устойчивости. Рост образования в определенной мере содействует бытованию языкового дуализма (национально-русского двуязычия), но при более высоких темпах распространения языковой ассимиляции «вглубь» этнических образований⁶⁶.

По мнению большинства учителей, возможности школы в сохранении родных языков остаются весьма ограниченными, радикальных позитивных перемен за прошедшие годы в развитии школы не произошло. У части учителей сложилось даже мнение об изменении ситуации в худшую сторону. Широкое вовлечение национальных языков в общественно-политическую и культурную жизнь возможно лишь при решении двуединой задачи: увеличения количества часов на освоение национальной речи и перехода к изучению ряда предметов на национальном языке. Материалы исследований свидетельствуют: национальная школа только тогда будет выполнять свои возрожденческие функции, когда знания родного языка превращаются в условие непрерывного обучения, общения на родном языке. Сегодняшняя школа скорее создает иллюзорное представление о перспективах сохранения родных языков на уровне свободного владения ими.

В мероприятиях по развитию финно-угорской школы на 2002–2005 годы один из главных акцентов прописан следующим образом: «расширение сети образовательных школ и увеличение числа учащихся, изучающих карельский, вепсский, финский языки». Правда, в разделах целей и задач мероприятий, ее основных принципов и приоритетов, оценки эффективности ее осуществления,

⁶⁶ См.: *Клементьев Евгений*. Республика Карелия // На пути к переписи. М., 2003. С. 180–200.

измеряемые количественными и качественными показателями, вопросы о количестве часов изучения родных языков, степень владения изучаемым учениками языком даже не ставится. Обойдены эти принципиально важные вопросы и в рекомендациях ноябрьской 2001 года научно-практической конференции «Карельский язык в школе. Проблемы и перспективы развития».

Исполнительные структуры власти, ответственные за решение культурно-языковых проблем, признавали и признают, что «национальная школа развивается медленно, и не соответствует ожиданиям национальной интеллигенции», что «активное освоение учащими навыков родной речи пока не обеспечено»⁶⁷.

Выступая на научно-практической конференции, посвященной проблемам и перспективам развития карельского языка в системе школьного образования (ноябрь 2001), Председатель Правительства Республики Карелия С. Л. Катанандов заметил, что ему приходится говорить «очень жесткие, не всем приятные слова». По его мнению, «очевидно то, что мы сделали до настоящего времени, не гарантирует сохранение карельского языка». Он призвал участников конференции «осознать глубину проблемы, с которой мы столкнулись, понять, что до настоящего времени, несмотря на усилия огромного количества людей, мы не смогли создать систему, которая гарантировала бы необратимые процессы сохранения карельского языка»⁶⁸.

Такое состояние национальной школы вызвано, в частности, тем, что в учебных планах число часов на изучение языков сведено до минимума, достаточно часто он изучается на факультативных занятиях в кружках⁶⁹.

Учителя национальных языков, как показывают данные мониторинга 1996 и 2001 годов, выражают несогласие с такой школьной языковой политикой, ориентированной на изучение языка как предмета с ограниченным числом часов в неделю. Нынешняя образовательно-языковая политика, по их мнению, не может обеспечить сохранение языков и языковую преемственность поколений.

В Концепции развития финно-угорской школы в Республике Карелия справедливо подчеркивается: «Дошкольный этап является исключительно важным, так как обеспечивает плавный переход учеников в финно-угорскую школу и более эффективное усвоение карельского, вепсского и финского языков и культур народов». В действительности же соотношение детей, познающих азы родного языка в детских дошкольных учреждениях и изучающих его в школе, ни коим образом не могут обеспечить ни плавного перехода в финно-угорскую школу, ни более эффективного усвоения национальных языков. Причем, достижение «взаимного равного владения карельским (вепсским и финским) и русским языками» рассматривается как приоритетная задача. Эта задача отвечает насущным культурно-языковым ожиданиям карелов, вепсов и финнов республики.

В последние два года наблюдается сокращение числа школ и численности учащихся, изучающих карельский, вепсский и финский языки. Это свидетельствует о том, что проблема сохранения языков не потеряла своей актуальности. Достаточно отчетливо прослеживается снижение активности общественных организаций, оборачивающееся вновь нарастающими нигилистическими настроениями и неверием в перспективы сохранения родных языков. В условиях доминирования русского языка, отсутствия достаточной мотивации устойчивого владения языком своей этнической общности и его использования в самых различных сферах общественной жизни, перспективы сохранения и развития родных языков весьма проблематичны.

⁶⁷ Информация о работе Комитета Республики Карелия в период с 1994 года по 1997 год // Текущий архив Госкомнаца РК; Постановление Правительства Республики Карелия от 12 сентября 2001 г. // Там же.

⁶⁸ Родные языки в школе. Научно-методический сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 2002. С. 7–8.

⁶⁹ Федоров А. А. О состоянии и перспективах преподавания карельского языка в общеобразовательных школах Республики Карелия // Родные языки в школе. Научно-методический сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 2002. С. 30.

ВЕПСЫ: СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2002 ГОДА)

Проблема сохранения и развития прибалтийско-финских языков в республике остается одной из самых сложных и трудно решаемых, хотя в этом направлении за последнее более чем десятилетие произошли весьма существенные перемены.

И тем не менее нерешенных вопросов более чем достаточно. Чтобы убедиться в этом, обратимся к материалам социологического исследования 2002 года, которые позволяют ответить на ряд важных вопросов. Какова современная ситуация в вепсской среде? Какой язык (языки) вепсы признают родным? Какова функциональная нагрузка на взаимодействующие языки в различных сферах общения? Число таких вопросов можно множить и множить.

В статье представлены некоторые результаты опроса 240 вепсов, проживающих в Шелтозере и Рыбреке, Шокше и Вехручье, а также в Петрозаводске. Выборка была организована таким образом, чтобы в миниатюре воспроизвести половозрастную структуру вепсского населения Карелии. Соблюдено представительство участников опроса по полу, возрасту, уровню образования, занятости, расселению. Это позволяет считать полученные в ходе опроса данные репрезентативными, а выводы – достаточно надежными¹.

Исследование проведено в 2002 году по заказу и при финансовой поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями. Неоценимую помощь в проведении исследования оказала активистка Общества вепсской культуры С. П. Пасюкова, работавшая в те годы ведущим специалистом Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями.

Языковая компетенция

Под языковой компетенцией исследователи обычно понимают ту или иную степень владения взаимодействующими языками, достаточную для взаимопонимания и согласованных действий между людьми разных национальностей².

Владение языками обычно оценивается в двух аспектах – фактическом, т. е. фиксируется степень знания опрашиваемого каждого из взаимодействующих языков по единой шкале ответов, и психологическом, т. е. замеряется оценка степени владения этими языками в сравнении. Учитывая, что все вепсское население Карелии владеет русским языком, мы ограничились выяснением того, как вепсы оценивают знания языка своей национальности, а также вепсского языка по сравнению с русским языком. Широко бытует мнение, что при сравнительной оценке степени знания двух взаимодействующих языковых систем люди не всегда исходят из принципа равного права языков. Считается, что если языком своей национальности человек владеет в такой же мере, как и другим языком, тем более, лучше владеет языком своего этноса, последний обладает большей притягательной силой. Так ли это? В какой мере этническое и языковое самосознание совпадают или не совпадают?

Выяснилось, что более половины опрошенных (58 %) свободно владеют языком своей национальности, причем, 36,3 % из них читают и пишут на вепсском языке. Доля вепсов, хорошо знающих свой родной язык, по сравнению с серединой 1980-х годов сократилась³, а доля умеющих читать и писать возросла. Последнее, безусловно, связано с появлением вепсскоязычной газеты, с публикацией ряда книг на вепсском языке и развитием национальной школы. Слабо владеют вепсским языком, т. е. говорят с большими затруднениями, но все же могут объяснить 18,8 %, понимают лишь отдельные слова 16,7 %, около 7 % опрошенных заявили, что не знают вепсского

¹ См. также: *Клементьев Е. И.* Вепсы: Современная этноязыковая ситуация // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 200–210; *Клементьев Е.* Карелия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад. 2002. М., 2003. С. 96–98; *Клементьев Евгений.* Республика Карелия // На пути к переписи / Под ред. В. Тишкова. М., 2003. С. 181–186. В настоящую статью внесены небольшие дополнения и изменения.

² *Губогло М. Н.* Современные языковые процессы в СССР. М., 1984. С. 17.

³ *Строгальщикова З. И.* Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1986. С. 40.

языка (табл. 1). Таким образом, степень знания вепсами языка своей национальности можно оценить как среднюю. Причем, удельный вес знающих вепсский язык не увеличился.

Наиболее сильным фактором, дифференцирующим опрошенных по ряду языковых характеристик, является возраст. Вепсы в возрасте 50 лет и старше, 30–49-летние навыки родной речи освоили преимущественно в родительской семье (соответственно 90,5 и 72,7 %). Резкий разрыв внутрисемейных межпоколенных языковых связей характеризует языковую компетенцию 16–29-летних: среди них овладевших языком своей этнической общности в раннем детстве только 16,2 % и почти половина молодого поколения вепсов вообще не знают вепсского языка. Очевидно, что освоение родного языка в раннем детстве – одно из важнейших условий, предопределяющих его сохранность и устойчивое бытование. Большая часть молодежи, в отличие от пожилых, понимают лишь отдельные слова, примерно каждый пятый вообще не знает языка и лишь каждый шестой умеет свободно говорить на нем. К моменту опроса примерно 8 % молодежи уже забыли языковые навыки, приобретенные в раннем детстве. Молодая вепсская семья, где были дети дошкольного возраста, в редких случаях могла помочь своим детям освоить родную речь в раннем детстве.

Данные табл. 1 показывают, что языковая связь между поколениями в вепсском этносе существенно подорвана. Поэтому на «плечи» не окрепшей национальной школы ложится мощная нагрузка, и ее развитие имеет принципиально важное значение в познании молодым поколением вепсов родного языка, который может стать барьером на пути языковой и этнической ассимиляции вепсов.

Таблица 1

Степень владения языком своей национальности, %

Языковая компетенция	Возрастные группы, лет			
	16–29	30–49	50 лет и старше	средняя
Свободно владеют вепсским	13,5	55,6	75,9	58,0
Понимают, объясняются	21,6	25,8	14,6	18,8
Понимают отдельные слова	43,2	22,7	6,6	16,7
Не владеют	21,6	6,0	2,9	5,7

Широкое распространение русского языка в вепсской среде оказывает не только сильное влияние на языковое поведение вепсов, но и психологическую оценку знания языков. Так, 54,2 % всех опрошенных вепсов заявили, что русским языком они владеют лучше, чем вепсским. Лишь небольшая часть вепсов (7,9 %) считает, что они свободнее владеют вепсским, чем русским. В равной мере могут свободно пользоваться двумя языковыми системами почти 38 %. Таким образом, в настоящее время наиболее характерной чертой языковых процессов остается активный «переход» вепсов к одноязычию при сравнительно высокой доле билингвов.

По возрастным группам оценки степени владения тем или иным языком очень контрастны (табл. 2). Молодое (16–29-летние) и среднее поколение вепсов (30–49 лет) значительно выше оценивают знания русского языка по сравнению с вепсским. Лишь среди вепсов старшего поколения доля опрошенных, чье двуязычие можно считать параллельным или дуальным, лишь примерно каждый 7–8-й лучше знает вепсский язык, чем русский.

Таблица 2

Оценка возрастными группами знания взаимодействующих языков, %

Каким языком свободнее владеют?	Возрастные группы, лет			
	16–29	30–49	50 лет и старше	средняя
Вепсским	0,0	1,5	13,1	7,9
Русским	97,3	72,7	33,6	54,2
В равной мере двумя языками	2,7	25,8	53,3	37,9

В значительной мере влияет на степень знания вепсского языка и уровень образования, тесно коррелирующий с возрастом. Четко прослеживается закономерность: чем выше образование, тем хуже знания вепсского языка. Если среди вепсов с неполным средним образованием о свободном владении вепсским заявили 71 % опрошенных, со средним общим – 65,4 %, со средним специальным – 56,2 %, с высшим – 27,6 %. В последней образовательной группе наиболее велика доля вообще не владеющих навыками вепсской речи – около 38 %, а примерно каждый третий из них с большими затруднениями может объясниться на вепсском языке.

Женщины лучше знают язык своей национальности (54,4 % свободно владеют вепским языком), чем мужчины (39,4 %), хотя в раннем детстве они примерно в равной мере приобщались к вепсскому языку.

Таким образом, современный этап этноязыкового развития вепсов характеризуется дальнейшим глубоким освоением навыков русскоязычной речи, начиная с раннего детства. Трудности сохранения вепсами родного языка связаны, в частности, с тем, что более двух третей вепских семей являются национально-смешанными (семьи состоят из представителей двух национальностей) или многонациональными (семьи состоят из представителей трех и более национальностей). В таких семьях, естественно, чаще всего говорят на взаимопонятном для всех русском языке.

В целом в вепском этносе сегодня и с точки зрения знания языка своей своего народа, и психологических ориентаций происходит весьма активное движение к одноязычию, хотя степень билингвизма (равноценная оценка степени знания вепского языка и русского), судя по среднему значению показателя, еще сравнительно высока.

Речевое поведение вепсов

Для оценки функциональной нагрузки на взаимодействующие языки были выделены 7 сфер речевой деятельности: общение с родителями, общение супругов, опрашиваемых с братьями или сестрами, другими родственниками, друзьями, односельчанами и на работе.

На вепском языке, как и следовало ожидать, реже всего говорят на работе (свыше 66 % вообще не пользуются вепским языком, 6 % говорят очень редко). Эпизодически звучит вепская речь в общении братьев и сестер (почти половина не пользуется вепским языком вообще). В общении супругов ситуация более контрастна: примерно в трети семей вепская речь звучит довольно часто, но в половине семей супруги общаются друг с другом только по-русски.

Одна из особенностей современной языковой ситуации в вепской среде – более активное, чем 10–15 лет назад, использование вепского языка во внутрисельском общении: почти 49 % опрошенных заявили, что с односельчанами предпочитают говорить на родном языке⁴. Это, пожалуй, наиболее показательный пример увеличения функциональной нагрузки на вепский язык. Даже в общении с родителями вепская речь звучит реже: около 28 % опрошенных говорят с ними довольно часто, но в 44 % случаев предпочтение отдается русскому языку.

Родной язык вепсов

При анализе языковой ситуации, наряду с изучением языковой компетентности и речевого поведения, особое внимание исследователи уделяют родному языку, точнее, масштабам совпадения/несовпадения национальной принадлежности и родного языка, темпам этой подвижки. Это связано прежде всего с тем, что фокус этнического самосознания сильно ориентирован на язык своего этноса как один из наиболее мощных этнообъединяющих факторов. Являясь средством внутринационального общения и формой культуры этноса, язык по праву считается признаком национальности⁵.

Выбор родного языка фиксировался прямым вопросом: «Какой язык Вы считаете родным?». Начиная с переписи населения 1926 года, соблюдалась последовательность вопросов «Национальность», «Родной язык». Некоторые исследователи допускают, что такой подход «неизбежно программирует ответ на следующий вопрос – о родном языке». Он, якобы, приводит к признанию значительным числом лиц, не знающих языка конкретного народа, в качестве родного. Однако такая гипотеза требует проверки на крупных социологических исследованиях⁶.

Опрос показал, что у 40,4 % национальная принадлежность и родной язык совпадают, 26,3 % родным назвали русский, 32,1 % родным считают и вепский, и русский языки, остальная часть

⁴ См.: Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 23–24; Строгальщикова З. И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепской народности // Там же. С. 40–41.

⁵ Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1999. С. 51.

⁶ Степанов В. В. Российская перепись 2002 года: пути измерения этничности больших и малых групп // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2001. С. 13.

опрошенных (1,2 %) затруднились в выборе родного языка. По сравнению с концом 1980-х годов доля вепсов, у которых национальность совпадает с родным языком, возросла более чем на 10 %. Возросла и доля признающих два языка – вепсский и русский. Это прослеживается в оценках и мужчин, и женщин – каждый третий из них родным признал два языка.

Считается, что если язык своей национальности хорошо осваивается в раннем детстве, он обычно признается родным. Показательно, что понятие «родной язык» в финском языке ассоциируется с языком матери, языком, приобретенным в раннем детстве. Исследование подтвердило это общесоциологическое положение с одной существенной оговоркой: для сохранения языковой идентичности не менее важна высокая степень владения языком своего этноса. Установлено, что у 74 % опрошенных первым освоенным языком был язык родителей, но он признавался родным в 52–53 случаях из 100, каждый третий родным называл два языка, 13,5 % в качестве родного языка называли русский язык. Если же вепсский язык осваивался в раннем детстве в общении с родственниками, то доля признающих его родным резко сокращалась (до 5 %), а удельный вес вепсов с русским языком, напротив, столь же резко возрастал (почти до 53 %). Несколько возрастала доля вепсов с двумя родными языками (около 38 % всех ответов).

Как соотносятся различная степень владения вепсским и родной язык?

Выяснилось, что при свободном владении вепсским языком около 58 % признавали его родным, т. е. несколько чаще называли его родным, чем в случае, если навыки родной речи приобретались в раннем детстве. Среди тех, кто на вепском языке может лишь с трудом объясниться, этноязыковые предпочтения существенно менялись: только у четвертой части опрошенных национальность совпадала с родным языком. Родным в этом случае около 35 % называли русский язык и примерно 40 % – два языка. Если же опрашиваемый понимал отдельные слова вепсского языка, то доминирующее место в языковом сознании занимал русский язык: почти 60 % признавали его родным, а треть – русский и вепсский языки и около 3 % вепсский язык. Таким образом, незнание языка своей национальности не влечет за собой полное его непризнание как родного.

Если опрашиваемые признавали, что они более свободно владеют вепсским языком, то примерно в 95 случаях он признавался родным. При более свободном владении русским языком 16 % родным называли вепсский язык, 47 % – русский, около 35 % – два языка. Если знание двух языков признавалось равнозначным, то в 65 случаях из 100 родной язык и национальность совпадали, а более трети родным языком признавали русский язык. В целом параллельное двуязычие достаточно слабо влияет на устойчивость языкового самосознания вепсов, а двуязычие напрямую не связано с языковой ассимиляцией. Думается, что именно такая ситуация – хорошее владение двумя языковыми системами – наиболее адекватно отвечает языковому развитию вепсского этноса, определяя устойчивость языковой и этнической идентичностей.

Является ли она таковой? Насколько статична/не статична данная ситуация? Каковы перспективы этноязыкового развития вепсов?

Таблица 3

Выбор родного языка различными возрастными группами, %

Родной язык	Возрастные группы, лет			
	16–29	30–49	50 лет и старше	средняя
Вепсский	5,4	18,2	60,6	40,4
Русский	56,8	27,3	17,5	26,3
Два языка	32,4	53,0	21,9	32,1
Затруднялись ответить	5,4	1,5	0,0	1,2

Приведенные в табл. 3 данные показывают, что вепсы продолжают стремительно идти к одноязычию: среди 16–19-летних удельный вес признающих родным русский язык в три с лишним раза выше, чем среди вепсов старшего поколения. Более половины молодого поколения вепсов признают родным русский язык, хотя в последнее десятилетие отмечается тенденция роста национального самосознания вепсов и престижа национального языка. Среди молодежи по сравнению с вепсами среднего поколения сокращается и доля признающих родным два языка. К настоящему времени молодое поколение вепсов уже «перешагнуло» тот рубеж в развитии языковой ассимиляции (50 %), который исследователями считается пороговым на пути к полной языковой ассимиляции этноса. Отсюда со всей очевидностью следует: разрыв межпоколенных языковых связей по линии родного языка

продолжает нарастать. Вряд ли следует надеяться, что 5,4 % 16–19-летних вепсов, признающих родным вепсский язык, способны передать навыки родной речи своим детям. Поэтому, еще раз повторимся, роль школы в сохранении вепсами своего языка следует признать исключительной.

Вепсы с неполным средним образованием (преимущественно представители старшего поколения), примерно треть со средним общим и средним специальным образованием, ориентируются на язык своей национальности как родной. Среди имеющих неполное среднее образование и выше доля лиц с двумя родными языками весьма внушительна. Имеющие высшее образование родным языком чаще называли русский (табл. 4).

Таблица 4

Влияние уровня образования на выбор родного языка, %

Считают родным	Уровень образования				
	неполное среднее	среднее общее	среднее специальное	высшее	среднее
Вепсский	55,8	34,8	36,8	21,3	40,4
Русский	20,9	23,9	26,3	40,4	26,3
Два языка	22,1	41,3	36,8	34,0	32,1
Затруднились ответить	1,2	0,0	0,0	4,3	1,2

Очевидно, что влияние фактора «образование» проявляется весьма противоречиво. С одной стороны, его рост в определенной мере содействует распространению двух языков как родных, а с другой, увеличивает долю лиц с родным русским языком. Но в целом рост уровня образования, способствуя распространению двуязычия, одновременно стимулирует переход к одноязычию.

КАРЕЛЫ: СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2002 ГОДА)

Изучение языковой ситуации у карелов проведено по заказу и финансовой поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями.

Задача исследования заключалась в том, чтобы охарактеризовать этноязыковую ситуацию у карелов в начале XXI столетия, показать, в какой мере карелы владеют языком своей этнической общности, как распределяются общественные функции между русским и карельским языками в различных сферах общения, какой язык признается родным, как часто совпадают этническая и языковая идентичности, что влияет на выбор родного языка; поддерживается ли карельским населением, каким образом может быть обеспечена правовая защита их культурно-языковых интересов, каково их отношение к вопросу о придании карельскому языку статуса государственного языка, как опрошенные оценивают перспективы развития языка и культуры своего народа.

Значительное внимание в исследовании уделялось изучению роли школы в поддержании языковой компетентности карелов. Этим вопросам был посвящен специальный блок вопросов анкеты (их 12), фиксирующий степень владения карелами в возрасте до 15 лет языком своей национальности, частоту его использования в различных сферах общения, оценку родителями знаний их детьми карельского языка, динамику языкового поведения учащихся, отношение родителей к изучению детьми карельского языка в школе и др.¹

Весь перечень языковых вопросов анкеты (их 42) был увязан с серией социально-демографических характеристик опрашиваемых: полом, возрастом, уровнем образования и специальной подготовки, занятостью, принадлежностью к определенной социально-профессиональной группе и др.

Опрос проводился в 5 городах республики (Петрозаводске, Олонце, Кемии, Кондопоге, Костомукше), в 3 поселках городского типа (Калевале, Муезерском, Пряже) и более чем в 40 сельских поселениях Калевальского, Лоухского, Кемского, Муезерского, Кондопожского, Пряжинского, Олонецкого районов. Всего было опрошено 1000 чел. в возрасте 16 лет и старше. В выборочной совокупности представлены мужчины и женщины, респонденты в возрасте 16–29 лет (20,3 %), 30–49 лет (40 %), 50 лет и старше (39,5 %). По образовательной подготовке – это лица с неполным средним (17,8 %), средним общим (14,8 %), средним специальным (39,5 %) и высшим (27,7 %) образованием, как работающие (64,5 %), так и не работающие (35,5 %). В опросе участвовали представители различных социальных групп: работники преимущественно физического труда (27,8 %), служащие-неспециалисты, занятые на работах, не требующих длительной профессиональной подготовки (19,5 %), занятые преимущественно умственным трудом (43,7 %), работники различных отраслей управления и производства: работники органов власти, управления, финансов и страхования (6,5 %), торговли, сферы обслуживания, связи (14,6 %), промышленности, транспорта, строительства (15,1 %), науки, образования, культуры (34,1 %), здравоохранения, детских дошкольных учреждений (10,3 %), сельского хозяйства (18,2 %), а также других отраслей (2,5 %). Среди неработающего населения опрошены пенсионеры по старости и инвалидности (61,8 % от общей численности неработающего населения), женщины, находящиеся в декретном отпуске или отпуске по уходу за детьми, домохозяйки (4,2 %), безработные (13,2 %), студенты, учащиеся (17,4 %). В опросе участвовали карелы, живущие в семьях, состоящих из одного, двух, трех и более поколений (соответственно 18,7, 44,9 и 35,2 %), члены однонациональных, национально-смешанных и многонациональных семей (соответственно 42,1, 52,1 и 5,8 %), как имеющие, так и не имеющие детей в возрасте до 16 лет.

Многообразие социально-демографических характеристик опрашиваемых, учет расселенческого фактора позволили получить репрезентативные данные по этноязыковой ситуации у карелов по состоянию на середину 2002 года.

Языковая ситуация рассматривается как процесс функционального взаимодействия карельского и русского языков на территории Республики Карелия преимущественно в двух аспектах – поведенческом и этнопсихологическом. В первом случае обсуждаются вопросы, связанные с языковой

¹ Краткие итоги опроса опубликованы в работе: *Клементьев Евгений*. Республика Карелия // На пути к переписи. М., 2003. С. 190–196. Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю благодарность учителям карельского языка, оказавшим помощь в проведении исследования.

компетентностью карелов и реальным использованием ими языка своей национальности и русского языка в различных сферах. При рассмотрении этнопсихологического аспекта речь идет об оценке карелами результатов взаимодействия этих двух языковых систем, этноязыковых предпочтениях карелов, выраженных в выборе ими родного языка.

Языковая компетентность

Опрос показал, что двуязычие в карельской среде оставалось относительно массовым явлением: 53,5 % карелов умели свободно говорить по-карельски, в том числе 29,7 % могли читать и писать на нем, 17,7 % могли с трудом объясниться, 18,4 % понимали лишь отдельные слова и каждый десятый не знал карельского языка (табл. 1). В целом уровень знания карелами языка своей национальности может быть оценен как средний.

Таблица 1

Языковая компетентность различных социальных групп карелов

	Владеют карельским языком:					
	1	2	3	4	5	нет ответа
Средняя по выборке	23,8	29,7	17,7	18,4	10,2	0,2
Пол:						
мужчины	17,3	33,2	19,4	20,2	9,9	–
женщины	27,8	27,5	16,7	17,3	10,4	0,3
Возраст:						
16–29 лет	8,8	13,7	25,4	32,7	19,5	–
30–49 лет	23,0	26,3	21,8	19,3	10,0	–
50 лет и старше	32,4	41,5	10,1	10,1	5,6	–
Образование:						
неполное среднее	18,5	51,7	9,6	12,9	7,3	–
среднее общее	18,9	33,8	18,2	20,9	7,4	–
среднее специальное	21,0	29,8	21,3	18,0	10,1	–
высшее	33,9	13,1	17,5	21,5	13,5	0,4
Занятость:						
работающие	22,3	26,8	21,1	17,7	11,9	0,2
неработающие	28,9	34,7	11,2	19,8	24,6	0,3
Социальные группы:						
работники физического труда	16,8	40,7	19,2	13,6	10,7	–
служащие-неспециалисты	12,9	31,5	25,8	21,8	8,1	–
работники умственного труда	29,3	17,7	20,7	18,9	13,2	–
Отрасль занятости:						
органы власти, управления	17,1	24,4	31,7	22,0	4,9	–
сфера обслуживания	9,7	36,6	23,7	19,4	10,8	–
промышленность	34,4	13,0	18,6	17,2	16,7	1,1
культура, образование	18,2	28,8	16,7	24,2	12,1	–
здравоохранение, ДДУ	15,7	45,2	26,1	11,3	1,7	–
сельское, лесное хозяйство	47,0	28,7	6,1	7,8	10,4	–
прочие отрасли	18,8	37,5	18,8	18,8	6,3	–
Незанятое население:						
пенсионеры	37,3	44,5	6,9	9,1	2,7	0,6
в отпуске по уходу за детьми	26,7	13,3	–	33,3	26,7	–
безработные	8,5	40,4	28,4	19,1	8,5	–
студенты, учащиеся	4,8	6,5	21,0	51,6	16,1	–
Поколений в семье:						
одно	9,1	65,8	9,1	6,6	7,5	–
два	10,5	60,8	15,1	7,3	6,2	–
три и более	8,0	67,3	12,5	2,3	9,9	–
Национальный состав семьи:						
карельская	2,9	81,9	9,5	3,1	2,6	–
национально-смешанная	13,6	51,1	15,9	8,1	11,3	–
многонациональная	18,9	45,9	16,2	8,1	10,8	–

Примечание. 1 – свободно говорят, читают, пишут; 2 – свободно говорят, но не читают, не пишут; 3 – могут объясниться; 4 – понимают отдельные слова; 5 – не владеют.

Наиболее сильным фактором, дифференцирующим различные социальные группы карелов по языковой компетентности, выступал возраст. Динамика этих различий свидетельствует о том, что ведущей тенденцией языковых перемен остается весьма интенсивный переход от двуязычия к одноязычию: среди 16–29-летних, свободно владеющих карельским языком, примерно в 3,3 раза меньше, чем среди 50-летних и старше (см. табл. 1).

В меньшей мере на знание языка своей национальности влияет уровень общеобразовательной и специальной подготовки. Но все же заметно, что рост образования, особенно наличие среднего специального и высшего образования, сопровождается увеличением доли слабознающих («могут объясниться») и не знающих язык своего этноса.

Национальный состав семьи, как и следовало ожидать, предопределяет выбор языка раннего детства. В национально-смешанной семье, состоящей из представителей двух этнических групп, или многонациональной, состоящей из представителей трех и более национальностей, в отличие от однонациональной, заметно возрастает удельный вес плохо знающих и вообще не знающих карельский язык (см. табл. 1). Основным разговорным языком в таких семьях становится русский язык. В этом случае обрывается преемственность по линии «национальность» – «языковая компетентность». Если в детские годы ребенок не приобщается к языку своей этнической общности, процесс перехода к одноязычию резко ускоряется. Исследование подтвердило это общее положение. Установлено, что большинство опрошенных научились говорить по-карельски в родительской семье (64,0 %), а также в общении с другими родственниками (16 %). Значительно реже освоение языка происходило в период учебы в школе (5,8 %) или в других ситуациях (в семье мужа, в повседневном общении с односельчанами и т. д.) – 14,2 % (табл. 2).

Таблица 2

Влияние времени приобщения к языку своей национальности на уровень языковой компетентности, в %

Овладел языком	Владеют карельским языком					
	1	2	3	4	5	средняя
В родительской семье	95,0	93,6	50,3	25,0	0,0	64,0
В общении с родственниками в детстве	2,5	6,1	31,6	27,2	0,0	16,0
В период учебы в школе	0,8	0,0	9,6	20,7	1,0	5,8
Иной вариант	1,7	0,3	7,3	17,4	27,5	14,2

Примечание. Условные обозначения те же, что и в табл. 1.

Уже отмечалось, что 53,5 % опрошенных заявили, что свободно владеют карельским языком, освоив его в раннем детстве в родительской семье (64 % ответов). Разность между этими двумя показателями (около 10 %) говорит о том, что часть карелов с течением времени утратила знания карельской разговорной речи в силу разных причин. Очевидно, что для поддержания знаний языка своей национальности необходима постоянная практика общения на нем. Отсутствие этой практики приводит и к забвению частью карелов языка раннего детства, и к психологической переоценке языка как фактора языковой и этнической идентификации.

Сравнительная оценка степени знания двух языков опрошенных, включающая и психологический аспект языковых взаимодействий, выяснялась вопросом «Каким языком Вы свободнее, лучше владеете?»

За исключением части пенсионеров, ни одна из групп опрошенных знания карельского языка не оценила выше, чем знание русского языка. Значительно ниже средних показателей оказались языковые предпочтения (по мере убывания показателей) у лиц со средним специальным и высшим образованием, работающего населения, в том числе работников здравоохранения и детских дошкольных учреждений, служащих-неспециалистов, карелов среднего и молодого поколений, работающих в органах власти и управления, занятых в сфере образования и культуры. Ни один из числа учащихся и студентов не отметил вариант ответа «лучше знаю карельский язык».

Чаще всего о более совершенном знании русского языка по сравнению с карельским языком заявляли учащиеся и студенты, 16–29-летние, женщины, находящиеся в декретном отпуске или отпуске по уходу за детьми. Повышен удельный вес лучше знающих русский язык, чем карельский, среди проживающих в многонациональной семье, а владение двумя языками более характерно среди карелов пожилого возраста в однонациональных карельских семьях.

В целом этноязыковые предпочтения также демонстрируют последовательный переход карелов к одноязычию.

Чтобы последний вывод выглядел убедительнее, обратимся еще к одному показателю. Для этого сравним долю карелов, свободно владеющих карельским языком (см. табл. 1) с удельным весом карелов, признающих, что они лучше знают карельский язык (табл. 3). Учитывая, что динамика языковых изменений наиболее рельефно улавливается возрастными различиями, воспользуемся еще раз именно демографическим показателем.

Таблица 3

Сравнительная оценка знания языков

	Лучше знают язык:			
	карельский	русский	два языка	нет ответа
Средняя по выборке	9,9	63,6	34,7	1,8
Пол:				
мужчины	8,6	57,1	32,7	1,6
женщины	10,7	51,6	35,9	1,9
Возраст:				
16–29 лет	2,9	83,4	13,2	0,5
30–49 лет	4,5	58,3	35,0	2,3
50 лет и старше	19,0	33,4	46,6	2,0
Образование:				
неполное среднее	26,4	34,8	37,6	1,1
среднее общее	12,2	54,1	31,8	2,0
среднее специальное	5,6	55,9	35,7	1,8
высшее	4,4	62,0	31,4	2,2
Занятость:				
работающие	4,8	58,4	34,7	2,0
неработающие	19,2	44,7	34,7	1,4
Социальные группы:				
работники физического труда	6,8	50,3	40,7	2,3
служащие-неспециалисты	4,8	62,1	32,3	0,8
работники умственного труда	3,9	61,9	32,0	2,4
Отрасль занятости:				
органы власти, управления	7,3	68,3	24,4	–
сфера обслуживания	3,2	58,1	37,6	1,1
промышленность	3,2	57,9	34,7	4,2
культура, образование	1,9	61,4	34,4	2,3
здравоохранение, ДДУ	4,5	56,1	36,4	3,0
сельское, лесное хозяйство	11,3	53,9	33,9	0,9
прочие отрасли	6,3	56,3	37,5	–
Незанятое население:				
пенсионеры	29,1	24,6	45,0	1,4
в отпуске по уходу за детьми	5,7	80,0	13,3	–
безработные	4,3	55,3	38,3	2,1
студенты, учащиеся	0,0	93,5	4,8	1,7
Поколений в семье:				
одно	14,4	52,9	30,5	2,1
два	6,2	59,5	32,3	2,0
три и более	12,2	46,6	39,8	1,4
Национальный состав семьи:				
карельская	15,0	36,6	46,8	1,7
национально-смешанная	6,0	65,8	26,1	2,1
многонациональная	10,8	70,3	18,9	–

Гипотетически можно предположить, что доля свободно владеющих карельским языком может совпадать или быть близкой к доле карелов, выше оценивающих свое знание карельского языка.

Приведенные в табл. 4 данные позволяют сделать, по крайней мере, два важных вывода. Во-первых, распространение паритетного двуязычия относительно слабо влияет на перестройку языкового сознания карелов и является, следовательно, важнейшим условием сохранения карель-

ского языка. Во-вторых, знание карельского языка на уровне «понимают, могут объясниться на карельском языке» следует рассматривать как пороговое языковое состояние этноса, существенно ускоряющее переход к одноязычию.

Таблица 4

Сравнительная самооценка языковой компетентности

Лучше знают язык	Владеют карельским языком				
	1	2	3	4	5
Карельский	21,4	15,5	0,6	0,5	0
Русский	10,5	22,2	93,2	97,8	98,0
В равной мере два языка	66,0	60,6	4,5	0,0	1,0

Примечание. Условные обозначения те же, что и к табл. 1.

Речевое поведение

В исследовании фиксировалась частота использования карельского языка в семи случаях языковых контактов: в общении с родителями, в общении супругов, в общении брата с сестрой и, наоборот, с другими родственниками, с друзьями, с односельчанами и на работе.

В табл. 5 приведены сведения о частоте употребления карельского языка только теми опрошенными, у кого есть такие возможности общения (имеют родителей, супруга/супругу, брата/сестру карельской национальности и т. д.), кто ответил на эти вопросы и кто в той или иной мере знает карельский язык. Частота использования карельского языка оценивалась по двум показателям. В первом случае фиксировалось использование карельского языка только теми, кто свободно владеет им, во втором – кто свободно владеет им и может объясниться на карельском языке. Таким образом, коэффициенты использования языка фиксируют соотношение между знанием языка с его реальным использованием в различных ситуациях внутринациональных контактов.

Как видно из приведенных данных, чаще всего по-карельски говорят в общении с односельчанами и родителями, реже всего – в производственной сфере. В целом наиболее сильная функциональная нагрузка на язык своей национальности приходится в общении с родственниками.

Таблица 5

Использование карельского языка в различных сферах общения

Сферы общения	Говорят на карельском языке				Коэфф. использования языка, %	
	часто	иногда	редко	не говорят	1	2
С родителями	33,8	16,8	13,4	36,0	63,2	70,8
Муж с женой	28,8	14,4	10,1	46,7	53,1	80,6
Брат с сестрой	30,6	15,2	12,6	41,1	57,2	64,3
С другими родственниками	32,7	19,7	12,6	35,0	61,1	73,6
С друзьями	26,1	17,2	12,2	44,5	48,8	60,8
С односельчанами	35,4	15,4	36,8	13,4	66,2	71,3
На работе	13,7	15,7	12,7	57,9	25,6	41,3

Родной язык

Вопрос о родном языке в анкете был сформулирован следующим образом: «Какой язык Вы считаете родным?». Данные опроса показывают, что существенной чертой современной языковой ситуации является дуализм языковой идентичности – признание в качестве родного двух языков – с отчетливой тенденцией психологической ориентацией на русский язык как родной. Эта тенденция наиболее наглядно иллюстрируется выбором родного языка различными возрастными и образовательными группами опрошенных.

Установлено, что языковые предпочтения карелов младшего и старшего поколений, по существу, диаметрально противоположны: 16–19-летние родным значительно чаще считают русский язык, 50-летние и старше (в основном пенсионеры), наоборот, – карельский язык.

Повышена доля признающих родным язык своей национальности в однопациональных семьях, где привычно звучит карельская речь (более 60 % ответов). В таких семьях значительная часть карелов (примерно каждый четвертый-пятый) к родным относят два языка, но только каждый седьмой родным

считает только русский язык. Доля карелов с родным карельским языком в национально-смешанных и многонациональных семьях существенно понижена – соответственно 30,7 и 24,3 %. Родным в этих типах семей чаще назывался русский язык – 40,7 и 54 %. Интересно, что доля признающих два языка родными равна доле многонациональных семей. Оказалось, что 42,1 % опрошенных проживали в однонациональных, 52,0 % в национально-смешанных около 6 % и в многонациональных семьях.

В какой мере ориентация на карельский язык как родной связана с языком раннего детства (первым языком)? Зависит ли выбор родного языка от степени владения им и в какой мере?

Приведенные в табл. 6 данные подтверждают ранее сделанный вывод о том, что: равноценное знание двух языков не играет решающей роли при выборе родного языка. Другое дело, когда функциональная нагрузка на язык своей этнической общности сокращается и он все реже и реже используется в общении и в конечном итоге забывается. Утрачивая этноинтегрирующую функцию, он перестает быть ориентиром национального (этнического) самосознания. В таком случае роль индикатора этноязыковой идентичности начинает играть язык другого народа.

Таблица 6

Языковые факторы, влияющие на выбор родного языка

	Родной язык		
	карельский	русский	два языка
Овладели карельским языком:			
в родительской семье	60,8	10,3	26,7
в детстве, в общении с родными	21,5	44,6	32,3
в период учебы в школе	10,3	60,3	20,7
иной вариант	5,1	76,9	12,8
Владеют карельским языком:			
свободно говорят	77,3	2,1	20,2
свободно говорят, читают, пишут	60,9	6,1	30,3
могут объяснить	29,4	31,6	35,0
понимают отдельные слова	7,1	70,1	19,6
не владеют	–	91,2	2,9
Лучше знают, владеют:			
карельским	98,0	0,0	1,0
русским	17,7	55,2	23,5
в равной мере двумя языками	66,9	0,6	30,3

Примечание. В табл. не учтены ответы затруднившихся ответить на эти вопросы и не ответивших на них.

Языковая компетенция и речевое поведение детей в оценках родителей

Ниже дается характеристика данных опроса 387 карелов, имеющих детей младше 16 лет.

Выяснилось, что только 8 % детей, по оценкам родителей, свободно говорят по-карельски, 14,2 % могут объяснить, 23,6 % понимают, но не говорят, 30,5 % понимают отдельные слова и 23,6 % не знают карельского языка. Таким образом, большинство детей (около 78 %) являются одноязычными.

Насколько существенны различия в знании детьми карельского языка в зависимости от возраста родителей?

Анализ данных показывает следующее: в семьях, в которых родители не старше 29 лет, 6,5 % детей достаточно хорошо знают карельский язык. Если родителям 30–49 лет, то 4,9 % детей обладают таким же уровнем языковых знаний. В семьях, где родителям более 50 лет, каждый пятый ребенок, точнее 21,6 %, без особых затруднений общаются на родном языке.

Язык общения родителей с детьми

Основным языком общения родителей и детей является только русский (51,7 % ответов) или преимущественно русский язык (27,8 % ответов). В равной мере в разговоре родителей с детьми используются два языка (примерно каждый пятый опрошенный 19,1 %). Очень редко в семье используется преимущественно карельский язык (менее 1 % ответов). Случаи обращения родителей к детям только на карельском языке единичны. Свой языковой потенциал (знания языка своей национальности и умение общения на нем) родители используют примерно на 38–39 %.

Вновь обратимся к возрастной составляющей, чтобы ответить на вопрос: «На каком языке родители различных возрастных групп обращаются к детям?»

Судя по данным опроса, родители в возрасте до 29 лет, 30–49 лет чаще всего в общении со своими детьми пользуются преимущественно или только русским языком (свыше 83 %). На двух языках говорят около 17 % родителей в возрасте до 30 лет и около 16 % в возрасте 30–49 лет. Очевидно, что по мере замещения поколений функциональная нагрузка на карельский язык фактически не увеличивается. И только карелы старшего поколения содействуют сохранению детьми навыков родной речи – почти в каждой третьей такой семье они обращаются к детям на карельском языке. Случаи же общения родителей с детьми преимущественно на карельском языке, тем более только на русском языке единичны.

Язык общения детей с родителями

Абсолютное большинство детей обращаются к родителям только на русском (62,3 %) или преимущественно русским языке (24,2 %), отвечают родителям в равной мере на двух языках примерно каждый восьмой (12,8 %), остальные дети (менее 1 %) используют или преимущественно карельский или только карельский язык. Расчеты показывают, что возможности общения на карельском языке, которые следует признать скудными, дети используют примерно на 31–32 %.

В семьях, где родителям не более 29 лет, только в 10 случаях из 100 дети разговаривают с родителями на двух языках, преимущественно карельский язык ими не используется. Аналогичная ситуация характерна и для языкового поведения детей в семьях, в которых возраст родителей равен 30–49 годам. И только примерно в каждой четвертой семье, где родителям более 50 лет, дети отвечают родителям и по-карельски, и по-русски. Иными словами, навыки паритетного владения двумя языковыми системами передаются в ограниченных пределах только в семьях карелов старшего поколения. В таких семьях около 4 % детей отвечают родителям преимущественно или только на «своем» национальном языке. Но даже хорошее владение карельским языком не стало еще нормой языковых взаимоотношений детей с родителями.

Хотели бы родители, чтобы их дети знали карельский язык?

Положительно на этот вопрос ответили 55,8 % родителей, более «мягкий» вариант ответа – «было бы неплохо, если бы они знали карельский язык» – выбрали примерно треть (33,8 %), против знания детьми карельского языка высказались около 3,5 %, мотивируя это тем, что все говорят по-русски, и примерно 7 % затруднились ответить на данный вопрос.

Каковы эти ожидания в семьях различных возрастных групп?

Анализ данных опроса показывает следующее: абсолютное большинство родителей всех поколений единодушны в том, что детям следует знать язык своего народа (от 87,4 % в возрастной группе 30–49 лет до 92,4 % в возрастной группе 50 лет и старше).

Фактически же пожелания родителей, чтобы дети знали язык своей национальности, превышают «багаж» их языковых знаний, а в реальной практике – в общении со своими детьми – эти знания существенно рассогласованы с ожиданиями.

Изучают ли дети карельский язык?

Из общего числа опрошенных, имеющих детей до 16 лет, утвердительно ответили 39,4 %. По мнению каждого третьего родителя, дети не изучают карельский язык, потому что нет такой возможности и еще 28,5 % ответов пришлось на вариант «нет, не изучают, хотя и есть такая возможность».

Изменилось ли отношение родителей к школе? Об этом можно судить по тому, какова доля детей, изучающих/не изучающих карельский язык в школе по поколениям. Выяснилось, что чаще всего учатся дети, возраст родителей которых не более 29 лет или старше 50 лет (от 40 до 45 %), несколько реже дети в семьях 30–49-летних – около 28 %. Но именно родители молодых семей (до 30 лет) чаще всего выбирали вариант ответа «дети не учатся, хотя и есть такая возможность (более 37 % ответов) против примерно 27 % мнений опрошенных в возрасте 30 лет и старше. Неоднозначное отношение молодого поколения карелов к знанию их детьми языка своей национальности, вероятно, будет сдерживать наполняемость классов изучающих карельский язык и, соответственно, усвоение детьми навыков родной речи в более массовом масштабе.

Как родители оценивают изменения языковых знаний своих детей за прошедшие 1–2 года?

Выяснилось, что родители чаще всего затруднялись оценить изменения в языковых знаниях детей (почти 43 % ответов). Положительные изменения – «дети стали лучше говорить на карельском языке» – отметили около 28 % родителей. По мнению 29,4 % родителей, знания детьми карельского языка остались на прежнем, низком уровне. Таким образом, в целом динамику языковых изменений детей за прошедшие 1–2 года родители, по существу, оценили как статику.

Однако оценки по различным возрастным группам опрошенных существенно колеблются. Молодые родители (до 30 лет) чаще 30–49-летних и карелов старшего поколения отметили, что дети стали лучше говорить на карельском языке (соответственно каждый третий, почти 26 и 29 %). Далее: молодые родители примерно в 1,5–5 раз реже, чем опрошенные более старшего возраста подчеркивали, что знания детей остались на прежнем уровне. Отсюда, очевидно, можно заключить: освоение детьми языка своей национальности будет существенно зависеть от заинтересованности самих молодых семей в приобщении своих детей к навыкам карельской речи. При ограниченных языковых знаниях молодежи, неоднозначном их отношении к школе, освоение детьми карельского языка в общеобразовательной школе ожидают большие трудности.

Чаще ли стали дети говорить по-карельски за прошедшие 1–2 года?

По оценкам 36,8 % родителей дети как пользовались только русским языком, так и пользуются им, еще 27 % пришлось на вариант ответа, что дети по-прежнему говорят преимущественно на русском языке. Почти каждый пятый родитель (19,3 %) считает, что дети стали чаще говорить по-карельски.

В разрезе возрастных групп родителей языковое поведение детей оценено по-разному. То, что дети чаще стали пользоваться карельским языком, отметили 28,2 % 50-летних и старше, реже об этом говорили родители до 30 лет (22 %) и 30–49-летние (16,5 %). Ни один из молодых родителей не выбрал вариант ответа, что дети пользуются дома преимущественно карельским языком. Очевидно, что динамику языковых изменений можно оценить как вялую, учитывая, что карельский язык в общеобразовательной школе изучается более 10 лет.

Должен ли в школе изучаться карельский язык?

На этот вопрос отвечали все участники опроса. Абсолютное большинство (почти 74 %) считает, что в школе обязательно должен изучаться карельский язык. Вариант ответа, «карельский язык в школе изучать не обязательно» был поддержан примерно 13 %, остальные (около 13–14 %) не могли определиться по данному вопросу.

Скептиков среди молодежи (до 30 лет) оказалось значительно больше, чем среди 30–49-летних и карелов старшего поколения. Вариант ответа «пожалуй, карельский язык в школе изучать не обязательно, можно обойтись и без знания карельского языка» по возрастным группам соответственно выбрали 18 %, около 14 % и менее 9 %. И по данному вопросу молодые опрошенные показали наибольшую неустойчивость своих языковых ориентаций.

Сколько лет в школе следует изучать карельский язык?

Больше всего «голосов» получил вариант ответа «язык следует изучать как предмет с 1 по 11 классы». Так ответили 64,5 % участников опроса. Молодое поколение карелов несколько чаще (примерно каждый шестой), чем 50-летние и старше склонялись к мнению, что карельский язык следует изучать как предмет только в начальной школе (примерно каждый восьмой ответ). Практически одинаковое количество «голосов» всеми возрастными группами опрошенных было подано за варианты «в начальной школе большинство предметов следует преподавать на карельском языке» (около 4,3 % всех ответов), «в неполной средней школе некоторые предметы должны изучаться на карельском языке» (4,6 % ответов). Примерно каждый десятый не определил своего мнения по данному вопросу.

Обеспокоены ли карелы будущим своего народа?

Во время опроса каждому респонденту предлагалось определить свою позицию в вербальной ситуации и ответить на вопрос: «К какой из перечисленных ниже групп Вы бы себя отнесли?» В анкете были предусмотрены следующие варианты ответов.

Отношусь:

1. К тем, кто беспокоится за будущее карельского народа, сохранение языка и культуры карелов и сам что-то делает для этого («активисты-практики»).
2. К тем, кто беспокоится за будущее карельского народа, но ничего не делает в этом направлении («наблюдатели»).
3. Пожалуй, к тем, кто не интересуется этими проблемами («равнодушные»).
4. К тем, кто считает, что карельский язык все равно не сохранится и работа в этом направлении – пустая трата времени («пессимисты»).

Самую большую группу опрошенных составили «наблюдатели» (почти 44 % от общего числа опрошенных), почти треть (31 %) отнесли себя к «активистам». Примерно каждый седьмой опрошенный не интересуется вопросами сохранения языка и культуры карелов. Небольшую группу опрошенных составили «пессимисты» (около 7 %), т. е. те, кто считает, что карельский язык в перспективе не сохранится.

«Активисты» – это чаще всего женщины, в том числе старше 50 лет, с высшим образованием, преимущественно работники умственного труда, занятые в сфере науки, образования, культуры. Самую высокую активность в сохранении культурно-языкового наследия проявляют проживающие в карельской семье, состоящей из нескольких поколений. В числе «активистов», как и следовало ожидать, прежде всего те, кто свободно владеет языком своей национальности, но только в том случае, если он был освоен в родительской семье в раннем детстве (почти 69 %). Более 60 % «активистов» считают родным язык своей национальности.

Среди «наблюдателей» повышен удельный вес лиц со средним образованием, служащих-неспециалистов, работников, занятых преимущественно физическим трудом, работников сферы торговли и обслуживания, здравоохранения, детских дошкольных учреждений, но особенно сельского и лесного хозяйства, а также проживающих в многонациональной семье.

В рядах «равнодушных» больше оказалось мужчин, чем женщин, молодых карелов с неполным средним образованием, тех, чья профессиональная деятельность связана с физическим трудом (рабочие промышленных отраслей производства), из незанятого населения – безработные, учащиеся и студенты, а также члены национально-смешанных семей.

В рядах «пессимистов» большинство молодых карелов, около 60 % из них плохо или совсем не знают карельского языка, чаще всего их профессиональная деятельность связана с физическим трудом.

Четко прослеживаемая зависимость, чем хуже знания карельского языка, тем выше удельный вес «наблюдателей», ответы «пессимистов» и «нигилистов» сигнализируют о том, что с дальнейшим сокращением свободно говорящих на языке своей национальности увеличит численность не верящих в перспективы сохранения языка своей национальности.

Как следует защищать культурно-языковые интересы карелов?

Об этом же свидетельствуют ответы на вопрос: «Какое из этих суждений больше всего соответствует Вашему мнению?» со следующими вариантами ответов:

1. Карельскому языку сегодня следует придать статус государственного языка, так как он способен в полной мере выполнять такую функцию.
2. Карельскому языку сегодня следует придать статус государственного языка, хотя сегодня он и не готов в полной мере выполнять эту функцию.
3. Карельскому языку сегодня не следует придавать функцию государственного языка, так как в настоящее время не готов выполнять ее.
4. Карельскому языку в будущем обязательно следует придать статус государственного языка,
5. Затрудняюсь ответить.

Ни один из приведенных вариантов ответов не получил большинства голосов. «Проголосовавших» против придания карельскому языку статуса государственного языка оказалось почти столько же (21,5 %), сколько высказалось за принятие такого языкового законопроекта в перспективе (21,8 %). Опрошенные чаще соглашались с тем, что сегодня карельский язык скорее не готов выполнять функции государственного языка (17,4 %), хотя ему и следовало бы придать статус государственного языка. Меньше поддержки получил вариант ответа «карельскому языку следует придать статус государственного языка, так как он способен в полной мере выполнять такую функцию» – 12,5 %.

Анализ данных опроса показал, что три фактора – возраст, образование и знание карельского языка – разделили мнения опрошенных.

За огосударствление карельского языка, независимо от того, готов он или не готов выполнять такие функции государственного языка, чаще всего высказывались карелы среднего (30–49 лет) и старшего (50 лет и старше) поколений. Молодежь не отдала предпочтения ни одному из предложенных вариантов, чаще всего у них возникали затруднения в определении своей позиции (каждый третий ответ).

Часть опрошенных со средним специальным и высшим образованием поддержала идею придания карельскому языку статус государственного языка, а другая часть (примерно такая же) с таким же уровнем профессиональной подготовки высказалась против принятия такого решения.

Обратим еще раз внимание на связь между знанием языка и готовностью к правовой защите культурно-языковых интересов народа. Динамика мнений в зависимости от языковой компетентности такова: если среди свободно владеющих карельским языком идею наделения карельскому языку статуса государственного языка поддержали 22,7 %, то среди не владеющих им таковых оказалось только 6 %.

Различные мнения обнаруживаются и в ответах на вопрос: «Представьте себе: перед Вами лежат два языковых законопроекта:

1. Закон о придании карельскому языку статуса государственного языка.

2. Закон, защищающий карельский язык в сфере культуры и образования, но не придающий ему статуса государственного языка.

«Какому варианту Вы лично отдали бы предпочтение?» с вариантами ответов: 1. первому, 2. второму, 3. ни одному из них, 4. затрудняюсь ответить.

Принятие закона, защищающего приоритеты карельского языка в сфере образования и культуры, поддержали почти 47 % опрошенных, за огосударствление карельского языка «проголосовало» немногим более 29 %, небольшая часть опрошенных (3,2 %) высказалась против обоих законопроектов, остальные (около 20 %) затруднились определиться в своем ответе.

И по этому вопросу возраст, образование и язык явились своеобразными границами, разделившими мнения опрошенных. За первый вариант «проголосовали» карелы среднего и старшего поколений (примерно 30 %), но около 40 % отдали предпочтение второму варианту. За карельский язык как государственный ратовали прежде всего свободно владеющие им и считающие его родным языком (табл. 7), а мнения молодых карелов (до 30 лет), не владеющих им, оказались разделенными: часть поддержала законопроект, защищающий языковые права народа в сфере образования и культуры, но без придания карельскому языку статуса государственного языка, другая часть склонялась к мнению о том, что не следует принимать ни один из законопроектов. Более 53 % ассимилированных в языковом отношении карелов, большинство которых составляет молодое поколение, высказались против принятия любого языкового законопроекта.

Таблица 7

Влияние языкового фактора на формы правовой защиты языка, %

Отдали предпочтение	Владеют карельским языком					Всего
	1	2	3	4	5	
принятию закона о придании карельскому языку статуса государственного языка	37,0	34,6	16,4	7,5	4,5	100
принятию закона, защищающего культурно-языковые интересы карелов	20,8	24,2	18,2	24,7	12,0	100
ни одному из них	12,5	12,5	15,6	18,9	40,6	100
затруднялись определиться	13,9	37,8	18,7	19,6	9,1	100
	Считают родным язык				затруд. ответ.	
	карельский	русский	два языка			
принятию закона о придании карельскому языку статуса государственного языка	65,4	13,4	20,2		1,0	
принятию закона, защищающего культурно-языковые интересы карелов	32,8	37,3	27,6		2,1	
ни одному из них	21,9	56,3	15,6		6,3	
затруднялись определиться	37,8	33,0	23,0		5,7	

Примечание. См. примечание к табл. 1.

За молодым поколением будущее карельского языка. Учитывая этот очевидный факт, следует признать, что с дальнейшим углублением процессов языковой ассимиляции доля сторонников правовой защиты культурно-языковых интересов карелов будет сокращаться.

Меры, предпринимаемые для сохранения карельского языка, приходится решать при высоких темпах утраты карелами языка своей национальности. Времена, когда семья являлась главным источником воспроизводства родного языка в форме свободного его владения, остались в прошлом. Стало ясно, что без эффективного развития национальной школы, без освоения молодым поколением карелов навыков родной речи противостоять активным процессам языковой ассимиляции карелов, которая массово проникла «вглубь» этноса, противостоять чрезвычайно трудно.

Решающим звеном языковой политики, направленной на сохранение карельского языка, еще в конце 1980-х годов была признана школа. Однако ее состояние в настоящее время таково, что серьезно говорить о ее роли в массовом освоении молодым поколением карелов навыков родной речи не приходится. Если и в дальнейшем школа будет пополняться детьми, не знакомыми с элементарными навыками родной речи, а время на обучение карельскому языку будет ограниченным, проблема сохранения карельского языка останется открытой.

Учитывая, что значительная часть молодого и среднего поколения карелов, имеющая детей дошкольного и школьного возраста, не знает карельского языка или плохо владеет им, поддерживать на высоком уровне внутриэтническую языковую преемственность в настоящее время весьма и весьма сложно. Следовательно, требуется такая переакцентировка в языковой политике, которая позволяла бы сосредоточить изучение азов карельского языка в детских дошкольных учреждениях. Задача школы стала бы иной – не заниматься языковым ликбезом, а совершенствовать у детей навыки знаний родного языка до уровня свободного владения им.

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ НАРОДЫ КАРЕЛИИ ПО ПЕРЕПИСИ 2002 ГОДА

27 декабря 2001 года Государственная Дума Российской Федерации приняла Федеральный Закон «О Всероссийской переписи населения», вступивший в силу 25 января 2002 года. Перепись рассматривалась как «основной источник федеральных информационных ресурсов, касающихся численности и структуры населения, его распределения по территории Российской Федерации в сочетании с социально-экономическими характеристиками, национальным и языковым составом населения, его образовательным уровнем». Этническая принадлежность и перечень языковых вопросов (владение языками, родной язык) определялись ст. 6¹.

Динамика численности и этнического состава населения Карелии

Первой Всероссийской переписью населения 2002 года в Карелии было учтено 716281 чел., в том числе 537395 чел. городского (75 %) и 178886 тыс. (25 %) сельского населения. В стадию устойчивой депопуляции республика вступила в 1992 году и не вышла из этого состояния вплоть до настоящего времени. Коэффициент естественного воспроизводства составлял лишь 1,2 при желательном уровне 2,66. По абсолютному числу жителей республика оказалась на уровне конца 1970-х годов. Среди факторов, оказавших наиболее сильное воздействие на падение численности населения, оказались сокращение рождаемости, старение населения, почти двукратное превышение смертности над рождаемостью, отток населения за пределы республики.

Таблица 1

Этнический состав населения административных территорий

	Всего, тыс. чел.		Русские		Карелы		Финны		Вепсы	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Все население	790,2	716,3	581571	548941	78928	65651	18420	14156	5954	4870
<i>Горсоветы:</i>										
Петрозаводский	270,2	266,6	219157	218182	14311	13527	9359	7383	3077	2715
Костомукшский	31,8	30,3	23577	23269	2494	2424	256	292	35	45
Сортавальский	37,7	35,6	28556	28774	1412	1126	496	411	90	72
<i>Районы:</i>										
Беломорский	30,5	24,0	23806	19564	2294	1451	214	145	22	18
Калевальский	12,0	10,6	5264	4925	4326	3820	106	86	7	6
Кемский	26,7	20,7	20843	17031	1714	1201	272	188	25	19
Кондопожский	48,0	44,6	37342	35919	4419	3574	1497	1192	184	190
Лахденпохский	18,9	16,4	14802	13525	486	348	124	115	24	21
Лоухский	24,9	20,1	16656	14366	4127	3071	244	171	15	20
Медвежьегорский	47,3	38,4	37010	31599	3593	2523	471	293	76	48
Муезерский	20,7	16,6	10935	9610	2829	2155	344	275	37	27
Олонецкий	30,5	27,0	9203	8748	19008	16402	314	277	36	29
Питкярантский	27,5	23,8	19154	17405	2475	1926	901	645	91	84
Прионежский	25,6	21,8	18663	16615	1214	1003	882	621	1972	1364
Пряжинский	23,2	18,2	10098	8408	8528	6715	1736	1141	87	84
Пудожский	31,6	27,5	26435	23982	295	234	100	80	27	25
Сегежский	56,5	50,1	43596	40708	2281	1688	773	558	84	65
Суоярвский	26,5	24,0	16474	16311	3122	2463	391	282	65	38

Примечание. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 7–16; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 5–24. В 2002 году вепсы, проживающие в Вепской национальной волости, учтены в составе населения Прионежского района.

¹ Федеральный Закон от 25 января 2002 г. «О Всероссийской переписи населения». № 8-ФЗ.

К 2002 году по сравнению с 1989 годом общая численность населения республики сократилась почти на 74 тыс. чел. Самые ощутимые потери понесли Медвежьегорский (–8907 чел.), Беломорский (–6517), Сегежский (–6473), Кемский (–6040), Пряжинский (–4997), Лоухский (–4768) и Пудожский (–4050) районы. Прирост населения в Калевальском, Кемском, Лахденпохском, Муезерском, Олонецком, Прионежском и Суоярвском – переводом поселков городского типа в разряд сельских поселений (табл. 1). Согласно данным переписи 2002 года в 11 поселках городского типа ранее проживало 51,7 тыс. чел., в 1989 году в этих же поселениях было учтено 57 тыс. чел.

Убыль населения произошла также во всех городах республики, за исключением г. Суоярви (прирост 0,5 тыс. чел.). Заметнее снизилась численность жителей в Беломорске (–4,8 тыс. чел.), Сегеже (–3,5 тыс. чел.), Петрозаводске (–3,4 тыс. чел.), Кеми (–3 тыс. чел.) и Медвежьегорске (–2,5 тыс. чел.). За тринадцать лет общая численность горожан уменьшилась более чем на 26,2 тыс. чел. Петрозаводск, несмотря на сокращение числа жителей, остался важнейшим центром концентрации населения. В 2002 году здесь было сосредоточено 49,4 % всех горожан и 37,2 % населения республики.

Такие же процессы убыли населения характеризуют динамику поселков городского типа.

Перепись 1989 года зарегистрировала в Карелии представителей 111 национальностей, по графе «другие национальности» было переписано 47 чел.²

Нововведением переписи 2002 года стало требование в вопросе «Ваша национальная (этническая) принадлежность» фиксировать ответ «по самоопределению» переписываемого. Свобода выбора способствовала увеличению списка национальностей. Переписью 2002 года в республике было учтено 116 национальностей. Кроме того, по строке «другие национальности» (без расшифровки) было переписано 98 чел., не указали свою национальную принадлежность 4886 чел. (0,68 %).

В 2002 году в Карелии впервые были учтены *поморы* (13 чел.) – жители Беломорского района, ранее переписываемые как «русские». Кроме этнонима *вепс* зарегистрированы этнонимы *бепся*, *вепся*, *людиникат*, *лююдилайне с языком вепским*, *чудь*, *чухари*, включенные в итоговых таблицах переписи в состав вепсов. Карелы, независимо от принадлежности к различным диалектным группам и самоназваниям (*каръяла*, *каръялайсет*, *каръялани*, *лаппии*, *ливвикей*, *ливвики*, *ливгийлайне*, *людики*, *лююдикей*, *лююдилайне с языком карельским*), были учтены под общим названием – *карелы*. В 2002 году впервые (после 1926 года) были отдельно приведены данные по *финнам* (*суомалайсет*, *суоми*) и *финнам-ингерманландцам*. Последние зафиксированы в переписных листах под этнонимами *ингерманландцы* и *инкерилияйнен*. До начала переписи было известно, что наибольшую группу финнов в Карелии представляют именно финны-ингерманландцы, переселившиеся в республику в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Перепись 2002 года зарегистрировала только 154 финна-ингерманландца, а под этнонимом *финны* – 14,2 тыс. чел. Это означает, что большинство тех, кто ранее называл себя финном-ингерманландцем, самоопределился как финн³.

В 2002 году большинство населения составляли русские (76,6 %). В городах на долю русских приходилось 80,4 %, в сельской местности 65,4 %. За последний межпереписной период доля русских, белорусов, украинцев республики возросла до 84,6 %, а удельный вес вепсов, карелов, финнов снизился с 13, до 11 %.

За межпереписной период заметные изменения произошли в составе всех этнических групп. Заметно сократилась численность русских (на 33,5 тыс. чел.), белорусов (на 17,8), карелов (на 13,2), украинцев (на 9,0).

В группе «других» национальностей возросло число азербайджанцев (с 660 до 1751 чел.), армян (с 527 до 159). Менее интенсивен был прирост таджиков (с 66 до 201), чеченцев (с 78 до 393), грузин (с 366 до 540). Численно сократились такие малочисленные национальности как казахи (с 308 до 205 чел.), узбеки (с 378 до 273), туркмены (с 58 до 44) (табл. 2).

Однако ни снижение общей численности населения, ни увеличение числа этнических групп, в основном представителей кавказских народов, не внесли каких-либо серьезных коррективов в этническую структуру населения республики

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. IV. Краткая социально-демографическая характеристика населения Карельской АССР. Петрозаводск, июнь 1991. С. 15–18.

³ Об этнонимах см.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения. Кн. 1. Т. 4. М., 2004. С. 9, 11, 17.

Таблица 2

Этнический состав населения Карелии по данным переписей населения, в тыс. чел.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	1989 г.	2002 г.	2002 к 1989, %	1989 г.	2002 г.	2002 к 1989, %	1989 г.	2002 г.	2002 к 1989, %
Все население	790,2	716,3	90,7	643,5	537,4	83,5	146,7	178,9	122,0
Русские	581,6	548,9	94,4	496,0	432,0	87,1	85,6	116,9	136,7
Карелы	78,9	65,7	83,2	48,8	35,7	73,2	30,2	30,0	99,3
Белорусы	55,5	37,7	67,9	39,0	21,1	54,0	16,5	16,6	100,5
Украинцы	28,2	19,2	68,2	22,7	14,1	62,1	5,6	5,2	93,0
Финны	18,4	14,3	77,7	16,1	10,9	67,9	2,3	3,4	145,6
Вепсы	6,0	4,9	81,8	3,9	3,2	83,3	2,1	1,6	79,2
Поляки	4,1	3,0	74,1	2,9	1,8	62,4	1,2	1,2	102,3
Татары	3,0	2,6	87,8	2,4	1,9	81,4	0,6	0,7	112,0
Чуваши	1,8	1,3	73,6	1,2	0,7	62,4	0,6	0,6	96,7
Литовцы	1,5	1,1	73,7	1,1	0,6	60,3	0,4	0,4	109,9
Мордва	1,2	0,8	69,2	1,0	0,5	53,3	0,2	0,3	135,4
Евреи	1,2	0,7	59,8	1,2	0,7	58,6	0,0	0,0	28,9
Другие	8,8	16,0	181,4	7,5	14,1	189,0	1,4	1,9	140,8

Примечание. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 6–16; Всероссийская перепись населения 2002 г. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 5–24.

В зависимости от численности и соотношения различных этнических групп на районном уровне можно выделить следующие типы этнических сред: преимущественно русскую, русско-карельскую, преимущественно карельскую и русско-вепскую.

К первому типу этнических сред могут быть отнесены районы с высоким (от 65 % и более) удельным весом русских. Таких районов в республике 12 из 15 (Беломорский, Кемский, Сегежский, Кондопожский, Лахденпохский, Лоухский, Медвежьегорский, Муезерский, Питкярантский, Прионежский, Пудожский, Суоярвский) и три горсовета (Петрозаводский, Сортавальский и Костомукшский). В этом типе этнической среды в 2002 году проживало почти 47,4 тыс. карелов, или 62,3 % всех карелов республики, 69,3 % вепсов, 79,3 % финнов.

Второй тип этнических сред – русско-карельский – представлен двумя районами: Калевальским (46,3 % русских и 35 % карелов) и Пряжинским (46,1 % русских и 36,8 % карелов). В этой этнической среде переписью было учтено около 10,2 тыс. (16 % от общей численности), 1277 финнов (9 % от общей численности) и 90 вепсов (0,2 % от общей численности).

Третий тип этнической среды – преимущественно карельский – характерен для Олонецкого района (60,7 %). В этом традиционном ареале расселения карелов-ливвиков проживал каждый четвертый карел республики (16,4 тыс. чел.), 277 финнов и 29 вепсов.

В четвертом типе этнической среды – русско-вепском, в местах традиционного расселения вепсов, – учтено 1205 вепсов из 4870 чел. (24,7 %). В составе населения Вепской национальной волости на долю вепсов приходилось 38,1 %, русских – 51,1 %. Кроме русских и вепсов в волости были переписаны украинцы (80 чел.), карелы (72 чел.), белорусы (72 чел.).

Крупным центром расселения вепсов остается г. Петрозаводск. В 2002 году здесь проживало 2715 вепсов или 55,7 % всех вепсов республики. В остальных районах Карелии доля вепсов не превышала 1 %.

Финны, как и вепсы, в большинстве своем также расселены в г. Петрозаводске – 7383 чел., или 52,2 % от их общей численности. Сравнительно многочисленная финская диаспора сосредоточена в Кондопожском (1192 чел.) и в Пряжинском (1141 чел.) районах.

Таким образом, в результате дальнейших изменений в национальном составе районов, городских поселений расселение прибалтийско-финских народов приобрело еще более дисперсный характер, благоприятствуя расширению национально-смешанной брачности, усиливая коммуникативную роль русского языка в межнациональных интеграционных процессах и, напротив, снижая функциональную нагрузку на прибалтийско-финские языки, особенно вепсский и финский.

Заметные изменения претерпела и демографическая структура населения. В условиях снижения рождаемости, роста смертности, миграции из республики трудоспособного населения сокращался удельный вес молодых возрастов и, напротив, увеличивалась доля пожилых. Сужение основания демографической пирамиды, вызванное этими факторами, свидетельствует о процессе депопуляции. По стандартам ООН население считается старым, если удельный вес лиц старше 60 лет превышает 12 %⁴. Этот критический рубеж в республике к началу XXI столетия прошли белорусы, украинцы, карелы, финны, вепсы. Лидерами по этому показателю являлись белорусы и вепсы, тенденция депопуляции наметилась и у русских (табл. 3).

Таблица 3

Динамика возрастного состава карелов Карелии по данным переписей населения

Возраст, лет	1989 год						2002 год					
	город и село	%	город	%	село	%	город и село	%	город	%	село	%
Всего	78928	100	48764	100	30164	100	65651	100	35689	100	29692	100
до 10	8553	10,8	4932	10,1	3621	12,0	4035	6,1	1969	5,5	2066	6,9
10–14	3834	4,9	2300	4,7	1534	8,4	3702	5,6	1873	9,5	1829	6,1
15–19	3888	4,9	2880	5,9	1008	3,3	4050	6,2	1930	7,0	1569	5,3
20–29	11512	14,6	7598	15,6	3914	13,0	9201	14,0	5883	16,5	3318	11,2
30–39	15213	19,3	10145	20,8	5068	16,8	8449	12,6	4849	13,6	3600	12,0
40–49	6783	8,6	4615	9,5	2168	7,2	6499	20,7	7197	20,1	6415	21,4
50–59	13092	16,6	7494	15,4	5598	18,6	7696	11,3	4475	12,6	3221	10,7
60 и старше	16053	20,3	8800	18,1	7253	24,1	14904	22,7	6960	19,4	7944	26,5

Примечание. Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 30.

В сельской местности доля пожилых к 2002 году по сравнению с 1989 годом возросла до 16,5 %, в том числе у украинцев до 25,1 %, у карелов до 26,5 %, у финнов до 30,8 %. Но особенно высокий удельный вес пожилых перепись 2002 года зарегистрировала у вепсов (37,6 %) и белорусов (39,6 %).

Рассмотрим подробнее перекосы в демографической структуре прибалтийско-финских народов Карелии.

В целом по республике из-за падения рождаемости и этнической ассимиляции численность карелов в возрасте до 10 лет сократилась более чем в два раза. Особенно большие потери произошли среди карелов-горожан, среди которых удельный вес людей старшего поколения продолжал неуклонно увеличиваться (табл. 4). В результате возрастно-половая структура карелов в 2002 году, если бы ее изобразить графической диаграммой, приобретала вид перевернутого конуса с сужающимся основанием.

Таблица 4

Динамика возрастного состава вепсов Карелии по данным переписей населения

Возраст, лет	1989 год						2002 год					
	город и село	%	город	%	село	%	город и село	%	город	%	село	%
Всего	5954	100	3885	100	2069	100	4870	100	3238	100	1632	100
до 10	435	7,3	202	5,2	232	11,3	205	4,2	128	4,0	77	4,8
10–14	213	3,6	102	2,6	111	5,4	198	4,1	118	3,6	80	4,9
15–19	192	3,2	130	3,3	62	3,0	291	6,0	206	6,4	85	5,2
20–29	546	9,1	351	9,1	195	9,4	656	13,7	503	15,5	153	9,4
30–39	1007	16,9	706	18,1	301	14,6	499	10,2	324	10,1	175	10,8
40–49	640	10,7	462	11,9	178	8,7	794	16,3	506	15,6	288	17,7
50–59	1189	20,0	797	20,5	392	18,9	619	12,7	458	14,2	161	9,5
60 и старше	1732	29,1	1135	18,9	597	15,5	1607	32,9	994	30,7	613	32,6

Примечание. Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 33.

⁴ Современная демография. М., 1995. С. 235.

Эти же тенденции характерны и для демографического развития вепсского населения (табл. 4). Различия между карелами и вепсами – это различия между слабоустойчивой и неустойчивой половозрастными структурами этнических образований. Если доля детей в возрасте до 10 лет среди карелов республики с 1989 по 2002 год снизилась на 16,6 пункта, то у вепсов на 28,4 пункта. Особенно динамично сокращался удельный вес детей в сельской местности: у карелов он понизился на 20,4 %, у вепсов – на 27,8 %. Истощенный демографический потенциал вепсов оставляет мало надежд и перспектив на их дальнейшее воспроизводство, сохранение и развитие.

Среди прибалтийско-финских народов самыми высокими темпами сокращалась численность финского населения. Если с 1989 по 2002 год общая численность карелов уменьшилась на 16,2 %, вепсов на 18,2 %, то финнов на 29,1 % (табл. 5). По соотношению различных возрастных групп демографическая структура сельских финнов имеет черты сходства с возрастной структурой вепсов, а городская – с карелами.

Таблица 5

Динамика возрастного состава финнов Карелии по данным переписей населения

Возраст, лет	1989 год						2002 год					
	город и село	%	город	%	село	%	город и село	%	город	%	село	%
Всего	18420	100	16096	100	2324	100	14156	100	10787	100	3369	100
до 10	1402	7,6	1273	7,9	129	5,5	780	5,5	598	5,6	182	5,4
10–14	748	4,1	685	4,3	63	2,7	664	4,7	492	4,6	172	5,1
15–19	890	4,9	833	5,2	57	2,5	841	5,9	655	6,1	186	5,5
20–29	2041	11,1	1829	11,3	212	9,1	2387	16,8	1979	18,4	408	12,1
30–39	3409	18,5	3005	18,6	404	17,4	1564	11,0	1254	11,6	310	9,2
40–49	1688	9,2	1518	9,4	170	7,3	2471	17,5	1848	17,2	993	18,6
50–59	3227	17,5	2734	17,0	493	20,6	1803	12,7	1357	12,5	730	13,2
60 и старше	5015	27,2	4209	26,2	796	34,2	3642	25,7	2604	24,2	1668	30,8

Примечание. Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 33.

Сравнительный анализ динамики возрастных характеристик трех прибалтийско-финских народов переписей 1979 и 2002 годов показывает, что удельный вес финнов в возрасте 60 лет и старше сокращался и в городском, и сельском населении, а у карелов и особенно вепсов здесь возрастал, т. е. карелы и вепсы старели несколько быстрее, чем финны. Иную динамику демонстрирует молодежь. Доля карелов и вепсов в возрасте до 20 лет, проживающих в городах, в отличие финнов увеличивалась. В сельской местности удельный вес финнов и карелов в этой возрастной группе увеличивался, у вепсов сокращался.

Очевидно, что в условиях явного доминирования русского и русскоязычного населения, особенно в городах, теоретическая вероятность заключения однонациональных браков карелами, финнами и вепсами маловероятна, а продолжающийся приток прибалтийско-финских народов в города крайне затрудняет как их этническое воспроизводство, так и сохранение ими языка своей национальности.

Сравнительные данные, приведенные в табл. 6, показывают, что к 2013 году 12 % критический рубеж старения перешли все шесть крупных этнических групп Карелии. Лидируют по этому показателю белорусы и вепсы.

Таблица 6

Соотношение доли молодых и пожилых, в %

Возраст, лет	Русские		Белорусы		Украинцы		Карелы		Вепсы		Финны	
	1989	2002	1989	2002	1989	2002	1989	2002	1989	2002	1989	2002
0–14	28,2	18,2	9,0	4,5	13,9	6,0	15,8	11,7	10,5	8,3	11,7	10,2
60 и более	10,8	14,7	13,7	34,7	12,9	22,5	19,8	22,7	27,8	32,9	27,2	25,7

Примечание. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. 3. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 17; Краткая социально-демографическая характеристика населения Карельской АССР. Петрозаводск, июнь 1991. С. 15–18; Численность, состав и движение населения Карельской АССР. Петрозаводск, август 1991. С. 1; Всероссийская перепись 2002 года. Численность и состав населения Республики Карелия. Стат. сб. I. С. 18–21. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 29–34.

Этнические аспекты брачности

Некоторые изменения претерпела и брачность. К 2002 году по сравнению с 1989 годом удельный вес состоящих в браке сократился среди мужчин на 8 %, среди женщин на 9,2 % примерно в равной мере у горожан и сельских жителей. В целом по республике численность населения, никогда не состоявшего в браке, возросла почти на 8,8 тыс. чел., в городах она увеличилась на 2,8 тыс. чел., в сельской почти на 6 тыс. Возросла численность и удельный вес вдовых (с 2,16 до 3,2 %) и разведенных (с 5,6 до 8 %). В сельской местности численность вдовых среди мужчин и женщин увеличилась примерно в два раза. Аналогичная тенденция характеризует динамику разводов. На селе абсолютная численность разведенных среди женщин увеличилась почти на 11,2 тыс. чел., среди мужчин – на 6,1 тыс. чел. По темпам роста разводов село стало существенно опережать город (почти в два раза).

Брачность имеет и этнический аспект. Повышенной долей состоящих в браке, независимо от места проживания, выделяются украинцы и белорусы (чаще мужчины, чем женщины). Самые низкие показатели брачности характерны для русских, лишь в сельской местности у них показатель брачности несколько выше среднего показателя. Но доля русских, никогда не состоящих в браке, понижена. Вдовых больше всего среди вепсов, белорусов, карелов и финнов. Удельный вес разведенных повышен среди горожан всех этнических групп, представленных в табл. 7.

Таблица 7

Брачное состояние основных этнических групп РК

Национальность	Мужчины				Женщины			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Городское и сельское население								
Все население	62,3	25,7	3,2	8,0	51,8	18,2	18,3	11,1
Русские	60,5	28,3	2,8	8,2	51,6	20,3	16,6	11,4
Украинцы	77,7	10,7	4,2	7,2	59,8	9,7	18,5	11,9
Белорусы	74,0	12,2	5,8	8,0	54,3	7,7	27,2	10,7
Карелы	64,7	23,0	4,1	8,1	51,7	14,6	24,6	9,1
Вепсы	68,4	20,2	4,5	6,9	45,8	16,1	29,1	9,1
Финны	65,5	20,5	4,5	7,5	47,7	16,1	22,4	11,7
Городское население								
Все население	62,5	25,9	2,8	7,9	51,0	19,7	16,6	12,0
Русские	60,9	29,8	2,6	8,1	50,7	21,3	15,7	12,2
Украинцы	78,1	10,6	4,0	7,1	59,2	10,2	17,3	13,2
Белорусы	75,9	10,7	4,9	8,4	55,1	8,5	23,7	12,7
Карелы	67,2	22,1	3,4	7,3	51,3	16,9	21,0	10,8
Вепсы	71,7	18,3	4,1	5,9	44,7	18,1	27,1	10,0
Финны	65,7	22,7	3,8	7,8	47,4	19,3	20,4	12,8
Сельское население								
Все население	61,8	25,3	4,4	8,4	54,5	13,7	23,7	8,0
Русские	59,0	28,7	3,7	8,6	55,2	16,1	20,2	8,3
Украинцы	76,7	11,0	4,7	7,4	61,9	8,2	21,9	7,9
Белорусы	71,4	14,1	6,9	7,6	53,3	6,7	31,6	8,2
Карелы	62,0	24,1	4,9	9,0	52,2	11,7	29,3	6,8
Вепсы	62,6	23,5	5,3	8,6	48,2	11,3	33,7	6,8
Финны	65,2	21,0	6,7	6,8	48,7	14,5	29,0	7,8

Примечание. 1 – состоящие в браке, 2 – никогда не состоявшие в браке, 3 – вдовы, 4 – разведенные.

Без учета не указавших состояние в браке. Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения Республики Карелия. С. 39–41.

В 2002 году карелы имели самые низкие показатели брачности среди шести основных этнических групп населения республики – русских, белорусов, украинцев, финнов и вепсов⁵.

Снижающуюся роль брачности в воспроизводстве населения рассмотрим на примере карелов,двигающихся к депопуляции. Анализ данных переписей показывает, что к 2002 году по сравнению с 1989 годом доля карелов-мужчин, состоящих в браке, сократилась с 72,2 до 64,7 %, а женщин с 57,7 до 51,7 %. У карелов-горожан этот показатель составил соответственно 73,3 %, а карелов-сельских жителей – 62,0 %.

⁵ Рассчитано по: Клементьев Е. И. Карелы. Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991. С. 75–76; Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 39–41.

у женщин 54,7 и 51,7 %. Снизилась показатели брачности и у сельских жителей, в том числе у мужчин с 70,1 до 52 %, у женщин с 57,2 до 52,2 %. В 2002 году карелы имели самые низкие показатели брачности среди шести основных этнических групп населения Карелии (русских, белорусов, украинцев, финнов и вепсов)⁶.

От двуязычия к многоязычию и одноязычию

Утвержденный постановлением правительства Российской Федерации от 20 апреля 2002 года переписной бланк содержал следующий языковой блок вопросов: «Ваш родной язык?», «Другой язык, которым Вы свободно владеете?», «Владеете ли свободно русским языком?». Но в окончательном варианте переписного листа вопросы оказались другими: 9.1. «Владеете ли Вы русским языком?» и 9.2. «Какими иными языками Вы владеете?» В «Руководстве для переписчика о порядке проведения Всероссийской переписи населения 2002 года и заполнения переписных документов» пояснялось, что отметка о владении русским языком фиксируется меткой «да», если переписываемый умеет говорить, читать и писать или только говорить на русском языке.

Применительно к условиям Карелии вопрос о владении русским языком выглядел формальным. За послевоенные годы Карелия превратилась из карельско-русско-вепсского края в регион с явным доминированием восточнославянского населения. В настоящее время абсолютное большинство населения республики даже в семейном общении пользуется русским языком. Знание карелами и вепсами русского языка стало явлением повсеместным уже к концу 1950-х годов, а незнание его – исключительным. С тех пор русский язык широко распространен во всех сферах социальной жизни – в семье, причем, не только в национально-смешанной, на производстве, в средствах массовой информации, образовательной системе всех уровней и т. д.

Поэтому вопрос переписи 2002 года о владении русским языком имел значение только в отношении незначительной части населения, в основном иностранных граждан (китайцев, вьетнамцев и др.). Преобладание русского языка в республике убедительно продемонстрировали данные переписи: из 108 национальностей, включенных в разработку, 88 владели русским языком, это 99,3 % населения республики. Незнание русского языка указали единицы среди местных гагаузов, ингушей, литовцев, марийцев, молдаван, осетин, татар, таджиков, карелов, вепсов, финнов.

Вторую позицию по степени распространения занял английский язык: 49078 тыс. – 6,9 % населения Карелии заявили о владении им. Чаще всего о знании английского языка говорили русские – 40851 чел. или 83,2 % от общей численности владеющих английским языком, 3202 карела, 1210 украинцев, 1161 финн, 1028 белорусов, 335 вепсов. Осваивался он в период учебы в школе, средних специальных и высших учебных заведениях.

На третьем месте оказался карельский язык, о владении которым заявили 35086 жителей республики, в том числе 31794 карела (48,3 % от их общей численности). О владении карельским языком заявили 2470 чел. русских, 404 чел. финна, 177 белорусов, 105 украинцев, 58 вепсов.

Особо следует обратить внимание на распространенность финского языка, на владение которым указали 22813 чел. представителей разных национальностей. Оказалось, что финским языком чаще владели карелы (9197 чел.) и русские (6958 чел.), но не финны (5770 чел., или 41,5 %) как этнические носители языка. Кроме того, среди владеющих финским перепись учла 252 белоруса, 227 вепсов, 73 украинца, 228 лиц, не указавших национальную принадлежность. Как ни относиться к этим данным, но, очевидно, что финский язык «вышел» далеко за пределы «своей» этнической группы и перспективы его сохранения и функционирования в республике связаны уже не только с финским населением⁷.

Белорусским языком (кроме белорусов) владели русские (637 чел.), украинцы (117 чел.), карелы (22 чел.), 192 др. Украинский язык распространен главным образом среди русских и белорусов – им владеют 2,7 тыс. русских и 0,4 тыс. белорусов. Знают его 63 карела, 10 финнов, 6 вепсов.

Перепись 2002 года зафиксировала следующие варианты многоязычия: русские владели (в порядке убывания): английским (40851 чел.), немецким (9969), финским (6958), карельским

⁶ Рассчитано по: Клементьев Е. И. Карелы. Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991. С. 75–76; Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 39–41.

⁷ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Финский язык в Карелии в новейший период // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск, 2009. С. 338–350.

(2470), французским (2361); белорусы – английским (1028), немецким (517), украинским (349), финским (252), карельским (177); украинцы – английским (1210), немецким (411), финским (252), польским (151); карелы – финским (9197), английским (3202), немецким (465); вепсы – английским (335), финским (227), финны – английским (1161), карельским (404), эстонским (292)⁸.

Таблица 8

Владение языками населением отдельных национальностей

Национальность	Владеют языками						
	Всего	Русским	Карельским	Вепским	Финским	Английским	Немецким
Русские	548941	548553	2470	359	6958	40851	9969
%	100	99,9	0,4	0,07	1,3	7,4	1,8
Белорусы	37681	37660	177	5	252	1028	517
%	100	99,9	0,3	...	0,7	2,7	1,4
Украинцы	19248	19228	105	3	173	1210	441
%	100	99,9	0,5	...	0,9	6,3	2,3
Карелы	65651	65546	31794	46	9197	3202	465
%	100	99,9	48,4	0,07	14,0	4,9	0,7
Вепсы	4870	4869	46	1849	227	335	69
%	100	99,9	0,9	38,0	4,7	6,9	1,4
Финны	14156	14138	404	21	5770	1161	232
%	100	99,9	2,9	0,1	40,8	8,2	1,6
Всего	716281	711201	35086	2295	22813	49078	11693
%	100	99,3	4,9	0,3	3,2	6,9	1,6

Примечание. Рассчитано по: Всероссийская перепись 2002 г. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. С. 27–28.

В связи с изъятием из бланка переписного листа прямого вопроса о родном языке, буквально накануне переписи в «Руководстве для переписчика» указывалось: в первой строке ответа на вопрос 9.2. следовало записать родной язык переписываемого, задав ему предварительно вопрос «Ваш родной язык?». В двух нижеследующих строках фиксировалось владение иными языками. В случае если переписываемый затруднялся определить, какими языками он лучше владеет, предпочтение отдавалось языкам народов России и языкам коренных народов государств бывшего СССР, а из языков народов Российской Федерации – государственному языку данной территории. Если же переписываемый не владел иными языками, кроме русского, на каждой строке следовало записать слово «нет». Такие же отметки делались в анкетах, заполненных на детей, не умеющих говорить.

Отсутствие в переписном бланке прямого вопроса о родном языке привело к большим погрешностям первичных данных и к невосполнимым потерям переписной информации. Вероятно, поэтому полученные данные остаются неопубликованными.

Учитывая невысокий удельный вес белорусов, украинцев, карелов, вепсов и финнов, знающих язык своей национальности, предсказуемость их языковой, а затем и этнической ассимиляции становится все очевиднее.

⁸ Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. Петрозаводск, 2005. С. 27–28.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА*

Общая направленность развития этноязыковых процессов в карельской, вепсской, финской среде в течение всего послевоенного периода, особенно 1970–1980 годов выражалась в последовательном и массовом переходе карелов, вепсов, финнов от двуязычия к одноязычию. Общее впечатление о сложившейся ситуации дают данные Всесоюзной переписи населения 1989 года. Согласно им национальность и родной язык совпадали у 51,5 % карелов, 40,8 % финнов и 37,5 % вепсов. Еще дальше в зону языковой ассимиляции вошло городское население: родным языком признавали язык своей национальности 43,5 % карелов-горожан, 40,2 % финнов и только 29,1 % вепсов. У сельского населения родной язык и национальная принадлежность совпадали у 64,4 % карелов, 53,4 % вепсов и 45,9 % финнов¹.

Признавая, что язык является символом национального единения, средством, связующим межпоколенную преемственность, прошлое, настоящее и будущее, придется согласиться с выводом: молодое поколение карелов, вепсов и финнов решительно встало на дорогу прямой этнической ассимиляции. Переписью 1989 года зафиксировано, что из 12387 карелов в возрасте 0–14 лет 10960 человек не знали карельского языка. На рубеже 1980–1990 годов 88,5 % самого молодого поколения карелов (до 14 лет) по линии родного языка не соотносили себя со своей национальностью. Еще более глубокой языковой ассимиляции было подвержено молодое поколение вепсов и финнов (табл. 1).

Если учесть, что родным языком обычно является тот язык, на котором ребенок начинает говорить в раннем детстве или довольно свободно владеет им, то следует заключить: языковые знания абсолютного большинства подрастающего поколения карелов, вепсов, финнов к концу 1980-х годов были истощенными до предела.

Таблица 1

**Численность и удельный вес карелов, вепсов, финнов с родным языком своей национальности
(по данным переписи 1989 года), %**

Возраст	Карелы				Вепсы				Финны			
	Городское население		Сельское население		Городское население		Сельское население		Городское население		Сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 6 лет	205	6,2	353	15,9	4	3,3	8	5,6	57	7,6	1	1,3
6–9	145	7,6	171	12,3	2	2,5	7	7,8	43	8,3	1	2,0
10–14	218	9,5	335	21,8	3	2,9	8	7,2	65	9,5	1	1,6

Примечание. Составлена и рассчитана по: Текущий архив Государственного комитета Республики Карелия по статистике. Ф. 659. Оп. 14. Д. 19/114.

При разрыве межпоколенных языковых связей взять на себя эту функцию семья уже не была способна. Так, среди 20–40-летних – людей самого активного брачного возраста, имеющих детей дошкольного и школьного возрастов, в руках которых оказалось языковое будущее народов, – родным языком признавали свой национальный язык примерно пятая часть финнов и вепсов и около трети карелов. Массовая языковая ассимиляция прибалтийско-финских народов Карелии, нарушив естественные нормы языковой жизни народов, которые складывались и функционировали веками, выдвинула в сферу национально-языкового строительства целый ряд сложнейших проблем. Одна из них, в частности, состояла в том, чтобы в предельно сжатое время расширить сеть национальных школ и увеличить число национальных классов.

В этой ситуации задача заключалась не в наращивании языковых знаний детей, а в освоении ими элементарных навыков родной речи. Весьма примечательно, что вепсы и карелы – учителя ряда сельских школ и детских дошкольных учреждений – начали обучать детей азам родного языка, считая это своим гражданским долгом и не дожидаясь официального решения властей. Вместе с тем было очевидно, что без государственной поддержки, без целенаправленной государственной политики развития национальной школы языковая и этническая ассимиляция карелов, вепсов, финнов едва ли минует.

* Клементьев Е. И. Современная языковая ситуация и национальная школа // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия. Материалы научно-практической конференции 31 октября 2002 года. Петрозаводск, 2004. С. 15–21.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 12, 32, 38.

С тех пор прошло более 10 лет. За эти годы национальная школа получила значительное идеологическое и материальное обеспечение: разработаны программы обновления и развития национальной школы (авторы Н. Г. Зайцева, С. П. Пасюкова), Концепция возрождения и развития языка и культуры карелов, финнов, вепсов (руководитель рабочей группы Е. И. Клементьев при участии П. М. Зайкова, Н. Г. Зайцевой, Г. М. Керта, Л. Ф. Маркиановой), программа к данной Концепции, получившая в 1985 году статус государственной программы (разработана Государственным комитетом Республики Карелия по национальной политике), Концепция и программа развития финно-угорской школы (автор Н. Г. Зайцева), принят ряд постановлений по развитию национальной школы, были утверждены алфавиты карельского и вепсского языков, подготовлена серия учебной и учебно-методической литературы (вплоть до 10 класса), работает сеть школ, ведется активная подготовка специалистов средней и высшей квалификации и т. д. Можно, вероятно, подвести некоторые итоги и попытаться ответить на такие важные вопросы, как:

1. Способствует ли финно-угорская школа сохранению родных языков?
2. Каков багаж языковых знаний у детей в настоящее время?
3. Обеспечивает ли современная школа языковую преемственность поколений?

В 2002 году Министерством образования и по делам молодежи Республики Карелия, Государственным комитетом Республики Карелия по делам национальностей проведено три исследования по проблемам этноязыковой ситуации, состоянию и перспективам развития карельского, вепсского и финского языков в республике.

Ниже приводятся результаты мониторинга, проведенные Министерством образования и по делам молодежи Республики Карелия. Данные мониторинга, в котором приняли участие 28 учителей ливвиковского диалекта карельского языка, 24 учителя собственно карельского диалекта карельского языка, 30 учителей финского языка, 4 учителя вепсского языка (всего 82 чел.), позволяют ответить на такие важные вопросы: как учителя оценивают знания учащимися изучаемых языков? изменились ли у учащихся знания родного языка? как часто говорят дети во внеурочное время в школе, дома, вне школы и вне дома на изучаемом языке? как учителя национальных языков оценивают возможности современной школы в сохранении родных языков? что, по их мнению, необходимо для этого делать? как учителя оценивают степень готовности школы перейти к предметному обучению на том или ином изучаемом языке (диалекте)? достаточно ли мер принимается для развития финно-угорской школы?

Для более корректной оценки перемен в развитии национальной школы сравним данные двух исследований – 1996 года и 2002 года, – фиксирующих степень знания учащимися изучаемого языка и изменения языковых навыков (табл. 2).

Таблица 2

Знание детьми изучаемых языков, %

Знают язык	1996 год			2002 год		
	Ливвики	Собственно карелы	Финны	Ливвики	Собственно карелы	Финны
Хорошо	0,0	4,2	11,4	3,6	5,0	23,3
Удовлетворительно	76,5	62,5	85,7	92,9	75,0	76,7
Неудовлетворительно	23,5	29,2	–	3,6	15,0	–

Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о том, что национальная школа постепенно, хотя и весьма медленно, переходит от слабого знания учениками навыков родной речи к удовлетворительному владению родным языком. Однако степень этой динамики не следует преувеличивать. По оценкам учителей, что за истекшие последние 2–3 года знания языка улучшились у тех учеников, кто свободно владел языком своей национальности до прихода в школу (а таких, как известно, было немного), в меньшей мере, тех, у кого знания его были удовлетворительными. У учеников, кто знал, понимал отдельные слова, по мнению 75 % учителей, знания остались на прежнем уровне. Сегодня более чем у 82 % всех учеников они остаются на таком уровне – ученики понимают язык, на котором к ним обращаются, могут на нем, хотя и большим трудом, объясниться, но не свободно говорить.

Приведенные в табл. 3 данные показывают, что за прошедшие шесть лет доля хорошо знающих изучаемый язык среди диалектных групп карелов мало увеличивалась, несколько возрос удельный вес знающих его удовлетворительно при более высоких темпах снижения доли плохо владеющих навыками родной речи. Более позитивно учителя оценивали языковых знаний у детей, изучающих финский язык (табл. 3).

Таблица 3

Динамика знаний языка, 2002 год по сравнению с 1996 годом

Знают язык	Карелы-ливвики	Собственно карелы	Финны
Хорошо	+3,6	+0,8	+19,1
Удовлетворительно	+16,4	+12,5	+9,0
Неудовлетворительно (уменьшение доли ответов)	+19,3	+14,2	–

Плохо владеющий языком, как известно, очень редко говорит на нем. В лучшем случае, если к нему настойчиво обращаются на национальном языке, попытается, как сможет, ответить на нем.

Однако и эти скудные знания родного языка ученики реализуют далеко не в полной мере. Даже хорошо знающие навыки родного языка практически не пользуются им как основным средством общения. Нередко дети стесняются разговаривать между собой на родном языке, хотя в этом отношении произошли заметные перемены. Суть этих перемен состоит в том, что, во-первых, впервые за весь период изучения языков наметилась тенденция возвращения родных языков в семью и, во-вторых, дети чаще стали говорить на нем в школе и вне ее (табл. 4).

Таблица 4

Динамика языковых перемен в различных сферах общения, %

Говорят на языке	Вне дома				Дома	
	в школе		вне школы			
	1996	2002	1996	2002	1996	2002
Только на русском	71,0	33,3	45,0	24,4	57,0	25,6
Преимущественно на русском	28,0	39,7	47,0	38,5	43,0	33,3
Чаще стали говорить на родном языке	1,0	20,5	8,0	20,5	–	14,1
Преимущественно на родном языке	–	6,4	–	16,7	–	2,6

Естественно, слабое использование изучаемых языков в повседневном общении не может не вызывать тревоги, так как навыки осваиваемого языка без применения его на практике довольно быстро забываются. Поэтому созданию условий для общения на изучаемых языках следует придавать более пристальное внимание.

Изменились ли возможности школы в сохранении родных языков? Учитывая, что на национальную школу в сохранении родных языков возлагались самые большие надежды, содержание ответа на данный вопрос приобретает принципиальное значение.

Напомню, что в 1996 году возможности национальной школы по сохранению национальных языков 46 % учителей признали ограниченными, за вариант ответа, что они являются «умеренными» было отдано более 40 % «голосов» и только 10 % ответов пришлось на вариант «высокие». Отсюда в 1996 году следовал вывод: национальная школа по оценкам учителей развивается медленно. Учителя родных языков в 1996 году не возлагали больших надежд на школу в возрождении и сохранении языков, считая, что школа пока еще не дает детям устойчивых навыков более или менее свободного общения на родном языке.

К сожалению, судя по оценкам учителей родных языков, принципиальных изменений к 2002 году не произошло. По-прежнему возможности школы учителя признают ограниченными. Так ответили 47,4 % всех учителей, заполнивших анкету. По мнению почти 19 % преподавателей родных языков, т. е. практически каждого пятого, за прошедшие годы никаких позитивных перемен в развитии национальной школы не произошло. У небольшой части учителей (3,8 %) сложилось даже впечатление, что ситуация изменилась в худшую сторону. Поэтому вывод 1996 года о том, что национальная школа по оценкам учителей развивается медленно, остается в силе. Это, естественно, вызывает серьезнейшую озабоченность и тревогу, связанную с перспективами сохранения родных языков.

Есть ли у национальной школы будущее? Изменились ли представления учителей за последние шесть лет о будущей судьбе национальной школы? В 1996 году сомнения относительно перспектив развития национальной школы высказали 48 % учителей, неуверенность – 6 %, уверенность – 44 %. Очевидно, что сомнения сочетались с надеждами.

В табл. 5 приведены данные (мнения, выраженные в процентах к числу опрошенных) ответов учителей в 1996 году по сравнению с 2002 годом.

Судя по величинам и динамике оценок, перспективы развития национальной школы учителя связывали и продолжают связывать прежде всего с увеличением числа часов на изучение родных языков.

**Сегодня в школе национальный язык изучается преимущественно как предмет
Достаточно ли этого для сохранения языков?**

	1996 год	2002 год	Разность
Достаточно, ничего не следует изменять	15,0	7,7	-7,3
Увеличить число часов на изучение языка	69,0	67,9	-1,1
Перейти на изучение нескольких предметов на родном языке	10,0	15,4	+5,4
Перейти в начальной школе на изучение большинства предметов на родном языке	3,0	9,0	+6,0

Еще один принципиально важный вопрос о перспективах развития национальной школы, включенный в анкету 2002 года, звучал так: «Как бы Вы оценили степень готовности Вашей школы перейти к предметному обучению?» Оказалось, что больше всего ответов пришлось на вариант «как низкую» – 64,1 %, ответ «как среднюю» выбрали треть учителей, и только 2,6 % учителей заявили, что современная национальная школа обладает высокой степенью готовности перехода к предметному обучению на национальном языке.

Еще одна проблема, выясняемая в ходе опроса учителей, – готовность самих учителей к новой системе обучения. Почти 16 % учителей, т. е. почти каждый шестой, заполнивший анкету, уровень своей готовности к преподаванию ряда предметов на национальном языке оценили как «низкую», еще 25,6 % затруднились ответить. Только каждый пятый учитель, принявший участие в мониторинге, считает свою профессиональную подготовку в этом плане «высокой», а 34,6 % – «средней».

При проведении мониторинга не ставилась задача выяснить, с чем связана столь высокая (более чем 40 %) неготовность учительства перейти на предметное обучение. Судя же по уровню профессиональной подготовки учителей, этот уровень весьма высокий: 43,6 % учителей, заполнивших анкету, имеют высшее базовое образование, 52,6 % – высшее или среднее специальное педагогическое образование.

Перспективы развития национальной школы в республике всеми структурами власти, причастными к развитию национальной школы, как известно, правомерно связываются с Концепцией развития финно-угорской школы Республики Карелия. Они определены в концепции как «достижение взаимного равного владения карельским (вепским и финским) и русским языками». И на это обстоятельство хотелось бы обратить особое внимание, поскольку Концепция была официально утверждена постановлением Председателя Правительства Республики Карелия от 25 января 1997 года за № 225. Для достижения этой цели предполагалось изучение родных языков в начальной школе не менее 4 часов, в основной (5–9 классах) – 8 часов, в полной средней (10–11 классах) – от 2 до 6 часов. Фактически же родные языки, за исключением финно-угорской школы г. Петрозаводска, преподаются обычно 2 часа в неделю. Такая национальная школа не в состоянии обеспечить сохранение языков и языковую преемственность поколений, если не будут приняты иные решения, иные подходы к развитию школы.

Вывод, сделанный по материалам мониторинга 1996 года, о том, что «сегодняшняя политика национально-языкового ликбеза, обеспечивая элементарное усвоение навыков родной речи, не вселяет надежд на расширение общественных функций национальных языков», ныне также актуален. В силе остается еще один вывод, сделанный в 1996 году: «Широкое вовлечение национальных языков в общественно-политическую и культурную жизнь возможно лишь при решении двуединой задачи: увеличения количества часов на освоение национальной речи и перехода к изучению большинства предметов на национальном языке. Национальная школа только тогда будет выполнять свои возрожденческие функции, когда знания родного языка превращаются в условие непрерывного обучения, общения на родном языке».

В мероприятиях по дальнейшему развитию финно-угорской школы в Республике Карелия на 2002–2005 годы одно из главных направлений прописано следующим образом: «расширение сети образовательных учреждений и увеличения числа учащихся, изучающих карельский, вепский финский языки». Однако в разделах, посвященных целям и задачам мероприятий, ее основным принципам и приоритетам, оценке эффективности ее осуществления, вопросы о количестве часов изучения родных языков, степень владения изучаемым учениками языка оказались упущенными. Обойдены эти принципиально важные вопросы и в рекомендациях ноябрьской 2001 года научно-практической конференции «Карельский язык в школе. Проблемы и перспективы развития».

В Концепции развития финно-угорской школы в Республике Карелия справедливо подчеркивается: «Дошкольный этап является исключительно важным, так как обеспечивает плавный переход учеников в финно-угорскую школу и более эффективное усвоение карельского, вепсского и финского языков и культур этих народов». В действительности же соотношение детей, познающих азы родного языка в детских дошкольных учреждениях и изучающих его в школе, никоим образом не может обеспечить ни плавного перехода в финно-угорскую школу, ни более эффективного усвоения детьми национальных языков.

Сегодняшняя семья, будь то карельская, вепсская или финская, к сожалению, не может дать ребенку полноценных знаний родного языка в раннем детстве. А это одно из наиважнейших условий сохранения народом своей языковой самобытности. Думается, значительную часть огромной нагрузки, которая сегодня приходится на плечи школы, должны взять детские дошкольные учреждения. Задача школы стала бы иной. Школа при таком подходе получила бы возможность совершенствовать и шлифовать у детей знание родного языка. Однако если родители не будут сами говорить с детьми на родном языке, возрожденческие надежды – сохранить родной язык – без союза семьи и школы могут остаться иллюзорными, знание родных языков на уровне свободного владения не станет массовым явлением. Едва ли кто не согласится с тем, что критерием качества развития национальной школы является умение детьми читать, писать, говорить на языке своей национальности. Такова сегодняшняя непростая реальность, с которой нельзя не считаться, если мы серьезно озабочены судьбой языков и перспективами их сохранения.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СОХРАНЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

В таком многонациональном государстве, каким является Российская Федерация, где проживают представители более 160 национальностей и этнических групп, этноязыковая политика как мощный фактор стабильности и межнационального согласия должна быть важнейшей составной частью государственной политики. Реализация многообразных интересов народов, уважительное отношение к их уникальному, накопленному в течение многих веков этнокультурному наследию является важным показателем демократического подхода к решению национальных проблем. Лишь такая политика, стабилизирующая ситуацию и обеспечивающая межнациональную толерантность, способна согласовывать интересы государства и этнических образований. Выполнение этой задачи – дело непростое, но вполне разрешаемое. Начавшиеся в стране демократические перемены способствовали быстрому вызреванию в сознании активистов зарождающихся национальных движений понимания того, что сохранение народами своей этнокультурной индивидуальности является их законным правом. Власть, в свою очередь, уже не могла не учитывать, тем более игнорировать этнический фактор в государственном строительстве. И закономерно, что в управлении политическими процессами этническая составляющая – учет интересов этнических групп – приобретала все больший вес. Проблемы суверенизации, определения статуса, прав и полномочий республикам приходилось решать одновременно со стремлением народов защищать их реальные юридические права на сохранение и приумножение своего этнокультурного, прежде всего языкового потенциала. Опыт прошлого свидетельствовал о том, что декларации о якобы свободном развитии народов и их культур и языков далеко не соответствовали действительности и не отражали естественного стремления народов к этнокультурному саморазвитию.

Векания нового времени, вызванные демократизацией общественно-политической жизни в стране, не обошли стороной и Карелию. Среди первых гражданских инициатив, выдвинутых Народным фронтом Карелии во второй половине 1990-х годов, значительное внимание уделялось отстаиванию прав коренных народов республики на сохранение исторически сложившегося образа жизни, национально-культурной самобытности народов, получение образования на родном языке, изучение народной культуры в школах¹.

Массовое проявление групповой солидарности на основе этнической идентичности превращалось в важный элемент политической и гражданской культуры. Этнический коллективизм, настойчиво стучась в двери зарождающегося гражданского общества, стал мощным фактором проявления общественных устремлений.

На рубеже 1980–1990-х годов широкий общественный резонанс получила проблема воссоздания вепсской и карельской письменностей. Исходя из посылки, что письменность является качественно новой формой бытия языка, предстояло выбрать алфавит (латиницу или кириллицу), определить наиболее эффективные пути возвращения родных языков в повседневную жизнь, обеспечить им социальную, экономическую, правовую защиту. Достижение национально-русского двуязычия рассматривалось как важнейшая составляющая этнической социализации личности, как позитивный сдвиг в этноязыковом строительстве зарождающегося демократического общества.

Общий лозунг активистов зарождающихся прибалтийско-финских национальных общественных организаций «Сохраним родные языки!» нашел массовую поддержку в дискуссиях «Быть ли в Карелии карельскому языку?», «Будем беречь родство!», пик которых пришелся на конец 1980-х годов².

Нельзя не согласиться с мнением поэта А. Мишина, что «именно любовь к родному языку, родной культуре побудила большинство читателей взяться за перо»³.

В тиражировании этих представлений и взглядов огромную роль сыграла республиканская пресса, целенаправленно и систематически распространяя среди массового читателя насыщенную

* Казанский федералист. № 4 (20). Осень. Казань, 2006. С. 9–16.

¹ См. подробнее: *Клементьев Е. И.* Карелия: штрихи к этнополитическому портрету (история и современность) // *Этнопанорама*. 2002. № 2. С. 48–59.

² См.: *Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост. В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов.* Петрозаводск, 2005. С. 15–94.

³ Ленинская правда. 1989. 9 февраля.

«национальной окраской» информацию. Такая информация, как свидетельствуют исследования, «является одним из сильнейших психологических мобилизаторов общества, явлением, способным быстро консолидировать этнос на основе любви к своим ценностям», возбудить национальное (этническое) самосознание, сплотить этнически «родственников» по национальной принадлежности людей⁴.

Одним из важнейших результатов дискуссии следует признать то, что инициатива «снизу» (необходимость воссоздания письменности, создание первых учебных пособий, начало обучения детей навыкам говорения на языке своей национальности еще до принятия официальных решений и т. д.) была поддержана исполнительными структурами республиканской власти. Право народа на сохранение языковой преемственности поколений превращалось в реальность уже непосредственно в ходе диспута, когда стал решаться комплекс вопросов, связанных с сохранением прибалтийско-финских языков в Карелии.

Призывы и гражданские инициативы, направленные на сохранение и юридическую защиту языков, имели веские основания: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, только у 51,5 % карелов, 40,8 % финнов национальность и родной язык совпадали⁵.

Многие исследователи склонны считать, что с переходом 50 % рубежа языковой ассимиляции этническая ассимиляция народа приобретает необратимый характер. Карелы, будучи титульным народом Карелии и самым многочисленным народом среди автономных республик страны, вплоть до конца 1980-х годов оставались без письменности. Не имели своей письменности и вепсы. Использование родного языка преимущественно в сфере семейного общения обрекало языки карелов и вепсов на структурный застой, а народы – на дальнейшую языковую и этническую ассимиляцию. Реализация политики «расцвета и сближения народов», последовательно воспитывавшая в массовом сознании представления о непрестижности, ненужности и нецелесообразности знания языка своей национальности, притупляла национальное (этническое) самосознание народов. Широко декларировалась идея о том, что нарастающий престиж русского языка, вызванный социально-экономической практикой, процессами урбанизации, дальнейшим расширением и укреплением межнациональных связей, особенно брачных, обеспечит и социальное, и этнокультурное развитие народов на основе единого для всех народов русского языка. И такая политика давала свои плоды. В сознании ассимилированной в языковом отношении части карелов и вепсов русский язык стал восприниматься как естественный атрибут этнического развития народа. Не замечалось или умалчивалось, что языковая и этническая ассимиляция детей и молодежи, родившихся в межнациональных браках, получивших массовое распространение, разрывала межпоколенную языковую связь поколений, усиливая хрупкость демографической структуры народов, обрекала демографическое воспроизводство народов на бесперспективность.

Благодаря усилиям гуманитарной интеллигенции, – передового отряда этнических мобилизаторов – рубеж 1980–1990-х годов оказался переломным. Первые шаги на пути формирования в Карелии идеологии защитного или оборонительного национализма⁶, сохранения родных языков сделали сельские учителя, приступившие к обучению детей навыкам родной речи, считая такую работу своим гражданским долгом.

Однако было ясно, что без диалога власти и общественности, без их совместных и скоординированных усилий, без соответствующих исполнительных структур, без создания политико-правовых условий решить проблему защиты этнокультурных и языковых интересов народов вряд ли удастся.

⁴ Об этнических аспектах журналистики см. подробнее: *Малькова В. К.* Образы этносов в республиканских газетах (Опыт этносоциологического изучения). М., 1991; *Ее же.* Республиканская пресса России: новая этнонациональная идеология. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 103. М., 1997. *Ее же.* Проблемы этнической журналистики и толерантности // *Этнопанорама*. 2001. № 1. С. 10–17; *Ее же.* «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М., 2005.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 32. См. подробнее: *Клементьев Евгений.* Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // *Финноугроведение*. 1994. № 1. Йошкар-Ола, 1994.

⁶ Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994. С. 21–22.

Важной предпосылкой в реализации этих намерений стала принятая Верховным Советом республики Декларация о государственном суверенитете Карельской АССР. Впервые в истории республики Декларация гарантировала соблюдение прав и свобод человека, свободное национальное и культурное развитие всех народов на ее территории, возрождение национальной самобытности коренных народов (1990 год). В этом же году в составе Верховного Совета республики была сформирована Постоянная комиссия по национальной политике, культуре, языку и охране исторического наследия. В 1991 году в составе Совета Министров республики возник Комитет по национальной политике. Основная их задача заключалась в проведении единой государственной политики в области национальных отношений с учетом специфических интересов всех народов республики, в содействии всем народам в свободном развитии родного языка, в удовлетворении запросов в сфере образования, сохранения и развития национальной культуры и народного творчества. В целях укрепления связей между структурами власти и прибалтийско-финскими общественными организациями в 1992 году при Комитете по национальной политике была образована Коллегия.

С утверждением алфавитов вепского (на основе кириллицы и латиницы) и ливвиковского диалекта карельского языка (на латинской основе), а также свода правил по орфографии (20 апреля 1989 года) началась активная практическая работа по разработке и изданию учебников, учебно-методических и наглядных пособий, открытию сети школ с изучением родных языков. На карельском и вепском языках впервые стали вестись радио- и телепередачи, публиковаться газеты, формировалась младописьменная литература, издавались первые образцы художественной литературы (преимущественно стихи). Большую работу по популяризации культурно-языкового наследия народов республики проводили профессиональные и непрофессиональные коллективы художественной самодеятельности. В практику повседневной жизни вошли празднования дней городов, поселков, деревень, организация фестивалей, смотров, конкурсов и т. д. Этнокультурная традиция народов из сферы бытовой появилась на подмостках сцены, оказывая плодотворное воздействие на развитие профессиональных форм культуры.

В настоящее время Российская Федерация и ее субъекты декларируют многоуровневую систему защиты неотъемлемого права человека на реализацию своего качества по сохранению, использованию и развитию культурно-языкового наследия.

На федеральном уровне культурно-языковые, языковые потребности и интересы народов защищают Конституция России, законы о языке, культуре, национально-культурной автономии, концепция государственной национальной политики, ряд постановлений правительства, федерального собрания и т. д.

Вторую группу таких правовых актов, регулирующих сферу этноязыковой жизни человека и народов, составляют законы, постановления, разработанные к законам концепции и программы, принятые на региональном (республиканском) уровне.

В третью группу документов правового характера могут быть отнесены решения муниципальных органов власти. В соответствии с положением об органах местной власти и их полномочиях, они, учитывая интересы местного населения, вправе принимать и финансировать специальные этнокультурные и языковые программы и проекты.

Опираясь на федеральное законодательство, за постперестроечные годы в Республике Карелия был подготовлен и принят пакет различных нормативно-правовых актов (более 20), защищающих культурно-языковые права народов. Заметное внимание в республике уделялось и уделяется защите коллективных прав прибалтийско-финских народов – карелов, вепсов и финнов⁷. Правовая поддержка законодательной и исполнительной ветвями власти этноязыковых ожиданий и интересов народов создавала серьезные предпосылки в решении возрожденческих задач.

⁷ См. подробнее: *Клементьев Е.* Этничность и конституционализм // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 34. Ноябрь–декабрь. 2000. С. 42–46; *Клементьев Е.* Правовая защита национальных интересов: миф или реальность? // Сеть этнического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 40. 2001. Ноябрь–декабрь. С. 32–39; *Клементьев Е. И.* В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия // Казанский федералист. № 3 (11). Казань, 2004. С. 70–107; *Строгальщикова З. И.* Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Бубриховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 270–288.

Казалось бы, что наличие столь весомой нормативно-правовой базы позволит карелам, вепсам, финнам вновь вернуться к национально-русскому двуязычию, бывшему нормой их языкового поведения. Именно эта задача и выдвигалась активистами прибалтийско-финского национального движения в числе первоочередных уже на начальном этапе этнической мобилизации – этапе выбора стратегии и тактики решения возрожденческих, прежде всего языковых проблем. Роль школы в их решении признавалась приоритетной.

Включение карельского и вепсского языков в число школьных предметов, а затем в региональный компонент содержания образования, обязательное изучение родных языков в образовательных учреждениях, расположенных в местах компактного проживания карелов и вепсов, с 3–4 часами учебного времени укрепляло надежду национальной общественности в достижении цели⁸.

В 2001 году Министерство образования и по делам молодежи республики обнародовало обязательный минимум содержания региональной образовательной области «родной язык и словесность» для учащихся, оканчивающих начальную школу. По утвержденному стандарту они должны были научиться свободно говорить на изучаемом языке⁹.

Продолжая совершенствовать систему оценок динамики языковой компетентности учащихся, приказом от 5 мая 2006 года министерство утвердило новый региональный (национально-региональный) компонент государственного стандарта общего образования в Республике Карелия для учащихся начальных классов, получающих общее образование и оканчивающих среднюю школу¹⁰.

Согласно разработанным стандартам, уже после окончания начальной школы учащиеся приобретают возможность умениями общаться в 4 сферах по 31 теме. Такое многообразие сфер и тем обеспечивает им не элементарное, а свободное владение языком.

Приобретенные в начальных классах языковые навыки, изучающие карельский или вепсский язык, наращивали языковой потенциал на последующих ступенях обучения. Языковой багаж знаний у получивших основное общее образование должен стать качественно иным. По мнению разработчиков программы, обогащая в процессе учебы словарный запас, развивая культуру и навыки речевого поведения, знакомясь с фольклором, образцами художественной литературы и т. д., окончившие среднюю общеобразовательную школу приобретут такие навыки свободного владения изучаемым языком, что он превращается в элемент получения новых дополнительных знаний.

И хотя на нерусские языки распространялся статус государственного стандарта общего образования, вопрос об аттестации учащихся до сих пор остается открытым. Мотивируется это тем, что, мол, введение экзамена по карельскому или вепсскому языкам может ограничить число желающих изучать язык.

Судить о том, как изменяется уровень языковой компетентности в условиях современной «национальной» школы, можно, например, по результатам социологического исследования, если преобразовать разработанные министерством квалификационные требования к учащимся (качественные показатели) в количественно-качественные на разных этапах обучения в общеобразовательных учреждениях: при поступлении в школу, после окончания начальных классов, получения основного и среднего (полного) общего образования.

Из-за отсутствия таких данных, обратимся к иным индикаторам, фиксирующим современное состояние «национальной» и ее роль в сохранении карельского языка. По представленным ниже данным видно, что за три последних года заметно сократилась общая численность школ и учеников, изучающих карельский язык, сократился прием детей в первый класс, уменьшилось число школьников, окончивших, к примеру, 2, 3 или 4 класс и переходящих соответственно в 3, 4 или 5–9 классы, из года в год сокращается число обучающихся в 5–9 классах. По-прежнему значительна доля осваивающих навыки карельского языка факультативно, как необязательный предмет (каждый шестой ученик).

В 2005/06 учебном году в трех школах карельский язык изучался как предмет с 1 по 10 класс 1–2 часа в неделю (410 учащихся), в трех школах (209 учащихся) – с 1 по 4 класс, в 6 школах – со 2 по 4 класс (190 учащихся). В ряде школ карельский язык преподается только в одном или в двух

⁸ Родные языки в школе. Научно-методический сборник. Вып. 2. Петрозаводск, 2001. С. 6.

⁹ Клементьев Евгений. Языковое право и образовательная политика (на примере Республики Карелия) // Казанский федералист. № 1–2 (17–18). Зима, весна. Казань, 2006. С. 192–193.

¹⁰ Региональный (национально-региональный) компонент государственного стандарта общего образования Республики Карелии. Петрозаводск, 2006.

классах. В целом непрерывным изучением карельского языка как предмета охвачена примерно половина, точнее 56 % учеников от общей их численности. От общей численности карелов в возрасте 7–17 лет право на изучение языка своей национальности реализует примерно 25 %.

Распределение изучающих карельский язык по школам и классам

	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	5–9 кл.	10–11 кл.	Всего учащихся
2003/04	49 школ, 1824 ученика						
школ	17/6	25/2	23/4	20/4	24/9	3/2	
учащихся	187/54	254/10	283/17	183/24	604/157	49/2	1560/264
2004/05	51 школа, 1721 ученик						
школ	10/5	25/7	17/7	18/8	21/8	2/–	
учащихся	111/108	255/53	221/60	190/41	583/104	38/–	1408/313
2005/06	46 школ, 1712 учеников						
школ	7/3	20/6	22/4	19/4	20/5	6/2	
учащихся	77/37	263/70	259/67	203/19	569/73	55/20	1426/286

Примечание. Составлено и рассчитано по данным текущего архива Министерства образования и по делам молодежи Республики Карелия. Через черточку указано число учащихся, изучающих карельский язык факультативно.

Определенные трудности с сохранением стабильного контингента учащихся в ближайшие годы могут возникнуть с изучением вепсского языка: за последние два учебных года общая численность учащихся сократилась с 286 до 210 чел., или на 70 %, в том числе поступивших в первый класс на 73 %.

Быстрыми темпами стала сокращаться численность школ (10 школ) и численность учащихся, изучающих финский язык (более чем 1000 чел.).

Информация о реальном состоянии «национальной» школы скудна, известна в самых общих чертах достаточно узкому кругу людей. Этим, по всей вероятности, может быть объяснена противоречивая оценка ее роли в сохранении языков. Так, на заседании кафедры карельского, вепсского языков Карельского государственного университета (сентябрь 2006 года), с одной стороны, высказывалась тревога за уровень и качество преподавания родных языков в образовательных учреждениях республики, сокращение количества часов, выделяемых на изучение родных языков и т. д., с другой, утверждалось, что современное состояние родных языков в республике оценивалось как положительное.

Данные Всероссийской переписи населения 2002 года демонстрируют дальнейшее ослабление внутриэтнических связей по языковой составляющей: только 48,3 % карелов, 41,5 % вепсов и 40,3 % финнов Карелии владели языком своей национальности¹¹. Можно не сомневаться в том, что национальная (этническая) принадлежность и родной язык совпадали еще реже. Процесс массовой утраты карелами, вепсами, финнами языка своей национальности (деэтнизация), деформируя этническую идентичность, ведет к массовой замене этничности гражданской идентичностью.

В Минназе республики считают, что принятие Закона «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» (2004 год) и программы к ней (2005 год) продолжает «приоритетный курс на возрождение и развитие языков и культуры прибалтийско-финских народов», но поднимает эту проблему «на новый, качественно более высокий уровень реализации»¹².

В то же время Миннац, по сути, отмежевывается от контроля над выполнением закона и программы к ней, считая их функцией Министерства образования. Примечательно, что в отчете Миннаца за 2006 год, озаглавленного «О ходе реализации республиканской целевой программы „Государственная поддержка карельского, вепсского и финского языков на 2006–2010 гг.“», организация и совершенствование системы обучения, воспитания на карельском, вепсском и финском языках оценена весьма аморфно: «Повышение качества обучения карельскому и вепсскому языку...», к которому Миннац едва ли имеет прямое отношение. В последние годы в программах, подготовленных в республике, все чаще провозглашаются такие общие цели и задачи,

¹¹ Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 27–28.

¹² Бирин В. Н. Этнодемографическая ситуация в Карелии // Вестник Карельского филиала СЗАНС – 2006. Сборники статей. Часть 1. Петрозаводск, 2006. С. 14.

выполнение которых обычно недостижимо, все труднее найти разницу между поставленными задачами и конечными результатами, нет ясности в том, какими механизмами может быть решена та или иная задача.

Представляется, что укрепление доверия и позиций «национальной» школы, ее эффективная и результативная работа по сохранению региональных языков труднодостижима без системы мер. К таковым могут быть отнесены: конкретизация целей и задач «национального» образования, выявление потребностей этнических групп в изучении языка своей национальности, повышение уровня координации и кооперации усилий исполнительной власти и общественности, использование новейших методик ускоренного изучения языка, укрепление и совершенствование звена «детское образовательное учреждение – школа – высшее учебное заведение», обеспечивающего непрерывность изучения языка и, следовательно, его знание, открытое обсуждение состояния и проблем «национальной» школы, поиск новых качественных механизмов контроля за выполнением принятых властью обязательств по решению заявленных задач и ряд других. Сегодня на вопрос: «Способна ли власть выполнить принятые на себя обязательства по созданию условий, гарантирующих сохранение нерусских языков?» трудно дать внятный ответ.

ЯЗЫКОВОЕ ПРАВО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА* (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Введение

Защита языковых прав народов была, есть и в обозримой перспективе останется одним из приоритетных направлений государственной политики, ибо в национальной политике любого демократического государства признание культурно-языкового фактора, удовлетворение этнокультурных, языковых потребностей, интересов и ожиданий народа по праву считается универсальным источником развития и важнейшим условием реализации принципа межнационального равенства, согласия, доверительности и толерантности.

Общемировая тенденция развития этноязыковых процессов такова, что в процессе языковой, а затем и этнической ассимиляции крупными этническими общностями малочисленных этносов, численность последних неуклонно сокращается. Памятуя о том, что каждая национальная культура уникальна и неповторима, правовая защита исчезающих культур и языков занимает особое место в международной, а в последние десятилетия и в российской нормативно-правовой практике. Нарастающее внимание международного сообщества к проблемам сохранения и защиты культурно-языковой идентичности народов вызвано, в частности, и тем, что нерешенность таких вопросов, дестабилизируя ситуацию, становится причиной возникновения напряженности в межнациональных отношениях, порождая порой конфликтные ситуации. В условиях многонационального государства становится все труднее ограничиваться лишь декларированием равенства народов и их языков.

На рубеже 1980–1990-х годов языковой фактор выдвинулся в один из существенных аспектов государственной национальной политики. Именно тогда усилившаяся этническая сплоченность оказала мощнейшее влияние на формирование национальных общественных объединений в различных регионах страны. Лидеры этих движений, осознавая важность организационного оформления движений и выступая за придание им институциональных форм, придавали им этнополитическое звучание. Важную роль в этом процессе сыграли призывы к борьбе за огосударствление языков титульных народов. Это было также временем становления новых политико-правовых представлений. Апелляция к национальным чувствам, национальному (этническому) самосознанию народа, уверенность в его пробуждении рассматривались в качестве движущей силы, ориентированной на сохранение и совершенствование культурно-языкового наследия народов. Получившая широкий резонанс культурно-языковая проблематика, вплетенная в контекст политических, социально-экономических требований зазвучала так мощно и согласованно, что проблема соотношения демократии и формирования различных типов национализма превратилась в ключевую проблему межнациональной напряженности и межэтнических конфликтов в различных регионах постсоветского пространства¹.

Научная и гуманитарная интеллигенция исходила из посылки, что только активная национальная культура, широко используемый национальный язык в самых различных сферах общественно-политической и культурной жизни может и должен стать мостом, связующим прошлое, настоящее и будущее. Идеи оборонительного или защитного типа национализма² – осознание опасности утраты народами своей культурно-языковой самобытности – стали доминировать в идеологических представлениях активистов и участников национальных движений во многих субъектах РФ.

Такие идеологические представления, как уже отмечалось исследователями³, оказались наиболее востребованными и привлекательными в автономных республиках, там, где языковая и этническая ассимиляция народов оказалась достаточно глубоко продвинутой (Коми АССР, Марийская АССР, Мордовская АССР). Среди таких республик оказалась и Карелия.

Защита культуры и языка как ключевых символов этничности, основы национального (этнического) самосознания, транслятора культурного наследия активистами прибалтийско-финского движения в Карелии приобрела исключительное значение. И в этом контексте изучение

* Казанский федералист. 2006. № 1–2(17–18). С. 182–195.

¹ Дробизева Л. М., Аклаев А. Р., Коротева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 3.

² Дробизева Л. М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994. С. 21–22.

³ См.: Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 12, 21–22.

«вех» и «опор» языковой мобилизации, ее основным идеологом есть не что иное, как познание становления и укрепления личностной свободы, выражающей одновременно неутраченную связь индивида со своим этносом⁴.

И хотя нормы, регулирующие права человека и гражданина, исходя из первичности его интересов, считаются универсальными, сосуществование прав индивидов и прав этнических групп, признание группового (коллективного) права, все настойчивее пробивает себе дорогу⁵. Сказанное относится, прежде всего, к правам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, оказавшихся под мощным воздействием процессов глобализации на грани этнического исчезновения. По мнению авторитетного исследователя С. А. Арутюнова, «дилемма стоит, едва ли, не в самой острой форме: или соблюдение формального равноправия со всеми другими народами, либо их сохранение, но при условии отказа от некоторых „правил игры“ в демократию»⁶.

Федеральное законодательство по защите языковых прав народов

Основой федерального устройства страны по Конституции РФ признается принцип равноправия и самоопределения народов, означающий свободное ассоциирование и интеграцию с независимым государством или иное конституционное устройство, достигнутое посредством консультаций и согласия. Статья 44, п. 3 Конституции вменяет в обязанность каждого гражданина России заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. К историческому наследию, вне сомнения, относится и язык каждого народа.

По Основному федеральному закону право народов на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития гарантируется ст. 68, п. 3. Специальной статьей (ст. 69) защищаются права коренных малочисленных народов «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». К числу последних могут быть, в частности, отнесены Итоговый документ Венской встречи 1986 года государств – участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых государствах 1989 года, Европейская хартия о региональных языках 1992 года, Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 1995 года, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 года и др., хотя не все из них ратифицированы Россией и не обязательны для исполнения.

Важнейшая особенность Закона «О языках народов РСФСР» (принят 20 октября 1991 года Верховным Советом РФ) – признание нормы группового этнического права. Языковой суверенитет в законе рассматривается как совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка независимо от их численности (ст. 2, п.п. 1, 2). Государство, признавая равные права народов на сохранение и развитие языков, охраняет равноправие языков народов законом (ст. 2, п. 4; ст. 3, п. 1), обеспечивает условия для изучения и преподавания родного языка (ст. 10, п. 1). По закону субъекты РФ наделяются правом принимать законы и другие нормативно-правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 3, п. 3).

Еще дальше в расширении языковых прав граждан пошли разработчики Закона РФ «Об образовании». Так, ст. 6, п. 2 этого закона гласит: «Граждане Российской Федерации имеют право

⁴ Клементьев Е. И. В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия. Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации // Казанский федералист. 2004. № 3 (11). С. 70–107.

⁵ См., например: Абашидзе А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М., 1966; Губогло М. Н. Национальное право и вопросы национально-культурных объединений в новейших Конституциях Российской Федерации (1991–1995 гг.) // Национально-культурные автономии и объединения. Антология. Историография. Политика. Практика. М., 1993. Т. 2. С. 21–64; Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом. М., 2000. 512 с.; Права и свободы народов в современных источниках международного права (сборник документов). Казань, 1995; Соколовский С. В. Права меньшинств. Антропологические, социологические и международные аспекты. М., 1997; Илишев И. Г. Языковые права народов в европейском измерении: опыт государств – членов ОБСЕ. Уфа, 2002 и др.

⁶ Арутюнов С. А. Какое право нужно сегодня малым народам? // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. М., 1997. С. 33.

на получение основного общего образования на родном языке». Закон «Об образовании», устранив монополизм государства на социальный заказ школ и провозгласив правовую защиту национальных языков, не просто расширял, а предоставлял принципиально новые возможности реализации языковых интересов народов.

Культурно-языковые права народов и национальных меньшинств защищаются также рядом других законодательных актов РФ (Законами «О культуре», «О национально-культурной автономии» и др.).

Обратимся еще к двум важным документам новейшего времени, посвященным вопросам культурно-языковых прав народов, – к проекту Концепции государственной национальной политики РФ и проекту Концепции федеральной этнонациональной образовательной политики РФ.

В преамбуле проекта Концепции государственной национальной политики отмечается, что Концепция выражает права, свободы и интересы граждан и *этнических общностей* и направлена на укрепление российской государственности с учетом самобытности *этнических общностей*, их языков и тем самым способствует созданию условий для развития *этнических общностей* «в целях гармонизации межэтнических отношений, создания в российском обществе условий для удовлетворения гражданами России своих социокультурных потребностей и интересов, включая этнические». Защита групповых (этнических) прав народов прописана также в третьем разделе Концепции, в которой отмечается, что «основные цели государственной национальной политики Российской Федерации состоят в обеспечении условий для полнокровного социального и национально-культурного развития *этнических обществ* (выделено мной – Е. К.) России, упрочения общероссийской многонациональной общности на основе соблюдения прав и свобод гражданина». В культурной и образовательной сферах ставятся задачи: «воспитание уважения к истории России, истории ее народов, символам государства, культуре, к мировым культурным ценностям, национальным культурным традициям и особенностям в условиях многонационального государства; сохранение исторического и культурного наследия». Одна из задач в сфере образования, наряду с общедоступностью образования, сводится к обеспечению удовлетворения этнокультурных потребностей этнических обществ. Проект Концепции предусматривает разработку образовательных программ, предметов гуманитарного цикла на бикультурной, двуязычной, а также поликультурной основах образования, а также «обеспечение государственной поддержки обучающихся в получении качественного образования с учетом языковой и этнокультурной среды».

Приведенные положения Концепции наглядно иллюстрируют федеративный характер образовательной политики, направленной, в том числе, на сохранение и развитие многокультурной и многоязыковой российской палитры субъектов Федерации.

Противоположных взглядов придерживаются разработчики Концепции федеральной этнонациональной образовательной политики России. По оценке одного из авторов Концепции, директора Института национальных проблем образования Министерства образования и науки М. Н. Кузьмина, интересы и цели Центра и субъектов Федерации «не просто неоднородны общегосударственным, – они альтернативны им»⁷. Чтобы не допустить углубления такой альтернативности во имя устойчивости общества, следует, по М. Н. Кузьмину, устранить существующий «дефект» в Федеральном Законе «Об образовании», допустивший якобы полный перевод этнонациональной политики образования на региональный уровень и тем самым заложивший не логику сотрудничества, а логику конфронтации и достижения субъектами Федерации «самостоятельных политических целей». В этнонациональной политике в сфере образования, как уверяет М. Н. Кузьмин, следует «опираться на соответствующий нормативный акт». Такими актами, по его мнению, должны стать Концепция федеральной этнонациональной образовательной политики РФ и Концепция государственной национальной политики РФ, поскольку в стране нет концепции, «способной удовлетворительно объяснить сущность этнонациональных процессов в контексте общих процессов трансформации мозаичного традиционного общества –

⁷ См. подробнее: Кузьмин М. Н. К вопросу о разработке Концепции федеральной образовательной политики Российской Федерации // Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. Материалы 11 Межрегиональной научно-практической конференции (26 октября 2004 г.). Казань, 2005. С. 14–24.

в гомогенное гражданское», «проработанной новой национально-государственной идеи». Поэтому акцент следует делать на формирование устойчивой политической нации, пренебрегая этнокультурными интересами народов.

Вопрос «Как быть с Конституцией РФ и конституциями субъектов Федерации, федеральными и региональными (республиканскими) законами об образовании, гарантирующими создание условий для сохранения и развития языков?», разработчиками Концепции этнонациональной образовательной политики оставлен без ответа.

Анализируя идеи, заложенные в Концепции государственной этнонациональной образовательной политики в РФ, Д. М. Исхаков приходит к выводу, что в ней доминирует политика централизации «всего и вся». Следует упомянуть еще один важный критический вывод Д. М. Исхакова, а именно: по Концепции формирование российского народа как единой политической нации представляется не на основе федерализма, «не за счет учета этнокультурных, национальных интересов всех народов в общенациональном культурно-образовательном пространстве», а за счет русско-центристских представлений, противоречащих и Конституции Российской Федерации, и Федеральному Закону «Об образовании». Такие представления, как заключает Д. М. Исхаков, не могут не привести «к усилению в культурно-образовательной сфере унитаристских тенденций с последующим ростом напряженности между федеральными и региональными (республиканскими) органами образования и научно-педагогическими сообществами двух уровней»⁸.

Следует отметить, что рост напряженности в межнациональных отношениях может произойти лишь в том случае, если региональная власть не проявляет заинтересованности в сохранении культурно-языкового наследия народов и ее усилия не находят поддержки активистов национальных движений и широких слоев населения.

Законы Республики Карелия, защищающие языковые права народов

Среди субъектов РФ Республика Карелия считается регионом, уделяющим весьма пристальное внимание вопросам защиты культурно-языковых прав народов. И это действительно так: с 1991 года до настоящего времени в республике было принято около 20 нормативно-правовых актов (законов, постановлений, распоряжений правительства, программ, концепций), непосредственно защищающих культурно-языковые интересы народов республики, прежде всего трех прибалтийско-финских народов России – карелов, вепсов и финнов Карелии. По словам известного российского ученого М. Н. Губогло, посвятившего ряд фундаментальных исследований проблемам законотворчества в сфере этногосударственных и языковых взаимоотношений, Карелия проявляет особую заинтересованность в развитии норм национального права, ибо «без ключевых положений этого права... сохранение карел и их этничности действительно становится проблематичным»⁹.

Заявив о праве на изменение государственно-правового статуса в порядке, который будет определен федеральным и союзными договорами о разграничении полномочий, законом от 13 ноября 1991 года Верховный Совет КАССР утвердил новое название республики (Республика Карелия) и внес соответствующие изменения в Конституцию. В ней защита культурно-языковых прав народов была прописана в общей форме. Согласно ст. 1 Основного закона, республика наделялась правом устанавливать свои государственные языки, обязывалась обеспечивать «свободное национальное и культурное развитие всех народов на ее территории» (ст. 5). К совместному ведению РФ и РК были отнесены защита прав и свобод человека, прав национальных меньшинств, а также «исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей».

Ряд статей действующей Конституции РК пришел в противоречие с федеральным законодательством, был внутренне противоречив, содержал неверную или устаревшую терминологию и в соответствии с Федеральным Законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской

⁸ См. подробнее: *Исхаков Д. М.* О проекте «Концепции государственной этнонациональной политики в Российской Федерации» // Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы. Материалы 11 Межрегиональной научно-практической конференции (26 октября 2004 г.). Казань, 2005. С. 53–57.

⁹ *Губогло Михаил.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? М., 2000. С. 45.

Федерации» должен был быть состыкован с федеральным законодательством. В течение 2000–2001 годов в республике прошло активное обсуждение проекта новой Конституции¹⁰.

В Конституцию РК, принятую 12 февраля 2001 года, были внесены очередные поправки. В настоящее время к статьям, непосредственно защищающим культурно-языковые права и интересы гражданина и народов, относятся: ст. 11 п. 1 («Государственным языком Республики Карелия является русский язык. Республика Карелия вправе устанавливать другие государственные языки на основании прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума»); ст. 10, п.п. 1, 2 («В Республике осуществляются меры по возрождению, сохранению и свободному развитию коренных малочисленных народов; проживающих на ее территории»; «В Республике Карелия народам, проживающим на ее территории, гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»); ст. 29, п. 2 («Республика Карелия устанавливает региональные (национально-региональные) компоненты государственных образовательных стандартов, поддерживает различные формы образования, способствует развитию науки»).

14 февраля 1994 года в республике был принят Закон «Об образовании», провозгласивший государственную политику в сфере образования приоритетной (ст. 1, п. 1). Согласно ст. 6, п. 2 «Республика Карелия создает условия для получения образования на родном языке для представителей коренных малочисленных народов (карелов, вепсов), а также на выбор языка обучения для представителей других национальных групп в рамках возможностей, предоставляемых системой образования»¹¹. В этот закон в 1990-е – начале 2000-х гг. девять раз вносились изменения, дополнения, поправки. В 2002 году Министерством образования и по делам молодежи республики была предпринята попытка исключить из закона ст. 6. И лишь благодаря усилиям председателя Общества вепсской культуры З. И. Строгальщиковой эту статью удалось восстановить в законе. Однако Министерство образования не намеревалось отступить от желания принизить роль закона в сохранении нерусских языков. 15 апреля 2005 года, с подачи Министерства образования, республиканский парламент принял существенно измененный Закон «Об образовании»¹². Ни о подготовке, ни о содержании закона ни Госкомнац республики (устное заявление председателя Государственного комитета Республики Карелия по делам национальной политики Е. А. Шорохова), ни прибалтийско-финская общественность республики не извещались, хотя по Положению о Совете представителей карелов, вепсов, финнов при Главе республики обо всех нормативно-правовых актах, затрагивающих права и интересы народов республики, Совет должен был давать общественную экспертизу.

В законе не упоминается конституционная норма, что государство (республика) гарантирует сохранение национальных языков, исчезло положение о том, что республика обеспечивает получение образования на родном языке. Правовые нормы в сфере образовательной политики изложены в редакции: «Органы исполнительной власти Республики Карелия в области образования: ...3) разрабатывают и реализуют республиканские целевые программы развития образования с учетом национальных и региональных социально-экономических, экологических, культурных, демографических и других особенностей Республики Карелия; ...5) устанавливают региональные (национально-региональные) компоненты государственных образовательных стандартов» (ст. 2, п. 2). По последней версии Закона «Об образовании» предусматривается также поддержка изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности (ст. 3). Подобные метаморфозы в законодательстве существенно сужают возможности сохранения языков, не способствуют сдерживанию процессов языковой и этнической ассимиляции, темпы которых продолжают стремительно нарастать¹³.

19 марта 2004 года был принят Закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», гарантирующий юридическую, социальную, экономическую защиту языков (ст. 2). Закон предусматривает проведение комплекса мер по их сохранению,

¹⁰ См. подробнее: *Клементьев Е.* Этничность и конституционализм // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 2000. Ноябрь–декабрь. С. 42–46; *Клементьев Е.* Правовая защита национальных интересов: миф или реальность? // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2001. Бюллетень № 40. Ноябрь–декабрь. С. 32–39; *Клементьев Е.* Карелия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад. М., 2002. С. 67–68.

¹¹ Собрание законодательства Республики Карелия. 1997. № 4. Ст. 356.

¹² Собрание законодательства Республики Карелия. Апрель 2005 (часть 1). № 4. Ст. 308.

¹³ *Клементьев Е.* Метаморфозы Закона «Об образовании» // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. Бюллетень № 63. С. 14–16.

изучению, развитию и использованию (ст. 3). К этим мерам отнесены: укрепление и расширение социально-культурных функций карельского, вепсского и финского языков; поддержка СМИ, осуществляющих деятельность на этих языках; организация системы обучения в образовательных учреждениях названным языкам; поддержка образовательных учреждений; издание различных учебных пособий, литературы, словарей на карельском, вепсском, финском языках; поддержка научных исследований по этим языкам. Закон предусматривает совершенствование системы подготовки кадров различного профиля, работающих «на языке», «с языком», «для языка», содействие развитию международных и региональных языковых взаимосвязей. Только в этом законе сохранилось положение о том, что граждане республики имеют право на получение основного общего образования на родном языке путем создания необходимого числа классов, групп и условия для их функционирования (ст. 5). Рядом статей допускается использование карельского, вепсского, финского языков в деятельности органов власти (ст. 6–8), при оформлении названий географических объектов, дорожных знаков и иных указателей (ст. 11), т. е. закон частично наделяет карельский язык функциями официального языка.

Таким образом, можно констатировать: правоприменительная практика, созданная в республике по защите языковых интересов карелов, вепсов, финнов, достаточна, чтобы обеспечить сохранение языков и функциональное их развитие. Каковы же результаты этнонациональной языковой политики?

Результативность развития «национальной» школы

Учитывая разрыв межпоколенных языковых связей по линии «родители-дети», масштабы языковой ассимиляции, еще в конце 1980-х годов было признано, что решающую роль в сохранении карельского, вепсского, финского языков должна играть школа. И все усилия активистов прибалтийско-финского движения были сосредоточены на решении этой первостепенной задачи. И здесь хотелось бы отметить огромную работу по созданию букварей нового поколения, учебников, учебно-методических пособий научных сотрудников Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН Н. Г. Зайцевой, П. М. Зайкова, Л. Ф. Маркиановой, Т. П. Бойко, многих учителей-энтузиастов, начавших по собственной инициативе обучать детей навыкам языка своей национальности еще до принятия официальных решений о введении в школах преподавания карельского или вепсского языков. В республике быстро увеличивалась численность школ и число учащихся, изучающих тот или иной прибалтийско-финский язык. При поддержке республиканской власти удалось решить проблему подготовки учительских кадров. Большую роль в развитии так называемой «национальной» школы сыграла разработка и реализация концепций и программ, хотя многие, в том числе некоторые ключевые положения, в частности, переход на изучение ряда предметов на карельском, вепсском или финском языке, не удалось осуществить.

Как же оценивается роль школы в сохранении прибалтийско-финских языков? Ответ на этот вопрос звучит по-разному.

Первые итоги работы школы были получены в результате мониторинга 1996 года, в ходе которого учителя оценивали знания учащимися изучаемого языка, и был сделан вывод: «„национальная“ школа не обеспечивает повышение языковой компетенции учащихся». Время показало, что уроки из полученных данных, к сожалению, не были сделаны, что подтвердили данные массового опроса карелов и вепсов в 2002 году.¹⁴

Дело ограничилось лишь неоднократным повторением Госкомнацем республики в своих годовых отчетах, начиная с 1997 года, вывода о том, что «национальная школа развивается медленно, что не соответствует ожиданиям национальной интеллигенции», что «активное освоение учащимися навыков родной речи пока не обеспечено». И сегодня признается, что «ситуация с карельским, вепсским и финскими языками... остается критической». И в то же время утверждается, что «за 15 лет удалось создать основу национального образования, на которое в настоящее время и возлагаются надежды карелов, вепсов и финнов Республики Карелия на сохранение и развитие их родных языков», что якобы в республике «обеспечиваются оптимальные (выделено

¹⁴ См. подробнее: Клементьев Е. И. Современная языковая ситуация и национальная школа // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия. Материалы научно-практической конференции 31 октября 2002 года. Петрозаводск, 2004. С. 15–21; Клементьев Е. И. Вепсы: современная языковая ситуация // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 200–210.

мной – Е. К.) условия для сохранения и развития языков»¹⁵. Более того, желая выдать ожидаемое за действительное, утверждается, что в финно-угорской школе г. Петрозаводска изучение ряда предметов ведется на родных языках¹⁶.

Некорректность данного вывода состоит, в частности, в том, что кроме учебных пособий по языкам, ни одного учебника по какому-либо предмету в реальности не существует. Привлечение на уроках карельского, вепсского или финского языка отдельных сведений и материалов по истории, географии, литературе, этнографии и так далее отнюдь не означает, что учащиеся изучают историю, географию, этнографию или литературу как специальный предмет общеобразовательной школы.

В ноябре 2001 года Глава Республики Карелия С. Л. Катанандов, выступая на научно-практической конференции «Карельский язык в школе. Проблемы и перспективы развития», подчеркнул: «Очевидно то, что мы сделали до настоящего времени, не гарантирует сохранение карельского языка» и «мы не смогли создать систему, которая гарантировала бы необратимые процессы в сохранении карельского языка»¹⁷.

На рабочем совещании, в работе которого участвовали представители Госкомнаца республики, общественных организаций (март 2004 года), Министерство образования и по делам молодежи республики признало, что активное освоение учащимися навыков родной речи не обеспечено, но не согласилось с тезисом о том, что развитие «национальной» школы в последние годы «затормозилось» и преподавание карельского, вепсского и финского языков носит формальный характер. Здесь считают, что состояние «национальной школы» в республике в настоящее время остается устойчивым, ссылаясь на относительно стабильный контингент изучающих карельский язык. Этот вывод в очередной раз был озвучен заместителем министра образования и по делам молодежи республики А. С. Кармазиным на международной конференции «Проблемы обучения родным языкам, находящимся под угрозой исчезновения: теория и практика создания учебников и учебных материалов нового поколения» (г. Петрозаводск, ноябрь 2005 года).

Насколько справедливо такое утверждение и соответствует оно действительности? Накануне проведения вышеуказанной конференции были получены данные опроса учителей карельского (44 анкеты), финского (45 анкет) и вепсского (9 анкет) языков. Они в очередной раз подтвердили основной вывод мониторингов 1996 и 2002 годов: уровень знания учащимися изучаемого языка остается низким и не обеспечивает достижения возвратного двуязычия, т. е. знания карелами, вепсами и финнами русского языка и языка своей национальности. По оценкам учителей, менее 5 % учащихся карелов и финнов могут свободно говорить на изучаемом языке, и, естественно, почти никто не говорит на нем в школе (вне урока), дома или вне школы. Возможности школы в сохранении языков считают высокими меньше 15 % учителей. Остальные полагают, что серьезных изменений в развитии школы за прошедшие годы не произошло (более 40 % ответов), остаются ограниченными (свыше 35 % ответов) или даже ухудшились (около 9 % ответов). И еще один принципиально важный, но, в общем-то, ожидаемый вывод: без увеличения объема часов на изучение национального языка возможности школы в сохранении языков останутся ограниченными и не смогут сдерживать нарастающие темпы языковой, а затем и этнической ассимиляции народов. Таково мнение примерно 63 % учителей, участвовавших в опросе. Это, по их мнению, не позволяет решить главную возрожденческую задачу – достичь свободного владения двумя языковыми системами¹⁸.

В соответствии с республиканским базисным учебным планом образовательных учреждений РК (Приказ министра образования № 144 от 23.04.98 г.), по которому «Родной язык» включен в региональный компонент образования, стандарт начального общего образования требует от учащихся овладение «основными коммуникативными умениями в чтении, устной речи и письме», т. е. учащийся, оканчивающий начальные классы, должен вести диалог этического характера, диалог-распрос, диалог-побуждение к действию, диалог-обмен мнениями, всего по 28 темам¹⁹.

¹⁵ Клеерова Татьяна. Функционирование родных языков и реализация Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств и Европейской хартии о региональных языках и языках национальных меньшинств // Финно-угорский мир. 2004. Информационный бюллетень № 3 (34). С. 50–51.

¹⁶ Карелия. 2004. 16 декабря.

¹⁷ Родные языки в школе. Научно-методический сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 2002. С. 8.

¹⁸ См. подробнее: Финно-угорский вестник. 2005. Информационный бюллетень № 4 (39). С. 45.

¹⁹ Родные языки в школе. Научно-методический сборник. Вып. 2. Петрозаводск, 2001. С. 10, 24.

Это позволяет вроде бы заключить: к моменту окончания начальной школы, дети, изучающие тот или иной язык, должны достаточно свободно владеть изучаемым языком. Если это так, то школа решает важнейшую задачу, выдвинутую прибалтийско-финскими общественными организациями Карелии еще в конце 1980-х годов, а именно – укрепление позиций национально-русского двуязычия, бывшего нормой языковой компетенции и речевого поведения в послевоенные десятилетия карелов, вепсов и финнов. Ожидания, как было показано выше, оказались далеки от реальной действительности.

При оценке роли школы в сохранении языков широко, и не только в Карелии, практикуется обращение к двум показателям – числу школ и численности учащихся, которые якобы отражают реальное состояние школы и ее роль в сохранении языков. Фактически же этими показателями прикрывается действительность, порождая миф о благополучии «национальной» школы. В этом можно легко убедиться, заглянув «внутрь» данных показателей.

По сведениям Министерства образования и по делам молодежи Республики Карелия, карельский язык в начале 2005/06 учебного года изучается в 50 школах (1751 учащийся).

По Всероссийской переписи населения 2002 года в республике учтено 65651 карел. В возрастно-половой структуре доля карелов в возрасте 7–17 лет, т. е. учащихся, составляла 9,8 %. Следовательно, право изучать язык своей национальности имели 6565 чел., фактически же реализуют это право 1751 чел. или 26,7 %. Этот средний показатель варьирует от 12,6 % (Кондопожский район) до 64 % (Медвежьегорский район). Серьезные недостатки в современной языковой политике и языковом планировании убедительно демонстрируют данные о доле изучающих карельский язык в местах компактного расселения карелов, где наиболее благоприятные возможности сохранения языка. Так, в Олонецком районе среди городского населения на долю карелов приходится 56,9 %, а в сельской местности 63 %. Расчеты показывают, что от общей численности карелов в возрасте 7–17 лет право на изучение языка своей национальности реализуют лишь 27,4 %. Оказывается, что здесь в ряде крупных поселений с преимущественно карельским населением изучение карельского языка в школе вообще не организовано. Схожая ситуация и в Пряжинском районе: от общей численности карелов, имеющих право изучать карельский язык, реализуют это право только 20 %²⁰.

Обратимся еще к одному показателю. Знания, как известно, пополняются путем непрерывного обучения. Именно с этих позиций оценим роль школы в повышении языковой компетентности учащихся.

На начало 2005/06 учебного года лишь в 4 школах карельский язык изучается с 1 по 4 класс (172 ученика), в 3 школах – с 1 по 9 класс (300 учеников) и в одной (финно-угорской школе г. Петрозаводска) – с 1 по 10–11 класс (210 учеников). В этих восьми школах навыки карельской разговорной речи, письма и чтения осваивают 682 ученика или около 39 % от общей численности изучающих карельский язык. В 11 школах карельский язык не преподается уже как минимум 5 лет, в трех – три года. Год назад карельский язык изучался как предмет или факультативно в первом классе в 32 школах, в наступившем учебном году число таких школ сократилось вдвое.

О высоком социальном престиже финского языка среди различных этнических групп республики, его прочных позициях в школе можно судить и по числу школ, и по численности учащихся, изучающих финский язык (60 школ, 6 129 учащихся). При общей численности финнов в Карелии 14156 удельный вес финнов в возрасте 7–17 лет равен примерно 9,6 %, т. е. право на изучение финского языка имеют 1359 чел. Фактически же финский язык изучают почти в 4,6 больше учащихся. Правда, за последние пять лет школ стало меньше на девять, сократилась и численность изучающих финский язык – с 10340 (2000 год) до 6129 учащихся.

В известной степени можно говорить о стабильных позициях вепсского языка в школе. Он преподается в бывшей Вепсской национальной волости (в трех школах) и в Петрозаводске (в двух школах). Всего вепсский язык изучают 326 чел., или 76,9 % вепсов в возрасте 7–17 лет, имеющих право на изучение языка своей национальности. Однако говорить о том, что проблема сохранения вепсского языка решена или решается успешно, нет достаточных оснований. Во-первых, судя по данным Всероссийской переписи населения 2002 года, несоответствие между национальной принадлежностью и владением языком своей этнической общности остается весьма существенным:

²⁰ Здесь и далее рассчитано по: Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 3–4, 30, 33–34.

лишь 38 % вепсов владели языком своей национальности. Во-вторых, в ареале компактного расселения вепсов вепсский язык изучается не только вепсами, а всеми учащимися, независимо от национальной принадлежности.

Приведенная совокупность данных едва ли свидетельствует о стабильном состоянии и развитии «национальной» школы и вряд ли можно ожидать качественных изменений в языковой ситуации. Скорее можно говорить о неэффективной языковой политике в сфере так называемого «национального» образования, о последовательном истощении ресурсов языковой идентичности прибалтийско-финских народов Республики Карелия. Наличие основ, обеспечивающих сохранение этнокультурного и этноязыкового своеобразия народов, заложенных в современных федеральных и республиканских нормативно-правовых актах, пока что не решают ни тактических, ни стратегических задач, какими являются создание условий для сохранения народами своей этнокультурной идентичности с последующим ее совершенствованием и развитием.

Несправедливо обвинять в этом только школу. Нельзя не учитывать того, что на национально-региональный компонент, куда включен предмет «Родной язык», выделяется 10 % учебного времени, которое подчас замещается на иные предметы, а не на уроки карельского, вепсского или финского языка. Практика многих десятилетий изучения иностранных языков и достижения в этой сфере в советское время всем хорошо известны. Не приходится сомневаться в том, что за 1–2, редко 3 часа в неделю, выделяемые сегодня на изучение родного языка, достичь свободного владения им невозможно. Поиск же и широкое использование новых современных методик изучения иностранных языков неоправданно затянулся, что привело к топтанию «национальной» школы на месте.

В республике в течение нескольких лет говорится об эффективности освоения детьми карельского языка в так называемом «карельском гнезде», каким является детское дошкольное учреждение. Здесь дети имеют возможность осваивать навыки говорения на языке своей национальности уже в раннем детстве. Однако сеть таких «гнезд» увеличивается слишком медленно и дети, как правило, приходят в школу, не зная языка своих родителей. Школьные летние языковые лагеря для учащихся так и не вошли в практику. Многократные разговоры о том, что необходима координация работы Министерства образования, Госкомнаца и национальной общественности пока что остаются на уровне благих намерений. Справедливая критика активистов прибалтийско-финского движения в адрес структур исполнительной власти, непосредственно отвечающих за выполнение федеральных и республиканских законов, защищающих языковые права народов, воспринимается весьма болезненно и некритически.

В то же время ресурсы языковой идентичности прибалтийско-финских народов РК продолжают последовательно истощаться. При наличии законодательных основ, обеспечивающих сохранение этноязыкового своеобразия народов, заложенных в современных федеральных и республиканских нормативно-правовых актах, проблема создания условий для сохранения народами своей этнокультурной идентичности, с последующим ее совершенствованием и развитием, остается неразрешимой. Фактическое неравенство языков, какими являются, с одной стороны, карельский и вепсский языки как языки младописьменные, русский и финский как языки, имеющие длительный период нормативного развития, с другой, очевидно. Выравнивание правовых возможностей для развития языков разного статуса не коррелируется с созданием равных условий для развития языков и культур, обрекая младописьменные языки на исчезновение, хотя государство и заявило, что оно «гарантирует сохранение языков». Принцип «единство в многообразии» все более преобразуется в принцип «единство в однообразии». Современная «национальная» школа Республики Карелия, работая не в соответствии с принятыми конституциями РФ и РК, законами о языках, об образовании, гарантирующими сохранение языков, все более отдаляет время, когда национально-русское двуязычие станет реальностью.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Материалы публикуемых в настоящем сборнике статей, написанных в XX столетии, включая XXI, позволяют выделить четыре основных периода в развитии языковых процессов в Карелии. Каждый из этих периодов испытал влияние федеральной и региональной политики, определяющих условия функционирования и развития прибалтийско-финских языков и их современное состояние.

Важнейшие особенности этих периодов проявлялись в следующем.

Развитие языковых процессов на первом этапе (1920-е – конец 1930-х годов) обуславливалось сложной общественно-политической и военной обстановкой, сложившейся в Карелии в период гражданской войны, идеями распространения социалистической революции в скандинавских странах, зарождением национальной государственности в Карелии и перспективами ее экономического развития.

Довоенный период был временем целенаправленного вмешательства общегосударственной и региональной власти в процесс языкового строительства, распределения функций языков и их правовой защиты. В угоду политической конъюнктуры языковые права народов решались в условиях ограниченного выбора альтернативных вариантов. Ориентация на финский язык как язык внутрирегиональных и межгосударственных связей изначально была предопределена политическими установками финского руководства Карелии, на первых порах поддержанных Центром. Парадоксальность ситуации состояла в том, что язык меньшинства (финский) стал претендовать едва ли не на доминирующую роль в общественно-политической и культурной жизни республики. Повышение статуса финского языка путем насильственной финизации вызывало сопротивление, приводило к противопоставлению этнокультурных и этноязыковых интересов различных этнических образований (карелов, вепсов – финнов, русских – финнов).

Руководство республики не считало узковариантное решение языковой проблемы (политику финизации) посягательством на языковые права карелов или вепсов. Возражения части карельской культурно-просветительной интеллигенции и управленческой элиты против политики финизации серьезно не воспринимались.

Тем не менее, политика финизации все же не поколебала распространение родных языков в карельской и вепсской среде, не оказала существенного влияния на языковое самосознание карелов и вепсов и не смогла затормозить распространение среди карелов и вепсов национально-русского двуязычия. В 1920–1930-е годы престиж «своего» языка среди карелов и вепсов поддерживался высокой языковой компетенцией и преимущественным общением на нем в самых различных ситуациях, а национально-русское двуязычие еще слабо влияло на степень знания и использования родных языков, на языковую идентичность. В городах, правда, распространение двуязычия уже стало проявляться в увеличении численности карелов с родным русским языком.

В течение второго периода (с середины 1940-х годов до конца 1950-х годов) «вопросы национально-языковой политики в республике фактически были пушены на самотек»¹. Языковая ситуация в республике менялась прежде всего в результате экономических преобразований в карельской деревне – быстрого развития различных отраслей промышленного производства, трудовые ресурсы которых пополнял массовый приток в республику людей разных национальностей. Миграция, коренным образом перестроив сельские этнические среды, превратила районы, села и деревни из однопациональных в национально-смешанные и многонациональные. Бурное развитие лесной промышленности, вызвав значительный отток прибалтийско-финских народов с традиционных мест расселения в инонациональную среду, качественно изменяла модели их языкового поведения. Давление новой этноязыковой среды предопределило переход прибалтийско-финских народов от паритетного двуязычия к более широкому использованию русского языка в самых различных сферах общения. В этом проявлялась одна из наиболее существенных тенденций языковых перемен на селе.

Если в довоенные годы у части карелов, вепсов и финнов и возникали некоторые затруднения с адаптацией к новым языковым реалиям из-за незнания русского языка, то уже в первое послевоенное десятилетие русский язык среди них получил массовое распространение.

Развитие этноязыковых процессов в течение третьего периода (1960 – середина 1980-х годов) происходило на фоне продолжающихся динамично изменяющихся условий языкового сосуществования, миграций, дальнейшей перестройки этнических сред, широкого распространения национально-

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 740.

смешанных браков. Концентрации населения в более крупных поселениях с многонациональным составом населения способствовала массовая ликвидация «неперспективных» деревень, общегосударственная политика сближения и слияния народов, приведшая к резкому сужению сфер функционирования нерусских языков, к «накапливанию» прибалтийско-финскими народами Карелии ассимиляционного потенциала. К концу этого периода встала проблема этнического растворения карелов, вепсов и финнов среди доминирующего русского населения.

Начавшийся с демократизацией общественно-политической жизни четвертый этап привел к «параду суверенитетов», «языковой революции» и огосударствлению многих национальных языков субъектов Российской Федерации. Среди возрожденческих идеологов едва ли не решающее место заняла языковая проблематика. И как бы сегодня не оценивались результаты перестройки, именно со второй половины 1980-х годов ведется отсчет нового времени, времени, когда было заявлено о быстрейшем воссоздании вепсской и карельской письменностей. Широкая общественность впервые узнала о проблемах «непрестижной» вепсской национальности, о трагической и мало кому известной истории ингерманландских финнов, разделивших судьбу многих репрессированных и депортированных народов Советского Союза.

Переоценка итогов советской национальной политики порой приобретала эмоциональный характер. Временами казалось, что эмоции перехлестнут через край и приведут к межнациональной розни и междоусобице вплоть до межнациональных конфликтов. К счастью, Карелия в целом спокойно пережила эти переломные годы.

В реализации задач нового времени огромную роль сыграли возникающие национальные общественные объединения, определившие в своих уставных документах основные проблемы этнокультурного и языкового строительства и взявшие на себя значительную часть трудов по их реализации.

Активисты прибалтийско-финской общественности Карелии уже на начальном этапе этнической мобилизации особое внимание уделяли воссозданию вепсской и карельской письменности, приданию карельскому языку статуса государственного языка².

Решению многих возрожденческих задач способствовало принятие пакета законов, концепций и программ, направленных на их реализацию на основе формирующейся нормативно-правовой базы.

За короткое время была воссоздана вепсская и карельская письменность (на ливвиковском и собственно карельском диалектах), изданы учебники, вепсский и карельский языки начали изучаться в школах. С возрождением вепсской и карельской письменности функциональный статус этих языков существенно возрос в таких сферах как образование, культура, средства массовой информации, издательская деятельность и другие. О функционально возросших возможностях карельского языка свидетельствует образование в феврале 1998 года литературного объединения «Карельское слово», созданное «в целях развития и совершенствования карелоязычной литературы на всех основных диалектах карельского языка и объединения усилий для создания единого литературного языка».

Время показало, что в силу ряда причин объективного и субъективного характера ни создание письменностей, ни принятие серии нормативно-правовых актов и организационно-управленческих решений не дали ожидаемых результатов. Экономический обвал начала 1990-х годов, дефолт конца 1990-х годов оказали сдерживающее воздействие на выполнение «Программы обновления и развития национальной школы», реализацию ряда других программ языковой направленности.

Нередко исполнение принятых структурами власти важных решений, направленных на сохранение и развитие языков, неоправданно затягивалось. Хотя ключевым звеном языкового строительства была признана и остается так называемая «национальная школа», отдел в Министерстве образования республики, курирующий ее развитие, так и не был создан, школа так и не перешла на изучение отдельных предметов на национальном языке. Только в конце 1999 года приступила к работе термино-орфографическая комиссия, вопрос о создании которой был поднят в начале 1990-х годов. Неоправданно долго велась подготовка законопроекта по государственной поддержке карельского, вепсского, финского языков Республики Карелия.

² См. подробнее: Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2005; Вепсы: модели этнической мобилизации. Петрозаводск, 2007.

Школа, на которую возлагались особые надежды в сохранении национальных языков, слабо влияет на расширение коммуникативных возможностей прибалтийско-финских языков и массовое двуязычие не превращается в свершившийся факт.

Без решения триединой задачи – увеличения числа часов, выделяемых на изучение языков, организации непрерывного изучения языка и перехода в преподавании отдельных предметов на этих языках – широкого вовлечения языков в общественно-политическую и культурную жизнь не следует ожидать. Сегодняшняя политика школьного национально-языкового ликбеза, обеспечивая усвоение навыков родной речи, все же не вселяет серьезных надежд на массовое расширение общественных функций карельского или вепсского языков. Небогатый багаж получаемых учащими языковых знаний (не в укор учителям, преподающим эти языки) при психологически не устойчивом и не определившемся отношении родителей к изучаемым детьми национальным языкам поддерживает у последних равнодушное отношение к ним. Современное состояние «национальной» школы скорее создает иллюзию о ее возможностях в сохранении языков на уровне свободного владения ими. Тенденция возвращения национальных языков в семью не прослеживается, а переход к одноязычию явен и сохраняет высокую степень устойчивости. Поскольку возможности школы в сохранении прибалтийско-финских языков остаются ограниченными, ожидать серьезных перемен в повышении языковой компетентности учащихся вряд ли возможно. Высшая школа частично содействует распространению билингвизма, но темпы языковой ассимиляции карелов, вепсов, финнов значительно (многократно) опережают количественное увеличение числа людей, свободно владеющих двумя языками.

В условиях доминирования русского языка, отсутствия достаточной мотивации к устойчивому овладению языком своей национальности, его активному использованию в повседневной социальной практике, вряд ли следует ожидать их сохранения в перспективе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Территория, население Республики Карелия по состоянию на октябрь 2002 года

Дата образования:

8 июня 1920 года – Карельская Трудовая Коммуна

25 июля 1923 года – Карельская АССР

31 марта 1940 года – Карело-Финская ССР

16 июля 1956 года – Карельская АССР

13 ноября 1991 года – Республика Карелия

Столица Республики Карелия – г. Петрозаводск

Территория Республики Карелия, тыс. кв. км – 180,5

Общая численность населения в 2002 году, чел. – 716281

Численность городского населения, чел. – 537395

Численность сельского населения, чел. – 178886

Плотность населения на 1 кв. км, чел. – 4

Городских советов – 3

Районов – 15

Национальных волостей – 1

Численность городов – 13

Численность поселков городского типа – 11

Численность сельских населенных пунктов – 681

Жителей в одном сельском населенном пункте, чел. – 263

**Национальный состав населения Республики Карелия
(по данным переписей населения)**

	1959 год		1970 год		1979 год		1989 год		2002 год	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Городское и сельское население										
Всего	651346	100	713389	100	732060	100	790150	100	716281	100
Русские	412773	63,4	486163	68,1	522152	71,3	581571	73,6	548941	76,6
Карелы	85473	13,1	84168	11,8	81248	11,1	78928	10,0	65651	9,2
Белорусы	71900	11,0	66402	9,3	59378	8,1	55530	7,0	37681	5,3
Украинцы	23569	3,6	27435	3,8	23751	3,3	28242	3,6	19248	2,3
Финны	27829	4,3	22172	3,1	20098	2,7	18420	2,3	14156	2,0
Вепсы	7179	1,1	6323	0,9	5864	0,8	5954	0,8	4870	0,7
Поляки	5200	0,7	4539	0,6	4077	0,5	3022	0,4
Татары	2692	0,4	2603	0,4	2608	0,4	2992	0,4	2628	0,4
Чуваши	1578	0,2	1791	0,3	1726	0,2	1763	0,2	1298	0,2
Литовцы	2936	0,5	1946	0,3	1484	0,2	1458	0,2	1074	0,2
Евреи	1577	0,2	1469	0,2	1203	0,2	719	0,1
Мордва	1428	0,2	1363	0,2	1273	0,2	1179	0,1	808	0,1
Городское население										
Всего	409616	100	490516	100	568388	100	634496	100	537395	100
Русские	296774	72,5	367593	74,9	495999	76,0	495999	77,1	431993	80,4
Карелы	26508	6,5	37596	7,7	48764	7,9	48764	7,6	35689	6,6
Белорусы	34560	8,4	35179	7,2	38266	6,7	38981	6,0	21056	3,9
Украинцы	15177	3,7	15714	3,2	17989	3,2	22692	3,5	14085	2,6
Финны	19964	4,9	17635	3,6	16998	3,0	16096	2,5	10787	2,0
Вепсы	3623	0,9	3523	0,7	3649	0,6	3885	0,6	3238	0,6
Поляки	2845	0,6	2989	0,5	2879	0,4	1796	0,3
Татары	1781	0,4	1707	0,3	1955	0,3	2360	0,4	1920	0,3
Чуваши	652	0,2	847	0,2	1008	0,2	1187	0,2	741	0,1
Литовцы	1096	0,3	1035	0,2	977	0,2	1066	0,2	643	0,1
Евреи	1470	0,3	1412	0,3	1165	0,2	683	0,1
Мордва	1004	0,2	908	0,2	971	0,2	953	0,1	504	0,1
Сельское население										
Всего	241730	100	222935	100	163672	100	146654	100	178886	100
Русские	115999	48,0	118605	53,2	89901	54,9	85572	58,3	116948	65,4
Карелы	58965	24,4	46584	20,9	36540	22,3	30164	20,6	29962	16,7
Белорусы	37340	15,4	31231	14,0	21152	12,9	16549	11,3	16625	9,3
Украинцы	8492	3,5	11726	5,3	5768	3,5	5550	3,8	5163	2,9
Финны	7865	3,3	4359	2,0	3100	1,9	2324	1,6	3369	1,9
Вепсы	3556	1,5	2800	1,3	1300	1,4	2060	1,4	1632	0,9
Поляки	2355	1,1	1550	1,0	1198	0,8	1226	0,7
Татары	911	0,4	896	0,4	654	0,4	632	0,4	708	0,4
Чуваши	926	0,4	944	0,4	718	0,4	576	0,4	557	0,3
Литовцы	1740	0,7	911	0,4	507	0,3	392	0,3	431	0,2
Евреи	110	0,05	61	0,04	38	0,03	22	0,01
Мордва	424	0,2	455	0,2	302	0,2	226	0,2	304	0,2

Примечание. Составлено и рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5, 19/114; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 314, 340, 366; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. Т. IV. М., 1973. С. 138, 327; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 73, 75; Национальный состав населения СССР. Часть II. М., 1989. С. 4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник II. Национальный состав населения. Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 6–16; Текущий архив Карелиястат.

**Численность и родной язык карелов Карелии
(по данным переписей населения)**

	1959 год	1970 год	1979 год	1989 год
Городское и сельское население				
Общая численность населения, чел.	651346	713516	732060	790150
%	100	105,9	112,4	121,3
Численность карелов, чел.	85473	84180	81274	78928
%	100	98,5	96,5	92,3
Доля карелов в населении, %	13,1	11,8	11,1	10,0
Родной язык карельский, чел.	69129	60361	50221	39925
%	80,9	71,7	61,2	50,6
Городское население				
Общая численность, чел.	409616	490516	568388	634496
%	100	119,8	114,6	154,9
Численность карелов, чел.	26508	37596	44708	48764
%	100	141,8	168,7	184,0
Доля карелов в населении, %	6,5	7,7	7,9	7,7
Родной язык карельский, чел.	16429	21652	22435	20775
%	62,0	57,6	50,2	42,6
Сельское население				
Общая численность, чел.	241730	222935	163672	146654
%	100	92,2	67,7	59,4
Численность карелов, чел.	58965	46584	36566	30164
%	100	79,0	62,0	51,2
Доля карелов в населении, %	24,4	20,9	22,3	20,6
Родной язык карельский, чел.	52700	37596	27786	19473
%	89,4	80,7	76,0	64,6

Примечание. Составлено и рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5, 19/114; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 314, 340, 366; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. Т. IV. М., 1973. С. 138, 327; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 73, 75; Национальный состав населения СССР. Часть II. М., 1989. С. 4; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник II. Национальный состав населения. Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 6–16; Текущий архив Карелиястата.

**Численность и родной язык вепсов Карелии
(по данным переписей населения)**

	1959 год	1970 год	1979 год	1989 год
Городское и сельское население				
Общая численность населения, чел.	651346	713516	732060	790150
%	100	105,9	112,4	121,3
Численность вепсов, чел.	7179	5864	5864	5954
Доля вепсов в населении, %	1,0	0,8	0,8	0,75
Родной язык вепсский, чел.	2775	2017	2096	2232
%	36,7	34,4	35,7	37,5
Городское население				
Общая численность, чел.	409616	490516	568388	634496
%	100	119,8	114,6	154,9
Численность вепсов, чел.	3623	3649	3649	3885
Доля вепсов в населении, %	0,9	0,7	0,6	0,6
Родной язык вепсский, чел.	1320	1316	1156	1130
%	36,4	36,1	31,7	29,1
Сельское население				
Общая численность, чел.	241730	222935	163672	146654
%	100	92,2	67,7	59,4
Численность вепсов, чел.	3556	2215	2215	2069
Доля вепсов в населении, %	1,5	1,0	1,4	1,4
Родной язык вепсский, чел.	1455	701	940	1102
%	40,9	31,6	42,4	53,2

Примечание. Составлено и рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 19/114. Л. 25–27, 85, 87, 123, 183; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 302, 306, 310, 314, 340, 364, 366; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР. М., 1973. С. 11, 17, 22, 98–99, 138–139; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 73–75; Национальный состав населения СССР. Часть II. М., 1989. С. 4; Национальный состав населения РСФСР По данным переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 12, 15, 103; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник II. Национальный состав населения. Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 6–16; Текущий архив Карелиястат.

**Численность и родной язык финнов Карелии
(по данным переписей населения)**

	1959 год	1970 год	1979 год	1989 год
Городское и сельское население				
Общая численность населения, чел.	651346	713516	732060	790150
%	100	105,9	112,4	121,3
Численность финнов, чел.	27829	22174	20099	18420
Доля финнов в населении, %	4,3	3,1	2,7	2,3
Родной язык финский, чел.	20643	13546	10027	7524
%	74,2	61,1	49,9	40,8
Городское население				
Общая численность, чел.	409616	490516	586388	634496
%	100	105,9	112,4	121,3
Численность финнов, чел.	19964	17635	16999	16096
Доля финнов в населении, %	4,9	3,6	2,9	2,5
Родной язык финский, чел.	14768	10827	8366	6467
%	74,0	61,4	49,3	40,2
Сельское население				
Общая численность, чел.	241730	222935	163672	146654
%	100	92,2	67,7	59,4
Численность финнов, чел.	7865	4539	3100	2324
Доля финнов в населении, %	3,2	2,0	1,9	1,6
Родной язык финский, чел.	5875	2719	1661	1057
%	74,7	59,9	53,6	45,5

Примечание. Составлено и рассчитано по: НА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5, 19/102, 9/114, 13/76, 24/50, 26/135; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 314, 340, 366; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР. М., 1973. С. 338; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 6–16; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник II. Национальный состав населения. Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 6–16; Текущий архив Карелиястат.

Национальный состав населения Республики Карелия, 2002 год

	Городское и сельское		Городское население		Сельское население	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Все население	716281	100	537395	100	178886	100
в том числе:						
Русские	548941	77,6	431993	80,4	116948	65,4
Карелы	65651	9,2	35689	6,6	29962	16,7
Финны	14156	2,0	10787	2,0	3369	1,9
Вепсы	4870	0,7	3238	0,6	1632	0,9
Азербайджанцы	1753	0,2	1629	0,3	124	0,07
Армяне	1599	0,2	1466	0,3	133	0,07
Башкиры	312	0,04	261	0,05	51	0,02
Белорусы	37681	5,3	21056	3,9	16625	9,3
Болгары	148	0,02	110	0,02	38	0,01
Грузины	540	0,08	505	0,09	35	0,01
Даргинцы	175	0,02	153	0,02	22	0,01
Евреи	719	0,1	683	0,1	36	0,01
Казахи	205	0,03	173	0,02	32	0,01
Коми	354	0,05	292	0,05	62	0,02
Латыши	252	0,04	187	0,03	65	0,02
Литовцы	1074	0,1	643	0,1	431	0,2
Марийцы	362	0,05	283	0,05	79	0,02
Молдаване	628	0,09	440	0,08	188	0,1
Мордва	808	0,1	504	0,09	304	0,2
Немцы	772	0,1	627	1,0	146	0,1
Осетины	142	0,02	125	0,02	17	0,01
Поляки	3022	0,4	1796	0,3	1226	0,7
Татары	2628	0,4	1920	0,4	708	0,4
Удмурты	290	0,4	213	0,2	77	0,02
Украинцы	19248	2,7	14085	2,6	5163	2,9
Цыгане	1098	0,1	799	0,1	299	0,2
Чеченцы	392	0,05	331	0,05	62	0,01
Чуваши	1298	0,2	741	0,1	557	0,3
Эстонцы	257	0,04	187	0,03	70	0,02
Другие национальности	1373	0,2	1191	0,2	182	0,1
Не указавшие национальность	4886	0,7	4754	0,9	132	0,07

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 3–4.

Национальный состав горсоветов и районов Республики Карелия, 2002 год
Городское и сельское население, чел.

Горсоветы, районы	Всего населения	Национальности			
		русские	карелы	вепсы	финны
Горсоветы:					
Петрозаводский	266589	218182	13527	2715	7383
%	100	81,8	5,1	1,0	2,8
Костомукшский	30250	23269	2424	45	293
%	100	76,9	8,0	0,1	1,0
Сортавальский	35596	28774	1128	72	411
%	100	80,8	3,2	0,2	1,2
Районы:					
Беломорский	24003	19564	1451	18	145
%	100	81,5	6,0	0,1	0,6
Калевальский	10628	4925	3820	6	86
%	100	46,3	35,9	0,06	0,8
Кемский	20685	17031	1201	19	188
%	100	82,3	5,8	0,1	0,9
Кондопожский	44582	35919	3574	190	1192
%	100	80,6	8,0	0,4	2,7
Лахденпохский	16391	13525	348	17	115
%	100	82,5	2,1	0,1	0,7
Лоухский	20128	14366	3071	20	171
%	100	71,4	15,2	0,1	0,8
Медвежьегорский	38388	31599	2523	48	293
%	100	82,3	6,6	0,1	0,8
Муезерский	16556	9610	2155	27	275
%	100	58,0	13,0	0,2	2,0
Олонецкий	27034	8748	16402	29	277
%	100	32,4	60,7	0,1	1,0
Питкярантский	23844	17405	1928	84	645
%	100	73,0	8,1	0,4	2,7
Прионежский	18597	14998	925	159	583
%	100	80,6	5,0	0,9	3,1
Пряжинский	18224	8408	6715	84	1141
%	100	46,1	36,8	0,5	6,3
Пудожский	27538	23982	234	25	80
%	100	87,1	0,8	0,1	0,3
Сегежский	50054	40708	1688	65	558
%	100	81,3	3,4	0,1	1,1
Суоярвский	24028	16311	2463	38	282
%	100	67,9	10,3	0,2	1,2
Вепсская волость	3166	1617	78	1205	38
%	100	51,1	2,5	38,1	1,2

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 6–24.

Национальный состав горсоветов и районов Республики Карелия, 2002 год
Городское население, чел.

Горсоветы, районы	Всего населения	Национальности			
		русские	карелы	вепсы	финны
Горсоветы:					
Петрозаводский	266160	217875	13471	2712	7368
%	100	81,9	5,1	1,0	2,8
Костомукшский	29746	23141	23141	43	287
%	100	77,8	7,0	0,1	1,0
Сортавальский	27527	22871	830	50	321
%	100	83,1	3,0	0,2	1,2
Районы:					
Беломорский	13103	11429	402	7	32
%	100	87,2	3,1	0,05	0,2
Калевальский	5578	2567	2265	2	48
%	100	46,0	40,6	0,04	0,9
Кемский	14620	12493	561	13	97
%	100	85,5	3,8	0,1	0,7
Кондопожский	34863	29109	1976	158	972
%	100	83,5	5,7	0,5	2,8
Лахденпохский	8751	7300	222	17	67
%	100	83,4	2,5	0,2	0,8
Лоухский	12584	9570	1501	10	103
%	100	76,0	11,9	0,1	0,8
Медвежьегорский	25081	21418	998	32	186
%	100	85,4	4,0	0,1	0,7
Муезерский	4007	2525	462	6	71
%	100	63,0	11,5	0,1	1,8
Олонецкий	10240	3720	5727	10	126
%	100	36,3	55,9	0,1	1,2
Питкярантский	13347	9825	1176	58	357
%	100	73,6	8,8	0,4	2,7
Прионежский	—	—	—	—	—
%	—	—	—	—	—
Пряжинский	4269	2206	1460	24	146
%	100	51,7	34,2	0,6	3,4
Пудожский	10632	9721	99	10	28
%	100	91,4	0,9	0,1	0,3
Сегежский	45287	37500	1489	63	480
%	100	82,8	3,3	0,1	1,1
Суоярвский	11600	8723	862	25	98
%	100	75,2	7,4	0,2	0,8
Вепсская волость	—	—	—	—	—
%	—	—	—	—	—

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 6–24.

Национальный состав горсоветов и районов, 2002 год
Сельское население, чел.

Горсоветы, районы	Всего населения	Национальности			
		русские	карелы	вепсы	финны
Горсоветы:					
Петрозаводский	429	307	56	3	15
%	100	71,6	13,1	0,7	3,5
Костомукшский	504	128	336	–	6
%	100	25,4	66,7	–	1,2
Сортавальский	8069	5903	296	22	90
%	100	73,2	3,7	0,3	1,1
Районы:					
Беломорский	10900	8135	1049	11	113
%	100	74,6	9,6	0,1	1,0
Калевальский	5050	2358	1555	4	38
%	100	46,7	30,8	0,08	0,7
Кемский	6065	4538	640	6	91
%	100	74,8	10,5	0,1	1,5
Кондопожский	9719	6810	1598	32	220
%	100	70,1	16,4	0,3	2,3
Лахденпохский	7640	6225	126	4	48
%	100	81,5	1,6	0,05	0,6
Лоухский	7544	4796	1570	10	68
%	100	63,6	20,8	0,1	0,9
Медвежьегорский	13307	10181	1525	16	107
%	100	76,5	11,5	0,1	0,8
Муезерский	12549	7085	1693	21	204
%	100	56,5	13,5	0,2	1,6
Олонецкий	16794	5028	10575	19	151
%	100	29,9	63,0	0,1	0,9
Питкярантский	10497	7580	750	28	288
%	100	72,2	7,1	0,3	2,7
Прионежский	18597	14998	925	159	583
%	100	80,6	5,0	0,9	3,1
Пряжинский	13955	6202	5256	60	995
%	100	44,4	37,7	0,4	6,8
Пудожский	16906	14261	135	15	52
%	100	84,4	0,8	0,01	0,3
Сегежский	4767	3208	199	2	78
%	100	67,3	4,2	0,04	1,6
Суоярвский	12428	7588	1601	13	184
%	100	61,1	12,9	0,1	1,5
Вепсская волость	3166	1617	78	1205	38
%	100	51,1	2,5	38,1	1,2

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 6–24.

Возрастно-половая структура карелов Республики Карелия, 2002 год

Возраст	Город и село			Город			Село		
	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
Всего	65651	28947	36704	35689	15101	20588	29962	13816	16116
%	100			54,3			45,7		
%	100	44,0	56,0	100	42,3	57,3	100	46,1	53,9
0-4	2041	1086	955	1041	566	475	1000	520	480
5-9	1994	999	995	928	460	468	1055	539	527
10-14	3702	1928	1774	1873	943	930	1829	985	844
15-17	2676	1455	1231	1521	784	737	1155	661	494
18-19	1374	631	743	960	409	551	414	222	192
20-24	4545	2245	2300	2920	1379	1579	1625	866	759
25-29	4656	2210	2446	2963	1347	1616	1693	853	830
30-34	3721	1824	1897	2219	1057	1162	1502	767	735
35-39	4728	2360	2368	2630	1199	1431	2098	1161	937
40-44	2689	3287	3502	3585	1618	1957	3204	1669	1535
45-49	6823	3212	3611	3612	1545	2067	3211	1667	1544
50-54	5440	2440	3000	3131	1338	1793	2309	1102	1207
55-59	2256	952	1304	1344	544	800	912	408	504
60-64	2975	1098	1877	1551	551	1000	1424	547	877
65-69	3943	1275	2667	1872	589	1283	2071	687	1384
70 и более	7986	1854	6032	3537	772	2765	4449	1182	3267
не указан	2	—	2	2	—	2	—	—	—

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. Книга 1. Итоги Всероссийской переписи населения. М., 2004. С. 291; Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 30.

Возрастно-половая структура финнов Республики Карелия, 2002 год

Возраст	Город и село			Город			Село		
	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
Всего	14156	6319	7837	10787	4744	6043	3369	1575	1794
%	100			75,2			24,8		
%	100	44,6	55,4	100	43,9	56,1	100	46,7	53,3
0-4	386	209	187	298	155	143	98	54	44
5-9	384	207	177	300	160	140	84	47	37
10-14	664	333	331	492	245	247	172	88	84
15-17	513	244	269	400	195	205	113	49	64
18-19	328	166	162	255	126	129	73	40	33
20-24	1165	584	581	958	464	494	207	120	87
25-29	1222	593	629	1021	482	539	201	111	90
30-34	772	381	391	635	318	317	137	63	74
35-39	792	381	411	619	281	338	173	100	73
40-44	1128	536	592	837	390	447	291	146	145
45-49	1347	651	696	1011	465	546	336	186	150
50-54	1290	628	662	955	465	490	335	163	172
55-59	513	222	291	402	162	240	111	60	51
60-64	717	279	438	558	211	347	159	68	91
65-69	894	323	571	644	232	412	250	91	159
70 и более	2031	582	1449	1402	393	1009	629	189	440

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав и владение языками, гражданство Т. 4. Книга 1. Итоги Всероссийской переписи населения. М., 2004. С. 294; Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 33.

Возрастно-половая структура вепсов Республики Карелия, 2002 год

Возраст	Город и село			Город			Село		
	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.
Всего	4870	1963	2907	3238	1249	1989	1632	714	918
%	100			66,4			33,6		
%	100	40,3	59,7	100	38,5	61,5	100	43,7	56,3
0–4	112	59	53	67	39	28	45	20	25
5–9	93	51	42	61	37	24	32	14	18
10–14	198	105	93	118	64	54	80	41	39
15–17	186	85	101	119	52	67	67	33	34
18–19	105	33	72	87	25	62	18	8	10
20–24	341	158	183	266	115	151	75	43	32
25–29	315	152	163	237	105	132	78	47	31
30–34	217	103	114	154	77	77	63	26	37
35–39	282	134	148	170	80	90	112	54	58
40–44	337	177	160	207	97	110	130	80	50
45–49	457	211	246	299	125	174	158	86	72
50–54	400	201	249	329	142	187	121	59	62
55–59	169	69	100	129	52	77	40	17	23
60–64	381	124	257	236	79	157	145	45	100
65–69	392	120	272	241	63	178	151	57	94
70 и более	834	181	653	517	97	420	317	84	233
не указан	1	–	1	1	–	1	–	–	–

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав и владение языками, гражданство Т. 4. Книга I. Итоги Всероссийской переписи населения. М., 2004. С. 295; Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 34.

**Распространенность владения русским языком среди карелов, вепсов, финнов,
финнов-ингерманландцев, 2002 год**

	Всего чел.	Владеют русским языком		Не владеют русским языком	
		чел.	%	чел.	%
Российская Федерация					
Вепсы					
Город и село	8240	8235	99,9	5	0,1
Город	4624	4622	99,96	2	0,04
Село	3616	3613	99,9	3	0,1
Карелы					
Город и село	93344	93184	99,8	160	0,2
Город	52205	52138	99,9	67	0,1
Село	41139	41046	99,8	93	0,2
Финны					
Город и село	34050	33931	99,7	119	0,3
Город	23484	23391	99,6	93	0,4
Село	10566	10540	99,8	26	0,2
Финны-ингерманландцы					
Город и село	314	314	100	—	—
Город	274	274	100	—	—
Село	40	40	100	—	—
Республика Карелия					
Вепсы	4870	4869	99,98	1	0,02
Карелы	65651	65546	99,8	5	0,2
Финны	14156	14138	99,9	8	0,1
Ингерманландцы	154	154	100	—	—
Ленинградская область					
Вепсы	2019	2016	99,9	3	0,1
Карелы	2057	2052	99,8	5	0,2
Финны	7930	7905	99,7	25	0,3
Ингерманландцы	35	35	100	—	—
г. Санкт-Петербург					
Вепсы	318	317	99,9	1	0,1
Карелы	2142	2133	99,6	9	0,4
Финны	3980	3938	98,9	43	1,1
Ингерманландцы	71	71	—	—	—
Вологодская область					
Вепсы	426	426	—	—	—
Карелы	212	212	—	—	—
Финны	300	299	99,9	1	0,1
Ингерманландцы	3	3	—	—	—

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. Книга 1. Итоги Всероссийской переписи населения. М., 2004. С. 21, 24, 49, 51–52, 56–57; Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 25–26.

**Распространенность владения карельским, вепским, финским языками среди представителей
других национальностей, 2002 год**

	Владеют языками					
	карельским	%	финским	%	вепским	%
Российская Федерация	52880	100	51891	100	5753	100
<i>в том числе:</i>						
русские	6712	12,7	25274	48,7	н/св.	н/св.
белорусы	215	0,4	440	0,8	н/св.	н/св.
украинцы	124	0,2	533	1,0	н/св.	н/св.
чуваши	12	0,02	46	0,08	н/св.	н/св.
татары	11	0,02	192	0,4	н/св.	н/св.
марийцы	—	—	113	0,4	н/св.	н/св.
Республика Карелия	35086	100	22813	100	2295	100
<i>в том числе:</i>						
карелы	31794	90,6	9197	40,3	46	1,6
финны	404	1,2	5770	25,3	21	0,9
вепсы	58	0,2	227	1,0	1849	80,6
русские	2470	7,0	6958	30,5	359	15,6
белорусы	177	0,5	252	1,0	5	0,2
украинцы	105	0,3	173	0,8	3	0,1
лица других национальностей	72	0,2	228	0,1	12	0,5

Примечание. Составлена и рассчитана по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Книга 1. М., 2004. С. 123, 126, 127, 130, 145; Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 27–28.

В Российской Федерации (кроме Республики Карелия) карельским языком владели: мордва (7 чел.), осетины (5), лезгины (4), азербайджанцы, армяне, удмурты, чеченцы (по 2 чел.), башкиры, буряты, немцы, казахи, ингуши (по 1 чел.), финским языком владели: мордва (172 чел.), удмурты (78), армяне (76), азербайджанцы (29), башкиры (23), осетины (21), казахи (18), чеченцы (14 чел.), кабардинцы (12), лезгины, аварцы (по 8 чел.), даргинцы, ингуши (по 7 чел.), якуты (5 чел.), буряты, кумыки (по 2 чел.). Данных о владении вепским языком нет.

**Владение карелами, вепсами, финнами языками народов России, стран СНГ
и Дальнего зарубежья, 2002 год**

	Карелы		Вепсы		Финны	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Численность, чел.	65651	100	4870	100	14156	100
Владеют языками:						
Азербайджанским	3	—	—	—	—	—
Английским	3202	4,8	335	6,8	1161	8,2
Армянским	—	—	—	—	1	...
Белорусским	22	0,03	—	—	1	...
Болгарским	—	—	2	—	0,04	—
Вепским	46	0,07	1849	37,9	21	0,1
Испанским	6	0,01	—	—	4	0,03
Итальянским	6	0,01	2	0,04	2	0,01
Казахским	—	—	—	—	2	0,01
Карельским	31794	48,4	56	1,1	404	2,8
Коми	—	—	—	—	2	0,01
Латышским	3	...	—	—	3	0,02
Литовским	9	0,01	—	—	—	—
Марийским	1	...	—	—	—	—
Немецким	465	0,7	69	1,4	232	1,6
Польским	16	0,02	—	—	4	0,03
Русским	65546	99,8	4869	99,9	14136	99,8
Талышским	—	—	—	—	1	...
Татарским	6	0,01	1	0,04	1	...
Турецким	1	...	—	—	—	—
Узбекским	2	...	—	—	1	...
Украинским	63	0,1	6	0,1	10	0,07
Финским	9197	14,0	227	5,6	5770	40,7
Французским	84	0,1	13	0,2	38	0,3
Цыганским	7	0,01	1	0,04	1	...
Чеченским	1	...	—	—	—	—
Чувашским	2	...	—	—	1	...
Шведским	26	0,03	4	0,08	41	0,3
Эстонским	54	0,08	4	0,08	292	2,0
Другими языками	36	0,05	10	0,2	20	0,1

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 27–28.

**Численность и расселение карелов, вепсов, финнов, финнов-ингерманландцев
России по федеральным округам и субъектам федерации, 2002 год**

	Карелы, чел.	Вепсы, чел.	Финны, чел.	Финны-ингерманландцы, чел.
Российская Федерация	93344	8240	34050	314
к общей численности, %	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>в том числе по округам:</i>				
Федеральные округа				
Северо-Западный:	73616	7854	27950	274
к общей численности, %	78,8	95,3	82,0	87,2
<i>в том числе:</i>				
Республика Карелия	65651	4870	14156	154
Республика Коми	341	7	207	2
Архангельская область	388	31	154	—
Ненецкий АО	5	—	3	—
Ленинградская область	2057	2019	7930	35
г. Санкт-Петербург	2142	318	3980	71
Вологодская область	212	426	300	3
Калининградская область	176	18	84	1
Мурманская область	2203	128	426	3
Новгородская область	282	15	354	2
Псковская область	159	22	356	3
Центральный	16459	92	1385	15
к общей численности, %	17,6	1,1	4,0	4,7
<i>в том числе:</i>				
Белгородская область	36	4	44	—
Брянская область	50	2	12	—
Владимирская область	86	3	43	—
Воронежская область	57	5	33	—
Ивановская область	53	—	24	—
Калужская область	65	3	34	—
Курская область	40	2	24	—
г. Москва	568	25	400	10
Московская область	480	20	228	3
Орловская область	28	—	12	—
Рязанская область	70	4	40	—
Смоленская область	63	2	25	—
Тамбовская область	1	1	15	—
Тверская область	14633	11	305	1
Тульская область	48	1	33	—
Ярославская область	141	7	113	1
Приволжский	956	52	758	9
к общей численности, %	1,0	0,6	2,2	0,3
<i>в том числе:</i>				
Республика Башкортостан	53	5	76	—
Республика Мари Эл	27	2	10	—
Республика Мордовия	30	1	17	3
Республика Татарстан	91	—	—	—
Удмуртская Республика	28	—	65	—
Чувашская Республика	39	3	28	—
Кировская область	72	8	46	1
Нижегородская область	114	10	77	3
Оренбургская область	59	4	35	—
Пензенская область	25	—	35	—
Пермская область	120	6	173	—
Коми-Пермяцкий АО	5	—	11	—
Самарская область	167	7	104	1
Саратовская область	89	5	50	1
Ульяновская область	37	1	31	—
Южный	678	29	495	5
к общей численности, %	0,7	0,3	1,4	0,2
<i>в том числе:</i>				
Республика Адыгея	18	—	18	—
Республика Дагестан	9	2	6	—

Окончание табл.

Республика Ингушетия	23	—	—	—
Кабардино-Балкария	17	—	17	—
Республика Калмыкия	3	—	9	—
Карачаево-Черкесия	16	1	8	1
Краснодарский край	194	15	165	—
Осетия-Алания	12	1	5	—
Чеченская Республика	9	—	4	—
Астраханская область	22	—	25	—
Волгоградская область	123	1	78	—
Ростовская область	146	4	96	1
Ставропольский край	86	5	64	3
Уральский	670	32	1217	5
к общей численности, %	0,7	0,3	0,4	—
в том числе:				
Курганская область	32	—	—	—
Свердловская область	201	15	220	2
Тюменская область	180	8	455	1
Ханты-Мансийский АО	84	2	194	—
Ямало-Ненецкий АО	45	1	107	1
Челябинская область	128	6	241	1
Сибирский	819	134	2043	5
к общей численности, %	0,8	1,6	6,0	—
в том числе:				
Республика Алтай	—	—	12	—
Республика Бурятия	21	—	21	1
Республика Тыва	2	1	3	—
Республика Хакасия	23	—	140	—
Алтайский край	67	5	82	1
Красноярский край	132	10	635	—
Таймырский АО	5	—	12	—
Иркутская область	109	17	245	—
Кемеровская область	276	83	307	2
Новосибирская область	41	10	191	—
Омская область	83	2	343	1
Томская область	39	3	51	—
Читинская область	20	3	13	—
Агинский Бурятский АО	1	—	—	—
Дальневосточный	218	22	408	2
к общей численности, %	0,2	0,2	1,1	—
в том числе:				
Республика Якутия (Саха)	29	7	207	1
Приморский край	61	6	52	—
Хабаровский край	46	5	53	—
Амурская область	30	—	21	—
Камчатская область	13	2	25	1
Корякский АО	—	1	1	—
Магаданская область	8	—	19	—
Сахалинская область	28	1	23	—
Еврейский АО	3	—	7	—

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. Кн. 1. С. 25–123.

**Состояние брачности карелов, вепсов, финнов Республики Карелия в возрасте 15 лет и старше,
2002 год**

	Всего чел.	В том числе				
		состоят в браке	никогда не состояли в браке	вдовы	разошедшиеся	не ответившие
Городское и сельское население						
Мужчины						
Карелы	24425	15805	2130	1002	1977	12
%	100	64,7	8,7	4,1	8,1	
Вепсы	1716	1173	133	78	199	—
%	100	68,4	7,8	0,5	11,6	
Финны	5476	3589	418	249	413	4
%	100	65,5	7,6	4,5	7,5	
Женщины						
Карелы	32544	16826	4756	7999	2956	7
%	100	51,7	14,6	24,6	9,1	
Вепсы	2683	1228	431	781	243	—
%	100	45,8	16,1	29,1	9,1	
Финны	7038	3355	1281	1576	822	4
%	100	47,7	18,2	22,4	11,7	
Городское население						
Мужчины						
Карелы	12870	8645	2847	433	942	3
%	100	67,2	22,1	3,4	7,3	
Вепсы	1090	781	200	45	64	—
%	100	71,5	18,3	4,1	5,9	
Финны	4112	2700	934	157	320	1
%	100	65,7	22,7	3,8	7,8	
Женщины						
Карелы	18502	9502	3120	3882	1955	3
%	100	51,4	16,9	21,0	10,6	
Вепсы	1863	833	338	505	187	—
%	100	44,7	18,1	27,1	10,0	
Финны	5433	2574	1049	1110	679	3
%	100	47,4	19,3	20,4	12,5	
Сельское население						
Мужчины						
Карелы	11555	7160	2782	569	1035	9
%	100	62,0	24,0	4,9	9,0	
Вепсы	626	392	147	33	54	—
%	100	62,6	23,5	5,3	8,6	
Финны	1364	889	287	92	93	3
%	100	65,2	21,0	6,7	6,8	
Женщины						
Карелы	14042	7324	1636	4117	961	4
%	100	52,2	11,7	29,3	6,8	
Вепсы	820	395	93	276	56	—
%	100	48,2	11,3	33,6	6,8	
Финны	1605	781	232	466	125	1
%	100	48,7	14,5	29,0	7,8	

**Уровень образования карелов, вепсов, финнов Республики Карелия в возрасте 15 лет и старше,
2002 год**

Образование	Карелы	%	Вепсы	%	Финны	%
Городское и сельское население						
Численность в возрасте 15 лет и старше, чел.	57912	100	4466	100	12712	100
<i>профессиональное</i>	34084	58,9	2621	58,7	7915	62,3
послевузовское	66		8		35	
высшее	5969		535		1916	
неполное высшее	1009		116		327	
среднее	14817		1153		3542	
начальное	12223		809		2095	
<i>общее</i>	23088	39,7	1803	40,4	4680	36,8
среднее полное	7077		533		1613	
основное	8659		689		1588	
начальное	7352		581		1479	
<i>не имеют начального</i>	726	1,3	42	1,6	115	1,5
<i>не указали образования</i>	14		—			2
Городское население						
Численность в возрасте 15 лет и старше, чел.	31845	100	2991	100	9697	100
<i>профессиональное</i>	20808	65,3	1890	63,2	6361	65,6
послевузовское	58		8		33	
высшее	4584		456		1711	
неполное высшее	804		100		303	
среднее	9386		890		2868	
начальное	5976		436		1446	
<i>общее</i>	10837	34,0	1076	36,0	3276	33,8
среднее полное	4219		355		1280	
основное	4043		425		1106	
начальное	2575		296		890	
<i>не имеют начального</i>	193	0,6	25	0,8	59	0,6
<i>не указали образования</i>	7		—			1
Сельское население						
Численность в возрасте 15 лет и старше, чел.	26067		1475		3015	
<i>профессиональное</i>						
послевузовское	8		—		2	
высшее	1385		79		205	
неполное высшее	205		16		24	
среднее	5431		263		674	
начальное	6247		373		649	
<i>общее</i>						
среднее полное	2859		178		333	
основное	4616		264		482	
начальное	4777		285		589	
<i>не имеют начального</i>	533		17		56	
<i>не указали образования</i>	7		—		1	

Примечание. Составлено и рассчитано по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. М., 2004. С. 1442–1444; Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. Петрозаводск, 2005. С. 42–43.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Предисловие	4
Прибалтийско-финские народы Карелии в зеркале переписи 1959 года	9
Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения)	17
Развитие языковых процессов в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского городского населения)	23
Национально-культурные ориентации карельского городского населения	32
Прибалтийско-финские народы Карелии в зеркале переписей 1970–1979 годов	41
Языковая ситуация в карельской сельской среде (по материалам социологического исследования 1979 года)	50
Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карелов, вепсов, финнов)	57
Этнодемографические «портреты» прибалтийско-финских народов Карелии в зеркале переписи 1989 года	65
Быть ли в Карелии карельскому и вепсскому языкам?	80
Международное право и языковые права народов	88
В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карелов, вепсов, финнов Республики Карелия	104
Вепсы: современная этноязыковая ситуация (по данным социологического исследования 2002 года)	130
Карелы: современная этноязыковая ситуация (по данным социологического исследования 2002 года)	135
Прибалтийско-финские народы Карелии по переписи 2002 года	146
Современная языковая ситуация и национальная школа	154
Реализация права на сохранение родного языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы	159
Языковое право и образовательная политика (на примере Республики Карелия)	165
Вместо заключения	174
Приложение	177

Научное издание

Евгений Иванович Клементьев

**ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ
НА ПРИМЕРЕ КАРЕЛОВ, ВЕПСОВ, ФИННОВ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Редактор *М. А. Радостина*
Оригинал-макет *Н. Н. Сабанцева*

Сдано в печать 10.10.2013. Формат 60х84 ¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 22,07. Усл. печ. л. 22,78. Тираж 300.
Изд. № 384. Заказ № 161.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50